

МАРКОВ
Сергей Леонидович
1878–1918

МАРКОВ

Владимир Рынкевич

НАУКА УМИРАТЬ

РОМАН

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва
Астрель
Транзиткнига
2005

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р 95

Оформление
В. И. Харламова

Владимир Рынкевич

Рынкевич, В. П.
Р 95 Марков: Наука умирать: роман / Владимир Рынкевич. — М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. — 445, [3] с.: ил. — (Белое движение).

ISBN 5-17-027121-2 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-10542-3 (ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 5-9578-1320-6 (ООО «Транзиткнига»)

Новый роман современного писателя Владимира Рынкевича посвящен одному из самых ярких деятелей Белого Движения, генерал-лейтенанту С. Л. Маркову (1878—1918).

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Подписано в печать 25.04.2005. Формат 84×108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52.
Тираж 5 000 экз. Заказ № 248.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.2005

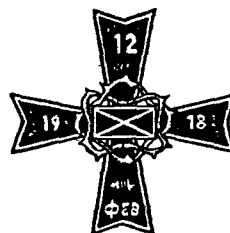
ISBN 5-17-027121-2
(ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-10542-3
(ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 5-9578-1320-6
(ООО «Транзиткнига»)

© В. П. Рынкевич, 2005
© ООО «Издательство Астрель», 2005

ISBN 5-17-027121-2

Белая гвардия, путь твой высок:
Черному дулу — грудь и висок.
М. Цветаева

БЕССМЫСЛЕННО И БЕСПОЩАДНО

е довелось еще видеть, как расстреливают, вешают, закалывают штыками; на Русско-японской и Германской не старался вникать в страдания умирающих, а болезненной игрой воображения о чувствах обреченных не грешил. Читая лекции в Академии Генерального штаба, упоминал о десятках и сотнях тысяч смертей, но слово «смерть» в лекциях не употреблялось, а входило в арифметическую сумму: «А наши потери в Полтавском сражении составили всего 1345 убитых и 3290 раненых...» Не скрывал радостной интонации, и слушатели радовались вместе с ним: всего 1345!

И вдруг самому осталось жить всего несколько часов. Сердце и мозг словно бы уже начали умирать: то и дело раздирала рот нервическая зевота, и никаких мыслей о планах спасения. Невидимая тяжесть грядущего придавливала к нарам — он даже не мог сделать три шага по камере, не хотел глянуть на свет божий, отделенный от него решеткой и замусоленным стеклом: прошел ли дождь, появилось ли солнце?

В окно камеры любили заглядывать солдаты, со злорадством выкрикивавшие грязные сквернословия, показывавшие петлю, приготовленную для него, демонстрирующие грязные кулаки.

Напротив тюрьмы высокий дом, и каждый вечер там открывается окно, и кто-то поет громким тенором:

Последний нонешний денечек
Гуляю с вами я, друзья...

Фронтальной друг и начальник генерал Деникин, страдающий в соседней камере и так же одолеваемый солдатами, однажды не выдержал, вскочил и закричал:

— Ты лжешь, солдат! Ты не свое говоришь. Если ты не трус, прячущийся в тылу, если ты был в боях, видел, как умели сражаться и умирать твои офицеры...

Тот солдат исчез, но появились другие, такие же злобные и кровожадные. Они кричали: «Продался немцам! За 20 тысяч фронт хотел открыть! Попил нашей кровушки, покомандовал, теперь наша воля — сам посиди за решеткой. Недолго тебе осталось! Не будем ждать, пока сбежишь, — сами, своими руками задушим!»

Сегодня у окон никого — все на митинге. Несколько тысяч солдат, одуревших от самогона и революционных лозунгов, орут и машут винтовками и кулаками, требуя расправы над предателями-генералами. Что они хотят? Убить? Растерзать? Разорвать на части? Осквернить трупы? Превратить в грязное ничто и бывшего командующего Юго-Западным фронтом генерал-лейтенанта Деникина, и бывшего начальника штаба фронта генерал-лейтенанта Маркова, и других генералов.

Марков лежал на боку, пытаясь преодолеть нервическую зевоту, и смотрел на графин с водой, стоявший на дощатом столе. Этим графином вполне можно проломить голову первому убийце, ворвавшемуся в камеру, и тогда ожесточенные его товарищи убьют быстро, не мучая...

Некоторые охранники относились к русским генералам сочувственно: двое пленных австрийцев, один русский солдат из финляндских стрелков... Сегодня они исчезли, остались одни держиморды. Вот один взревел на кого-то у входа, в конце коридора: «Сказано: не велено, и пошел ты...! А чего мне подпись? Я на нее...!»

— На подпись комиссара фронта Иорданского?

— Сказал бы сразу, а то прут в двери без спросу. Проходите. Вон там, в конце, Марков. Камера №2.

Уже за ним? Сергей Леонидович сел на нарах, кое-как поправил прическу. В камеру вошел поручик в годах, видно, не из кадровых, а фронтальной. Примерно ровесник — лет около сорока. Крестик с веточкой, нашивка за ранение, очки, бритый. Почему-то сложилось: раз бритый, значит, красный. Вошедший снял фуражку и очки, и Марков вспомнил Маньчжурию, чужое желтое солнце, заволакиваемое тучами зимней въедливо холодной пыли, и несчастливую операцию под Сандепу.

— Поручик Линьков Михаил Георгиевич, — представился вошедший. — Помните?

— Вспомнил. В Манчжурии вы были вольноопределяющимся.

Тогда, помнится, был большой и неприятный разговор с путаником-вольнодумцем, как показалось в ту пору, теперь же ставшим победителем-революционером. Будет упиваться своей правотой? Или уже объявит приговор? Если умирать, то не этому же последнее слово. Нагрубить? Прогнать?

Столько пережито унижений. И вот смерть у порога, но не может Сергей Марков набрасываться на человека со злобой и ненавистью. Со времен кадетского корпуса в Лефортове, где липы над зеленым прудом еще помнят Великого Императора¹, он понял, что в этой трудной жизни становится легче, если ты не лезешь на рожон, а готов с каждым быть приветливым. Линькову он тоже улыбнулся, но если бы Марков мог посмотреть в зеркало, то увидел бы не улыбку, а жалобную гримасу смертника.

— А вы были штабс-капитаном генштабистом.

— И мы с вами не сошлись во взглядах на будущее России. Получилось по-вашему. Наверное, я должен вас поздравить? Вот и парламент митингует на площади, решая, что делать с генералом Марковым: расстрелять или повесить? О таком парламенте вы мечтали?

Малиновый морозный рассвет вставал над чужой землей, над гаоляновым полем и брошенными фанзами, и не

терпеливый штабс-капитан — всего несколько месяцев из Академии — спешил увидеть результаты ночного боя, когда 1-й Сибирский стрелковый захватил деревню. Подгонял шпорами своего монгола, прыгающего по грядкам гаоляна и цепляющегося задними ногами за острые концы срезанных стеблей. Подъехав к деревне, штабс-капитан спешил, привязал лошадь к изгороди. Подошел к фанзам. Вокруг — никого, лишь впереди, за покрытой льдом речкой, копошились серые шинели.

Это было 12 января 1905. Начало операции под Сандепу. Позже, в своей книге «Сандепу» он писал:

«... и вновь наткнулись на ужасную картину убийства людей друг другом. Страшны, жутки, непонятны эти разбросанные, изувеченные, полураздетые трупы; ужасны раны, позы мертвых и умирающих. Вон у входа лежит навзничь опрокинутый, в одном белье, с открытыми застывшими глазами, сломанной винтовкой в руках молодой японец; а здесь в стороне целых три трупа — беспорядочно наваленных черных человечков, кажущихся еще миниатюрнее, чем при жизни. Сквозь выломанную раму фанзы несутся ноющие, слабые стоны недобитых, искалеченных существ...»

Из-за угла злополучной фанзы, из которой долетали предсмертные стоны, выпел вольнонаемный в очках, в новой шинели, с винтовкой в руке и сказал, кивая на скрючившийся у его ног окровавленный труп японца:

— Этого я добил, господин штабс-капитан, — мучился бедняга за Великую Японию. В фанзе еще есть живые. Слышите — стонут? Не хочется туда лезть — санитары должны прийти. Разрешите представиться, вольноопределяющийся 1-го Восточно-Сибирского полка Линьков.

Они вдвоем прошлись по деревне, разглядывая трупы японцев, некоторые валялись в одном белье.

— Китайцы раздевают, — сказал Линьков. — Напим японские мундиры малы.

— Наших подобрали? — спросил Марков. — Может, их и не было? Внезапная ночная атака.

— Были. Я же участвовал. Один и сейчас лежит. Не нашли в кустах.

Русский солдат лежал на спине, с корками застывшей крови на груди, присохшими к серой шинели. Простое мужицкое лицо, светлые стеклышки открытых ледяных глаз, на лице — покой отмучавшегося.

— Пригнали откуда-то с Рязанщины или Смоленщины, приказали убивать японцев, — сказал Линьков. — Он честно выполнял приказ.

— За Великую Россию, — осторожно сказал Марков, не утверждая и не спрашивая.

— Вы так считаете, господин штабс-капитан? А я думаю, что если б этот солдат знал, за что приходится умирать, он бы и винтовку давно бросил.

— Не понимаю вас, вольноопределяющийся.

— Сражаемся за то, что не нужно ни этому мужику, ни нам с вами.

— Такова наша доля солдатская, — попытался Марков смягчить вольнодумный разговор, — И прежде сражались за какое-нибудь испанское наследство. Помните историю?

— История движется. Люди стали интересоваться, за что воюют, за что голодают? Вы, конечно, читаете телеграммы из Петербурга? Знаете, что произошло 9 января?²

— По телеграммам трудно разобраться.

— Мне из-за речки уже машут — зовут. На прощанье скажу вам, что в одной редкой газетке прочитал: падение Порт-Артура есть начало падения царского самодержавия. До свиданья, господин штабс-капитан. Может быть, еще встретимся, поговорим.

«Столичный болтун», — подумал тогда о нем Марков. Даже среди офицеров иной раз услышишь о том, как царя, в бытность его наследником, в Японии били бамбуковой палкой по голове. Не любит русский человек начальства.

Это был единственный успешный день операции под Сандепу. Введи Куропаткин³ в бой 2-ю и 3-ю армии, как планировалось в диспозиции... Но он, конечно, не ввел, и вообще все делалось не так, как учили в Академии. Вместо отвлекающего боя в стороне от главного удара начали атаковать на главном направлении...

Уже 15 января Куропаткин приказал не просто прекратить наступление, а... отступать! Генштабистов разослали

по дорогам в качестве колонновожатых, наблюдателей, маяков. Маркову поручили контролировать движение колонны на выходе из деревни Тутайцзы. Почти всю ночь он сверял карты и номера частей, грелся у костра с проходившими офицерами, ждал рассвета.

Словно с трудом взрезая замороженную землю, медленно выползал из-за горизонта малиновый диск, и не было от него тепла — не греет чужое солнце.

Из деревни вышла колонна 1-го Восточно-Сибирского полка. Марков представился командиру, сверил время и маршрут движения, потом стоял у дороги, благо ветер относил пыль в другую сторону. Все шли пешком, между ротами тянулись солдаты с носилками. «Казалось, двигаются не войска после боя, а какая-то грандиозная похоронная процессия», — написал позднее в своей книге Марков.

— Победу свою хороним, — задумчиво проговорил штабс-капитан.

— Потяжелее покойник, — прозвучал рядом знакомый голос Линькова.

— Потяжелее? А, вы опять за свое? В масштабе империи? Студенческие героические разговоры не можете забыть? Я все это слышал. И о том, что войной с японцами император мстит им за тот случай, когда его в Японии ударили палкой. Об этом потихоньку и некоторые солдаты говорят.

Полк все шел и шел мимо. Стучали солдатские сапоги по мерзлой маньчжурской земле, выбивая красноватую пыль. Почти ни слова не услышишь в колонне. Лишь изредка команды: «Подтянись! Шире шаг». Маркову представлялось все это неким тяжким, но необходимым движением, вокруг которого случайно возникали негромкие ненужные звуки. Разговор с Линьковым продолжался у костра, куда подкидывали доски от оружейного ящика. Вольноопределяющийся убежденно пересказал причины возникновения войны.

Будто бы все началось еще в 1896 году, когда корейское правительство выдало владивостокскому купцу Бриннеру концессию на право эксплуатации казенных лесов на корейской стороне рек Тумэнь-Ула и Ялу-Цзян и на

острове Дажелет. Через год императорский кабинет выкупил концессию у купца, а для того чтобы скрыть участие двора в коммерческих махинациях, концессия была фиктивно перепродана поверенному в делах русского посольства в Сеуле Матюхину. Уполномоченный императора по Дальнему Востоку Безобразов, великий князь Владимир Александрович и другие приближенные ко двору убедили Николая в том, что надо переодеть 20 тысяч русских солдат в форму леачных рабочих и захватить 5 тысяч квадратных верст территории, определенной концессией. Безобразов убеждал императора, что уже в 1904 году будет выручено миллион рублей чистой прибыли. Японцы попросили не лезть на корейскую территорию, но Николая авантюристы убедили не уступать каким-то макакам, и началась война.

— За дровишки идут на смерть людишки, — подытожил Линьков.

Настал момент пресечь болтуна, и Марков сказал строго, но спокойно:

— В октябре на Новгородской сопке мой родной брат Леонид погиб не за дровишки, а за политические интересы Российской империи на Дальнем Востоке. Вы путаете причину и повод.

— Поверьте, я глубоко сочувствую вашему горю и еще более убеждаюсь в преступной ненужности этой войны, губящей лучших людей страны. Если бы в России были конституция и парламент, то авантюра с концессией провалилась бы при первом чтении. И такого бездарного главнокомандующего, как Куропаткин, парламент снял бы после первого боя.

— Ваш последний батальон проходит, вольноопределяющийся. Скажу вам на прощанье: я не жандарм, не ваш начальник, но советую прекратить подобные разговоры.

— Я помню наш разговор в Манчжурии, но сейчас не до воспоминаний. Разрешите я присяду.

Генерал подвинулся на нарах, причем так, чтоб поручик не прикасался к нему: чужой, слишком большая стена выросла между ними.

— Поздравлять вас надо, поручик? Сбылись ваши мечты о парламенте. Кажется, уже заседает там, на поляне. Решает, что с нами делать: вешать, расстреливать, четвертовать? Или вы представляли, что все будет, как в какой-нибудь Англии? Палата общин голосует в тишине...

— И в Англии, и во Франции были кровавые революции, но об истории поговорим потом. Сейчас главное — не падайте духом. В городе и в гарнизоне достаточно разумных людей, чтобы не дать бунтарям-провокаторам устроить самосуд.

— Бунтарь-provokator — это комиссар Временного правительства по Юго-Западному фронту Иорданский?

— Иорданский не самодержец всероссийский. Он подчиняется решениям Совета и Временного правительства. Вы же знаете, что есть приказ Керенского перевести всех арестованных в Выхов и лишь потом начать разбор дела в Петроградском Совете.

— Суд уже идет на поляне. Даже здесь слышно, как орут ваши революционные солдаты. Вырастили бешеную собаку и теперь сами ее боитесь. Не меня хотите спасти, а себя! Откреститься от убийц и остаться чистыми. Но ведь вы единомышленники с Иорданским.

— Вы, Сергей Леонидович, профессор. Знаете историю и английской революции, и французской...

— Не надо, поручик, об истории. Там всегда можно найти все, что захочешь.

— Согласен. Надо думать о сегодняшнем дне. И я думаю, вернее, я уверен, что офицеры и юнкера Житомирской школы прапорщиков под руководством Совета пресекут попытки нарушить порядок. Я зашел к вам только для того, чтобы это сказать. Чтобы, не дай бог, вы не волновались напрасно.

— Не напрасно, дорогой поручик, не напрасно.

— Ваша семья, кажется, не здесь, не в Бердичеве?

— Нет. В Петрограде. Мальчику в декабре десять, девочке — девятый год.

Ушел поручик, злыми глазами осмотрел камеру охранник, загремел замком, и вдруг стало тоскливо в этом возвращенном одиночестве в ожидании возможной скорой

смерти. Спорил с ним, пытался сказать нечто обидное, а ведь что-то нравилось в этом человеке и не только потому, что он искренне хотел спасти его и других генералов от самосуда. Вообще-то, конечно, именно его Линьков хотел спасти. За остальных тоже, может быть, формально вступился, но чувствовалось, что к Деникину и другим относится равнодушно.

Об этом Линькове, о его слишком правильных высказываниях думалось, как о юнкерах или о молодых офицерах, прибывших на учебу в Академию Генштаба. Смотрел на них доброжелательно, вспоминал себя таким и думал, насколько вырос по сравнению с ними, не годами, конечно, не чинами, а пониманием действительной жизни, службы, войны. Но что общего у него с этим революционером? Чем он похож на молодого офицера, приступающего к изучению тактики современного боя? Тем, пожалуй, что так же верит в революционные лозунги, в революционную справедливость, как он сам когда-то верил в тактико-стратегические истины из учебников, в «Науку побеждать». «Пуля — дура, штык — молодец»? А если «максим», если 600 выстрелов в минуту, тогда кто молодец? Почему при Наполеоне не рыли окопы от Балтийского до Черного? Выйдешь на поле боя — сам думай, а не Устав вспоминай.

Вот и революционный поручик. Начитался о парламентах и гильотинах, а теперь сам думает...

Бердичев — не самый красивый город России, а если выйти на дорогу, ведущую от тюрьмы на поляну, да еще после сильного дождя, да еще под рваными мутными остатками туч, то считай, что попал в помойную яму. Именно по этой дороге поведут генералов, чтобы в грязь их вклотить и в грязи похоронить. Поручик Линьков, член армейского комитета, социал-демократ большевик ничего не мог возразить против формулировки: «Главкомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Деникин отчисляется от должности главнокомандующего с преданием суду за мятеж». Тот сам разослал в войска фронта телеграмму, в которой выразился совершенно определенно: он не поддерживает Временное правительство.

Командуя десятками тысяч людей, вверенных ему правительством, отказаться от подчинения правительству — это государственная измена, военно-полевой суд, смертная казнь! Начальник штаба фронта генерал-майор Марков поддержал телеграмму Деникина. Значит, тоже смертная. Почему же суетится поручик Линьков, революционер, большевик? Да и не он один.

Митинг — несколько тысяч людей в серых шинелях. Изредка встречаются и местные гражданские — в основном молодые евреи — и даже матросские бушлаты. Трибуна обита красным кумачом. Вот как раз поднялся матрос. Привычно, по-митинговому закричал:

— Товарищи солдаты! Мы принесли вам братский привет от революционных матросов Черноморского флота!.. Мы полностью одобряем...

Линьков протолкался к трибуне, позвал знаком помощника комиссара фронта Костицына, стоявшего у ее подножия. Тот подошел, безнадежно махнув рукой в сторону трибуны.

— Все крови жаждут.

Моряк тем временем выкрикивал: «Смерть контре!» На бескозырке новая ленточка: «Свободная Россия», бушлат перепоясан патронными лентами, на боку — маузер.

— Откуда моряки?

— Иорданский вызвал. Ему нужна большая поддержка, чтобы с генералами расправиться.

Костицын — во френче без погон, гражданский из питерских, спокойный, понимающий. Линьков попросил его рассказать подробнее, как возникла эта безумная идея расправы.

— Иорданский же старый меньшевик, а на коне-то сейчас большевики, — презрительно сказал Костицын. — Хочет к ним перекинуться, а для этого надо выслужиться перед Лениным за счет генералов. Сам же знает, что судить надо сразу всех, вместе с Корниловым. И судить в Питере без митингов. Я был в Могилеве в вагоне Керенского, когда обсуждали этот вопрос...

Митинг продолжался, выходили новые ораторы, и почти все требовали казни генералов. Под эти горячие речи

и выкрики толпы Костицын рассказал о совещании с Керенским. Линьков, зная Керенского, легко представил, как напористый Иорданский запугивал нервного правителя: если немедленно не предать суду Деникина и других генералов, заключенных в Бердичеве, он за фронт не отвечает! Председатель Чрезвычайной следственной комиссии Шабловский выразил сомнение в том, что весь фронт требует суда. Керенский попытался обмануть и перехитрить всех: мол, судите генералов в Бердичеве, но если будет смертный приговор, то он его не утвердит. Шабловский на это не пошел и заявил, что долг комиссара правительства не идти навстречу несознательной и возбужденной массе, а разъяснить людям, что надо подчиниться закону. Керенский, как обычно, ушел от решения и приказал комиссии выехать на место и там вынести решение.

Тем временем продолжались буйные речи.

— Братцы! — кричал солдат с трибуны. — Кто приказами ввел смертную казнь на фронте? Кто? Они ввели. Корнилов с Деникиным и прочими. Вот пушай и идут на смерть по своему приказу, ежели они честные генералы. Или они генералы только для того, чтобы нашу кровушку пить?..

Толпа громко одобряла такие требования.

— А когда приехала комиссия, — рассказывал Костицын, — наш комиссар устроил такой же шум, как сейчас. Членов комиссии едва не раздавили. Все же комиссия свое дело сделала, и состоялось решение Смольного: суд над генералом Деникиным отложить до окончания следствия над генералом Корниловым, а арестованных перевести из Бердичева в Выхов. Срок — сегодня, 27 сентября.

Подошел недавно выступавший матрос, толкавшийся возле трибуны. Нагловатос спросил:

— Поручик, папироской угостите?

— Я угощу, — сказал Костицын, доставая портсигар. — Я помощник комиссара Юго-Западного фронта Костицын.

— А я матрос первой статьи линкора «Свободная Россия» Руденко.

— Анархист?

— По-вашему, если матрос, так без вопросов анархист? А я, знаете ли, не анархист, а машинист на боевом линкоре и, между прочим, большевик.

— А выступал как анархист. Большевики за революционную законность, а не за суд уличной толпы.

— Это не толпа, господин помощник комиссара, а народ.

— Толпа превращается в народ, когда ею руководят большевики. Я сейчас попробую показать, как это делается, — и повернулся к Линькову. — Пора действовать, Михаил Георгиевич?

— Самый момент переломить настроение, — согласился поручик.

— А вас, матрос большевик Руденко, прошу поддержать резолюцию, которую мы сейчас внесем.

— Чтобы Руденко задний ход дал?

— Разберитесь, Руденко, где зад, где перед, — сказал Костицын и пошел к трибуне.

— Дробь, — сказал матрос. — Сигнал принял.

Костицын начал говорить, и толпа затихла, он не кричал, а объяснял спокойно и достаточно громко. После коротких приветствий и текущего момента перешел к делу:

— Конечно, Временное правительство не такой уж нам указчик, — и толпа взревела: «Долой Временное правительство!», «Вся власть Советам!», «Долой Керенского!» — Но Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, Центральный комитет партии большевиков во главе с товарищем Лениным — это наша власть!..

«Вся власть Советам!» — взорвался митинг единым торжествующим криком.

— Петросовет в Смольном принял окончательное решение, — продолжал Костицын. — Судить генералов-заговорщиков всех вместе во главе с Корниловым, иначе им удастся скрыть главные подробности заговора. И судить в Петрограде, чтобы о заговоре узнала правда вся Россия. Поэтому наш митинг принимает резолюцию: «Заключенных в Бердичевской тюрьме участников Корниловского контрреволюционного заговора в соответствии с решением ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов перевести 27 сентября сего года в Быхов для проведения единого

следствия, а затем и суда над всеми заговорщиками. Гарнизон города Бердичева в соответствии с требованиями революционной законности дает слово Совету рабочих и солдатских депутатов доставить заключенных в Быхов, не причиняя им никакого вреда».

Митинг еще смущенно молчал, Костицын не успел начать следующую фразу, как стоявший несколько поодаль комиссар Иорданский шагнул вперед, встал рядом с Костицыным и как бы продолжил текст резолюции:

— Заключенные заговорщики доставляются на вокзал пешком, под охраной Совета и выделенных воинских частей. Маршрут движения будет указан дополнительно.

Костицын этого не ожидал и не смог быстро сообразить, что можно предпринять. Наверное, ничего уже нельзя было сделать, потому что Иорданский победоносно громко кричал:

— Кто за резолюцию, прошу голосовать, — и почти без паузы: — Единоголосно! Оркестр — «Интернационал!» Митинг объявляю закрытым!

К 17 часам все арестованные оделись, собрались, вышли по команде охраны в коридор. Их было восемь человек. Шесть генералов: Деникин, Марков, Ванновский, Эрдели⁴, Эльснер⁵, Орлов; чехословацкий капитан Клеценда и чиновник Будилович. За месяц заключения все осунулись, обтрепались, померкли. Марков, похожий своею статностью, изящными усами и бородкой на театрального испанского гранда, теперь напоминал деревенского мужика, уставшего от полевых работ.

В коридоре толпились охранники. К генералу Маркову подошел скрапивавший своей доброжелательностью муки заключенного бывший финляндский стрелок, замкнутый, скрывающий от посторонних свои чувства, он вдруг сказал:

— Сергей Леонидович, скучать буду без вас.

— Успокойся, брат: долго скучать не придется. Скоро на наше место новых генералов посадят — еще не всех извели.

— Бог даст — с вами все будет хорошо. Слово дали.

— Дали — могут обратно взять.

Марков с благодарностью подумал о солдате и о том, чем он, генерал, заслужил доброе отношение? Не к другим, а к нему подошли. Что-то, видимо, есть в нем, что располагает к нему людей без всяких личных его стараний. Давно уже стал это замечать — еще с Японской войны. И большевик Линьков тоже вот старается. С той войны его запомнил. Наверное, чувствует, что никому он зла не желает, никому не хочет мстить. А те...

Все уже знали, что произошло на митинге. Марков подошел к Деникину и спросил о его предположениях.

— Какие предположения, милый профессор? Никуда нас не повезут, а растерзают по дороге. Молю Бога, чтобы хватило сил не дрогнуть перед смертью.

— И я вспоминаю слова древнего римлянина: «Перестанешь надеяться — и бояться перестанешь».

Часа два томились в коридоре — слишком долго шел митинг, и власти не укладывались в отведенное время. Иорданский долго придумывал маршрут движения к вокзалу — чтобы подлиннее, погрязнее, потемнее, чтобы успели солдатики расправиться с генералами. Если вправду ожидает смерть, то о чем вспоминать в последние часы: о плохом или о хорошем? Если о плохом, то все прошлое представляется неудачным, напрасно прожитым, и если бы еще пожить, то... Если о хорошем, о близких: о Марианне, о маленькой Марианночке, о Ленечке, — то невыносимо оставить все это навсегда.

— Когда мы встретились-то? — вспоминал Деникин. — В Карпатах, в начале 1915?

— Немного пораньше. В декабре 1914 меня назначили к вам начальником штаба. Тогда у вас еще была 4-я стрелковая бригада, а не дивизия.

— Но ее уже называли «железной», — напомнил Деникин. — В окопах мы не стояли. Шли только на прорыв или на контратаки, потом — в резерв.

Встреча была не из приятных: прибыл после болезни и доложил, что по своему состоянию верхом ездить не может, на позиции не поедет, останется в штабе. Чувствовал, что Деникину и штабным это не нравится, из-за чего гово-

рил чуть ли не сердито, усугубляя впечатление. Пришлось через несколько дней делать демонстративный выезд на позиции. Штаб располагался в городе Фриштак, неподалеку за городом шел горячий бой: австрийцы наступали. Марков нашел огромную колымагу, приказал запрячь крепких лошадей и двинулся к месту боя, прямо в стрелковые цепи. По колымаге сразу стали бить шрапнелью. Однако удалось невредимым доехать до командного пункта. Деникин удивился, спросил, в чем дело. Марков сказал: «Скучно стало дома. Приехал посмотреть что тут делается...» С тех пор он стал в бригаде своим и пошли награды и повышения.

Везде, куда он попадал, быстро соображал, как надо себя вести, чтобы не стать чужим. Даже не соображал, а чувствовал. Будешь вычерчивать штабные карты по всем правилам Академии Генштаба, а там, в бою, все совсем другое. Там бьют из пулеметов, солдаты гибнут в цепях, тяжело ранен командир 13-го полка, а отступить нельзя. Должность начштаба выше, чем комполка, но Марков подошел к Деникину:

— Ваше превосходительство, дайте мне 13-й полк.

— Голубчик, пожалуйста, очень рад! Я сам хотел вам это предложить, но стеснялся: обидитесь, что я вас отстраняю от штаба...

— Жаль, что долго вас не утверждали.

— Да. Я даже писал в штаб Верховного, что не хочу никого обскакать и обгонять. Какая там карьера, когда постоянно ходишь по краю могилы. Я даже приговорил себя к мысли, что должен умереть в рядах полка.

— Это была бы счастливая смерть. А вот сегодня...

Наступил черный мрачный вечер. В тюрьму вошли Костицын, Линьков и штабс-капитан Бетлинг из Житомирской школы прапорщиков. До войны он служил в полку, которым командовал Деникин, теперь со своими юнкерами решил охранять арестованных от яростной толпы, ожидавшей их на дороге.

Бетлинг обратился к Деникину:

— Как прикажете, ваше превосходительство? Толпа дала слово не трогать никого, но ручаться ни за что нельзя.

— Пойдем, — ответил Деникин. — Пойдемте, господа. Благослови нас, Господи.

Все перекрестились и направились к выходу. Линьков подошел к Маркову.

— Я буду рядом, — сказал он. — У меня есть оружие.

— Благодарю вас, но...

И Марков пожал плечами и вздохнул как перед тяжелой работой.

Колонна вышла на темную дорогу. Впереди — Костицын и 14 делегатов от гарнизона. За ними арестованные, окруженные решительными юнкерами с винтовками. Бетлинг с обнаженной шашкой — рядом с Деникиным, Линьков вплотную к юнкерам, ближе к Маркову.

Солдаты, расположившиеся вдоль дороги, оживленно зашумели. Костицын решительно и громко крикнул:

— Помните свое обещание: арестованных не трогать. Всякая попытка нападения будет отражена оружием.

Толпа зашумела громче, но никаких действий никто из солдат не предпринимал. Изношенные сапоги по щиколотку вязли в холодной мокрой грязи.

Толпа с первых же шагов сдавила маленькую тесную колонну. Самые злобствующие солдаты вплотную притискивались к юнкерам, которые решительно отталкивали их, а то и снимали винтовки и грозили штыками. «Бейте их прикладами!» — кричал Бетлинг. «Пьяных топчите в грязь, — добавлял Костицын. — Дали слово — пусть держат!»

Повернули на совершенно темную и особенно грязную улицу, и первый камень ударил в спину Маркову. Полетели комья грязи в охрану и в арестованных. «Товарищи, слово дали!.. Товарищи, слово дали!» — не переставал кричать Бетлинг.

Идти куда-то в ночь и ждать смерти! Ударят тяжелым камнем, упадешь, затопчут. Хотел еще днем попросить у Линькова наган — это было неприлично: даст — нарушит закон, откажет — обоим будет стыдно.

Сзади подъехал сопровождающий броневик, и лучи его прожектора вырвали из тьмы озлобленные лица солдат. Солдаты кричали: «Смерть предателям!.. Мы слова не давали!.. Бей их, ребята!..»

Однако бросали не столько камни, сколько мокрую грязь. Противно, но не смертельно. Бетлинг дал команду юнкерам, и те, повернувшись к толпе, выставили вперед винтовки, отгеснили ближайших, самых активных. Бульжники продолжали лететь в конвоируемых пленников. Раненому генералу Орлову большой камень попал в лицо, бульжник — в генерала Эрдели. Камни то и дело попадали в Деникина и Маркова. Деникин обернулся к Сергею Леонидовичу и сказал дрожащим голосом:

— Что, милый профессор, конец?

— По-видимому.

Произнес это, но откуда-то возникла надежда, что на дороге он не умрет. Наверное, потому что повернули на главную улицу, где на балконах домов стояли люди и кричали: «Да здравствует свобода!» Женщины махали платками.

«Да здравствует наша свобода!» — мысленно произнес Марков. Может быть, это ему дамы машут платочками. Разве нет здесь доброжелателей? Вот и Линьков не отходит далеко и подбадривает.

На перронах и путях ярко освещенного вокзала ожидали новая нетерпеливо злобная толпа. Солдаты преградили дорогу к подготовленному вагону и кричали: «В арестантский их!.. В телячий!.. В вагон для лошадей!..» Набросились на сопровождающих членов Совета, ударили Костицына. Подбежал Линьков, закричал: «Своих комиссаров бьете? Контра собралась? Перестреляю гадов!» И Бетлинг замахал шашкой, крича: «Товарищи, дали слово!»

Арестантского вагона не нашли и подали товарный, перевозивший лошадей, невымытый, необранный. «Не переживайте, Антон Иванович, — сказал Марков Деникину, подсаживая его, помогая забраться в вагон. — Христос в хлеву родился, и мы тоже в хлеву родимся для новой жизни».

С трудом втащили изуродованного Орлова. Уселись в вагоне прямо на мокрый скользкий пол в лошадиную грязь. Генералы молчали. О чем они молчали? О том, что такое забыть нельзя? О том, что те, кому не удалось убить их сегодня, попытаются сделать это завтра? О том, что ты

сячи злобно орущих солдат — это теперь их смертельные враги?

У вагона плакали женщины — жена и сестра Клецандо. Истерически кричал что-то угрожающее сын генерала Эльснера, размахивая пистолетом, который его денщик поспешно отобрал. Следом за арестованными в теплушку полезли члены Совета — они должны были сопровождать их до Быхова.

Наконец загудел паровоз, и поезд медленно тронулся. Кто-то дважды выстрелил из винтовки. Линьков облегченно вздохнул и начал пробираться к выходу в город.

На Центральной улице слепили щедрые разноцветные огни кинотеатра. Здесь толпились солдаты, матросы и штатская публика. Трепались об асфальт тротуара широченные клещи матроса Руденко. Он вел под руку местную красавицу, высокую, фигуристую, с глазами и прической цвета темной ночи.

— Милая Розочка, — говорил он ей. — Я в полное владение отдал бы вам свое верное матросское сердце, но оно принадлежит революции.

— Я тоже за революцию, — ответила девушка. — Я была в эсерах, но теперь я большевичка. Завтра же запишусь в ячейку, и мы с вами, Олег, вместе будем бороться за революцию, и наши сердца будут биться рядом.

— Ваши милые ножки устали, Розочка. Полную вахту на ногах. Пора отдохнуть. Не зайти нам для отдыха в кинематограф? Там, видать, что-то вполне интересное.

Разноцветно светящаяся реклама предлагала:

«Увлекательный исторический фильм из жизни проклятого прошлого

ТЕМНЫЕ СИЛЫ — ГРИГОРИЙ РАСПУТИН И ЕГО СПОДВИЖНИКИ

1-я и 2-я серии в один сеанс».

— Ой, я видела первую серию, — вспомнила Роза. — Там такие есть сцены с женщинами...

И она стыдливо хихикнула.

— Посмотрим сцены, — сказал матрос. — Революционер должен все знать. Все, против чего он борется. Идемте, Роза. Как раз время. Сейчас склянки будут бить.

У входа стоял поручик Линьков, дымя папиросой и решая, стоит ли идти в кино.

— Здравия желаю, товарищ поручик, — приветствовал его матрос. — Познакомьтесь: моя революционная подруга Розалия Ефимовна. Мы освободили угнетенный царским режимом еврейский народ и теперь сообщаем строим новую жизнь.

и. Поручик с радостью познакомился с девушкой.

и. — Пойдемте на две серии в одном котле, поручик, — предложил матрос. — Посмотрим, как расправились с негодяем Распутиным без суда и следствия господ великие князья. А мы своих предателей сегодня защитили от народа.

— Их ждет суд.

— И там их пожалеют. А то еще и до суда отпустят. Вот тогда они себя покажут. Нас они не пожалеют, и будем мы с вами вспоминать, когда к Богу в рай пошлют, как мы их спасали.

БЕГСТВО

Первая ночь в Быховской гимназии, превращенной в тюрьму, для Маркова была тяжелой. Несколько раз просыпался, испуганный приснившимся: то ему снилось, что он увяз в грязи на Бердичевской дороге и не мог идти, а со всех сторон подступали солдаты, то видел Марианночку и Леонидика, прощающихся с ним, машущих ручками, а он уходил от них куда-то во тьму; то под утро привиделось, что его схватили под руки и тащат куда-то на расправу, однако, как оказалось, соседи по комнате — старый приятель по Академии Романовский и Деникин — будили его, заспавшегося, на завтрак.

Проснулся, увидел низкий сводчатый потолок, окна с решетками, пропускающими мало света, толстые стены. Бывший католический монастырь, а теперь тюрьма, охрана, неизбежный суд с неизбежным смертным приговором. Поднялся без улыбки, без привета, хмуро сказал:

— Простите, господа. Не выспался после дороги.

В столовую на первый этаж шли по темной лестнице.

Внизу генерал Корнилов приветливо здоровался со всеми, особенно с бердичевцами. Деникину сказал:

— Очень сердитесь на меня за то, что я вас подвел?

— Полноте, Лавр Георгиевич. В таком деле личные невзгоды ни при чем.

Марков услышал это. Сказал сидевшим с ним за столом Деникину, Романовскому⁶, Лукомскому:⁷

— А я считаю, что наши бердичевские приключения весьма полезны. Надо привыкать к тому, что может ждать в дальнейшем.

— Все зависит от нас, — осторожно сказал Романовский. — Если мы будем покорно ждать расправы, то, конечно, надо готовиться.

— А что делать? — резко вскинулся Марков. — Бунтовать? Бежать?

— Поговорим об этом не здесь, — остановил его Лукомский.

Деникин взглянул на Маркова с сочувствующим любопытством и подтвердил:

— Да. Не здесь.

Всего арестованных в быховской гимназии было человек 20. После хорошего офицерского завтрака с настоящим кофе все вышли на прогулку в большой двор, окруженный высоким забором. Вдоль забора — деревянный тротуар на случай грязи после дождя. У железных ворот — охрана. Марков легко узнал текинцев. Корнилова охраняет его полк! Едва появился вблизи худенький маленький быстрый Лавр Георгиевич, как солдаты дружно взяли винтовки «на караул» и прокричали что-то на своем языке. Генерал им ответил.

Оказалось, что прогулка — это вовсе не время, установленное тюремным режимом. Здесь гуляй хоть целый день. И комнаты не закрываются — рассказывай по гостям. И куда смотрят комиссары?

Комиссары попытались исправить это положение. Марков и Деникин, продолжая прогулку, вспоминая последнее неудачное наступление в июне, проходили мимо ворот, когда с улицы к забору подошли бердичевские сопровождающие из Совета во главе с Костицыным. Солда-

ты-текинцы немедленно направили на них винтовки и закричали: «Нет хода! Тюрьма закрыта! Кругом марш!» Костицын начал возмущенно объяснять, что они имеют право, что в тюрьме беспорядок и они должны его ликвидировать, даже достал свой документ, но солдаты, угрожающе направляя винтовки, кричали: «Ходи улица! Тюрьма нет хода!»

— Караульного начальника вызывайте, — не отступал стойчивый Костицын.

Эти слова текинцы понимали, и вскоре появился зашпанный хорунжий с начищенной до сияния шашкой. Тот все понимал, но был непреклонен:

— Посторонние не допускаются. Проверять тюрьму можно только по приказу из Могилева, из Ставки. Другие документы не принимаются.

Костицын продолжал доказывать свое, и тогда хорунжий приказал солдатам открыть ворота, выйти и удалить посторонних подальше от территории. Члены Совета подчинились, но Костицын, уходя, громко обещал разослать во все концы телеграммы с жалобами на самоуправство и беспорядок в тюрьме.

Из здания вышел Корнилов.

— О, наш бояр! — восхищенно воскликнули текинцы.

Генералу доложили о происшедшем, и он приказал хорунжему выставить пост на улице и никого не подпускать к воротам.

«Никого» совсем не означало, что нельзя вообще никого подпускать. С почты принесли газеты, и Марков предложил Деникину пойти в комнату и почитать, но Антон Иванович, несколько замаявшись, отказался.

— Такая золотая осень, — сказал он. — И солнышко вышло. Я здесь еще... побуду.

В комнате Романовский, удобно расположившийся на кровати, посмеялся:

— Так и не сказал Антон Иванович, почему он остался у ворот, смутился боевой генерал.

— Чего же ему смущаться?

— Не знаете? Или просто забыли? Поглядывайте иногда в окно, если повезет, не пожалеете.

И Марков увидел чудо. У ворот появилась юная красавица с букетом разноцветных георгинов и с плетеной корзиной. Солдаты и не думали ее останавливать, а встретили улыбками и открыли калитку. Голубое платье с вышивкой, шляпка, из-под нее длинные черные волосы. Эта картина невероятно оживила тюремно-гимназический двор, превратив его в сцену из какого-то спектакля о любви. Мгновенно появился и герой — Антон Иванович Деникин. Генерал с сединой. Девушка, поставив корзину и положив на нее букет, бросилась ему на шею, обнимая и целуя.

— Невеста, — сказал Романовский. — Ксения Васильевна Чиж. Заждалась. Действовала активно, спасая вас от суда-расправы. Собирала лучших адвокатов в Киеве.

Обидно, конечно, когда прекрасная девушка приходит не к тебе, и Марков с неприличной язвительностью подумал, что если это сцена из оперы, то скорее всего из «Евгения Онегина»: Татьяна и князь Гремин. Стыдно так думать о своем боевом товарище, но человек есть человек, и человеку этому еще нет сорока, а жена, с которой не делился два года, за тысячи верст.

Достал из тумбочки колоду карт, но Иван Павлович предупредил:

— Не располагайтесь. Здесь будет сейчас праздник.

И сам начал прибирать постель и приводить себя в порядок.

Первой в комнату вошла невеста: девичье тонкое лицо, нижняя губка светится пухлой черешенкой, в карих очах — неприступность, смущение лишь легким румянцем на щеках. Генерал стоял рядом и смотрел на нее с глупой счастливой улыбкой.

Романовскому при его массивности удавалось быть элегантным. В начищенном генеральском мундире с орденами тот выглядел празднично. С шутливой церемонностью он приветствовал девушку, взял у нее корзинку и цветы, извинялся, что сидеть у них можно только на кроватях. Марков стукнул каблуками, прозвенев шпорами, и представился официально. Романовскому Ксения улыбнулась дружески, Маркову — с некоторым удивлением.

Из корзинки сначала появилась бутылка с прозрачной жидкостью, затем яблоки, пироги...

— Очень хорошая самогонка, — объяснила Ксения, — понимающие говорят, что не хуже «Смирновки».

— Проверим, — сказал Романовский. — Надо позвать Александра Сергеевича.

— Иду, как самый молодой, — вскочил Марков.

Марков уже знал, что в соседней комнате помещается сам Корнилов, а напротив — комната Лукомского. Вернувшись с ним к столику, где все уже было разложено и расставлено тесно, но аппетитно, а георгины красовались на окне в банке с водой. Генерал-лейтенант Лукомский был здесь самым старшим — 55 лет. Он, по-видимому, никогда об этом не забывал и говорил внушительно и резко.

— А Елена Михайловна? — спросила Ксения о его жене. — Разве ее нет?

— Обещала после обеда. Если вы соблаговолите прийти к этому времени, то вам удастся с ней встретиться.

— Соблаговолю.

Первый тост — за долгожданную счастливую встречу жениха и невесты. Опустошив свой стакан, Марков сказал:

— Эта водка не горькая, но надеюсь, что скоро будем пить горькую.

Его все поддержали. Пили за Россию, за армию, за восстановление порядка, за победу над немцами и их российскими пособниками.

— Я готовлю письмо в Ставку, — сказал Лукомский, — и хотел бы посоветоваться с вами, господа генералы.

— Люблю смотреть, Александр Сергеевич, как вы аппетитно кушаете, — сказала ему Ксения. — Я к вечеру еще что-нибудь состряпаю специально для вас.

— Нет, жизнь хороша, — сказал вдруг Марков. — И хороша во всех ее проявлениях.

Он вдруг почувствовал себя не арестантом, ожидающим рокового суда, а военным человеком, отдыхающим в перерыве между походами. Для этого он и жил, чтобы служить России на военном поприще. Кому же, как не ему и его боевым товарищам, опытным русским генералам, остановить развал страны и привести к повиновению тех... злоб-

ствующих, кровожадных, разложившихся, предающих Россию немцам.

Когда Ксению проводили, Лукомский сказал:

— Господа генералы, несмотря на праздничное настроение, появившееся у нас благодаря нашей милой гостье и Антону Ивановичу, мы не должны ни на минуту отвлекаться от исполнения своего долга перед Россией. Поэтому я прошу вас пока забыть о том, что жизнь хороша, — и взглянул на Маркова, — а вспомнить об отнюдь не о хорошем положении страны.

— И о нашем тоже, — сказал Деникин.

— Сами-то мы можем в любую минуту бежать, — сказал Марков.

— Не можем, — возразил Романовский. — Не потому, что нас поймают текинцы или георгиевские кавалеры, охраняющие внешнюю сторону гимназии, а потому, что каждое наше действие должно согласовываться с благом России и армии. Николай Николаевич Духонин⁸ — начальник штаба Верховного главнокомандующего, обещал сообщить нам, когда придет необходимый момент и наше освобождение будет своевременно с точки зрения политической или, наконец, просто ради нашего спасения.

— Именно поэтому я решил в письме к Николаю Николаевичу высказать наши соображения о сложившейся в настоящее время обстановке, — сказал Лукомский. — Мы должны убедить его в том, что армия окончательно разваливается и с каждым днем надо ожидать катастрофы на фронте или в Петрограде. В ближайшие недели или даже дни власть захватят большевики — у Керенского нет ни сил, ни умения, чтобы зацципать свою власть. Надо предусмотреть решительные меры для организации сопротивления большевикам и для удержания фронта. Во-первых, я хочу предложить Ставке подтянуть к Могилеву несколько надежных частей, чтобы Ставка не оказалась в беспомощном положении. В случае необходимости под прикрытием этих надежных частей Ставка может быть перемещена в Киев. Для укрепления фронта необходимо ориентироваться на войска Румынского и Юго-Западного фронта. Они еще сохраняют боеспособность и даже могут удерживать общий фронт.

На Русско-японской войне Марков удивлялся несоответствию планов высшего командования реальному состоянию армии и ее действиям, возмущался этим; на германском фронте он к этому привык, и к плану Лукомского отнесся равнодушно. Помалкивал, не критиковал, а затем присоединился к мнению Деникина и Романовского, в основном согласившихся с Лукомским. Тот обещал как можно быстрее составить письмо и показать его Корнилову.

За обедом вновь вспоминали о письме, а Марков представил, как в соответствии с предложенным планом войска Юго-Западного фронта будут укреплять общий фронт. Те же войска, которые митинговали в Бердичеве и издавались над ними по дороге на вокзал, призывая к расправе над генералами.

В столовой обслуживали солдаты, но несколько раз появлялась женщина, чем-то привлекательная, может быть, просто тем, что других женщин здесь не было. Возможно, Сергея Леонидовича привлекли ее ярко-рыжие густые стриженные волосы, открывавшие короткую розовую шею. Она ходила в белой косынке, из-под которой выбивались рыжие завитушки, и он видел круглое русское деревенское лицо и солнечные локоны, упавшие на лоб, поглядывал на ее невысокую плотную фигуру обрубочком — плечи и бедра одной ширины, но талия изящно перетянута.

Кормили быховских арестантов так же хорошо, как принято в офицерских собраниях, и они говорили: «Это наша Оля старается». Как-то получилось, что в конце обеда он остался за столом один, и Оля сама подошла к нему и спросила:

— Вам понравился обед, господин генерал?

И смотрела немигающими зеленоватыми глазами, словно пытаясь проникнуть взглядом в его мужскую сущность, все в нем понять.

Он опасался понимать такие взгляды и вежливо поблагодарил женщину за заботу, похвалил обед, а она усмехнулась и продолжала разговор еще настойчивее, задушевнее:

— Я догадалась нахватать продукты в запас пораньше, пока другие еще и не думали. И кофе, и сахар, и вина хорошие. В городе, конечно, держу, но и здесь, на втором этаже

у меня кладовка. Днем тут работаю, вечером — домой. Приходите в гости в мое хозяйство на втором этаже. Вы ведь тоже там живете. Только моя кладовка в другом конце. Приходите. Меня зовут Ольга Петровна.

Сергей Леонидович вновь поблагодарил, но понимать так и не захотел. Оля улыбнулась еще насмешливее и лукавее. Над ним, наверное, посмеялась. Самоуверенная женщина. Может быть, решила пожалеть: такой молодой, красивый генеральчик — не дай Бог засудят и расстреляют. Потом не простит себе, что упустила.

Когда-то в Петербурге была другая Ольга. Та была выше ростом, но тоже фигуристая. Самая первая женщина, вызвавшая у него бурное и болезненное чувство. По-видимому, это чувство и называют любовью. Тогда ради свиданий с нею он даже пропускал занятия в Академии — в книге у дежурного за него расписывались приятели-однокурсники. Свидания происходили в квартирах каких-то Ольгиных подруг, но... Все кончилось так, что лучше не вспоминать: стыдно. Никто никогда не узнает, что произошло. После того он решил, что никогда не женится, и всерьез думал о самоубийстве. Выручила Русско-японская война — зачем стреляться, если с честью можно умереть за Россию. Сразу же после окончания Академии он добился назначения в действующую армию.

В июле 1904 в предназначенном для передачи матери после его смерти письме он писал в день отъезда в Маньчжурию: *«Обо мне не плачь и не грусти, такие, как я, не годны для жизни, я слишком носился с собой, чтобы довольствоваться малым, а захватить большое, великое не так то просто. Вообрази мой ужас, мою злобу-грусть, если бы я к 40—50 годам жизни сказал бы себе, что все мое прошлое пусто, нелепо, бесцельно!»*

Я смерти не боюсь, больше она мне любопытна, как нечто новое, неизведанное, и умереть за своим кровным делом — разве это не счастье, не радость?

Мне жаль тебя и только тебя, моя родная, родная бесценная Мама, кто о тебе позаботится, кто тебя успокоит.

Порою я был груб, порой, быть может, прямо-таки же-

сток, но видит небо, что всегда, всегда ты была для меня все настоящее, все прошлое, все будущее.

Мое увлечение Ольгой было мне уроком и указало на полную невозможность и нежелательность моего брака когда-либо и с кем бы то ни было; почему — теперь объяснить долго, но это лишний раз подтвердило, что вся моя работа, все мои способности, энергия и силы должны пойти на общее дело, на мою службу и на мой маленький мирок — мою семью, мою Маму».

На Марианне он женился потому, что она была совершенно не похожа на всех остальных женщин. Она была единственная в мире.

И теперь вдруг опять Ольга. Другая женщина, похожая на всех других женщин.

Наверное, погода повлияла — дождь с утра — на прогулку в сад вышли только несколько человек, но Ксения и в бурю пришла бы. Она пришла без корзины, но с большой муфтой в руках, а в муфте — бутылка самогона. Поднимаясь по лестнице на второй этаж, Ксения вынула бутылку, и навстречу девушке из коридора вышел Корнилов, худой, желтый, истощенный мыслями о будущем страны и армии, о своем будущем.

— А ну, что это у вас, покажите, — потребовал он.

Взял бутылку, посмотрел на нее скентически и, улыбаясь, отдал девушке.

— Вот попадетесь когда-нибудь, профессиональная спиртоноша.

Покраснев, Ксения, мокрая от дождя, вбежала в коридор и столкнулась с Марковым.

— Я добрее Корнилова, — сказал он. — Приносите всегда и побольше.

— Мы сейчас все приготовим, Сергей Леонидович, и заходите в комнату.

В другом конце коридора стояла Ольга. С многозначительной улыбкой она подошла к Маркову и, откровенно глядя на него зелеными глазами, сказала:

— Хохлацкий бимбер принесла вам, господин генерал? Я знаю. Она своему старичку все время носит.

— Генерал Деникин не так уж стар.

— Для нее, может, и стодитя, а для меня вы — молодой. Когда закончите там, приходите в мою кладовку: за поворотом коридора последняя дверь. Я вас хорошим угощу. У меня и французский коньяк есть.

Он не отказался, и вскоре она открыла ему дверь в свои владения. На полках — бутылки, консервы, жестяные коробки с чем-то, на полу — мешки с картошкой и какие-то ящики.

— Отведайте хорошего вина, Сергей Леонидович. Или водочки. Это не бимбер. Это настоящая. Из Варшавы.

— А где же французский коньяк? — спросил Марков, уже посмелев и усаживаясь на широкий диван в углу у окна.

— В следующий раз принесу, если подружимся, — сказала Ольга и села рядом, очень близко.

— Мы уже, кажется, подружились.

— Давайте выпьем, тогда уж совсем подружимся.

Они выпили и совсем подружились.

Через несколько дней Ольга, улучив момент, подошла к Маркову, когда он один стоял у окна с папиросой. Сказала вполголоса:

— Сейчас меня встретил на улице поручик такой Линьков. Сказал, что вас знает.

— Знаю его.

— Сказал, что есть телеграмма: большевики в Питере взяли власть. Пока еще никто в городе не знает. Говорит: вам надо бежать. Сказал, что поможет переодеться солдатом и сам вывезет. А может, побреешься и мое платье и пальто наденешь?

— Нет, Оля, я не могу один бежать. Нельзя бросать своих боевых товарищей. Мы вместе решим, как действовать. Может быть, и тебя попросим в чем-нибудь помочь. Мы еще поговорим.

— Приходи после обеда и... и поговорим.

Она улыбнулась так откровенно, как никогда не улыбаются женщины в обществе, к которому привык генерал Марков. Его жена, княжна Путятина, наверное, даже не умеет так улыбаться.

В своей комнате Марков увидел странную картину: Деникин и Романовский склонились над столиком, напряженно вчитываясь в какой-то текст.

— Присоединяйтесь, Сергей Леонидович, — сказал Деникин. — Нам принесли исторический документ.

«ПРИКАЗ № 1

К населению гор. Минска и окрестностей

Власть в Петрограде перешла в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Весь Петроградский гарнизон, Балтийский флот и другие воинские части признали новую власть. Поступают отовсюду донесения, что армия и воинские части на всех фронтах признают новую власть, сохраняя полное спокойствие.

В Минске власть перешла в руки Совета рабочих и солдатских депутатов, который обратился ко всем революционным организациям и политическим партиям с предложением немедленно приступить к организации временной революционной власти на местах.

Объявляя о происшедшем, Минский Совет рабочих и солдатских депутатов доводит до сведения всех граждан, что им приняты самые решительные меры к охране революционного порядка и установления железной дисциплины повсюду. Установлена революционная цензура над всеми выходящими в Минске и получаемыми здесь газетами для предупреждения распространяющихся и волнующих население слухов.

Исполнительный Комитет Минского Совета рабочих и солдатских депутатов.»

Весть о событиях в Петрограде распространилась быстро, и после обеда вчетвером обсуждали план действий.

— Духонин не сделал ничего из того, что мы ему советовали, — возмущенно сказал Лукомский. — Ставка обречена. Через несколько дней там будут большевики.

— Будут и у нас, — заметил Романовский.

— И судить будут по-большевистски, — откликнулся Деникин. — Как в Бердичеве.

И всколыхнулись в памяти черная ночь, грязная дорога и разъяренная толпа солдат, требовавших их смерти. Если убегают, то не от них, а для того, чтобы уничтожить их.

— Для побега приготовлены солдатская и гражданская одежда и оружие — револьверы, — сказал Романовский.

Открылась дверь, и вошел Корнилов, подтянутый, озабоченный. Все встали, Корнилов сделал знак, чтобы селись, сел сам.

— Обсуждаете план действий? — спросил он.

— Так точно, — ответил Деникин.

— Надо вызвать Председателя Следственной комиссии — он человек понимающий и сможет многих освободить официально. Не нас, конечно. Я, наверное, уйду с текинцами. Уже приказал командиру полка полковнику Кюгельгену ковать лошадей для похода. А вы подумайте о своих маршрутах. Лучше уходить по одному, по двое. Действуйте, господа.

Марков решил начать действовать с посещения Ольги. Он ходил туда окольным путем: спускаясь по темной лестнице, а поднимаясь по другой. Выйдя на лестницу, решил закурить и остановился в самом темном месте, на повороте у площадки. В этот момент со двора вошли двое из незнакомых арестованных полковников, на ходу продолжая разговор.

— Нет. Я у Ольги утром был, — сказал один из них.

— Она ж говорила, что если два раза здесь не даст, то и домой не дойдет, — со смешком сказал другой.

— Пусть еще кого-нибудь ищет. Нам с тобой отдохнуть надо и обмозговать, что дальше делать. И рана у меня ноет. К погоде что ли.

— Из-за большевистского переворота.

Сергей Леонидович больше кладовку не посещал, Ольга исчезла — наверное, опасалась, что новая власть не похвалит ее за общение с генералами.

А в тот же вечер, когда генералы обсуждали с Корниловым свои дальнейшие планы, уже собираясь ложиться, Романовский вдруг обратился к Маркову:

— Сергей Леонидович, вы не находите, что в нашей комнате царит неравенство и несправедливость, и нам с вами тоже следует произвести свою революцию?

— Помилуй Бог, Иван Павлович, — откликнулся Деникин. — Если несправедливость отмечена с моей сторо-

ны, то я немедленно подписываю отречение и уступаю вам трон, тоб ишь место у окна.

— Этого мало, — продолжал Романовский с иронической серьезностью. — Вы ежедневно встречаетесь с любимой невестой, наш друг и сосед Александр Сергеевич — с женой, а мы с Сергеем Леонидовичем остаемся старыми холостяками.

— Но как же исправить эту несправедливость? — спросил Деникин.

— Сегодня я получил письмо от жены, — уже серьезно сказал Романовский, — она считает, что в такое время должна быть рядом со мной. Из разговоров с вами, Сергей Леонидович, я понял, что Марианна Павловна придерживается такого же мнения. Питерские большевики вряд ли оставят в покое генеральских жен, тем более, что мы собираемся против них сражаться. И я знаю что надо сделать. Попросить командира роты Георгиевского полка отправить одного из своих кавалеров в Петроград с деликатным поручением: доставить наших жен сюда, в Быхов.

Он влюбился в Марианну и женился на ней, потому что она не была похожа ни на одну из женщин, с которыми ему доводилось встречаться. Ни одна из них не относилась с таким искренним глубоким вниманием к любимому мужчине: казалось, она не только проникает в его желания и исполняет их, но даже предчувствует заранее. Засидишься за рабочим столом, неожиданно ощутишь усталость, от которой надо как-то избавиться, а Марианна уже несет кофе или предлагает прогуляться. Ни у одной из женщин, которых он знал, не было такого равнодушно спокойного отношения к светским знакомствам, интригам, условностям. Ей нравилось только то, что ей действительно нравилось. Не обладали супруги Марковы именем или какими-либо другими богатствами, но не замечал он, чтобы Марианна завидовала тем, у кого все это есть. Ее главной ценностью, ее миром, ее жизнью была семья, муж. А он... А у него еще была Россия.

Соседи по комнате оставили их наедине, и впервые за десять лет брака она одарила его не просто поцелуем люби-

мой и любящей женщины, привычной к супружеским ласкам, а поцелуем, в котором он почувствовал нечто материнское. Даже в этой непростой ситуации она была не такой женщиной, как другие: не просила защиты, не требовала, чтобы он, презрев все, стал заботиться о семье, о безопасности детей, а как истинная жена благословляла его идти сражаться и побеждать. И сама почти ничего не говорила об этом. Он говорил, не то объясняясь, не то оправдываясь:

— Тебе не должно быть стыдно, что меня арестовали, содержали в тюрьме, чуть было не растерзали в Бердичеве. Ты могла бы стыдиться за меня, если б я лобызался с большевиками, как Брусиллов⁹. Я сам был бы окончательно сражен, если бы почему-либо товарищ Керенский со своими присными не признал бы меня достойным ареста и заключения. Я удивлялся, зачем нас хотят судить, когда участь наша предрешена! Пусть бы уж сразу расстреляли. Люди жестоки, и в борьбе политических страстей забывают человека. Я не вор, не убийца, не изменник. Я мыслю иначе, не так странно, как те, что сейчас пытаются заключить мир с немцами. Каждый любит свою родину, как умеет, как может, а теперь насмарку идет 39-летняя упорная работа. В лучшем случае придется все начинать сначала. Военное дело, которому целиком отдал себя, приняло формы, при которых остается лишь одно: взять винтовку и встать в ряды тех, кто готов еще умереть за Родину. Легко быть смелым и честным, помня, что смерть лучше позорного существования в оплеванной и униженной России. Как бы мне страстно хотелось передать всем свою постоянную веру в лучшее будущее! Даже теперь, когда уже для себя я жду одно плохое.

— Сережа, я не позволю тебе погружаться в такой пессимизм. Ты лучший из мужчин. Если б я не встретила тебя, то, наверное, ушла бы в монастырь. Я видела вокруг себя только жалкие, хоть и внешне привлекательные, фигуры в различных мундирах людей, занятых лишь тем, чтобы покорить как можно больше женщин, или разбогатеть, или втереться ближе ко двору. А ты, Сережа, настоящий русский воин.

— Марианночка, твои слова вызывают у меня смущение, даже стыд. Наверное, я все-таки хуже, чем ты меня представляешь, но я постараюсь быть таким, каким ты меня видишь.

— Ты настоящий воин, настоящий мужчина, и если у тебя есть грехи, то это грехи война — истинного мужчины. Твои друзья — и Деникин, и другие — все они думают о себе, а не о России. Ты меня прости, но мне не хочется сближаться ни с женами Лукомского и Романовского, ни с невестой Деникина. Все они мелочны и эгоистичны. Они были бы рады, если б их мужья каким-нибудь образом отошли в сторону от этой ужасной борьбы, которая началась в России. Наверное, и за границу с удовольствием бы уехали — только бояться сказать это прямо. А ты...

— Бросить Россию и куда-то бежать? Разве мог бы бросить тебя и детей?..

Вскоре в Быхов приехал Председатель следственной комиссии Шабловский и в течение нескольких дней, пересмотрев материалы дел, освободил большинство заключенных. Остались Корнилов, Деникин, Романовский, Лукомский, Марков.

18 ноября в полдень Корнилов получил телеграмму из Ставки: *«К Могилеву приближается большевистская экспедиция во главе с назначенным советским правительством новым главнокомандующим Крыленко¹⁰. В целях безопасности всем заключенным и полку текинцев предлагаю покинуть Быхов в произвольных направлениях поездом, подаваемым из Могилева к 6 часам вечера. Духонин».*

Корнилов собрал всех пятерых, прочитал телеграмму. Лукомский сказал:

— Ну, далеко на этом поезде мы не уедем.

Корнилов молчал и направился к своим текинцам проверять лошадей.

— А нам с вами, Иван Павлович, придется жен подковывать, — грустно пошутил Марков. — Чтобы от нас не отстали.

У Романовского, однако, был вполне реальный вариант: близкий родственник в Сумах. Не очень, конечно, близкий, но на некоторое время приютит женщин.

— Но кто же их туда отвезет?

И об этом подумал Романовский:

— Вы же знаете, что здесь стоит польская часть Довбор-Мусницкого¹¹, а начальником штаба там мой хороший приятель, подполковник Ряснянский¹². Надо срочно получить разрешение на выход в город, найти Ряснянского, а вечером есть поезд Минск—Харьков. Через Сумы...

План Романовского удался на сто процентов. Он умел составлять очень хорошие планы, умел их выполнять. За это его многие не любили. Вечером госпожи Романовская и Маркова выехали в Сумы.

Над Быховом стояла туманно-печальная тихая осень. Сад опустел, осыпался, потемнел. Решили: надо собираться к поезду и уезжать, а в поезде переодеться и скрываться поодиночке. Текинцы оставили лошадей с коноводами с тем, чтобы те отогнали их в Могилев, и к шести часам зашагали к вокзалу.

Однако поезда не было. Люди волновались, метались между станцией и гимназией, пробивались к Корнилову, но тот ничего не мог объяснить.

Марков уже не в первый раз возвращался с вокзала, пытаясь догнать ушедших раньше Деникина и Романовского, когда из тени домов к нему вышел поручик Линьков. Он был в шинели, а через плечо — еще одна шинель — в скатке; в руке большой саквояж.

— Здравствуйте, господин Марков. Я вас жду, — сказал поручик, останавливаясь.

— Здравствуйте, поручик. Я, знаете, спешу. Надо собраться к поезду. Спасибо вам за помощь в Бердичеве.

— Не спешите, Сергей Леонидович. Поезда сегодня не будет. Слышите, на той улице солдаты шумят? Это ваши текинцы со станции возвращаются. Так что планируйте отъезд на завтра. И пораньше. Если не завтра, то послезавтра здесь будет то же, что и в Бердичеве. Я принес вам солдатскую шинель, а в саквояже — шапка и все остальное.

Предлагаю ехать со мной в Петроград. У меня есть документ на денщика.

— На денщика — это здорово, — Марков даже засмеялся. — Я как раз репетировал матерщину. А в Петрограде не будет так, как в Бердичеве?

— Там я вас представлю как генерала, признающего советскую власть. Будете по-прежнему читать лекции в Военной академии — ведь образованные военные всегда будут нужны. Это, наверное, за вами?

Из темноты выступили фигуры генералов и сопровождающих их солдат.

— Сергей Леонидович! — крикнул Деникин. — Мы думали, что вы заблудились.

— Встретил старого знакомого. Еще по Маньчжурии. Он мне принес маскарадный костюм: форму солдата-денщика.

— Прекрасно! — воскликнул Романовский. — Мы с Антоном Ивановичем как раз обсуждали такой вариант. Будете изображать денщика в дороге.

— Вот и я то же предлагаю, — сказал поручик, снимая скатку шинели. — Переодевайтесь, Сергей Леонидович.

Шинель и саквояж передали солдатам. Деникин пригласил поручика на чай, тот вежливо отказался.

— Мы с ним погуляем, — сказал Марков. — Вспомним старое.

И они остались вдвоем на темной улице засыпающего городка. Здесь можно говорить, думать, решать. Говорить о перевернутой России, думать о будущем, решать свою судьбу. Решать, может быть, самый главный вопрос жизни, возникший перед русскими людьми осенью 1917. Но Сергей Леонидович не собирался говорить о России с большевиком, не задумывался о далеком будущем и тем более не хотел ничего решать. Все было решено: он знал, что должен делать, куда и с кем надо идти.

Линьков его не понимал:

— Ведь эти генералы во главе с Корниловым затевают гражданскую войну, — говорил он. — Их планы известны: ехать на Дон и поднимать против советской власти казаков и офицеров. Начнут братоубийственную войну против сво-

его народа. Ведь это так? Вы, наверное, здесь вместе с ними какие-нибудь стратегические планы уже строили?

— Было, — и Марков засмеялся. — Между моими папьянсами рассматривали различные планы разгрома германской армии на нашем фронте, но... Вы и ваши единомышленники убедили солдат, что России не нужна победа над немцами, не нужна военная слава. Ваш Ленин уже приказал Духонину начать мирные переговоры с немцами. Почему? Разве они нас победили? Или он действительно немецкий шпион?

— Вы сами не верите в эту бессовестную клевету. Ваш бывший император заключил позорный мир с японцами, что ж, он тоже японский шпион? Вот я вспомнил наш длинный разговор в Маньчжурии. Помните? Падение Порт-Артура и в самом деле стало началом падения самодержавия. Вы там, под Сандепу, усмехались над моим вольнодумством, но я же был прав. Такое государство не может существовать. Оно было устроено так, чтобы у власти обязательно оказывались бездарнейшие люди. Десяти миллионам мужиков, которые их ненавидят, они раздали винтовки. Вот мужички ими и воспользовались. А вы или ваши начальники хотят все повернуть обратно.

— Михаил Георгиевич, я не начинаю войну, но я не могу изменять своим боевым товарищам, своему долгу перед Россией — защищать ее от врагов, а вы падаете на колени перед врагами государства.

— Но в новой России, которую создаст Учредительное собрание, все будет по-другому. И у нас с вами будут общие враги и общие друзья. Мы создадим сильную свободную страну.

— А для этого я должен объединиться с вами и вашими соратниками, например с господином Иорданским, который и сейчас мечтает разорвать нас, генералов, на части за то, что честно воевали за Россию против немцев? Поздно уже и холодно. Спасибо за помощь.

— Неужели нам нельзя мирно жить вместе в одной России?

— Под руководством Ленина и Троцкого не удастся. Вы это знаете. Знаете и то, что таких, как я, много, и уве-

рен, будет еще больше. Может быть, даже больше, чем вас, хотя вы и большевики.

— Каламбур у вас получился.

— Что ж, посмеяться всегда полезно, только вот почему-то мне не до смеха.

— Я на прощанье скажу вам тоже без шуток: я не хочу сражаться с вами, генерал Марков, и с вашими друзьями. Я вас уважаю и хочу видеть гражданином новой России. А вы хотите сражаться против меня и моих товарищей. Хотите нас уничтожить.

Так они разошлись в ночи, оба взволнованные предчувствиями грозного будущего. «Почему эти культурные благородные люди не хотят присоединиться к нашей народной правде?» — с искренней горечью думал один. «Почему этот интеллигентный образованный человек идет вместе с чернью, одураченной хитрыми негодяями, и действительно не понимает, что эта чернь никогда не примет в свои ряды дворян-офицеров и уничтожит их, как уничтожит всех лучших людей России?» — недоумевал другой. И почему-то никто из них не подумал о том, что можно просто отойти в сторону и наблюдать за происходящим или, например, уехать за границу и ждать, чем все кончится. Нет. История распорядилась так, что они оказались в числе главных действующих лиц. Впрочем, и уехавшие не остались зрителями — они тоже играли свои роли, дополняя великий спектакль необходимыми эпизодами.

Едва успели отужинать и сидели над застывшим чаем, обмениваясь тревожными замечаниями, как издали донеслись голоса часовых, хлопанье дверей, послышались шаги на лестнице, и в столовую вошел знакомый всем полковник Кусонский из Ставки. Его усадили за стол и в напряженном молчании ждали, что он скажет. Услышали странное:

— Я знаю, господа, что вас обеспокоило отсутствие обещанного поезда, но это сделано по приказу Николая Николаевича. Мы узнали, что отряд Крыленко остановился в Орше, а в Могилев прибудет только небольшая делегация во главе с генералом Одинцовым. Генерал и его люди, разу-

меется, никакой опасности ни для вас, ни для нас не представляют. Поэтому генерал Духонин отложил отправку поезда и просил меня передать вам, чтобы вы оставались на месте.

— Это, знаете... — начал Корнилов и остановился, подбирая слова.

— Это легкомыслие! — воскликнул Деникин. — Если не воспользоваться более резким словом. Крыленко к нам не поедет? Кто это так ловко одурманил вас? Его же Ленин назначил Верховным главнокомандующим! Он обязан прибыть в Ставку.

— Антон Иванович совершенно прав, — сказал Корнилов. — Отменив поезд, Духонин значительно ухудшил наше положение. Он совершенно не понимает сложившуюся обстановку и губит себя и нас. Мы здесь ни в коем случае не останемся, благо пропуска вы нам заранее оформили, и прошу передать Николаю Николаевичу мой совет: немедленно покинуть Ставку.

— Разумеется, — поддержал Романовский. — Духонин не выполнил приказ Ленина начать переговоры о мире с немцами. С точки зрения так называемой власти Советов, он — изменник.

— Мы в Бердичеве видели с Сергеем Леонидовичем, как относятся солдаты к тем, кого большевики считают изменниками, — напомнил Деникин.

— Нагляделись, — подтвердил Марков. — Уже прощались с Антоном Ивановичем.

Лукомский тоже возмущался и недоумевал.

А Кусонский в основном помалкивал, иногда коротко объясняя, что он всего лишь передает указания Духонина.

— А сами-то вы что об этом думаете? — спросил его Романовский. — Кстати, как вы доехали из Могилева?

— Обыкновенным паровозом без всяких приключений. В дороге тишина и порядок.

— Перед бурей, — уточнил угрюмо Марков.

— И обратно поеду на паровозе — договорился с машинистом. Поездов сегодня больше нет. Разрешите с вами попрощаться, господа. Все, что вы говорили, я в точности передам Николаю Николаевичу.

После его отъезда Корнилов вызвал коменданта подполковника Эргардта¹³ и в присутствии всех генералов отдал распоряжение на подготовку к немедленному отъезду.

— Завтра, 19 ноября, мы все покидаем Быхов. Кавалерийский полк текинцев должен быть готов выступить в поход завтра вечером. Поэтому немедленно посылайте людей в Могилев, чтобы еще затемно вывести оттуда оставшийся наш эскадрон. Немедленно. Чтобы они не ждали рассвета. Проверить, как подкованы лошади. Утром я проверю сам. Цель похода — Новочеркасск.

Озабоченный комендант бросился выполнять распоряжения, генералы приступили к обсуждению своих планов.

— Я оставить полк не могу, — решительно заявил Корнилов. — Особенно теперь. Я должен идти с текинцами. Если же в пути выяснится, что мне необходимо отделиться от полка, то один я это сделать смогу. Если же мы пойдем с полком все пятеро, то будет очень сложно нашей маленькой группе остаться без солдат в незнакомом месте в неясных условиях. Предлагаю вам разделиться по парам.

После краткого разговора решили, что Марков пойдет с Романовским, Деникин — с Лукомским.

Последнюю ночь быховские арестанты спали плохо. Корнилов вообще часов до трех не ложился, проверяя готовность полка. Другие прислушивались к каждому звуку — не дошла ли страшная волна из Петрограда? Марков, пробуждаясь из полудремы, с горечью думал о себе как о человеке, окончательно выброшенном из своей страны. Еще вчера он был генералом русской армии, пусть арестованным несправедливо, обвиненным, подлежащим суду, но все-таки русским генералом, гражданином своей страны, а кем он окажется завтра — беглецом, переодетым в чужую одежду, пробирающимся в чужой край, не знающим, как его там примут, что он будет делать для своей страны, для своей семьи? Правильно ли он решил немедленно вызвать сюда жену?

Задремал перед утром, проснулся около семи часов и увидел уже одетых Деникина и Романовского. Спокойствие и шутка — вот что необходимо в такие времена, и он сказал:

— Прапорщик инженерных войск Романовский, на каком основании вы надели генеральский мундир?

— Я не Романовский, а Лиханов. А ты, Сережа, мой денщик Семен! Поднимайся и учись сапоги чистить.

Ритмичные шаги торопливо простучали по лестнице. Два генерала пошли на второй этаж, постучали в комнату, занимаемую Корниловым. Дверь сразу открылась — генерал не спал.

Пришел и Лукомский и сказал, входя:

— Господа, снова примчался Кусонский из Ставки, сейчас он у Корнилова.

— По-видимому, ночью произошло что-то серьезное, — предположил Деникин.

— Если и не произошло, то сегодня произойдет, — заверил Марков. — Еще одно кровавое воскресенье.

— Больше уверенности, господа, — сказал Романовский, стараясь и голосом, и своей внушительной осанкой выразить надежду на успех. — Нас здесь всего пять генералов, но мы представляем лучшую часть русской армии, и сегодня наша главная задача — уцелеть, выжить, остаться в строю и начать борьбу против предателей России, захвативших власть. Соберем же всю свою волю, решимость, смелость, осторожность и доберемся до Новочеркасска, до Каледина. Там мы будем в безопасности: испокон веков с Дона выдачи нет. Генерал Алексеев уже начал собирать офицеров и юнкеров...

В дверь постучали — вестовой Корнилова передал, что их вызывает Лавр Георгиевич.

Корнилов и Кусонский сидели за столом, приглашенные генералы устроились на стульях у стены. Марков, глядя на бывшего Верховного, подумал, что такое выражение лица у военачальника возникает, когда тот все тщательно продумал и решил начать сражение. Штакельберг в Маньчжурии¹⁴, чем-то тяжело болевший, в подобные моменты выздоравливал и становился во весь рост на командном пункте с таким же лицом, какое было теперь у Корнилова.

— Итак, господа, наше заключение окончилось. Полковник привез нам из Ставки официальные документы, свидетельствующие о нашем освобождении. Вы сами пре-

красно понимаете, что эти документы нужны лишь нашему коменданту и командиру Георгиевских кавалеров, неспешившую внешнюю охрану. Ставка будет занята большевиками, по-видимому, сегодня вечером. К этому времени мы должны исчезнуть из Быхова. Я выведу со своим полком после вас. Сейчас я приглашаю всех на мою квартиру в городе. Там вы переоденетесь, и мы попрощаемся. Вы хотите что-нибудь сказать генералам, господин Кусонский?

— В Ставку я больше не вернусь — так договорился со своим начальником генерал-квартирмейстером Дитрихом. На своем паровозе еду в Гомель. Могу взять двоих из вас.

— Нам с Сергеем Леонидовичем хотелось бы немножко подальше, — сказал Романовский. — В Сумы. Там наши жены.

— Вы считаете 400 верст — немножко? — усмехнулся Кусонский. — Попробуем договориться с бригадой.

Выезжали из Быхова днем. Скучное зимнее солнце вдруг высветило крыши тихого городка, и дни, проведенные в нем, представлялись не такими уж плохими. Выбрались с Романовским на тендер, пытались найти среди убегающих домов стены гимназии.

— По-моему, вон там, за тополями, — указал куда-то Романовский.

— Скучать будете? — спросил Кусонский, пробираясь к ним по россыпи угля.

— Еще как будем, — подтвердил Марков. — Сейчас бы Ксения бутылочку нам принесла... А вы о Могилеве будете вспоминать?

— Я сейчас только и думаю о том, что там происходит. Не понимаю легкомысленности Духонина. Почему он не уехал в Киев? Сам же нам говорил, что Крыленко, наверное, его арестует или даже расстреляет. «Это, — говорил, — будет солдатская смерть».

То страшное, что Духонин даже не мог предположить, произошло 20 ноября. Ночью сыпал снег, и эшелон Крыленко подошел утром к заснеженному перрону, остановился на первом пути. Из вагонов высыпали матросы, во-

оруженные винтовками и маузерами, у штабного вагона выстроился караул — человек 10 самых крепких, самых верных.

Матросы мгновенно затоптали перрон, засыпали, заплевали семечками. В морозном воздухе разлился запах махорки, загрохотал многословный революционный мат. Командиры отрядов — такие же моряки, но погорластее, крепче и обязательно с маузерами в оранжевых деревянных кобурах. Им повиновались, но как бы не всерьез: «Погоди, Вася, командовать — еще не докурили...» Хотя знали меру — революционную дисциплину, знали, что за невыполнение приказа — пуля из маузера. Да и командиры понимали, что у их власти есть граница, а ее лучше не переходить: объявят контрой, устроят перевыборы, а то и пустят в расход.

Олег Руденко кое-как собрал свой отряд черноморцев, приказал, уговорил, убедил не расходиться, не покидать вокзал, пока нет приказа Крыленко. «Вон твой Крыленко, — закричали матросы, — из кают-компания вылез. Ща поведет Ставку громить. Проверь пушки, ребята!..» Крыленко вышел из штабного вагона в новой офицерской шинели с зелеными фронтовыми погонами прапорщика, в меховой шапке с нашитой красной лентой. Никаких громких команд не отдал, лишь сказал несколько слов своим помощникам и конвойным. Толпа на перроне немедленно упорядочилась: возникли построившиеся шеренгами отряды матросов-кронштадтцев — на бескозырках: «Рюрик», «Олег», «Аврора»...

Эти отряды направились к Ставке. Сам Крыленко остался в поезде, ожидая результатов. По перрону от одного к другому передавалось: «Если Ставка не подчинится, возьмем силой. Готовьте штыки, ребята!»

Появились местные — и гражданские, и солдаты, и офицеры — в основном прапорщики, поручики. Руденко узнал поручика Линькова.

— Эй! — крикнул матрос. — Здорово, поручик. Как насчет закурить? У меня лучшие папиросы из царских складов. Только малость слабоваты. Угощайтесь. Потравим, как теперь жить будем?

— Должны бы хорошо жить, товарищ матрос. Олег Иванович, кажется? Ах, Петрович. Мир с немцами подпишем, по домам разойдемся. Хороший революционный порядок везде наведем.

— А контру куда? Духонин отказался мир с немцами подписывать. Приказ Ленина не выполнил. Куда его? А тех генералов, что с Корниловым хотели революционный Петроград кровью залить? Которые смертную казнь на фронте ввели, чтобы народ на смерть гнать за буржуйские деньги? Сейчас Ставку возьмем и будем со всеми разбираться.

— Разбираться, как в Бердичеве?

— Как народ постановит.

И народ постановил.

Сначала солнце ударило в глаза блеском тающего снега — высветило, как в театре в нужный момент, главный эпизод. Распахнулись двери вокзала, и в толпу врезался отряд матросов, возвращающихся из Ставки. Зазвучали грозные команды: «Разойдись!.. Очищай палубу!.. А ну, назад на 20 шагов!.. Да-арогу!..»

Растолкав толпу, матросы конвоя, выстроившись шеренгами, образовали проход, и в нем появились арестованные в Ставке, сдавшиеся без сопротивления несколько генералов и офицеров. Впереди — Духонин. Низко опущенная голова, из-под козырька фуражки бледно-зеленое пятно лица. Вместе с движением арестованных, направлявшихся к поезду, катилась по толпе весть: «Выпустили Корнилова и его сообщников!.. Продали нас генералы!.. Предатели!.. Смерть контре!..»

Короткая процессия быстро скрылась в вагоне, толпа мгновенно захватила проход и вплотную прижалась к матросам, охранявшим штабной вагон. «Отвали! — кричали те. — От борта!..» А толпа свирепела: «Контру прячет!.. Крыленко сюда!.. Крыленку-у!..» В вагоне, конечно, все слышали, и на площадке появился озабоченный Крыленко с бесстрашным взглядом, спустился на ступеньку, поправил усы, упрямо выдвинул узкий подбородок, громко сказал:

— Товарищи! Происходит допрос арестованных, и я прошу соблюдать революционный порядок!

Почти вплотную к вагону пробился Руденко, рядом с конвоем показалась сдвинутая на лоб бескозырка с георгиевскими ленточками.

— У нас к вам вопросик, товарищ командующий, — громко, по-митинговому, прозвучал его голос. — Куда это исчез генерал Корнилов и его подлые генералы-помощники? Кто и куда запрятал их от революционного суда?

Перрон вновь взревел, бушевал человеческой бурей, и Крыленко, не случайно так возвысившийся в свои 32 года, приобретший революционно-митинговый опыт, понимавший, чего стоит малейшая ложь, малейший начальнический нажим, сказал отчетливо и бесстрастно:

— Генералы-заговорщики, находившиеся в Быховской тюрьме, освобождены приказом бывшего Главкома генерала Духонина!

Толпа яростно зашумела, закачалась, нажимая на конвой у штабного вагона. Кричали: «Продали нас!.. Давай его сюда, предателя!.. Нам на допрос Духонина!..»

— Духонина на бак! — выделился голос Руденко.

Крыленко видел перед собой массу разъяренных, угрожающих лиц. На него смотрели враги! Но он же им не враг. Стараясь быть спокойным, словно речь идет о законной просьбе братишек-матросов, он сказал:

— Я согласен, товарищи. Я попрошу генерала Духонина ответить на ваши вопросы.

Новый взрыв торжествующе-яростных восклицаний, и толпа зловеще затихла. Что-то изменилось в воздухе над станцией Могилев, и солнце застряло в туманных зимних облаках. Линьков стоял в толпе шагах в двадцати от штабного вагона. Он ожидал, что сейчас Крыленко сам выведет генерала, и суровые усачи — матросы охраны — не допустят беспорядка. Ожидал, как заставлял себя ожидать, но сердце уже бешено колотилось, как перед чем-то страшным, как перед безнадежной атакой.

На площадку вытолкнули одного Духонина, а матрос из охраны грубо рванул его за шинель, заставив спуститься на ступеньки вагонной подножки. В этот момент охрана исчезла. Линьков не заметил, сами они отошли или их оттеснила толпа, он лишь увидел, как к генералу рванул-

и Руденко, за ним еще матрос, еще... Гулкий щелчок выстрела обозначил начало финальной сцены. Дымок от матюга еще поднимался к вагонной крыше, а ослабшее тело в генеральской шинели падало в многочисленные кровожадные руки, и окровавленный штык высунулся над головами, и дикий рев стоял в толпе, терзающей останки генерала.

Линьков, с трудом выбравшись из разъяренной толпы, вышел в почти пустой вокзал. За ним — еще несколько офицеров и солдат. Они тоже не хотели участвовать в этом. Поручик сел на скамейку, и время не то остановилось, не то наоборот, ускорило свое неумолимое движение, но текло сквозь него плавно, без рывков. Поток времени создавал в ушах шум, похожий на тот, что издает морская раковина. Казалось, что люди, идущие мимо или садящиеся на скамейки, достающие из вещмешков куски хлеба и еще какую-то еду, двигаются плавно, медленно и бесшумно. Не удивился, что рядом с ним сел матрос Руденко, лущающий семечки, поплеывающий шелухой, играющий губами.

— Вот так, поручик, народ судит предателей.

— Это не суд, а расправа.

— Называй, как хочешь, а нету больше главной контры. А те, что исчезли в тумане моря голубом, как говорил наш мичман, видать, взяли курс на Дон, к казакам. Те — известные царские холуи. Всегда против народа. Корнилов летом Питер не взял, теперь опять пойдет. Нас с тобой, поручик, не пожалеет, как ты в Бердичеве Маркова жалел.

— Как мы с ними, так и они с нами.

Потом, оставшись один, Линьков вышел на опустевший перрон. Здесь уже убрали. У штабного вагона воробы, вороны, толкаясь, копошились в лужах крови, заплыванных шелухой.

В этот роковой день полковник Ряснянский успешно завершил переезд в Сумы жен генералов Романовского и Маркова, оставил женщин в гостеприимном доме господина Харитоненко и затем целый день отдыхал, гуляя со своей супругой по тихому еще городку, лакомясь местными варениками и галушками, закусывая горилку свежими

антоновскими яблоками. Вечером собрался в обратный путь, в Быхов.

На вокзале еще не установился революционный порядок, и полковник без труда нанял носильщика от камеры хранения, отправил его в кассу за билетом, а сам, почувствовав усталость, устроился в буфете, который, к сожалению, уже не работал. Сел за столик и задремал. Его разбудили чьи-то решительные шаги и грохот отодвигаемого стула. Напротив полковника по-хозяйски уселся прапорщик инженерных войск с очень знакомым лицом. Под удивленным взглядом Ряснянского прапорщик поднялся и отдал честь, странно улыбаясь.

— Так это вы, Иван Павлович? — узнал наконец Романовского полковник.

— Надо было еще и загримироваться — тогда бы, наверное, не узнали.

— Как вы здесь оказались? Я же с вами в Быхове прощался.

— Мы на паровозе всю дорогу мчались. Вчера из Быхова, только что приехали сюда, побывали у Харитоненко и едем дальше, на Дон. Вдвоем с Марковым.

— А где же Сергей Леонидович?

— На платформе. Пойдемте, поищем его.

Как раз подоспел носильщик с билетом, полковник попросил его посидеть с вещами и вместе с Романовским вышел на перрон. Уже почти ночь, до поезда еще около часа, редкие фонари, черная тьма над голубоватым снегом, едва присыпавшим пути, где-то пиликает гармошка, у одного из фонарей — солдат. Оперся о столб и лущает семечки. На проходящих мимо офицеров только покосился и даже лущу сплюнул чуть не на них. Дошли до конца платформы.

— Где же Марков? — спросил полковник.

— Не узнали? — усмехнулся Романовский. — Это же он семечки грызет.

Вернулись. Полковник поднял руку, чтобы отдать честь, но Марков грозно предупредил полупшепотом:

— Попробуйте только отдать честь и назвать меня ваше превосходительство. Здесь полно солдат.

— Это мой денщик, — представил Маркова Романовский. — Парень боевой и покладистый, но революция его испортила.

— У денщика житее особое, — заговорил Марков чужим наглым голосом. — Всю ночь они в карты режутся, а ты им подавай. Э-эх, ребята, вашу мать! Спрашивал я свою милу, может, любишь через силу, а она смеется, в руки не дается... Ну как? Хорош революционный солдат Марков?

— Хорош у меня денщик. Вещи целы. Билет не потерял?

— Никак нет, господин прапорщик. Так что, значит, вы во втором, а я, как положено, в третьем.

— Скоро поезд, — сказал Романовский, посмотрев на часы, — наш харьковский раньше вашего. Только не понимаю, зачем вы едете в Быхов? У вас там какие-нибудь дела?

— Я же на службе у поляков.

— Вы на службе у России, — сказал Марков. — Меняйте билет и едем с нами.

Полковник решил мгновенно.

— В Быхов не возвращаюсь. Билет сдаю, но с вами сейчас поехать не могу — надо предупредить жену, попрощаться с ней. В Новочеркасске встретимся.

К Новочеркасску стремились те, кто знал, что нет ему места в новой России, кто верил, что силой оружия можно вернуть прошлое, казавшееся теперь чуть ли не прекрасным. Стремилась объединиться вокруг кого-то, а те, кто должен был объединить будущих бойцов за прежнюю Россию, сами еще только пробирались тайком туда, где как будто возникал центр борьбы против большевиков.

Утром 21 ноября Марков и Романовский, то есть денщик и прапорщик, вышли из поезда в Харькове — здесь требовалось пересест на поезд, идущий в Ростов. Заняли очередь за билетами. Вокруг больше всего солдат, но и гражданские толпятся, желая уехать этим же поездом. На многих одежда с чужого плеча — переодетые офицеры. Кричат, поют, громко разговаривают только солдаты, многие с оружием, но неряшливые, расхристанные, агрессивные.

— Чего нам офицеры? — кричит один, поглядывая на терпеливо сжавшего губы капитана. — Если не сволочь, так лодырь, дармоед, на чужом хребте сидит...

— Самое главное — надо на их громом грянуть, чтобы очумели, — поддерживает другой, с бешеными глазами. — Чтобы не очухались...

— Поизмывались над нами, хватит! — кричал третий. Все против офицеров.

Марков самонадеянно решил и свой «солдатский» голос подать:

— А в денщиках служить — это как? Он в чести, а ты ему сапоги чисти. Народ не потерпит классовой несправедливости...

Романовский незаметно знаком остановил его и позвал за собой, шепнул по дороге:

— Книжные выражения допускаете, денщик. Так нас живо узнают. А теперь почитайте это.

На стене вокзала красовалось написанное аршинными буквами объявление:

«ВСЕМ, ВСЕМ! ГЕНЕРАЛ КОРНИЛОВ БЕЖАЛ ИЗ БЫХОВА. ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ ПРИЗЫВАЕТ ВСЕХ СПЛОТИТЬСЯ ВОКРУГ КОМИТЕТА, ЧТОБЫ РЕШИТЕЛЬНО И БЕСПОЩАДНО ПОДАВИТЬ ВСЯКУЮ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННУЮ ПОПЫТКУ. ВСЕМ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКАМ ПРИНЯТЬ ВСЕ МЕРЫ К ЗАДЕРЖАНИЮ КОРНИЛОВА И ДРУГИХ ГЕНЕРАЛОВ, БЕЖАВШИХ ИЗ ЗАКЛЮЧЕНИЯ».

Около стены с наклеенным объявлением толпились солдаты.

— Корнилова генерала я сколько раз видел. Вроде бы русской крови, а по лицу выходит калмык или татарин. Вообще храбрый генерал, но солдата не переносит, ему солдат божья котлетка, изрубил и скушал. Сам в плен ушел¹⁵, а солдат бросил.

Марков рвался в спор:

— Он же бежал из плена...

Романовский остановил:

— Сергей, беги в кассу — очередь подходит.

У кассы тоже говорили о Корнилове:

— Где у генерала Корнилова сердце искать, даже доктора не знают, — со злой усмешкой говорил солдат в аккуратной шинели с винтовкой за спиной. — К генеральской груди с трубкой не подпускают, но мы, солдаты, найдем его сердечко, штыками поковыряемся и найдем.

— Верно, браток, — воскликнул Марков — денщик прапорщика. — По законам стратегии необходимо обнаружить слабое место в обороне противника.

— Что-то ты, брат, много стратегии где-то нахватался, — с недобрим удивлением обратился к нему солдат с винтовкой. — Сам-то ты...

В этот момент гудок паровоза, грохот вагонов и, главное, толпа, ринувшаяся к путям, возвестили о прибытии поезда. Романовский и Марков побежали вместе со всеми, втерлись в живую копошащуюся стену, прижатую к вагонам.

— Вы бы помалкивали, Сергей, — шепнул Романовский, притиснувшись к Маркову. — Мат и семечки у вас получают, а в разговорах все интеллигентщина лезет.

Если бы они оглянулись, то увидели бы в толпе польского помещика Домбровского, которого изображал генерал Деникин. Он их заметил, и стало легче на душе: трое из пяти пока двигались к месту. В вагон вместе с ними сесть не удалось. Поезд был так набит, что ни выйти из купе, ни даже приоткрыть дверь в коридор, где люди лежали вповалку. В тяжелом воздухе висят солдатский мат, злоба, невежество. Кто-то кощунственно пародировал церковную проповедь:

— Братие! Оставим все наши споры и раздоры. Осеним себя красным знаменем и сольемся воедино. Возьмем топоры да вилы, примкнем штыки к винтовкам и пойдем вспарывать животы буржуям. Аминь.

Солдаты одобрительно гоготали.

— И офицерье! — закричал какой-то озлобленный в грязной шинели. — Продавали нас на фронте! В тылу у нас мосты портили...

И вновь яростное одобрение. У двери купе стоял присялонившийся старый худой человек в гражданской одежде. Он вдруг вскрикнул негромко, не пытаясь перекричать солдат:

— Проклятые! Ведь я молился на солдата... А теперь вот, если б мог, собственными руками задушил бы!..

После Изюма в поезде стало несколько свободнее, и Деникин, перешагивая через спящих на полу, пробрался в третий вагон, куда, как он видел, сели Марков и Романовский. Нашел их, один сидел в купе с каким-то поручиком, у двери скромно пристроился денщик — Марков. Прапорщик Романовский, увидев Деникина, поднялся, радостно приветствовал, освобождал место. Денщик выражал свою радость молча. Молодой поручик уступил место у окна.

— Я, знаете, возвращаюсь из отпуска в Кавказскую армию и там насмотрюсь пейзажей.

— Да мы, собственно, тоже в Тифлис, — сказал Деникин.

— Садитесь, садитесь. Ваше лицо мне знакомо. Где-то виделись.

— Какая-то большая станция, господин прапорщик, — перебил поручика Марков.

Тот отвлекся, глядя в окно.

— Станция Лиман, — прокричал проводник. — Стоим 10 минут.

— За кипятком сбегая, господин прапорщик, — сказал Марков, — вашего знакомого надо чайком угостить.

— Давай, Сергей, беги, — сказал Романовский.

— Извини, друг, — обратился поручик к Маркову. — Купи мне папиросы. Вот тебе три рубля.

— Куплю, конечно, господин поручик. Мне это не составит труда.

Поручик, наверное, удивился оборотам речи денщика, а Романовский взглянул на Деникина и осуждающе покачал головой: не может Марков полностью переключиться на солдатский язык.

Вернулся с кипятком и папиросами, поручик поблагодарил, полез в карман, достал рублевую бумажку, нерешительно помял в руке, положил обратно... Поезд тронулся, вновь закачался, заскрипел вагон, метель за окном побегала вдогонку. Пили чай вприкуску, поручик с легким смущением рассказывал, что в полку его, наверное, ждут

два чина и орден Владимира. Потом опять вспомнил, глядя на Деникина:

— Где же все-таки я вас видел? Ваша летучка не была ли во 2-й дивизии в 1916 году?

— Что вы, поручик. Я служил, конечно, немного, но в перевязочном отряде. А на фронте по-настоящему и не был.

Поздно вечером проехали Таганрог, ночью были в Ростове. На перроне полно военных шинелей, казачьих папах, растерянных людей с мешками.

— Все здесь как-то неясно, — сказал Марков. — Но я почти дома. Тетушка, двоюродные сестры... Останусь до утра. — Поручик с удивлением смотрел на денщика, так свободно бросающего своего офицера, но промолчал и предложил свои услуги:

— Я вам возьму билет до Тифлиса и займу места, а вы не спеша собирайтесь.

— Нет, милый поручик, — решил немного раскрыться Деникин. — Едем мы вовсе не в Тифлис, а в Новочеркасск; а во 2-й дивизии мы с вами действительно виделись и под Рымником вместе дрались. Прощайте, дай вам Бог счастья.

— А-а! — обрадовался и изумился поручик. — Я вас узнал...

— Не надо меня называть. Надеюсь, мы с вами скоро встретимся. Скажите мне свою фамилию.

— Поручик Савелов, ваше...

— Тшш...

22 ноября утром Деникин и Романовский прибыли в Новочеркасск, побродили по перрону. К ним подошел незнакомый офицер, спросил, кто они и кого ищут.

— Мы из Быхова, — сказал Романовский. — У нас поручение к генералу Алексееву.

— Езжайте в гостиницу «Европейскую» и найдите полковника Лебедева.

Так они прибыли туда, где должно было начаться движение против большевиков за возрождение России. На другой день к ним присоединились Марков и генерал Лукомский, пробиравшийся через Москву.

Самым тяжким путь на Дон оказался для генерала Корнилова. Отправившись из Быхова в час ночи 20 ноября, текинский полк во главе с генералом прошел в первые семь суток более 300 километров без дневок, по дорогам и без дорог, лесом, болотами, по заснеженной целине в сильный мороз и гололедицу. 26 ноября пытались пересечь железную дорогу восточнее Унечи. Явившийся добровольно крестьянин-проводник навел текинцев на большевистскую засаду, встретившую корниловцев огнем из винтовок. Пытаюсь обойти Унечу с другой стороны, нарвались на поезд с пулеметами и установленными на площадках орудиями. 1-й эскадрон круто повернул в сторону, ускакал и больше не появлялся. Через несколько дней его разоружили большевики. Полк рассыпался. Под Корниловым была ранена лошадь. Она вынесла генерала из огня и пала.

С трудом собрав оставшуюся часть полка, Корнилов сумел пересечь железную дорогу и решил расстаться с текинцами. Больной, измученный тяжелой дорогой с документами беженца из Румынии Лариона Иванова, Корнилов прибыл в Новочеркасск 6 декабря.

Из текинского полка до Новочеркаска добрались только 40 человек. Из них всего семеро вступили в формируемую Добровольческую армию.

КУДА ИДТИ УМИРАТЬ

Еще у родственников в Ростове, вынырнув из жуткого моря солдатского кровавого хамства, Марков окончательно убедился, что его страны, России его предков, России, которой он служил и за которую готов был умереть, этой страны больше нет. Возродится ли она, как надеются Корнилов, Деникин и их соратники? Это знает только Бог. Его же, генерала Маркова, не оставляет предчувствие, что больше никогда не будет он читать лекции офицерам-слушателям Академии Генерального штаба. Значит, если возродится Россия, то без него, а его судьба — умереть за Россию.

Нервная напряженность, позволявшая ему в дороге от Быхова изображать солдата-денщика, лущить семечки и материться, сменилась тяжелым ожиданием неизвест-

ной опасности. Ночь он провел у родственников, но отдохнуть не удалось — они почти не спали, прислушиваясь к неожиданным выстрелам за окнами, ожидая, что к ним вот-вот ворвутся и будут грабить, а то и уведут на расстрел. Считается, что город находится под властью донского атамана Каледина, но Совет действует почти открыто, разлагая казаков, и в любой момент может вывести на улицы озлобленных рабочих с красными флагами и провозгласить советскую власть. Мучили мысли о жене, застрывшей в Сухих, и... об Ольге из Быхова: как он мог?

Дон, атаман, казаки... Сюда стремились, как в заповедник старой России, но оказалось, что генеральский мундир здесь недопустим. Нашел для себя теплую зеленую куртку военного покроя и белую высокую кавказскую папаху. Придет время — нашьет погоны. Может быть, даже это случится в Новочеркасске. Однако уже в утреннем поезде, забравшись в темный угол и притворяясь спящим, он терял остатки оптимизма, прислушиваясь к разговорам казаков:

— Нас, было, Каледин собрал и пошел свое: защитим родной Дон, большевики наши враги, все, как один, станем стеной!.. Столько уж мы этого слышали еще на фронте. А теперь опять, значит, иди воюй. За что? Красные не против нас, а против генералов...

— Слышь? В Таганрог будто миноносец пришел, и все на ем большевики.

— Ты дале слушай. Как пошел Каледин, как пошел, а один наш казак закричал: «Чего нам слушать? Знаем! Надоели! Расходись, ребята!» И мы все потихоньку и разошлись...

С другой стороны беседу вели степенные, бородатые:

— Не-ет. Энта весна будет наша. Сеять сами будем, а кому охота воевать — пуцай стараются.

И чуть ли не через весь вагон пролетел тонкий злобный голос:

— А зачем генералы со всей России к нам едут? Самые главные! Чтобы обратно на войну нас гнать?..

Наверное, были и другие мнения, но высказывать их боялись.

На перроне в Новочеркасске появились некоторые про- блески — офицеры и юнкера в форме. Втроем подошли к нему — поручик и двое юнкеров-константиновцев.

— Кого-нибудь ищите, господин? — спросил офицер.

Марков покосился на юнкерские погоны с вензелем К, подмигнул и потихоньку пропел:

— «Все математики старались, и корень вдруг изобре- ли...» А как дальше — забыл.

Юнкера рассмеялись и продолжили:

— «Артиллеристы догадались. И корень в пушку за- прягли...»

Прониклись уважением, узнав, что перед ними выпу- скник Константиновского училища 1898 года, генерал Марков.

— Простите, что не в форме, — решил оправдаться. — Не знал, что вы будете меня встречать.

— Правильно, что переоделись, — сказал офицер, — все еще неясно. Наших мало. Большевиков и в Ростове, и здесь полно. Того и гляди организуют восстание. Казаки воевать не хотят. Молодежь за красных. Власть Каледи- на — не дальше Атаманского дворца. Сам Алексеев пря- чется, и вообще его сейчас здесь нет — уехал в Екатерино- дар на совещание с Кубанским правительством. Пойдемте, мы проводим вас в офицерское общежитие. Это на горке — Барочная, дом 2. Но наших прибавляется. Каждый день приезжают московским поездом...

Настоящий русский зимний день с красноватым солн- цем, невысоким и нежарким; сверкающий купол собора; памятник Ермаку; Триумфальная арка в честь победы в Отечественной войне; казачий патруль на улицах; юн- кера, строим шагающие в баню; воспетые Пушкиным го- лубые сугробы под синим небом — родная Россия... Нет. Не родная: трое русских генералов — оглядывающиеся, переодетые кто во что — с опаской приближались к Ата- манскому дворцу. Деникин в добротной помещицкой шу- бе, Марков — в странной зеленой куртке и белой огром- ной папахе, Романовский — в шинели с погонами пра- порщика.

— Хоть одного казака завербуем в свою армию — Кале- дина, — сказал Марков.

— Да, это было бы смешно, когда бы не было так реаль- но, — ответил Романовский.

— А как он прекрасно воевал, — напомнил Дени- кин. — Помните, Сергей Леонидович? Карпаты, зима 1915 года...

12-й корпус Каледина наступал на Ужгород, чтобы от- бить контрнаступление противника, пытавшегося разбло- кировать осажденный Перемышль. Не только пулеметы, но и метель в лицо, сугробы, обычная русская неразбери- жа — артиллерия бьет по своим, а свои — это 4-я Железная бригада, где командир — Деникин, а начальник штаба — Марков.

— Сергей Леонидович, — кричит Деникин в теле- фон, — прикажите прекратить огонь всей нашей артилле- рии и выезжайте ко мне.

Приказ пошел по телефонным проводам во все батареи, а та злополучная продолжала постреливать и... все по сво- им. Когда Марков через сугробы добрался до командного пункта Деникина, тот уже разобрался: ведет огонь каледи- нская батарея, назначенная в помощь бригаде Деникина. Взяли лошадей, поехали к нему на КП, километра за три. Ветер, метель, пули — все с одной стороны, с запада, — и не поймешь, что громче свистит. Почему-то на позициях Кале- дина мороз сильнее, сам генерал был не в избе, не в окопе, а притулился с биноклем у глаз на склоне утеса: в атаку шел его последний резерв. Пули то и дело с визгом врезались в камень, рассыпая в стороны мелкие осколки гранита.

— Простите, ошиблись наши, — сказал Каледин. — Не сердитесь на нас за то, что приказами надоели. Я же вас не знал. Теперь действуйте сами. Мои тоже хорошо идут.

Перед ними лежало жуткое поле смерти. Сугробы по грудь, и убитые и раненые оставались в этом снегу, обозна- чая своими темными, неподвижно причудливыми фигура- ми тропы, проложенные солдатами. Переступая через них, прячась за ними, утопая в снегу, шли навстречу смерти ка- лединцы.

— Такое не забудешь, — сказал Марков. — Там по сугробам наступала не пехота, а спешенные кавалеристы.

— Карпатская операция? — уточнил Романовский. — Ужгородское направление? Знаете, какие там общие потери нашей армии? Около миллиона убитых и раненых! Зато заставили капитулировать Перемышль.

Теперь, как и всегда, он говорил отвлеченно серьезно, как боевой генерал о своей работе. Романовский слишком много знал, но в его рассуждениях о войне, потерях и прочем, если вслушаться, постоянно проскальзывало нечто критическое, даже ироническое. Подумаешь, мол, миллион солдат, зато город взяли.

— Каледин истинный патриот, настоящий боевой генерал, — сказал Деникин. — Он командовал 8-й армией во время знаменитого Луцкого прорыва. Собственно, он его и осуществил. Его армия заняла Луцк. Брусилов, как командующий фронтом, должен был бы восхищаться своим командармом, а он его невзлюбил. Потому что Каледин командовал 8-й, бывшей его армией. И командовал лучше.

Оранжево-красное пламя пылало в окнах Атаманского дворца — праздник ни для кого. Тихо и пусто вокруг, и даже караульные у входа стоят неподвижными истуканами. Дежурный только спросил звания и фамилии и молча пропустил. В коридорах — просторная пустота. Огромный кабинет атамана Войска Донского кажется пустым, потому что рассчитан человек на полтора роста, а здесь за большим столом один Каледин.

— Все понял, — ответил он кому-то по телефону, делая знак вошедшим занять места у стола, — берите дежурную сотню и наводите порядок. Вплоть до применения оружия. Все. На мою ответственность.

Каледин положил трубку, безнадежно махнул рукой.

— Отдаю распоряжения, — с печальной улыбкой сказал он, — и знаю, что почти ничего исполнено не будет.

Большая карта Российской империи, висящая на стене, испорчена новыми разноцветными линиями, проведенными краской: на западе — черная кривая линия фронта; Украина вместе с Крымом обведена желто-голубой; об-

ласть Войска Донского — синей, такой же линией указаны границы области Войска Кубанского.

Об этих границах и заговорили. Каледин рассказал, что в Екатеринодаре заседает правительство «Юго-Восточного Союза» — эфемерного объединения Дона, Кубани, Терека и еще каких-то территорий. О нем Каледин говорил с грустной иронией — туда уехал Алексеев.

— Я бы поехал сам, — сказал Каледин, — если бы действительно был Донским атаманом. А мне ведь подчиняется только мой конвой. Прикажи я выступить против большевиков — ни одной сотни казаков не наберешь. А те наседают. С севера по железной дороге Антонов-Овсеенко. С запада — Сиверс¹⁶. Черноморский флот прислал мне ультиматум: «признать власть Советов». К Таганрогу подошел миноносец с отрядом большевиков-матросов. В Ростове Военно-революционный комитет действует открыто и не сегодня-завтра поднимет вооруженное восстание.

— А мы-то ехали... — вздохнул Деникин.

— Мы ехали командовать объединенными офицерско-казацкими войсками и вести их на большевиков, на Москву... — продолжил Романовский с иронической усмешкой.

— Корнилов надеется создать фронт не только против большевиков, но и против немцев, — сказал Марков. — Что он скажет, когда доберется сюда? Мы уверены, что он доберется.

Каледин позвонил, и дежурный казак внес на подносе графин, бокалы, яблоки, пирожки...

— Прошу, чем Бог послал, — пригласил хозяин кабинета.

Еще тогда, в Карпатах, Марков почувствовал неординарность этого казачьего генерала. Удивлял печально внимательный взгляд — словно Каледин думает совсем не о том, что творится вокруг, а о чем-то высоком, главном, скрывающемся за суетой действительности. Теперь Марков отчетливее видел неизбывную тоску атамана, измученного неразрешимыми вопросами. Он, русский патриот, стал вдруг во главе казачьего государства, не подчиняющегося центральному правительству, а это правительство подняло народ и гонит на Дон обозленных, уставших от

войны, отравленных большевистской пропагандой. И казаки не хотят защищаться. Многие из них тоже отравлены агитацией. Что же делать ему, атаману?

— Что ж нам делать? — спросил Деникин. — Скажите откровенно, Алексей Максимович, можем ли мы оставаться здесь? Или наше пребывание создаст вам новые политические осложнения с войсковым правительством и революционными учреждениями?

— На Дону приют вам обеспечен, — ответил атаман. — Но, по правде сказать, лучше было бы вам, пока не разъяснится обстановка, переждать где-нибудь на Кавказе или в кубанских станицах.

— И Лавру Георгиевичу, когда он появится?

— Корнилову тем более.

— «Обстановка разъяснится», — мудро улыбаясь, объяснил Романовский, — когда большевики захватят Область Войска Донского и казаки почувствуют, что такое советская власть. Тогда они сами позовут своего атамана и скажут: «Веди нас на Москву!»

— Если атаман доживет, — серьезно сказал Каледин.

Марков и Деникин решили ехать на Кубань — Каледин дал им надежный адрес и в станице Славянской, и в самом Екатеринодаре. Уезжали из Новочеркасска вечером 26 ноября с екатеринодарским поездом, во втором классе. Еще на подъезде к Ростову слышали рассыпчатый треск винтовочных выстрелов и уверенно неумолимый рокот пулеметов. Испуганный проводник побежал куда-то вперед, к головным вагонам. Пассажиры — казаки, интеллигентно одетые гражданские и молчаливые странники в одеждах с чужого плеча — заволновались: «Большевистское восстание в Ростове!»

— В самый раз едем, Антон Иванович, — усмехнулся Марков, — с поезда — на бал.

— Опять смерть рядом, дорогой профессор. В Бердичеве нас Бог спас и молитвы наших женщин, и сейчас они молятся за нас. Моя милая невестушка, когда же я тебя увижу? И вы с Марианной Павловной вновь в разлуке...

Вернулся озабоченный проводник и объявил:

— В связи с событиями в Ростове стоянка — одна минута. Кто желает — торопитесь. При проезде через город свет в вагонах будет погашен.

Город, охваченный ночным боем, проскочили удачно. Наблюдая в окно вспышки выстрелов, Марков пошутил:

— Похоже на московскую масленицу. Веселые огоньки.

— Отойдите от окна, Сергей Леонидович, — попросил Деникин, — пуля — дура.

Деникин, по-видимому, думал, что он бравурирует. Нет. Маркову давно все равно было: жить или умереть. Еще с Японской войны. В прошлом проблески — жизнь с детьми, с Марианной, но... это уже не повторится. Лучше умереть, чем прятаться в своей стране как преступник, едва ли не физически ощущая кровожадную ненависть одурманенной черни.

Утром, в Тихорецкой, стояли долго. Первый путь занял санитарный поезд, и Марков, побежавший по привычке за кипятком, был вынужден лезть через площадку санитарного вагона — хорошо хоть, что не под вагоном. На маслянисто-черном перроне толпились солдаты, казаки, бабы; шел торг семечками, солеными арбузами. Взять бы арбузик, да чайник мешал. Дотерпеть до станицы — там угостят. Откуда-то на перроне, распугивая баб, появились пьяные солдаты в распахнутых шинелях. Один, с гармошкой, увидев красные кресты на вагонах санитарного поезда, заорал непристойные частушки, растягивая меха чуть не до земли:

Мою милку ранили
На войне с Германией.
Вместо пули... воткнули,
В лазарет отправили...

Гармонист почему-то смотрел на Маркова, будто хотел сказать ему: «Никуда от нас не уедешь — вся Россия наша».

Возвращаясь с наполненным кипятком чайником и вновь пробираясь через площадку санитарного поезда, Марков столкнулся с женщиной, выходящей из вагона. Рыжие волосы повязаны белой косынкой с красным крестом, на плечи кокетливо накинута телогрейка, на лице

улыбка, приглашающая к поцелуям, к ласкам, взгляд зеленых глаз, растапливающий лед мужской твердости.

— Сергей Леонидыч! Какими судьбами? Белая папаха вам к лицу.

И похохатывание, зовущее к обыкновенной радостной встрече мужчины и женщины. А для чего же еще жить на свете?

— Здравствуйте, Ольга Петровна. Я, знаете, вот... с чайничком. Ждут меня там, вагоне.

— Я так рада, — не говорит, а поет. — А то мы и не попрощались по-хорошему.

И опять посмеивается, чтобы он понял, как это «по-хорошему».

— Такие события, вы же знаете... Еду вот в Екатеринодар и дальше.

— В моем вагоне и поедете. У меня отдельное купе под замком. Ценные продукты и медикаменты. Медицинский спирт, — и подмигнула. — Брат у меня фершал в екатеринодарском госпитале — устроил на поезд. Второй рейс катаюсь. По правде, так у нас не раненые, а всякие. Больше дезертиры. Ну, больные... Переходите ко мне. Наш поезд раньше вашего пойдет.

— Нет, Ольга Петровна, — не глядя в глаза женщине, сказал генерал. — Лучшее, что мы можем сделать, — это попрощаться по-хорошему и забыть о Быхове.

— Что это так уж и забыть? Что ж я, не человек, что ли?

— Прощайте, Ольга Петровна.

Он осторожно, стараясь не толкнуть женщину, лучше бы даже не прикасаться, обошел ее, быстро спустился из вагона на грязный снег и, не оглядываясь, побежал к своему вагону.

Женщина со злой обидой смотрела вслед, бормоча и едва не плача:

— Генералишка несчастный! Мной гребает!.. А сам и мужик-то так себе...

Посылала вслед непристойную брань. Думала: только крикнуть тем ребятам с гармошкой, кто такой в белой папахе, — в момент шлепнут, но решила, что не стоит грех на душу брать.

В вагоне его встретил оживленный, даже радостный Дедкикин, а ведь только что лежал молчаливый и угрюмый и глаза не хотел открывать.

— Сергей Леонидович, я вас поздравляю. Проводник принес телеграмму из Ростова: большевистское восстание подавлено. И знаете, кто навел порядок?

— Калединские казаки?

— Как бы не так. Еще вчера вернулся Алексеев, и Каледин сам просил его, чтобы наши офицеры и юнкера отстояли Ростов. Алексеев поднял наших, и они разгромили большевиков. Так будет и во всей России.

— Может быть, вернемся, Антон Иванович?

— Мы получили приказ — ждать вызова. А вернуться, Сергей Леонидович, я хочу не меньше, чем вы. Даже, наверное, больше: боюсь, что Ксения уже в Новочеркасске. Я просил Каледина и Романовского помочь ей, но в этой обстановке все может быть.

Марианна с детьми тоже оказалась в Новочеркасске, помогли родственные связи: ее сестра была замужем за бывшим ростовским губернатором Потоцким, который знал все и всех. Для Марковых нашли хорошую квартиру на Ермаковском проспекте, и Сергей Леонидович приехал. Почти как домой. Светлые комнаты с играющими детьми, Марианна в домашнем платье, не знающая, чем только еще угодить мужу. А он...

Нет. Он не чувствовал вины перед ней. Если и был виноват, то лишь перед собой самим. Он не имел права совершать поступки, противоречащие собственным убеждениям.

Вышел на одинокую прогулку. Город изменился. На стенах расклеены объявления, приглашающие сражаться за Россию в рядах «Армии Алексеева», партизанского отряда есаула Чернецова, «Отряда Стеньки Разина» и даже в «Отряде Белого дьявола».

По Крещенскому спуску маршировали с песней юнкера — михайловцы и константиновцы. Почти как когда-то в Питере: ровный шаг, винтовки «по-юнкерски» высоко, шпоры «савельевский звон», но... Шинели разные, иные

старые, не подоженные. И песня новая, на мотив «Прощания славянки».

И каждому, кто Руси сын,
На бой с врагом лишь путь один...

В центре полно офицеров — и в форме, и переодетых. На корпус хватит. А то и на армию. Наслаждаются жизнью в кафе и ресторанах, гуляют с дамами и столичного вида, и общедоступными.

Солдаты обязательно в распахнутых шинелях, офицеры не замечают. Казаки не замечают никого, только своих.

Маркова привлекло своим названием некое шумное заведение — «Казачий привал». Казаков там почти не было — в основном офицеры. Бросился в глаза столик посреди зала, за ним всего один человек, подпоручик. Знакомый подпоручик — на фронте был каким-то врачом. Еще не дошел до него, как тот вскочил чуть ли не по стойке «смирно» — тоже узнал. Странно: и «императорские» усы сбрил, и испанскую бородку, и одет в не соответствующую для него одежду, какую-то зеленую курточку и папаху, а подпоручик все равно узнал.

— Отставить, — полусшепотом скомандовал генерал. — Здравствуйте, Гавриил... Не помню по батюшке.

— Гавриил Дмитриевич Родичев. Рад видеть вас живым и здоровым, Сергей Леонидович.

— Слава богу, не дался вам, докторам, тогда — вот и жив остался.

Оба посмеялись.

Это произошло в ту же страшную зиму 1915 в Карпатах, когда «железную» бригаду Деникина направили на помощь корпусу Каледина. Деникин сказал своему начальнику штаба полковнику Маркову: «Приказываю лежать и подчиняться врачам». Сам же повел бригаду в бой. Страшная резь в животе не позволяла подняться, а врачей пока не было, и Марков остался с денщиком в крестьянском доме у какого-то гуцула. Этот гуцул и привел к больному военного врача с помощником. Последним как раз и был младший врач Родичев.

— Вы ранены?

— Какое там! — со стоном ответил Марков. — Не так обидно было бы, если бы ранили, а то выбит из строя подлейшим аппендицитом. Как колода, лежи тут, а там — страшный бой. Вечером полк потерял половину состава. Не могу я так лежать! Завтра уеду.

Говорил полковник, а сам корчился от боли.

Опытный доктор посмотрел живот, крепко нажал пальцем на правой стороне и быстро отнял палец. Марков окнул от боли.

— Надо лежать, — сказал доктор. — Боль должна несколько утихнуть, и тогда отвезем вас в лазарет.

Марков промолчал, а на следующий день Родичев встретил его в Ржешуве, в штабе армии. Полковник опирался на костыль.

— Ну и вид у вас тогда был, — вспоминал Родичев. — Как говорится, краше в гроб кладут. Я отыскал генерал-квартирмейстера и сказал, что вас нельзя посылать в бой. Необходимо срочно оперировать, иначе смерть. Генерал сказал, что ничего не может с вами сделать, назвал вас драгоценным человеком, героем.

— Я уже несколько раз умирал, — сказал Марков, снимая куртку. — И сюда для этого приехал.

Родичев покосился на поношенный пиджак и старые брюки, украшенные снизу бахромой.

— Я встречал здесь некоторых генералов в форме, — сказал он.

— За ними не охотятся. А я хочу умереть в бою, а не на улице или в большевистском застенке.

— Почему обязательно умереть? Мы должны победить. Каждый день в армию поступают новые люди. За тем столиком в углу сидят офицеры. Они приехали с мыслью о походе на Москву. Записались в армию. Я разговаривал с прапорщиком. Совсем молодой — лет двадцать. Его расстроило соперничество между Алексеевым и Корниловым. Когда он записывался в армию, его спросили, кто его может рекомендовать. Он сослался на Завойко¹⁷ — адъютанта Корнилова, и его не хотели записывать. Сказали, что они алексеевцы и Добровольческая армия — это алексеевская организация.

Записали, конечно. Я его успокаивал, объяснял, что у нас один противник, а разногласия в штабах — естественное явление. Кстати, Завойко сам запутался в каких-то интригах, будто бы организовал заговор против Каледина, и Корнилов приказал ему в 24 часа покинуть Новочеркасск.

— А каковы ваши планы, Гавриил Дмитриевич?

— Я мучаюсь в ожидании выхода в бой. Врачебное дело бросил, записался рядовым, как многие офицеры. Алексеев ли, Корнилов — лишь бы скорее повели нас на Москву. В такой России я жить не хочу.

Он кивнул в сторону окна, где толпились солдаты и что-то кричали.

— В армию пока записались две тысячи с небольшим, а наехали сюда тридцать, а то и пятьдесят тысяч офицеров. Они бежали от большевиков, чтобы выжить.

— Они хотят здесь жить, а мы с вами хотим сражаться, — сказал Марков. — Русский солдат, идя в бой, готовится к смерти, надевает на себя чистое. И я готов к смерти. А пока мы с вами живы, я предлагаю вам быть моим адъютантом. Меня, наверное, назначат каким-нибудь командиром — роту или батальон дадут, — и мне нужен хороший помощник, разделяющий мои взгляды.

— С радостью, Сергей Леонидович. Я же видел вас на фронте, Вы были настоящим героем. С такими, как вы, мы победим. Для меня великое счастье — служить под вашим командованием и помогать вам.

— Я доложу Алексееву, чтобы вас оформили, и пока нет регулярных занятий, будем встречаться по утрам в офицерском общежитии. А теперь мне пора.

С Деникиным встретились на площади Никольской церкви, где в одном из домов находился штаб генерала Алексеева. Молодые люди — по-видимому, переодетые в штатское юнкера — не удивились посетителям. Деникин в хорошем пальто с меховым воротником, а Марков — в курточке и папахе. Однако, когда разделись, Деникин оказался в полевой генеральской форме с двумя Георгиями, а Марков — в тех же брючках с бахромой и пиджаке, изношенном до блеска.

Алексеев в штатском костюме сидел в жарко натопленном кабинете. Он сердечно поздоровался, привстав из-за стола, и заметил, что Марков одет правильнее. Деникин оправдался тем, что обещал сегодня же посетить 1-й офицерский батальон.

Марков видел перед собой усталого седого старичка с типичным для стариков виноватым выражением лица. Наверное, Алексеев и чувствовал себя виноватым перед тысячами офицеров, собравшимися в Новочеркасске, перед императором, которого уговорил отречься от престола, перед всей взбаламученной Россией. И все же главная его вина — перед этими и другими генералами и офицерами, готовыми сражаться: он сам созвал их сюда и теперь не может дать им ни оружия, ни денег на жизнь.

— Знаете, господа, сколько за прошлый месяц поступило добровольных пожертвований на нашу армию? Всего 400 рублей. А у нас уже почти две тысячи человек, которые должны как-то жить и добывать оружие. К счастью, у меня есть еще личный фонд, и из Москвы приехали люди с деньгами: Струве, Милюков, князь Трубецкой... Да. Я посмотрел по документам: вы, Сергей Леонидович, получили 4536 рублей, вы, Антон Иванович, — 5920 рублей. За ноябрь вы получили в Быкове, я выдаю вам за декабрь, зная, какие вы переживаете трудности. Получите и распишитесь. Вынужден брать расписку, потому что Лавр Георгиевич требует единоличной власти и все финансы хочет забрать в свои руки. Его бывший адъютант Завойко уже пытался действовать в этом направлении.

— Некоторых офицеров удручает, что вы и Корнилов начали со споров о власти, — прямо сказал Марков.

— Видит Бог, я думаю не о власти, а только о благе России.

— Не надо сейчас об этом, Сергей Леонидович, — остановил Маркова Деникин. — Завтра будет совещание, где все решим. Именно для блага России.

Офицерское общежитие по мере возможностей превратили в нечто среднее между казармой и гостиницей. Когда Деникин и Марков появились у входа, раздалась команда:

«Первый батальон, строиться!.. В две шеренги становись!» Строились в широком коридоре. Деникин снял черное пальто с каракулевым воротником и предстал перед строем в форме и с орденами. Марков в своем обтрепанном костюме свободно шел за ним. Командир батальона полковник Борисов подал команду «Смирно! Равнение направо!» и доложил Деникину по форме. После команды «Вольно!» пошли вдоль строя, каждому пожимая руку. Затем Деникин приказал разойтись по комнатам и попросил, чтобы при обходе к нему обращались с различными вопросами.

В первой же комнате первыми вопросами были «когда?» и «куда?».

— Вы удачно сражались за Ростов, — ответил Деникин. — Так же удачно должны мы будем действовать на любом направлении, а вы знаете, что мы окружены со всех сторон.

— Кто нас поведет? Алексеев?

— Алексеев и другие генералы. Скажу вам конфиденциально: Корнилов здесь, и об этом говорить не надо.

Марков почти у каждого спрашивал об училище, которое окончил офицер, об участии в войне, и офицеры удивлялись его неприглядной одежде и свободному поведению. Вскоре Деникин прошел в другую комнату, а Марков продолжал интересоваться офицерским бытом, подошел к кроватям, поднимал одеяла. Вдруг сказал:

— А вот у меня и подушки нет. Налегке приехал.

Подошел к поручику Никольникову:

— На каком фронте воевали?

— Я не был на фронте. Простите! А ваш чин?

— А как вы думаете? — как бы играя, спросил Марков.

— Поручик?

— Давненько им был. Уже и забыл...

— Капитан?

— Бывали капитаном, — и Марков засмеялся.

— Полковник?

— Был и полковником.

— Генерал?

Вокруг собрались любопытствующие офицеры. Родичев стоял поодаль, посмеиваясь.

— А разве вы не помните, кто был в Быхове с генералом Корниловым?

— Генерал Марков? — догадался наконец Никольников.

— Я и есть. Вот почему вы, поручик, на фронте не были?

— Мой фронт был короткий, но тяжелый, ваше превосходительство. Я служил в Александровском училище и сражался в октябре против большевиков. Едва скрылся от расстрела. А юнкера почти все расстреляны. Большевики гнусно обманули их: подписали перемирие с обещанием отпустить всех юнкеров, и... отпустили. Но в ту же ночь прошли по всем адресам, всех арестовали и расстреляли. Уцелели лишь те, кто не вернулся домой. Поэтому я здесь. Должен мстить за смерть своих бывших учеников-подчиненных. Такие были славные юноши...

— Мстить не надо, — сказал Марков. — Надо сражаться, не жалея себя.

Вошел Деникин и спросил:

— Вы закончили, Сергей Леонидович?

— Закончил. Давай одевайся, буржуй.

Офицеры смеялись, наблюдая, как натягивает на себя свою кургузую курточку Марков, а Деникин надевает добротное пальто. Маркову показалось, что он похож не только на помещика, но и на преуспевающего священника, знающего себе цену.

На совещание 18 декабря шли вместе с Деникиным, похожим теперь на оборотистого купца, обдумывающего сложную сделку. Только что говорил о невесте, о том, что надо бы венчаться, но можно ли в такое время, и сразу перешел к предстоящему совещанию генералов с представителями деловых кругов и интеллигенции.

— Конечно, Корнилов — популярный генерал, — говорил он с едва заметной насмешкой. — Особенно среди юнкеров и необыкновенного полковника Симановского¹⁸. А за Алексеевым — хозяева России: промышленники, купцы, высшая интеллигенция, Петроград и Москва. Приехали сам Милюков, Струве, князь Трубецкой, Львов, Белоусов, Федоров — бывший товарищ министра

торговли. У них деньги, влияние. Они представляют Торгово-промышленный союз и Национальный центр. Нам с вами надо быть очень осмотрительными и не поддаваться чувствам.

— Эх, какие частушки я слышал на станции, — с нутжным весельем вспомнил Марков. — Мою милку ранили на войне с Германией...

Он не хотел рассчитывать, под чьим командованием ему лучше идти на смерть. Мир, в котором было можно что-то предвидеть и о чем-то серьезно раздумывать, рухнул. Для Сергея Маркова этот удобный и понятный мир начал разрушаться лет 15 назад, когда появилась женщина, показавшаяся ему предназначенной для того, чтобы стать его женой. Ах, Ольга!.. После постыдного разрыва с ней, когда он решил покончить с собой... Об этом вспоминать нельзя. Как и о другой Ольге, разрушившей последние остатки сломанного мира, где он мог жить по законам, установленным Богом и властью.

Великая война, впрочем, отчасти уже и Русско-японская, лишила его веры в военную науку. Все было не так, как в книгах Клаузевица, Жомини, Драгомирова, не так, как в наставлениях Петра Великого и Суворова. В Маньчжурии не искали победы в решающем сражении, а в полном порядке отступали, избегая сражения. Не сосредоточивали силы на главном направлении, а разгоняли корпуса и дивизии куда придется при одном лишь намеке на появление японцев. Не маскировали направление главного удара наступлением на второстепенном участке, а как под Сандепу, открыто начинали действовать в месте предполагаемого прорыва.

После той войны он, однако, еще читал лекции в Академии по военной географии, по истории войн Петра; учил, что необходимо выигрывать войну победой в решительном сражении и т.п. В 1914 ехал на фронт с намерением проводить в жизнь требования военной науки, а там... В сугробах по пояс наступали спешенные кавалеристы, убитые и раненые оставались в снегу, а по их следам шли другие, еще живые. Генерал Каледин, не обращая внимания на пу-

ли, свистящие вокруг, смотрел в бинокль и посылал в бой, вернее, на смерть, все новых и новых солдат.

В октябре 1915 их 4-я «железная» дивизия прорвала фронт, образовав в обороне противника прореху протяженностью в 18 верст и глубиной 20 верст. Однако у Брусилова, вопреки требованиям военной науки, не было резервов, а снять войска с других участков он не решился, опять же вопреки требованиям науки о сосредоточении сил на главном направлении...

Ни в одном учебнике не читал Марков о том, что произошло с ним весной 1915 под Перемышлем, когда он выводил из боя остатки батальона. Рядом с ним шел командир 14-го полка, и ему осколком снесло голову. Кровь погибшего хлынула на Маркова. Он едва не потерял сознание. Впрочем, потерял: упал, что-то кричал, даже плакал...

Осенью 1916 его вызвали во вновь открытую Академию, куда собрали офицеров-фронтовиков, награжденных Георгиевским крестом или Георгиевской пашкой. Опять он оказался в большой аудитории с надписью: «Зал Михаила Ивановича Драгомирова»¹⁹, с бюстами полководцев вдоль стен.

— Господа! Мне впервые приходится читать лекцию в столь блестящей по заслугам и боевому опыту аудитории. Но, господа офицеры, не забудем, что, быть может, наиболее достойнейшие остались на поле боя, на проволоке! Я участвовал в сражениях на фронте в Карпатах, затем на Кавказском фронте. Будем вместе беседовать о тактике. Поменьше зубрежки. Дело военное — это дело практическое: никаких трафаретов, никаких шаблонов... Знания, которые вы получите здесь, вам необходимы. Вы вернетесь в штабы, вы должны всегда думать и знать, что знания всем необходимы для того, чтобы быть не штабными работниками, а работниками-руководителями в реальном деле — в бою. Забудьте все теории, все расчеты. Помните одно: нужно бить противника и, выбрав место для удара, сосредоточивайте там наибольшее количество ваших сил. Демонстрации? Да! Но не в ущерб силам для удара. И вообще — демонстративные удары оставьте, как достояние книг. Весь ваш дух дол-

жен быть мобилизован на месте удара. Мои высказывания вызваны не тем, что я в последнее время воевал на кавказском фронте. Там война — поэтическая, а мы не поэты. Офицеры должны уметь воевать в любой обстановке, обстановка же на фронте большой войны дает большие возможности для проявления своего духа. Активность — всегда и всюду основа успеха...

Чувствовал ли предчувствовал, что говорит не о той войне, которая предстоит офицерам. А последнюю лекцию закончил так:

— Все это, господа, вздор, только сухая теория! На фронте, в окопах — вот где настоящая школа. Я ухожу на фронт, куда приглашаю и вас!

Года не прошло, как оказалось, что и фронтовой опыт не очень пригодится в Новочеркасске, в конце 1917.

Совещание происходило на конспиративной квартире Алексеева. Все генералы были в штатском, но их легко было отличить от приезжих и по качеству костюмов, и по умению их носить. Все присутствующие знали и о конфликте между Корниловым и Алексеевым, и о том, что московская делегация настроена поддерживать именно Алексеева. Многие знали, что Федоров так определил задачу делегации: служить связью Добровольческой организации с Москвой и остальной общественной Россией. Всемерно помогать генералу Алексееву в его благородном и национальном подвиге своими знаниями, опытом, связями. Предоставить себя и тех лиц, которые могли быть для этого вызваны, в распоряжение генерала Алексеева для создания рабочего аппарата гражданского управления при армии в тех пределах, какие вызываются потребностями армии и всей обстановкой ее деятельности. И, что немаловажно, отвезти те первые средства, которые были собраны. Знали, что Корнилова такое объяснение не удовлетворяло. Предстояла сложная дискуссия.

— По вашему совету, — шепнул Марков Деникину, — я буду спокойно молчать.

Вел совещание Алексеев. Без всякого вводного слова он

предоставил трибуну, то есть место у своего стола, генералу Корнилову для сообщения о сложившейся обстановке.

Маленький шуплый человек в поношенном черном костюме в полоску, брюки заправлены в сапоги, на лице усталость от недавней опасной дороги, от бессонных ночей, от мыслей и планов, которые ему не дают осуществить. Сложившуюся обстановку Корнилов объяснял без карты — у него не было войск, местоположение которых обычно обозначают на картах. Напомнил, что приказом Ленина создан Южный, так называемый революционный, фронт под командованием Антонова-Овсеенко, имеющего военное образование. Тот когда-то окончил юнкерское училище. Названный фронт действует против Украины и Области Войска Донского. Но Центральная Рада своим 3-м универсалом объявила Украину республикой в составе России. Это означает, что войска, действовавшие против украинских сепаратистов, теперь также будут направлены на нас. По-видимому, отряды прапорщика Сиверса будут наступать по направлению Таганрог—Ростов. С юга, из района Тихорецкой в направлении Батайск—Ростов, продвигаются отряды Антонова²⁰, хорунжего из кубанских казаков.

Общее количество войск, готовых в ближайшее время наступать на Новочеркасск, Таганрог и Ростов, по оценке Корнилова, составило около 50 тысяч штыков, не считая матросов Черноморского флота.

— Нельзя недооценивать, но не надо и переоценивать силы противника. Это в основном случайно сложившиеся отряды со случайными командирами, плохо организованные, не связанные воинской дисциплиной. К сожалению, сегодня нам нечего противопоставить этим неорганизованным войскам. Донские казаки поддались большевистской агитации и не хотят защищать свои станицы. В Новочеркасске и Ростове достаточно офицеров, юнкеров и патриотически настроенных солдат, чтоб из них быстро сформировать боеспособную армию, сумеющую отразить большевистское нашествие, а затем начать и наступательные операции, а в будущем — восстановить фронт против немцев.

— Это самое главное, — вдруг сказал генерал Лукомский.

Марков сидел близко от него и видел, как его крупная высоколобая голова одобрительно кивает почти каждому слову Корнилова.

— Тем более что у нас есть ядро армии, созданное самоотверженным трудом уважаемого Михаила Васильевича.

Оба обменялись любезными поклонами, но Корнилов продолжил:

— Главное условие боеспособности армии, главное условие успеха нашего дела — во главе его должен стоять один человек.

Лукомский вновь одобрительно кивал, даже хотел что-то сказать, но раньше его высказался Федоров, решительный, уверенный в собственной правоте:

— Русскую патриотическую армию, конечно, возглавят генерал Корнилов как главнокомандующий и генерал Алексеев как ее создатель и идейный вдохновитель.

— Я заканчиваю, господа, — сказал Корнилов, словно не услышав Федорова. — В заключение еще раз повторяю: во главе армии должен стоять один человек.

Корнилову официально поаплодировали, Алексеев поблагодарил его за содержательное сообщение и сказал:

— Разумеется, вы правы, Лавр Георгиевич, но ведь мы можем распределить роли. Я в своих руках оставляю финансовые вопросы и политику, внешнюю и внутреннюю, а вы всецело займетесь формированием армии и ее управлением.

Корнилов был тверд:

— Параллельная деятельность будет вызывать постоянные трения и, прежде всего, в финансовых вопросах, так как каждую копейку на организацию и нужды армии придется испрашивать у генерала Алексеева. И политику тоже нельзя отделить от руководства армией. С развитием дела командующему придется вплотную подойти к внутренней политике, если она будет в ведении другого лица, это опять-таки будет порождать недоразумения и трения. Да и внешняя политика: отношения с Центральной Радой обязательно будут зависеть от хода и направления военных действий.

В спор вмешался импозантный, знающий себе цену Милоков.

— Я не буду ломиться в открытую дверь, доказывая присутствующим здесь, насколько глубоко мы уважаем и Михаила Васильевича, и Лавра Георгиевича, и других генералов — патриотов России. Однако все мы — и Национальный центр, и Торгово-промышленный союз — хотели бы, чтоб начинающееся великое дело не погибло из-за разногласий между самыми уважаемыми участниками. Мне поручили заявить, что руководители антибольшевистского движения могут рассчитывать на моральную и материальную помощь лишь при условии, что все они, а именно генералы Алексеев, Корнилов и Каледин, будут работать на Юге России совместно, распределив между собой роли и подписав соглашение, составленное между собой. Прошу вас не обвинять нас в бюрократизме. Письменное соглашение требуется не нам — мы верим русским генералам. Дело в том, что после того, как это соглашение подпишется, оно будет передано представителям Англии и Франции, от которых, как от союзников, мы можем рассчитывать на получение денежной помощи.

— И это главное! — воскликнул Лукомский. — То есть, конечно, не деньги, а то, что мы остаемся союзниками.

— Мы можем свободно действовать в рамках этого соглашения, — сказал Алексеев. — Вы, Лавр Георгиевич, поезжайте в Екатеринодар и там совершенно самостоятельно приступайте к формированию частей Добровольческой армии, я буду формировать их на Дону.

Корнилов удивленно развел руками, сказал не столько с юмором, сколько с обидой:

— Если бы я на это согласился, то, находясь на таком близком расстоянии один от другого, мы, Михаил Васильевич, уподобились бы с вами двум содержателям балаганов, зазывающих к себе публику на одной и той же ярмарке.

Деникин полностью поддержал Корнилова, добавив при этом, что именно сотрудничество таких выдающихся русских патриотов привлечет сердца тех, кто готов сражаться за Россию. Другие тоже высказывались в этом духе.

Марков устал следить за бесплодной дискуссией — все прекрасно знают, что, кроме Корнилова, командовать армией некому. Остальные разговоры впустую. Он ясно представил обстановку, о которой так убедительно говорил Корнилов, и уже думал о возможностях армии и о том, как они будут сражаться. Нет. Он никогда не отвергал настоящей военной науки. Чтобы принять решение, командующий и его штаб должны будут именно в соответствии с теорией рассчитать силы, расстояния, учесть наличие железных дорог и составов и множество других данных. Можно сосредоточить армию, сжать ее в кулак и по очереди разбить все три группировки противника. Можно разгромить только главную группу, действующую на направлении Миллерово—Харьков. Остальные силы противника будут деморализованы, и армия продолжит движение к Москве.

Маркову пришлось прервать свои раздумья на самом интересном — на плане движения к Москве: опять выступил Корнилов.

— Мне представляется, что правильнее всего будет разделить наши с Михаилом Васильевичем функции следующим образом: я еду на Волгу, а оттуда — в Сибирь. Я знаю край, и меня там знают. Я бы мог создать в Сибири большое дело. А Михаил Васильевич оставался бы работать на Юге. Так будет лучше — никто друг другу мешать не будет.

Почти все приезжие посчитали своим долгом возразить: «Соглашение... Союзники... Материальная помощь... Корнилов, Алексеев, Каледин...» — эти слова звучали в каждом выступлении, в каждой реплике. Корнилов и Алексеев тоже вступали в дискуссию, но чувствовалось, что совещание идет к концу. Марков, несмотря на свои отвлеченные раздумья, точно заметил, что Лукомский одобрительно кивал или выступал, поддерживая все предложения Корнилова. Антон Иванович Деникин при всей своей генеральско-купеческой солидности тоже не оставался безучастным: и кивал, и реплики подавал, но в основном в тех случаях, когда с предложениями были согласны и Корнилов, и Алексеев.

Составление соглашения о распределении функций решили поручить трем главным руководителям — Алексею, Корнилову, Каледину. Последний молчал на совещании и молча согласился с поручением. По его лицу было видно, что мысли генерала очень далеко от споров о том, кто кем будет командовать. Корнилов попросил в помощь Александра Сергеевича Лукомского, и ему, конечно, не отказали.

Расходились небольшими группами. Деникин, Романовский и Марков шли мимо городского базара.

— Как вы думаете, господа, кто больше всех выиграл на этом совещании?

— Разумеется, Лукомский, — мгновенно ответил Романовский.

Деникин восхитился:

— Сергей Леонидович, вы идете рядом с умнейшим генералом Генштаба.

— Для меня это не новость. И вообще мне надо заглянуть на базар за семечками и еще кое за чем, благо, Алексеев содержание выплатил. А вы, Антон Иванович, в магазин за тортом для Ксении? День свадьбы назначили? После Рождества?

— Нет-нет, подождите, Сергей Леонидович. Точно определив победителя, Иван Павлович не высказал нашего отношения к факту победы.

— Вот этого я вам не скажу, — с хитрой усмешкой ответил Романовский.

— Так я вам скажу, — прорычал Деникин, сбросив свою помещичье-дипломатическую маску. — Мы попали в глубокую ...! Лукомский — масон! Все это знают, и все молчат. Через месяц у нас будет не русская армия, а масонская. И мы должны этому помешать.

— Да, — задумчиво произнес Романовский. — Конечно, он его сделает начальником штаба.

— Нет! — резко возразил Деникин. — Начальником штаба будете вы. Это я вам обещаю.

Марков бродил по базару, мысленно посмеиваясь над собой: вот она, оказывается, в чем военная наука, а вовсе не в выборе направления главного удара.

Горилку он пробовал на спичку: если горит и керосином не пахнет — можно пить. Но главная покупка — это карты для пасьянса. Свои, семейные, он забыл в Быхове, а без пасьянса вечерами тяжело.

Пробираясь по базару, непроизвольно оглянулся, почувствовав чей-то пристальный взгляд. В толпе среди серых шинелей, надвинутых на брови платков каких-то баб с мешками, казачьих темных папах и редких офицерских фуражек мелькнуло что-то знакомое. Кажется, неприятно знакомое. Марков отвернулся к рядам, нашел что нужно: пожилая дама с неизжитой печалью на тонком петербургском лице продавала елочные игрушки, свечи, хлопушки, украшения, когда-то сверкавшие в рождественские праздники в ее доме. Поверх старой шляпки платок — морозец.

— Сами не будете елку ставить? — спросил Марков.

— Некому, милый. Некому, — ответила дама и заплакала. — Внучков моих любимых бандиты-большевики убили насмерть в октябре. Юнкерами они были. Хотели Россию защищать. Хозяин умер — сердце не выдержало. И на родные могилки не могу сходить. Прибежала вот сюда к знакомым. Приютили. Продаю кое-что.

— Не плачьте, вернем мы вас в Питер к родным могилам, к родным местам. И елку поставите, а я к вам в гости приду.

— Дай вам Бог удачи, а я уж не доживу.

— Надо нам с вами дожить, хотя это и трудно. А нет ли у вас карт для пасьянса?

— Как же нет? Вот они. Две колоды. Совсем новые. Хозяин любил вечерами сидеть. Ой, что вы так много — 10 рублей? Я сдачи дам.

— В Питере рассчитаемся.

Не за карты он заплатил, а в счет своей вины перед этой женщиной и еще многими, чьи жизни, как он считал, разбились и по его вине тоже.

Покинув базар, оказавшись на улице, вновь оглянулся. Ранние сумерки уже расползались между рядов, смазывали лица в толпе, и он увидел и узнал только одного человека — поручика Линькова. Тот спешил за ним.

— Я узнал вас, Сергей Леонидович, хотя грим у вас хороший.

— А я вас теперь не знаю. Говорить нам не о чем.

— Вам незачем от меня бежать. Здесь я под другой фамилией, на нелегальном положении, конечно, если вы...

— Я русский дворянин и не могу предать человека, оставшего мне жизнь, однако дальнейшие отношения между нами невозможны. Мы — по разные стороны фронта. Поэтому давайте разойдемся и постараемся больше не встречаться. Разве что в бою.

— Я здесь по другим делам и вас встретил случайно. Все знаю о замыслах Корнилова и Алексеева, знаю, что вы обречены на провал, и сожалею, что вы хотите поехать вместе с ними. Это почти по Грибоедову: тысяча юнкеров пытаются победить стомиллионный народ.

— Пошел ты, твою мать... Твой народ завтра тебя на выстрел потащит и всех твоих этих самых...

Сергей Леонидович попытался применить приобретенный запас денщиковой матерщины.

В снятой двухкомнатной квартирке было мрачно, но тепло. За стеной хозяева-казаки принимали гостей и протяжно пели:

Ехали казаки
Со слу-ужбы домой.
На плечах погони-ики,
На грудях кресты-ы...

Ужин с семьей, горилкой и соленым арбузом, да еще со старинными казачьими песнями за стеной дал некоторое успокоение. Однако будущее терялось за многими препятствиями. Марианна отправилась укладывать детей, и он сказал ей:

— Хочу разложить пасьянс. Карты иногда мне что-то подсказывают, о чем-то предупреждают. Купил сейчас у одной питерской дамы-горемыки.

Первый несложный пасьянс, в котором он обычно, не задумываясь, легко раскладывал карты по мастям и по

убывающим, на это раз вдруг упрямо не сошелся: три короля остались без места. Невиданно. Сначала Марков подумал, что плохо перетасовал колоду, затем положил карты и задумался. Три короля? Деникин, Романовский, Марков? Им нет места в армии? Или в жизни?

Вышла Марианна. Сказала, что хочет утеплить его зеленую куртку.

— Ты же все время в ней будешь? Или все-таки наденешь шинель?

— Пусть в бою меня узнают по этой куртке.

— О боже! Неужели не обойдется?

— Конечно, большевики хотят захватить и Дон, и Кубань, и вообще всю Россию. Сейчас у меня пасьянс выйдет — и мы победим.

Однако все попытки оказались напрасными: как он ни мудрил, неприкаянные карты оставались. Пасьянс этот в их кругу назывался «Красное и черное». Последний раз при раскладке — хоть смейся — остался один бубновый король. Это он — генерал Марков — бубновый король. Это ему нет места на земле. Он давно это чувствует.

Последующие дни были так же перепутаны, как карты в пасьянсе. Чуть ли не на другой день после совещания пришел расстроенный Деникин и рассказал, что Корнилов отказывается от командования и вообще от соглашения, потому что ему передают не войска, а фактически безоружных юнкеров и офицеров и при этом не дают ни копейки на их содержание и вооружение.

— Сколько у нас орудий? — спросил Марков.

Деникин учащенно задыхался, и глаза его гневно расширились.

— Сколько у нас орудий? Ни одного! — он едва не кричал. — Я бросился к москвичам и местным финансистам. Грозил, что Корнилов уезжает в Сибирь и уже написал письмо Пепеляеву²¹. Те обещали срочно помочь, даже сразу дали какие-то деньги. А тут еще объявился Савинков и требует места в армии для «русской патриотической демократии». Я и Романовский ходили к Корнилову и Лукомскому, уговорили не уезжать. Я составил «Запи-

...у об управлении» для нашего «триумvirата». Каледи-ну все равно, а нашим понравилось. Уговорил его при-звать Савинкова — меньше вреда будет, когда он на гла-зах. Лукомский заревел своим басом, что не позволит, не допустит, у них с Савинковым дуэль — масонские штучки. Но все кончилось в нашу пользу: я — помощник командующего, Иван Павлович — начальник строевого отдела штаба. Лукомского скоро удалим. Вы думаете, почему он из Быхова уезжал один и через Москву? Чтобы со своими масонскими властями встретиться. Вы, Сергей Леонидович, будете командовать первым офицерским полком.

— Так-таки ни одного орудия нет, Антон Иванович?

— Ни одного. Может быть, союзники...

— Наполеон бы с такой армией не пошел.

— Или как-то у казаков?

— Или как-то еще.

Михайловско-Константиновская сводная артиллерийская рота помещалась на Ермаковском проспекте в бывшей Платовской гимназии. У входа стоял часовой — картинный юнкер, образец выправки и ношения военной формы. Винтовка с примкнутым штыком у ноги. Снежок запорошил плечи и не различить: «К» или «М».

Марков попросил вызвать дежурного, и за дверями по коридорам раскатилось: «...у-урный... вы-ыход...». Вместе с дежурным портупей-юнкером вышел капитан с очень серьезным лицом, словно выискивал какой-то беспорядок. Представился:

— Командир сводной артиллерийской роты капитан Шаколи. С кем имею честь?

— Генерал Марков. Хочу посмотреть роту. Артиллерийский парк, орудия.

— К сожалению, в роте нет орудий и, соответственно, парка.

Марков разыграл бурное недоумение:

— Как же так? Какие же вы артиллеристы?

— Ваше превосходительство, если позволите, я сейчас направляюсь в лазарет, где лежат мои раненые юнкера. Ес-

ли бы вы согласились пройти со мной, я объяснил бы вам по дороге сложившееся положение.

— Пойдемте. Я тоже хочу поговорить с ранеными юнкерами. А положение понятно: нет орудий — нет никакой артиллерийской роты.

В «Больнице Общества Донских врачей» лучшие палаты на втором этаже были отданы раненым юнкерам. В зеленоватом белом свете коридора бесшумно проходили медсестры. Одна стояла у окна и беззвучно рыдала — лишь судорожные движения плеч выдавали ее состояние. Капитан шепнул Маркову: «Вера Михайловна Алексеева, младшая дочь генерала. Умирает юнкер Малькевич, тяжело раненый под Ростовом. Она его выхаживала...».

Подшли к ней.

— Что, Верочка, плохо? — спросил капитан.

— Кончается, — всхлипывая, ответила Вера. — Перевели в отдельную палату. Вы Марков? Папа хорошо о вас говорил.

— Берегите слезы, Верочка. Скоро начнутся большие бои.

В палате встретили старшую дочь Алексеева — Клавдию. Она учила ходить с костылем симпатичного раненого юнкера; на лице его — легкое презрение к ранению и готовность к любой опасности. Таких генерал Марков любил.

У юнкера, расположившегося у окна, в руках потрепанная подшивка журналов. Увидев генерала, положил журналы на подоконник и, прислонившись к стене, изобразил нечто вроде положения «смирно». Доложил построеному:

— Ваше превосходительство! Юнкер Константиновского училища...

— Отставить! Устав нарушаете. В лазарете доклады отменяются. Что читаете? Садитесь, рассказывайте.

— Нашел вот старую «Ниву». Роман.

— Про любовь?

— Конечно, про любовь. Но занятно. Вообще люблю Тургенева.

Марков взял громоздкую, уже лохматящуюся подшивку, прочитал:

— «Разрыв-трава»... Да... «Бегите от нее, иначе она испепелит вашу душу...» Нравится?

— Занятно. Но это я так, по случаю ранения. Тургенева не нашел.

— Но лучше читать хорошее. И в жизни свое дело делайте только хорошо. Ведь вы артиллерист? Так же, как и я?

— Так точно. Ларионов Виктор.

— Скажите, Виктор, а как вы собираетесь сражаться, если во всей армии нет ни одной пушки? — спросил Марков.

— Отобьем от большевиков и будем бить по ним из их же орудий.

— Это слова настоящего русского воина, — сказал Марков.

— И еще, если разрешите, только... Ваше превосходительство, мне надо учиться ходить с костылями, разминать ногу — не могли бы мы выйти в коридор.

Вышли, и Ларионов негромко сказал, оглядываясь на дверь палаты:

— Не надо, чтобы они нас слышали. Я знаю, где можно взять трехдюймовку — у казаков на путях. Они ждут покупателя.

— Прекрасно, юнкер, — сказал Марков, — но первое орудие будет мое.

Мимо прошла статная медсестра с монгольскими глазами и со всеми приветливо поздоровалась, назвав Маркова «ваше превосходительство». Ему объяснили, что это Наталья Лавровна Корнилова.

— Почему же ваше первое? — спросил Виктор.

— Скорее выздоравливайте, юнкер. И мы с вами вместе поставим трехдюймовку в ваш артиллерийский парк. Она нас ждет!

— А командир роты ничего не знает, — удивился Виктор.

— Еще никто ничего не знает, — сказал Марков. — Кроме генерала Каледина. В Донском музее стоит нормальная трехдюймовая пушка. Ее используют для погребального салюта на похоронах генералов. Атаман отдает

ее. Я смотрел пушку. Недавно из нее стреляли, потом пыжевали, как положено, смазали ствол.

— Ваше превосходительство, — хитро улыбнулся Ларионов. — А ведь там две пушки.

— Вторую возьмем в придачу, — мгновенно решил Марков.

В сочельник на радость детям он поставил у окна в большой комнате небольшую елку. Сам же без всякой жалости к себе подумал: «Для меня последняя». Не пасьянс побуждал к пессимизму, хоть и не сходился.

Главный «пасьянс» был на улицах, в степях, на станциях, где толпы офицеров так и не складывались в 10-тысячную армию, которую требовал Корнилов для начала решительных действий. Всего тысячи две с небольшим юнкеров и офицеров собирались сражаться за Россию, а остальные сидели в кафе Новочеркасска и Ростова.

Деникин, Романовский, Марков через объявление в газете организовали собрание офицеров в театре. Пришли... около двухсот человек. Одеты «под пролетариев» и с такими же замашками. Ни один не записался в армию. Кричали: «Мы, русские офицеры, призваны защищать границы государства, а не честь отдельных генералов!»

— Так чего же не защищаете? — спросил их Марков. — Мы не против.

— Вы своими объявлениями призываете нас к бегству неизвестно куда! — выкрикнул какой-то горластый в рваной солдатской шинели

— Мы никого не заставляем силой, — ответил Марков. — Вольному воля. Но те, кто не с нами, будут вынуждены стать нашими противниками.

Они надеялись, что этого не произойдет.

Вечером зашел Деникин с пакетиком сладостей: «Ксенюшка прислала с праздником поздравить».

Сергей Леонидович по обыкновению сидел за пасьянсом, карты не сходились, короли постоянно не находили себе места. Он чертыхался, а шепотом матерился. Дети окружили дядю Антона, одаривавшего их конфетами, затем Марианна увела их спать, и Деникин с непривычно вино-

вым видом начал объясняться по поводу предстоящей свадьбы.

— Решили 7 января, — сказал он, — после Рождества и Нового года. Только, знаете, Сергей Леонидович, такое время, что нельзя делать праздник.

— Какой праздник! По стакану горилки, чтобы стало горько, — и все.

— Понимаете, Сергей Леонидович, придется вообще без всяких угощений и застолий. Иначе нас не поймут. Мы посоветовались с Николаем Степановичем Тимановским²² и решили — только скромное венчание в маленькой церкви. Кроме жениха и невесты, будут присутствовать лишь вы и он с адъютантами.

— Правильно решили. Горилку в рукаве принесем.

— Объясните Марианне Павловне, чтобы она поняла обстановку.

— Она все понимает больше моего. Даже пасьянсы у нее сходятся. Вот с мужем сестры что-то не так.

— На этот случай у меня газетка, — сказал Деникин, доставая большевистские «Известия». — Сначала юмор: «Положение крайне тревожное. Каледин и Корнилов идут на Харьков и Воронеж. Комиссар Склянский доложил Совету Народных Комиссаров, что Дон мобилизован поголовно, вокруг Ростова собрано 50 тысяч войска».

— Прекрасно, — сказал Марков. — Нам бы так неплохо повоевать.

— А вот это неприятно: «Генерал Д. Потоцкий арестован военно-революционным комитетом деревни Поздневки и отправлен в Петропавловскую крепость». Он же ваш свояк. Не надо говорить Марианне?

— Она мужественная женщина. Да и если сразу не убили, то, может быть, обойдется.

Венчание генерала Деникина и Ксении Васильевны Чиж состоялось 7 января в мрачный холодный вечер, в маленькой городской церкви, где священник даже остерегся зажечь паникадило. Горели восковые свечи, присутствовали лишь священник, новобрачные и два генерала с адъютантами.

Вышли из церкви. Молодые... Да. В общем, молодые сели на извозчика, генералы и адъютанты взяли другого.

— Не спеша на Ермаковский, — скомандовал Марков и вынул из-под куртки бутылку. Родичев достал стакан.

Пили за молодых, закусывали хлебом и салом. Где-то вдалеке изредка стреляли.

— Вот и салют, — сказал Тимановский.

— У нас такая артиллерия, что можно и батареей салют давать, — напомнил Марков. — 6 орудий.

— Если бы вы знали, как мне последние два орудия достались, — вспомнил Тимановский. — Казаки мне их пропивали. Почти сутки пили. 5 тысяч рублей обошлись пушечки. Но, правда, в порядке. Казаки любят хорошее оружие.

Из-за угла вдруг выскочили несколько человек с винтовками. Один выстрелил куда-то наугад, выбросив в ночь пламя и напугав лошадей.

— А ну, стой! Предъявляй документы.

— Пьяные солдаты-грабители, — сказал Тимановский, слезая с брички.

Извозчик в страхе крестился.

— Вот мои документы, — сказал Тимановский, распахивая шинель и показывая георгиевские кресты. — А вот еще один.

И достал револьвер.

— Да мы чего? Мы проверяем, — забормотали солдаты.

— А который стрелял? — спросил Тимановский.

— Да вот этот с испугу.

— Кру-гом! — скомандовал полковник. — Бегом марш!

И солдаты побежали.

— В бою они все будут бежать от нас, — сказал Марков. — Только их много, и бежать далеко. Много времени потребуется и много крови.

Новый, 1918 год в Артиллерийской роте встречали торжественно и в присутствии высокого гостя. Генерал Марков пришел, когда еще не накрыли стол и спорили, как правильно готовить глинтвейн. Юнкерам было неудобно,

но Марков их успокоил: «Я могу быть полезным и при накрывании стола».

Состоялось торжественное примирение юнкеров двух училищ: «михайлонов» и «констапулов». Константиновец Марков утвердил прекращение традиционной вражды. За глинтвейном он произнес речь, запомнившуюся участникам на всю жизнь. Для многих жизнь оказалась короткой.

— Легко быть честным и храбрым, — сказал генерал, — когда осознал, что лучше смерть, чем рабство в униженной и оскорбленной России. Сегодня для многих последняя застольная беседа. Не надо тешить себя иллюзиями. Многих из собравшихся здесь не будет между нами к следующей встрече. Поэтому не будем ничего желать себе — нам ничего не надо, кроме одного: «Да здравствует Россия».

На станции Лозовая холодный ветер гнал поземку по перрону, трепал клещи матросов, что-то грузивших в бронепоезд, в стороне у вокзала солдат играл на гармошке и выкрикивал нелепые частушки:

Под одной рукой мешок,
Под другою бочка,
Подсажу, красавица,
За жаркую ночьку...

— А ну, полундра! — кричали матросы, расталкивая солдат, поворачивая трехдюймовку к платформе и вкатывая ее по подложенным для подъема доскам.

Поручик Линьков беспечно слонялся по перрону, искал знакомого — Руденко, но на перроне его не было.

— Вот до чего дожили, господин поручик, — прилепился к нему какой-то мужик с мешком. — Старые люди говорят: пришло последнее время, конец света. Оттого и с поездами так. Ни свистка, ни звонка, ни билетика...

— Трудное время, — согласился Линьков и отстал от мужика.

Все последние дни он думал о разгоне Учредительного собрания. Зачем Ленин сделал это? Первые честные сво-

бодные выборы в России. Первый настоящий выборный народный орган. А Ленину и Троцкому нужна диктатура. Во имя чего? Учредительное не допустило бы гражданской войны. Каждый получил бы свое. А теперь только ненависть. За что теперь сражаться Линькову? За диктатуру небольшой группы политиков? Разве смогут они наладить жизнь народа, эти журналисты, прожившие полжизни в эмиграции?

Перебраться на ту сторону? Говорят, Корнилов — за республику. И сражаться против этих ребят, сваливших самодержавие и надеющихся на лучшую жизнь?

Олега Руденко все не было. Он в это время сидел в кабине только что расстрелянного начальника станции, и с ним вели беседу руководители железнодорожной Чeka. Начальник, черноволосый, тощий, со сверкающими угольками глаз, убеждал:

— Ты пойми, моряк, мы тебе доверяем.

— Доверяете, а начальником бронепоезда сажаете какого-то неизвестного в штатском.

— Он знает паровоз, железную дорогу, сам старый большевик...

— Вся команда — моряки.

— Ты будешь комиссаром.

— И не только комиссаром, товарищ Спивак, — напомнил второй чекист, — нам нужны сведения о настроениях команды.

— Во первых строках замечу: у меня не команда, а экипаж. И настроение одно — бить контру. Калединскую, корниловскую и всякую.

— Среди ваших моряков много эсеров, — сказал Спивак. — А они сейчас начинают поднимать голоса. И за Учредилку.

— Такую контру я давлу вот этой вот, — сказал Руденко и показал чекистам крепко сжатый кулак. — Как Духонина давил.

— Не будем нажимать на товарища Руденко, — сказал Спивак своему помощнику. — Он верный коммунист, и у него на бронепоезде будет порядок. Но за эсерами посмотривайте.

— И за серыми, и за белыми пригляжу, — сказал Руденко, поднимаясь. — Но в следующий рейс — меня командиром!

Выйдя из здания вокзала, Руденко разминутся с Линьковым, но столкнулся с высокой молодой женщиной в полушубке и платке.

— Катюха! — обрадованно воскликнул Олег. — Давай снами на бронепоезд.

— Больно вас много. Я боюсь, — засмеялась женщина.

— За мной, как за броней, Катенька. Иди к Спиваку записывайся. Поварихой и медсестрой.

— А кем еще?

— Это я тебе по секрету скажу.

Снова совещались у Алексеева, и Марков с горечью вспоминал свои планы на первом совещании: разбить противника по очереди, наступать на Москву...

Теперь Лукомский уныло докладывал басом:

— Созданный в станице Каменская военно-революционный комитет казаков создал отряд под управлением Голубова и начал наступление по линии Миллерово—Новочеркасск. Единственная боеспособная часть на этом направлении — отряд Чернецова. Отряды Антонова-Овсеенко и Сиверса начали наступление на Матвеев Курган и Таганрог. К Батайску с Кавказского фронта приближается 39-я дивизия, полностью сагитированная большевиками.

— Какое положение под Таганрогом? — спросил кто-то.

— Руководит обороной Кутепов, но против него действуют во много раз превосходящие силы противника.

— Кутепову я послал подкрепление, — сказал Корнилов таким тоном, что можно было понять, будто Кутепов не сумел воспользоваться помощью. — В связи со сложившейся обстановкой и договоренностью с генералом Калединым я решил перенести штаб и войска в Ростов.

Хорошо, что у Марианны здесь родня, — словно она знала, что на Юге будет гражданская война и не обойтись без родственников в Ростове, которые помогут с квартирой удобной и безопасной. Никто не должен знать, что хозяин квартиры — генерал Марков, отправившийся бить боль-

шевиков. Не знала их ростовского адреса и Ксения Деникина, а сама Марианна Павловна ею и не интересовалась. Ей казалось, что молодая генеральша слишком возомнила о себе.

Дни шли переменчивые: то мороз, то оттепель, то солнышко, постоянными были лишь дурные вести. 20 января Чернецов и его отряд попали в плен и были зверски зарублены. Будто некая северная крепость рухнула, и ворвались сквозь развалины красные обольшевиченные казаки. Армия так и не выросла больше. Сергей Леонидович, назначенный командиром сводного офицерского полка, вечерами тщетно пытался сложить пасьянс, бросал непослушные карты, искал успокоения в вечернем чаепитии с Марианной. Обсуждали, что она будет делать, если придется уйти в поход куда-то далеко.

— Растить детей и ждать тебя.

— А если?..

— Растить детей, чтобы были такими же, как ты.

Утром он шел к дворцу Парамонова, где помещался штаб. Здесь его встретил адъютант Родичев и сообщил, что генерала вызывает Деникин.

— А мы вас потом ждем в наш штаб, — заговорщически шутливо продолжил Родичев.

— Что еще за штаб?

— Второй этаж, комната 25.

Марков сердито покачал головой и направился к Деникину. Тот, как и все генералы, пока еще носил штатский костюм, добротный. Марков снял куртку, бросил на стул.

— Тяжелое положение сложилось под Батайском, Сергей Леонидович, — сказал Деникин. — По правде, так везде тяжелое: и у Кутепова под Таганрогом, и под Матвеевым Курганом, и из Миллерова казаки-большевики подходят... Но под Батайском 39-й полк окружил юнкеров. Меня вызывают в Новочеркасск на совещание с представителями большевиков. Они требуют от Каледина передачи им власти.

— Еду в Батайск, — коротко сказал Марков, напяливая куртку и папаху. — Возьму две оставшиеся пушки. Отобьемся.

Уже подойдя к двери, остановился и сказал:

— Что будем делать?

— Будет хорошо. Лукомского Корнилов снимет и назначит Романовского. Так обещал.

— А войска? — спросил Марков, скрывая неприязненное чувство к служебно-чиновничьим интригам.

— И с войсками будет хорошо. Если армии придется куда-то отступать, за нами пойдут все офицеры, которые сейчас пьянствуют в кафе. И мы построим их по ранжиру.

Марков нашел квартиру 25. У двери его встретил улыбающийся Родичев. В светлой чистой комнате из-за столов аккуратно приколотыми топографическими картами поднялись офицеры. Родичев их представил: начальник штаба Биркин, его помощник поручик Данчиков, начальник разведки поручик Сергеев.

— Так, — угрюмо промычал Марков. — А это чья?

На стене висела обычная кожаная артиллерийская нагайка. Совсем новая.

— От старого хозяина осталась, ваше превосходительство.

— Моя будет, — сказал Марков, зловеще понижая голос. — Но не для лошадей, а для штабистов!

И сильно ударил по чистеньким столам, рассыпая цветные карандаши, ластики, линейки и прочие принадлежности, предназначенные для работы над картами.

— Красиво рисуете, господа! — кричал генерал. — Красненькие — это большевики? А мы — синенькие? На этих картах вы сразу красных побьете. А как Чернецова и его отряд на куски рубили вы здесь не нарисовали? А где у вас юнкера, поехавшие за пушками и обманом захваченные большевиками? А что в Батайске происходит? Вы знаете, что там юнкера окружены? Вы где служите? В штабе генерала Мольтке²³? Там ваши рисуночки, наверное, пригодились бы. А у нас гражданская война с врагами России! Никаких штабов! Наши карты — это поля сражений. Наши направления главных ударов — не стрелки на картах, а атаки на противника. Все! Штаб закрывается! Все в строй. Полковник Биркин, собирайте всех в Батайск. Ищите транспорт. Паровоз, поезд — все, что найде-

те. Мы с Родичевым в артпарк, выводим батарею и скачем туда же.

Офицеры молча собирались.

— Ваше превосходительство, а как же карты с обстановкой? — позволил себе спросить Биркин, несмотря на знаки, которые ему делал Родичев.

— У каждого боевого командира должна быть карта с нанесенной обстановкой..Но штабы для этого не нужны!

Не назовешь счастьем чувство, которое испытывал Марков, когда гнал два орудия в Батайск спасать окруженных юнкеров. Лошадь попала не под рост — вообще для его длинных ног трудно было подобрать лошадь. Впереди тяжелый бой и будущее армии на волоске, но давно он не ощущал этого опьяняющего чувства от сознания, что ты совершаешь нужное мужественное дело. Почти всю дорогу батарея шла на рысях. Вперед отправили троих конных разведчиков во главе с Родичевым. Закатное солнце не столько слепило, сколько согревало обветренное лицо, и генерал знал, что его орудия решат исход боя. Въехали в предместье — здесь уже свистели пули. Подскакали разведчики с докладом, собрались обратиться по уставу.

— Отставить болтовню, твою мать! — вскричал генерал. — Огневые отметили?

— Так точно, ваше превосходительство, — доложил Родичев.

— Под вашу ответственность поставить орудия на огневые и немедленно открыть огонь прямой наводкой!

Через несколько дней Маркова вызвали к телефону из Ростова, из штаба Корнилова, и к своим офицерам он вернулся озабоченный и больше обычного употребляя русский мат. В доме, где Марков разместился со своими помощниками, было жарко натоплено, но он лишь расстегнул свою куртку.

— Полная конфузия, как говаривал Суворов, — объявил он. — Создали армию, так их и разэтак, обосновались на Дону...

— Что случилось, Сергей Леонидович? — осторожно спросил Родичев.

— Каледин попросил у Корнилова помощь против большевиков. Корнилов ответил, что у него всего 147 штыков для обороны Новочеркасска. Каледин застрелился. Кутепов отступает к Ростову. Корнилов разжаловал его в рядовые. Пойдем отсюда к той матери. Полный отбой. К походу. Ночь идем через Дон к станице Ольгинской. Из Ростова тоже все уходят. Так. Толпой. Рабочие в Темернике восстали — будут в спину стрелять.

В ночь с 21 на 22 февраля²⁴ началось отступление из Ростова и Новочеркасска тех, кто считал себя принадлежащим к Добровольческой армии. Небо, полное звезд, открылось над Ростовом — почти все уличные фонари были погашены. Генералы в форме, в основном старой, изношенной еще на германском фронте, собрались в Парамоновском доме, в штабе, с винтовками и карабинами. Здесь же и старшие офицеры. Корнилов — впалые щеки, воспаленно горящие глаза — сказал:

— Мы уходим в степи. Войска ждут нас в казармах с генералом Боровским²⁵. Будет милость божья — вернемся. Мы обязаны зажечь светоч, чтобы хоть одна точка в охваченной тьмой России светилась надеждой. В колонну по два за мной, шагом марш!

Тем временем генерал Боровский в ростовских казармах на глазах у юнкеров допивал бутылку самогона. Предлагал полковнику Симановскому, но тот отказывался. Нервничавшие в ожидании юнкера притащили с улицы какого-то перепуганного мужика.

— Кричал: «Смерть буржуям!», ваше превосходительство, — доложили генералу.

— Ведите его к коменданту, — приказал генерал, — но так, чтобы не убежал. Понимаете?

И подмигнул.

— Так точно, ваше превосходительство.

И повели мужика в ночь.

— Напрасно, полковник, — продолжал Боровский уговаривать Симановского.

— Я в таких делах не пью.

Неподалеку прогремели два выстрела — конец мужику.

— Вот, — одобрительно протянул генерал. — А я, наоборот, в таких делах и люблю быть в полсвиста.

Вбежал юнкер и доложил, что прибыл генерал Корнилов и приказал выступать.

Во дворе казармы курили генералы и офицеры, строились юнкера. В эти напряженные тревожные звуки сборов в поход вдруг врзался истерический женский вопль:

— Где о-он? Куда вы дели мужика мово-о? Роденькие, скажите мне правду. Неужто маво здесь убили-и? За что? Он же никакой не большевик, а просто пьяненький. За что вы его, миленькие?..

Корнилов возмутился.

— Господа, неужели некому навести порядок? Генерал Боровский, разберитесь. Если кто-то виноват — накажите.

Женщину куда-то оттащили, но еще долго вслед выступившей колонны доносились ее истерические крики: «Миленькие, за что-о?..»

Следующей ночью через Ростов проходил офицерский батальон Маркова. На углу Таганрогского проспекта и Садовой остановились: сюда подошли грузовики и на них устанавливали пулеметы. Здесь же остановился броневедомобиль. Подошел Марков с привычной нагайкой в руке, с сожалением посмотрел на автомобиль и приказал:

— Когда колонна тронется, взорвать! А зачем пулеметы на грузовики?

— Не бросать же их, ваше превосходительство.

— С ума сошли? Где в степи бензин возьмете? Перегрузить на лошадей!

— Ваше превосходительство, так... Где же их взять, лошадей-то?

— Чушь!

Огляделся, зашагал к столбу с пожарным сигналом. Рукояткой нагайки разбил стекло, крикнул:

— Полковник Борисов! Разошлите людей по домам и соберите все повозки в округе.

Генерал рассчитал правильно: война войной, а пожарная команда не дремлет. Вскоре со звоном и грохотом подкатили пожарные повозки. Брандмайор подошел к Маркову.

— Распрячь лошадей! — приказал генерал, поигрывая нагайкой.

Пожарный начальник недолго колебался — попробуй не подчинись такому и его офицерам. Подоспели и повозки, и в строй пулеметной команды стали великолепные пожарные кони.

С утра 23-го Марков стоял у переправы через Дон, помогая полковнику — командиру технической роты поддерживать порядок. Пока шли обозы, приходилось иной раз и нагайку в ход пускать. Когда началась переправа главных сил, первым Дон перешел генерал Алексеев, опираясь на палку. За ним адъютант и охрана несли темный кожаный чемодан, в котором хранилась вся казна армии — шесть миллионов рублей.

Корнилов и его новый начальник штаба Романовский проехали переправу верхами. За ними — семеро текинцев, корниловский конвой: черные высокие папахи, малиновые шаровары с серебряным галуном, полосатый желто-малиновый халат.

К Маркову подошел Родичев.

— Куда пойдем, Сергей Леонидович?

— Зачем пойдем — знаю, а куда — сегодня будем решать.

— А зачем?

— Умирать, Гаврюша.

25 февраля с утра пасмурная оттепель размазала снег, превратив его в грязно-зеленую жижу. Войска, переправившиеся через Дон, собрались в Ольгинской и в 8 часов утра по приказу высыпали на центральную площадь станции. Не так много, как ожидалось, — не оправдались надежды на офицерскую солидарность: завсегдатаи кафе остались в Ростове, а отступили только ранее записавшиеся в армию.

Началось формирование подразделений. Кто шеренгами, кто небольшими колоннами, кто просто толпами раз-

бирались по создаваемым батальонам и ротам, перебежали из одного строя в другой, делились, соединялись, кричали, призывая друзей. Меньше всего движения было на правом фланге, где строился 1-й сводно-офицерский полк. Здесь руководили построением трое: командир полка — бодрый помолодевший Марков с генеральскими погонами на куртке, в синих с лампасами галифе, в сапогах, уже забрызганных грязью, с неизменной нагайкой; рядом с ним — полковник Тимановский с огромной бородой, в папахе и романовском полушубке; чуть сзади — Родичев. Как ни перестраивали, как ни считали, вышло всего 810 человек — 4 роты.

Остановившись перед серединой строя, Марков произнес небольшую речь:

— Не много же вас здесь! По правде говоря, из трехсоттысячного офицерского корпуса России я ожидал увидеть больше. Но не огорчайтесь! Я глубоко убежден, что даже с такими малыми силами мы совершим великие дела. Не спрашивайте меня, куда и зачем мы идем, — я все равно скажу, что идем мы к черту на рога, за синей птицей. Теперь скажу только, что приказом Верховного главнокомандующего, имя которого хорошо известно всей России, я назначен командиром Офицерского полка, который сводится из ваших трех батальонов, роты моряков и Кавказского дивизиона. Командиры батальонов переходят на положение ротных командиров, ротные командиры — на положение взводных. Но и тут вы, господа, не огорчайтесь: здесь и я с должности начальника штаба фронта фактически перешел на батальон!

Генерала перебил полковник Борисов:

— Я считаю для себя невозможным с должности командира полка возвращаться в роту!

Марков ответил резко:

— Полковник! Вы мне не нужны! Полковник Плохинский, Назар Борисович, примите роту!

В строю некоторые офицеры шептались: «Попали мы к начальничку, чтоб его...» Полковник Биркин поделился с соседом опасениями: «Заведет он нас за синей птицей к Богу в рай. Хочет обойтись без штаба!»

Словно услышав его, Марков продолжал:

— Штаб мой будет состоять из меня, моего помощника полковника Тимановского, который еще гимназистом 4-го класса пошел на Русско-японскую войну и стал храбрейшим офицером русской армии, служил командиром Георгиевского батальона при Ставке, и поручика Родичева, который и доктор, и казначей, и мой адъютант. А если кто пожелает организовать большой полковой штаб и устроиться туда, так пусть обратится ко мне, а я уж с ним побеседую.

И помахал нагайкой.

— Черт знает что, — пробормотал Биркин.

— Я делаю вид, что близорукий, — продолжал Марков. — Вот, у Степаныча очки — он видит, — генерал кивнул на Тимановского. — Он видит, что у многих офицеров нет погон. Разве вас разжаловали, господа? Погоны найти и нашить немедля! Не знаете где? Из бабьих юбок вырезайте. Наша форма такая: шинели черные в знак траура по императорской России. Погоны черные. Фуражка черная с белым околышем...

Часов до 11 продолжалось построение полка, и вдруг площадь замерла. Издали услышалась пронзительная команда: «Для встречи слева...!» Появилась группа всадников, но сначала все увидели большое трехцветное знамя. Его высоко поднимал знаменосец, ехавший следом за Корниловым. Далее — другие генералы. Людям свойственна вера в Вождя, но для этого надо уметь быть Вождем. Корнилов умел. Его небольшая фигурка, истощенное лицо, горящие черным пламенем восточные глаза привлекали сердца. Почему-то верилось, что за этим человеком надо идти и сражаться.

Корнилов объехал все части и поздоровался. Затем остановился перед серединой строя и спешился. Спешилась и свита. Подошли генералы — командиры полков, полковники — командиры батальонов и рот. Корнилов поздоровался с ними и особенно тепло, с улыбкой — с полковником Кутеповым, которого совсем недавно разжаловал в рядовые, а теперь назначил командиром офицерской роты.

Речь Корнилова была короткой:

— Завтра выступаем в поход. Направление движения вам укажут ваши командиры. Добровольческая армия создана и начинает свою боевую жизнь. В боях вам придется быть беспощадными. Мы не можем брать пленных, и я даю вам приказ, очень жестокий: пленных не брать! Ответственность за этот приказ перед Богом и русским народом я беру на себя. Если нам не удастся победить, мы покажем, как должна умирать русская армия!

Это Марков понимал хорошо: 3000 штыков, 400 сабель и 8 орудий против... Против всего остального, что есть в России. Но куда идти умирать?

Вождь думал и об этом. Но ему мешал другой вождь — Алексеев. Когда была подана команда войскам разойтись и готовиться к походу, расходились и генералы по своим квартирам. Марков услышал, как Алексеев говорил своим приближенным:

— Наша задача прежде всего должна заключаться в том, чтобы выбраться из кольца, которое образуют большевики. А там дальше будет видно: или будем продолжать борьбу, или распустим офицеров, дав им денег и предложив самостоятельно пробираться через Кавказские горы, кто куда пожелает.

Марков догнал Деникина, шагавшего рядом с Романовским, и спросил:

— Антон Иванович, вы слышали план Алексеева?

— Это не план, а предположения. План будет обсуждаться сегодня или завтра у Лавра Георгиевича с вашим участием. Кстати, нам надо ознакомиться с документами. Алексеев сегодня передал письмо Лавру Георгиевичу — потому командующий и был так мрачен. Это письмо Корнилов передал мне как своему помощнику, а я знакомлю с ним вас как командира нашего главного полка и как профессора Академии Генштаба.

Письмо оказалось длинным и спорным.

«В настоящее время с потерей главной базы армии — города Ростова, в связи с последними решениями Донского войскового Круга и неопределенным положением на Кубани встал вопрос о возможности выполнения тех общегосударственных задач, которые себе ставила наша организация.

События в Новочеркасске развиваются с чрезвычайной быстротой. Сегодня к 12 часам положение рисуется в таком виде: атаман слагает свои полномочия, вся власть переходит к военно-революционному комитету. Круг вызвал в Новочеркасске революционные казачьи части, которым и вверяет охрану порядка в городе. Круг начал переговоры о перемирии; станица Константиновская и весь север области в руках военно-революционного комитета; все войсковые части (главным образом партизаны), не пожелавшие подчиниться решению Круга, во главе с походным атаманом и штабом сегодня выступают в Старочеркасску для присоединения к Добровольческой армии.

Создавшаяся обстановка требует немедленных решений не только чисто военных, но в тесной связи с решением вопросов общего характера.

Из разговоров с генералом Эльснером и Романовским я понял, что принят план ухода отряда в зимовники, к северо-западу от станицы Великокняжеской. Считаю, что при таком решении невозможно не только продолжение нашей работы, но даже при надобности и относительно безболезненная ликвидация нашего дела и спасение доверивших нам свою судьбу людей. В зимниках отряд будет очень скоро сжат с одной стороны распустившейся рекой Доном, а с другой — железной дорогой Царицын—Торговая—Тихорецкая—Батайск, причем все железнодорожные узлы и выходы грунтовых дорог будут заняты большевиками, что лишит нас совершенно возможности получать пополнения людьми и предметами снабжения, не говоря уже о том, что пребывание в степи поставит нас в стороне от общего хода событий в России.

Так как подобное решение выходит из плоскости чисто военной, а также потому, что предварительно начала какой-либо военной операции необходимо теперь же разрешить вопрос о дальнейшем существовании нашей организации и направлении ее деятельности, — прошу вас сегодня же созвать совещание из лиц, стоящих во главе организации, с их ближайшими помощниками».

Деникин пригласил на обед Маркова и Романовского. Ординарцы и денщики суетились, подавая водку, соленые

арбузы, борщ и прочее. Деникин рассказывал о том, как едва отговорил Ксению от участия в походе, она смогла уговорить даже Корнилова, который поддерживал ее, мол, медсестры же идут с армией.

— Но я был непреклонен, — говорил Деникин. — Нашел у одного богатого армянина хорошую комнату и поселил Ксению под девичьей фамилией. Она в Ростове никого не знает, и о ней никто не знает.

Конечно, говорили и о письме Алексеева.

— Если два руководителя армии переписываются вместо того, чтобы собраться и обговорить все вопросы, значит, в руководстве нет единства по главным вопросам, — сказал Романовский.

Марков из письма понял, что Алексеев как руководитель изжил себя: он думает о роспуске армии, о прекращении дела... Его возраст не должен влиять на действия войск. Если суждено погибнуть, то в бою, а не при попытке разбежаться поодиночке по горам и степям. Можно обсуждать, спорить и выбрать более правильное направление движения армии, но в какую бы сторону ни повел Корнилов войско, они будут сражаться, побеждать или погибать с честью. Это Маркову подсказывают и опыт многих кровавых сражений, и так называемая теория военного искусства. Однако это был его личный опыт, у других, по-видимому, мог быть другой, и не собиравшись никого убеждать в собственной правоте, а с друзьями разговаривать так, чтобы не поссориться. И он сказал о письме:

— Алексеев — старый волк, а Корнилов — молодой. Нам оба нужны.

— Главное — нейтрализовать Лукомского, — сказал Деникин. — Нам не нужны масонские интриги. Я убежден, что письмо Алексеева — дело его рук.

Поневоле думалось, что он один понимает глубинную сущность военных действий. Все эти военные советы, совещания, штабные документы, гениальные планы, нанесенные на карты, не имели никакого смысла — все происходило так, как должно было произойти, исходя из воли и решительности военачальника. Лишь прочитав письмо

Алексеева, Сергей Леонидович несколько не сомневался в том, что армия пойдет туда, куда прикажет Корнилов. Но чтобы это произошло, потребовались три военных совета и еще дополнительные совещания во время похода.

Первый совет состоялся вечером 25-го. Деникин, усаживаясь рядом с Марковым, облегченно вздохнул, отмечая, что Лукомский отсутствует — собирает остатки войск за Доном.

— Господа, мнения разделились, — сказал Корнилов. — Одни настаивают на движении к Екатеринодару, другие предлагают идти в зимовники. Выслушав обе стороны, я пришел к выводу, что Степной район, пригодный для мелких партизанских отрядов, грозит большими затруднениями для жизни Добровольческой армии с ее пятью тысячами ртов. Зимовники, значительно удаленные друг от друга, не обладают ни достаточным количеством жилых помещений, ни топливом. Располагаться в них можно лишь мелкими частями, разбросанно, что очень затруднит управление. Степной район, кроме немолотого зерна, сена и скота, не даст ничего для удовлетворения потребностей армии. Да и большевики не оставят нас в покое. На Кубани, наоборот, мы встретим не только богато обеспеченный край, но и сочувственно настроенное население. А уцелевший от захвата большевиками Екатеринодар даст возможность начать новую общую большую организационную работу.

Военный совет принял решение: идти на Кубань.

К вечеру подморозило, звезды высыпали над станицей. Участники долгого совещания с удовольствием не спеша бродили по станице. Марков приказал вывести роты на вечернюю прогулку, и в чистом, остром, словно сдобренным лимоном воздухе зазвучала старая песня с новым припевом:

Так громче, музыка, играй победу!
Мы победили, и враг бежит, бежит, бежит!
Так за Корнилова, за родину, за веру
Мы грянем громкое урв, ура, ура!

Следующий военный совет состоялся на другой день в 12 часов. Приехал Лукомский, и Деникин ожидал подвоха.

Сначала обсуждали вести из Новочеркасска, привезенные генералом Поповым. Тот сообщил, что большевики вошли в город накануне днем, и уже ночью начались расстрелы. Корнилов предложил Попову присоединиться к Добровольческой армии со своим отрядом, в котором насчитывалось около двух тысяч казаков. Но тот мялся, не зная, куда все-таки пойдет армия.

— Я должен определенно заявить, — говорил Попов, — что Донской отряд не может покинуть территорию Дона. Нам бы лучше, прикрываясь с севера рекой, переждать события в районе зимовников. Тем более что Дон скоро станет труднопроходимым.

— По соглашению с генералом Алексеевым я предполагаю двинуться к Екатеринодару, — сказал Корнилов. — Однако вследствие заявления генерала Попова предлагаю еще раз обсудить этот вопрос и прошу желающих высказаться.

Алексеев слегка покраснел от волнения и горячо заявил:

— Бряд ли есть необходимость вновь дебатировать этот вопрос. Впрочем, если генерал Корнилов находит нужным еще раз поставить его на обсуждение, то я считаю обязательным повторить то, что уже говорил в Ростове: единственно правильным является направление на Екатеринодар. В этом направлении легче всего прорвать большевистское кольцо, есть надежда на соединение с другими отрядами и на присоединение к нам Кубанского войска. Наконец, мы зайдем богатый во всех отношениях район и сможем пополниться, привести себя в порядок, отдохнуть и с новыми силами продолжать борьбу. Если же полного успеха мы не добьемся, то Добровольческая армия будет в силах дойти до Кавказских гор, и там, если обстановка потребует, можно будет ее распустить.

— Прошу дать мне слово, — прозвучал бас Лукомского.

— Сейчас опять начнет пугать Корнилова, — прошептал Деникин Маркову.

— Не возражая по существу против высказываний генерала Алексеева, — начал Лукомский, — я должен обратить внимание только на то, что уже теперь при нашей ар-

мии или, правильнее сказать, при нашем небольшом отряде более двухсот раненых и чрезмерно большой обоз с боевыми припасами и винтовками, который бросить нельзя. Обозные лошади, набранные главным образом в Ростове, уже теперь имеют жалкий вид и еле тянут свои повозки и сани. Не надо забывать, что при наступлении на Екатеринодар нам нужно будет два раза переходить железную дорогу, и большевики будут преграждать нам путь и подведут к местам боя бронепоезда. Будет трудно спасти раненых, которых, конечно, будет много. Наконец, мы совершенно не осведомлены о положении на Кубани: возможно, наш расчет на восстание кубанских казаков ошибочен, и нас там встретят как врагов. Вследствие всего этого я сомневаюсь в правильности решения идти теперь прямо на Екатеринодар. Лучше прислушаться к совету атамана Войска Донского и перейти пока в район зимовников, а там, прикрываясь Доном и находясь в удалении от железной дороги, переформировать армию, исправить и пополнить обоз. Большевики месяца два нам будут не страшны: они не посмеют оторваться от железной дороги. Если же рискнут на какую-нибудь операцию против нас, то будут разбиты. Месяца же через два с новыми силами мы, в зависимости от обстановки, примем то или иное решение.

Алексеев, не скрывая волнения, задышав, повторил:

— Идти прямо на Екатеринодар — единственно правильное решение.

Умный и хитрый Романовский высказался неопределенно:

— Я согласен с замечаниями Александра Сергеевича и, признавая правильным решение идти на Екатеринодар, считаю необходимым проделать все те работы, о которых он говорил, выбрав для этого подходящий район.

Корнилов, по-видимому, колебался — прислушивался к Лукомскому. Недаром Деникин так ненавидел бывшего начальника штаба. Командующий взглянул на Маркова, но тот смотрел на него с таким одобрительно спокойным выражением, словно хотел сказать: «Куда ты поведешь нас, Вождь, туда мы и пойдем сражаться и умирать».

— Я не могу не согласиться с правильностью замечаний генерала Лукомского, — сказал Корнилов. — Однако вряд ли правильно идти в те зимовники у Дона. Я решил идти с армией в район к западу от станицы Великокняжеской, который также богат лошадьми, скотом и хлебом. Там я приведу армию в порядок, и затем, вероятно, пойдём на Екатеринодар. И, наконец, последнее, но, может быть, самое главное. Сегодня я подписал приказ о производстве всех юнкеров-артиллеристов, числящихся в Добровольческой армии, в офицеры. Теперь они все прапорщики. Соответственно, и форма.

На этом совещание и закончилось.

И вновь такое огромное количество звезд высыпало в темно-синем донском небе, что не хотелось расходиться по квартирам.

— Где-то теперь наш император? — вдруг вспомнил Алексеев. — Говорят, в Тобольске.

— Он больше не император, — холодно ответил Корнилов. — Я республиканец. Если в России будет монархия, то мне в России места не будет.

Коротко попрощавшись, он зашагал к себе.

Расходились и другие. Марков и Родичев остались вдвоем.

— Верите в Корнилова? — спросил Марков.

— Разумеется, Сергей Леонидович. Другого вождя у нас нет.

— Для меня загадка: на чем основывается вера каждого из нас в генерала Корнилова? И как он чувствует эту веру? По-моему, тот, кому не пришлось видеть в своей жизни природного вождя, никогда не поймет наши чувства, нашу веру.

Прошли к станичному правлению. Там галдели казаки. Марков с Родичевым встали в сторонке, послушали.

— Генерал Корнилов, конечно, здорово нас срамил. Я бы, конечно, пошел бы.

— Чего ж не идешь?

— Что ж, я пошел бы с кадетами, да сегодня вы уйдете, а завтра в станицу придут большевики. А у меня хозяйство, жена...

— А потом эти вернутся и все тебе припомнят.

— Пошли на квартиру, Гаврилыч, — предложил Марков. — Тут нового не услышишь. Наше дело одинокое. Так одни и пойдём умирать со своим генералом. У него жизнь тоже на волоске.

— Очухаются казаки, Сергей Леонидович.

— Может, и очухаются, да поздно будет.

Добровольческая армия начала поход. Офицеры, юнкера, студенты, казаки, солдаты — этих меньше всех. Около четырех тысяч бойцов. Добровольцы. Каждый подписал контракт с командованием всего на четыре месяца. С февраля 1918 года назначено денежное содержание: мобилизованные солдаты — 30 рублей, офицеры — от 270 до 1000. И всем общий паек.

Напротив ростовского дома, где на втором этаже квартировала под чужими документами Марианна Павловна Маркова, стоял такой же двухэтажный дом. Она раньше на него не обращала внимания, но с тех пор как пришли красные, по ночам стали ездить грузовики, скакать конные отряды, месить снег пешие патрули, то и дело где-нибудь стреляли. Марианна закутывала детей в одеяла, закрывала дверь в их комнату, а сама в калате стояла у окна, прячась за штору.

Настала ночь, когда грузовик остановился у дома напротив. Из кузова выпрыгнули несколько матросов с винтовками. Из кабины вышел вполне интеллигентный человек в очках, шинели без погон. Марианна вспомнила, что в том доме много мальчиков. Наверное, есть и юнкера.

Вскоре все окна в доме осветились, и вдруг одно из них на втором этаже с треском распахнулось, из него выпрыгнул юноша. Удачно попал на кучу снега и кинулся в темноту. Стреляли, светили фарами вслед, но беглец исчез. Марианна опустила на пол перед иконой и молилась за его спасение.

Двух других молодых людей вывели с предосторожностями — связали, держали за плечи. Одного из них Марианна узнала — играл как-то с дочкой. Та была очень до-

вольна. Юношей грубо затолкали в кузов, и грузовик, побуксовав, направился дальше.

По дороге арестовали еще несколько бывших юнкеров. Ввели в здание Чека на второй этаж. Командир особого взвода Линьков приказал вводить к нему по одному. Допрос каждого был короток и однообразен:

— Фамилия?

— Балков.

— В какой юнкерской роте служили? Не молчите — мы все знаем.

— В роте штабс-капитана Парфенова.

— Увести.

Со следующим:

— Фамилия?

— Заревский.

— В какой юнкерской роте служили?

— Я всего два дня, товарищ...

— Отставить. Кто командир роты?

— Штабс-капитан Некрашевич.

— Увести...

Закончил на рассвете. Вошел комиссар Олег Руденко.

— Загрузили, — сказал он. — Можно концы отдавать.

— Без меня бы.

— Может, без тебя и бабы рожают? Приказ Дзержинского знаешь? Подписавший приговор участвует в исполнении. Может, сбежавшего пойдешь искать? Корнилов своим приказал пленных не брать. Вот и мы не берем.

— Уговорил. Поехали.

— Оружие проверь. Чтоб патронов хватило.

Дорога к пустырям, где производились расстрелы, была хорошо наезжена. Машину лишь слегка покачивало в колее. Связанные юнкера пытались что-то петь.

— Пошли вы со своей песней, — взвизгнул Заревский, тот самый, что всего два дня был в юнкерской роте. — За что меня расстреливать? Я не виноват. Пошел в роту — форма понравилась. Не знал, зачем и за кого...

— О-о! — проявил любопытство Руденко. — Юнкерок за формой пошел, а мы его к Богу в рай. Не дело, ребята. В форме воевать хотел, а на расстрел в какой-то кацавейке

везем. У тебя, Конов, в кабине чего-то навалено. Достань и одень парня. Шинель там, штаны, может, фуражку. Все равно твое будет.

— Так я же не виноват. За что меня? — плакал юнкер.

— А ты гордись, что тебе уважение делают. В форме на смерть посылают.

Навстречу ехали полупустые грузовики с конвоем. Пьяные матросы пели: «По морям, по волнам, нынче здесь — завтра там...»

На краю пустыря в нескольких местах посверкивали лопаты. Кое-где хлопали неровные залпы — расстреливали офицеров. Рвал на груди гимнастерку и рубаху и падал, захлебываясь кровью, тот, что кричал Маркову: «Мы призваны защищать границы государства, а не честь отдельных генералов! Вы призываете нас к бегству неизвестно куда!..»

Линьков приказал остановить машину и вышел из кабины. Матросы стаскивали юнкеров. На Заревского натянули шинель, затянули поясной ремень, надели фуражку.

— За что? — кричал юнкер. — Я не виноват... Я два дня...

— Молчи, гнида, — пробормотал матрос Плоскин, бывший колоть приговоренных штыком.

— Ты смотри, мне шинель не попорти...

— А ну, вкалывать! — кричал Руденко. — Шевелить лопатами, а то сперва зубы подергаем!..

Едва дохнуло чуть заметным серым отсветом с востока, ветерок шевельнул матросские ленточки, и пришла смерть.

— Прощайте, друзья! — обнимались, целовались, обливаясь слезами приговоренные.

— В одну шеренгу становись! — скомандовал Руденко. — Поддерживаете, кто не может стоять. Приготовились! Огонь!

Линьков честно целил в одного из юнкеров, стоявшего с закрытыми заплаканными глазами. Здесь обманывать нельзя — самого поставят. Стонали, дергались, Плоскин добивал штыком. Конов беспокоился о целостности шинели.

— Вот он, чья мечта исполнилась, — сказал Руденко Линькову, глядя, как закапывают уже без шинели труп Заревского. — Мечтал умереть в форме — вот и умер. Я тоже когда-то мечтал о тельняшке, о ленточках. Только не умирать мечтал.

— В Красной армии будет другая форма, — ответил Линьков, чтобы что-нибудь сказать.

В Чека вернулись засветло. Начальник вызвал к себе Линькова.

— Задачу выполнили, — сказал начальник. — Бегуна поймаем. Его фамилия Брянцев. Служил в артиллерийской роте. А нам еще, понимаешь, письма пишут. Вот послушай: «Бессильные иными путями предотвратить продолжающиеся убийства ни в чем не повинных юношей, мы заявляем о нашей полной готовности быть расстрелянными в любой момент и в очереди, какую будет угодно установить военно-революционному комитету, взамен детей, предназначенных к расстрелу...» Во как. И подписи: Васильев, Петренко, Мельситов, Смирнов... Может, их всех в расход? Ну, это мы разберемся. А тебя, брат, в штаб Сиверса берут. Бывший поручик, воевал — понадобился вот. Наших-то людей мало.

Линькову так и не дали выспаться. Выпил со своими матросами полстакана спирта — и в штаб. Здесь уже солнышко карты освещает: красные — наши, синие — не наши.

Главным здесь был большеголовый угрюмый человек в гимнастерке с нашивками на рукавах. Форму, что ли, уже вводят в армии? Мужик, видно, из унтеров: как приказывать — знает, что приказывать — не знает. С ним рядом другой «пострадавший» — напарник Линькова, бывший капитан Мушкаев.

— Командование поручает вам почетную и ответственную задачу, — сказал бывший унтер Лисюков. — Вы знаете, что корниловцы пошли через Кагальницкую, Месхетинскую и далее по дороге. Вот смотрите на карте. С юга от Тихорецкой и Белой Глины движутся Дербентский полк и сводный Екатеринодарский отряд. Полк — большевистский. Все командиры выбраны солдатами. У Корнилова

всего 3 тысячи и 8 орудий. Дербентцы встретят их где-то здесь у Лежанки или Егорлыцкой и разгромят контру. У дербентцев, может, с разведкой слабо. Вот вы, под видом беженцев, идете. Мол, в Тихорецкую, двигаетесь в отряд. Документы зашейте. Денег вам дадим.

— Вопросы есть?

— У меня вопрос, — сказал Линьков. — Сегодня не спал — всю ночь в Чека.

— Заходите ко мне вечером за деньгами и документами. А пока отдыхайте.

У Мушкаева была квартира, Линьков подался к общезжитию, но возле магазина, забитого со всех сторон, он встретил знакомую женщину. Не очень знакомую — даже забыл, как звать, — встречал с матросами.

— Не помню, как вас.

— Катя. Катюша.

Линьков удивлялся ее приветливой улыбке: бессонная ночь с убийствами, глаза, одуревшие от спирта, а на него так смотрит пригожая женщина.

— А я, знаете, не спал вот всю ночь. Дежурил...

— Так я вас уложу. Миша вас зовут? Я помню. Магазин-то весь мой. Я его под обмывочный пункт сообразила...

Помыла, передела в чистое, уложила, приласкала. Говорила:

— Давно вас заметила. Вы культурный. А матросы все охальники. Я понимаю, конечно, война долгая. Мужчине тяжело. Но надо культурно, с подходом, с лаской.

ПУТЬ К ЛЕГЕНДЕ

Снег стаял и пропитал донской чернозем водой, превратив дорогу в грязное месиво, куда ноги проваливались чуть не по колено. Вытаскиваешь ногу — сапог остается. Модные кавалерийские шинели обрезаны на четверть. Шпоры сняты и брошены. Не до шпор — сапоги разваливаются: приходится обматывать тряпьем.

У вчерашних юнкеров — новоиспеченных прапорщиков еще веселее: с ними идут девушки — сестры милосердия, и если их изящные ножки проваливаются в грязь,

то сапожки так и остаются в земле. Молодые офицеры, разумеется, выносят девушек по-рыцарски на руках. Генералу Боровскому, любящему порядок, эта процедура надоела, и он отправил медсестер в обоз.

Каждое утро первым на грязную дорогу выходит командир Первого сводно-офицерского полка генерал-лейтенант Марков в своей белой папахе, темной куртке с погонами, в генеральских брюках, в высоких сапогах. За ним — Тимановский с палкой, трубкой в зубах и флягой коньяку. За ними — Родичев: доктор, казначей и адъютант. Иногда Марков на лошади, но не смотрятся вытянутые в стремених вперед его длинные ноги и неестественно вертикальная фигура. Скачет в таком виде вдоль строя, кричит: «Вперед за синей птицей!» — и обязательно присовокупит матерщину.

Отдал лошадь, пошел пешком рядом с Родичевым, спросил:

— Не любят меня в полку, а, Гаврилыч?

— До первого боя, Сергей Леонидович.

— И я на первый бой ставлю. Побеждать будем. Науку побеждать я во всех видах изучал. Умирать будем потом. В других боях.

За 6 дней не прошли и 100 километров. В Хомутовской Корнилов решил пропустить мимо себя колонну — опытный умный начальник не лезет в грязь и суету каждый день; он чувствует, когда надо напомнить войскам о себе и о правилах строя.

Корнилов — всадник великолепный: небольшой рост, тонкое тело словно было спаяно с прекрасной буланой лошадью — на всем Дону такой красоты не сыскать. А за Корниловым — живописные текинцы. Он сам — рядом с трехцветным знаменем. Вокруг штаб и некоторые беженцы-политики в колясках: братья Суворины, Н. Львов, Л. Половцев и другие. Корнилов терпел их.

Обоз протянули вперед, к выходу из станицы, чтобы не мешал строю, и на него-то и напали красные — несколько эскадронов с одним орудием. Орудийного выстрела было достаточно, чтобы поднялась паника. Марков рванулся

было наводить порядок, то есть поскакал навстречу выстрелам, но его спокойно остановил Корнилов: «Не спешишь, Сергей Леонидович, здесь я командую, — и приказал: Штаб, за мной! Остановить панику. Полковник Миончинский!»²⁶ Батарею на позицию, картечью огонь!»

Несколько артиллерийских выстрелов — и красных как не бывало. Корнилов похвалил командира батареи подполковника Миончинского за быстроту разворачивания, а тот подвел ему долговязого парня в чужой юнкерской шинели и казачьей папахе.

— Разрешите доложить, ваше превосходительство. Мой юнкер Брянцев. Остался в Ростове с больной матерью, а ночью за ним пришли эти... как их...

— Чекисты, ваше превосходительство. Расстрельная команда. Я выпрыгнул в окно со второго этажа.

— И прямо к нам в батарею, — рассказал Миончинский. — Стрелял сегодня.

— Включите в приказ на представление звания, — сказал Корнилов. — Видите, как действуют большевики, — обернулся к своему штабу. — Террор. Чем больше террора, тем больше победы.

В корниловском полку, которым командовал подполковник Неженцев²⁷, служили прапорщик Роман Гуль²⁸ и его старший брат Сергей. Роман — поэтическая натура 22 лет, верящий в национальное возрождение, начавшееся на Дону во главе с национальным героем Лавром Корниловым, с утра 7 марта был восхищен красотой степи под бесконечным бездонным небом, пропитанным солнцем, и вспоминал стихи.

— За этим гребнем село Лежанка, — сказал серьезный старший брат. — Готовься, Рома. Там красные.

— Неужели в такой день? В такую весну? О, весна без конца и без края — без конца и без края мечта. Узнаю тебя, жизнь! Принимаю! И приветствую звоном щита!

— Вот это верно, — одобрил брат, — щит береги.

За гребнем и небольшой речкой с мостиком — село. Здесь красные ждали корниловцев. На окраине поставили

батарею, на дерево посадили наблюдателя. Линькова и Мушкаева попросили помочь неопытным артиллеристам. «Мы ж сами пехотинцы», — отнекивались они, но выборный командир, бывший фельдфебель, резонно возражал: «Офицер должен быть в курсе».

Сидели вдвоем, обсуждая свое неясное положение. По дороге договориться не удалось — боялись друг друга, казаков, корниловцев.

— Они же сразу побегут, — сказал Мушкаев. — А мы?

— Должны бы и мы с ними, — осторожно сказал Линьков; он не хотел сообщать спутнику о своем знакомстве с генералом Марковым, на которое, впрочем, не очень надеялся.

— Бежать бесполезно, — вздохнул Мушкаев. — Кавалерия догонит и на куски изрубит. Вот если сдать, как офицерам, силой взятым в отряд.

— Пожалуй... Попробуем...

— Эй, вы там, — закричал бывший фельдфебель. — Офицеры подходят, а вы разговоры разговариваете.

— Так наблюдатель же...

— Он давно вам шапкой машет. Открывайте огонь.

— Командирам орудий открыть огонь шрапнелью, — прокричал Линьков.

— А прицел? Трубка? — заволновались.

— Сами ставьте. Не воевали, что ли?

Едва заметными на разгулявшемся солнце мелькнули молнии выстрелов. Сигнальщик на дереве энергично замотал головой: не туда!

Высоко в небе мелкими желто-белыми мгновенно исчезающими шариками взрывались шрапнели красных — «журавли» на артиллерийском жаргоне. Такие не опасны. Однако сигнал для начала боя прозвучал. Марков быстро проскакал вдоль строя своего полка, призывая идти вперед и дополняя речь любимыми выражениями.

Подъехал Корнилов со свитой. План боя готов: Марков атакует прямо по дороге через мост, корниловский полк — в обход левого фланга красных. «Пленных не брать, — напомнил генерал. — Чем больше террора, тем больше победы». И поскакал за своим полком.

Марковцы рассыпались в цепи, но шли под пулями спокойно, винтовки на ремне. Огонь красных, бивших издали, не представлял опасности. Марков шагал впереди. Оглядываются: так ли идут. Рядом Тимановский дымит трубочкой. 2-ю роту Марков направляет в атаку на мост, 3-ю и 1-ю — правее, через реку.

Точно не установить, кто были те первые белые офицеры, организовавшие новый вид атаки на красных. Возможно, и штабс-капитан Згривец из 1-й роты вел офицеров через речку. Раздвигая камыши, увязая в илистом дне и оказавшись шагов за 20 до берега, где стояли красные, они выбежали на берег, взяли винтовки наперевес, и красные в панике бежали.

Здесь же рядом Кутепов, по своему обыкновению одетый в бой, как на парад, фуражка на затылке, борода впереди, генерал перевел свою роту через речку и цепью — четыре шага интервал — винтовки наперевес, без выстрела двинулся на врага. Красные бежали в панике, бросая оружие. Рота, которую вел Марков, бежала по дороге, но кутеповцы ее обогнали, чем удивили его.

— Пленными не заниматься! — крикнул Марков. — Ни минуты задержки. Вперед.

Добежали до батареи красных. Здесь несколько офицеров стояли с поднятыми руками.

— Под расстрел их! — кричали офицеры. — Смерть предателям!

— Кто командовал батареей? — спросил Марков резко и зло.

— Я. Капитан Мушкаев.

— Ты не капитан! Расстрелять!

Подъехал Корнилов.

— Сергей Леонидович, офицер не может быть расстрелян без суда.

Марков промолчал — он узнал стоящего рядом с капитаном Линькова, смотревшего на него с надеждой. Едва заметно, неодобрительно кивнул и прошел мимо. Пусть решает суд.

Все могло решиться мгновенно, без суда. К Корнилову подвели юнкера Брянцева, сумевшего убежать в Ростове от

чекистов. Миончинский доложил о нем Корнилову, хватил за сегодняшнюю стрельбу.

— Поздравляю, юнкер, — сказал Корнилов, — вы уже не юнкер. Адъютант, немедленно включите в приказ на присвоение звания.

— Никого не знаешь из этих? — спросил Брянцева генерал Боровский, указывая на пленных.

Тот скользнул взглядом по бледным испуганным лицам. Несколько задержался, разглядывая Линькова.

— Никак нет. Не знаю. За мной приходили чекисты, а это — офицеры.

— Они могут и переодеться, — сказал Боровский.

— Никак нет. Не знаю.

И все же, уходя, Брянцев оглянулся и на Линькова смотрел дольше, чем на других пленных.

На площади перед собором расправлялись с солдатами. Их было много, и стрелки вволю натешились. Били почти в упор, потом добивали еще живых, а самые дотошные ходили по трупам и проверяли.

Деникин с ординарцем верхами проезжали неподалеку. Генерал придержал коня, искоса смотрел на молящих о пощаде, окровавленных, дергающихся в предсмертных судорогах, пытающихся куда-то ползти, настигаемых пуль или штыком... Есть ли среди них кто-то из тех, что пытались его растерзать в Бердичеве? Это не имеет значения — все они такие.

Марков проезжал мимо и не остановился. Только крикнул:

— Поменьше с ними валандайтесь.

Кто-то из расстрельщиков сказал:

— А сам что-то не хочет.

О Маркове в этот вечер говорили много: герой боя, первым шел в атаку, его полк двигался на красных без выстрела, и они в панике бежали. Так надо побеждать в этом походе. Романа Гуля давно привлекала эта странная личность: всегда с нагайкой в руке, с нецензурной прибауткой и, если верхом, то почему-то всегда на неподходящей лошади.

Когда закончился наконец этот слишком длинный день, слишком наполненный событиями, такими разными и такими значительными, когда вновь высыпали звезды над степью, Роман вдруг среди брани, споров, бахвальства, пьяных выкриков неожиданно услышал песню, негромко звучащую где-то за огородами. Он пробрался туда. Возле большого костра сидели марковцы. Что-то ели и пили, но, главное, пели:

Цыганский быт и нравы стары,
Как песни те, что мы поем,
Под заунывный звон гитары,
Жизнь прожигая, зря живем...

Гитара заунывно подыгрывала.

— Идите, прапорщик, к нам, — услышал он вдруг голос Маркова. — Нравится песня? Вижу, что нравится.

Романа усадили, дали глотнуть, дали закусить куском курятины.

— Любим мы эту песню, — сказал Марков, — что-то в ней есть. Походное, что ли.

Под песню и слегка захмелев, Роман решил спросить:

— Ваше превосходительство...

— Без превосходительств. Сергей Леонидович. Как вас величать?

— Роман Борисович.

Под странную цыганскую песню этих молодых, слегка пьяных людей, целый день рисковавших жизнью, убивавших, расстреливавших, не знающих, куда и зачем пойдут они завтра и где застигнет их смерть, возник странный разговор между прапорщиком и генералом. Странность его была в том, что и вопросы, и ответы были туманно неясны, но в то же время оба так понимали друг друга, как не поняли бы в любой самой четко организованной беседе.

— Почему так, Сергей Леонидович?

— Потому что хорошо, Роман. Видел, солнце какое стояло, когда шли цепями? А как шли, ты понял?

— Без выстрела. Если всегда так будут идти...

— Всегда.

- И все погибнут.
- Да.
- Но слава останется навеки.
- Слава останется. Это ты хорошо понял, Роман.
- Но можно иначе.
- Нельзя. Так сложилось.
- И Корнилов?
- И он.
- А другие?
- Других нет. Только мы. И это прекрасно. И песня хорошая:

Цыганский быт и нравы стары...

- А там на площади?
- Об этом, Роман, не говорят под песню.

Однако пели не везде. Когда прапорщик Пауль из Марковского полка шел на квартиру, его остановили двое поручиков.

— Господин прапорщик, просим вас помочь. В этом доме большевик. Надо его взять.

Грозно постучали. Открыли сразу с испуганными лицами и трусливыми заявлениями о том, что ничего не знают. Обошли дом, заглянули в шкафы, под кровати. Обнаружили большевика в дальней комнате, забившегося под кровать. Пауль достал наган, заставил вылезти. Едва тот показался, держа в руке массивный старинный кинжал, как один из поручиков выстрелил ему в голову. Большевик уже не шевелился, но поручик выстрелил еще раз.

Остальную часть пути прапорщик Пауль шел, не напевая цыганские песни, а задумавшись о происходящем.

Роман Гуль в это время спешил на квартиру, где его ждал брат. Пришлось переходить пути за станцией. Там снова что-то кричали офицеры. Он столкнулся с поручиком Корнеевым. Тот — с винтовкой наперевес, перед ним — молодой солдат в рваной гимнастерке. Пленный. Просит пощады:

- Пожалейте, дяденька! Помилуйте!

- А... Твою мать! Куда тебе — в живот, в грудь? Говори! — злобно кричит Корнеев.

- Пожалейте, дяденька!

Злобно хрипя, словно дрова рубит, поручик ударил пленного в грудь, в живот, опять в грудь. Упал исколотый штыком пленный и еще долго стонал, все тише и тише.

Поймали еще одного. Конечно, тот тоже просил пощады, но в ответ лишь зверские крики:

- Беги... твою мать!

Пленный бежать отказывался, хватался за ствол винтовки, понимая, что значит это «беги».

- Беги, а то заколю!

Инстинктивно пленный отскочил в сторону и побежал, оглядываясь, дико крича. Может, удастся убежать в вечерней темноте. Но стреляли чуть ли не из десяти винтовок. Наконец он упал, попробовал встать, опять упал, пополз.

- Уйдет! — крикнул кто-то.

- Я раненый, — вскричал пленный.

Поручик Корнеев догнал его и выстрелил в голову, из которой что-то разлетелось в разные стороны.

- Что такой веселый пришел? — иронически спросил Сергей.

- Песни пел с Марковым.

- О-о! Он песни поет? Какие же?

- Цыганские.

- Это интересно. Это его как-то даже объясняет.

- Как объясняет?

— Я присматриваюсь к нему: генштабист, молодой генерал, интересный мужчина, а здесь вдруг в какой-то куртке, мат на каждом слове, на лошади сидит как новобранец. И все это нарочно. А тут, оказывается, нечто цыганское.

- Не понимаю. Он же не цыган.

— Конечно, нет, но здесь свобода от всего, кроме того, что тебе нравится. А нравится ему скакать, стрелять, командовать, рисковать жизнью.

- Некоторые еще любят убивать безоружных пленных.

- Марков, по-моему, этого старается избегать.

Перед сном еще говорили о сомнительном будущем. Куда поведет Корнилов.

— Конечно, на Екатеринодар, — утверждал Сергей. — Только загвоздочка — там теперь красные бушуют. Вполне могут взять власть. Как в Ростове. И выйдет: откуда ушли — туда и пришли.

Истинный вождь армии знает, что предлагаемые им решения верны, и с помощниками советуется чаще всего для того, чтобы его больше уважали. Вождь, только что победивший в сражении, абсолютно уверен в себе и принимает решения, ни с кем не советуясь. Генералу Маркову ночью передали приказ: *«Сводно-офицерский полк с 1-й батареей следует в юго-восточном направлении на село Белая Глина, в арьергарде за конным отрядом Глазенапа²⁹. Начало движения 8 марта 8.00»*.

Маркову не надо объяснять, почему в арьергарде: обмануть противника, будто идем на юг, на Ставрополь, а потом вдруг повернуть на Екатеринодар, и марковцы впереди!

Вышли точно. Дорога сухая, идти легко. Когда генерал скачет вдоль колонны, «бегут ноги». Но 4-я рота...

— Что за строй? — закричал Марков, размахивая нагайкой.

Рота хором:

— Справа по три, ваше высокопревосходительство!

— Почему? Кто разрешил нарушать устав? Я вам покажу! Пехота, а справа по три!.. Я вам...

Затем вдруг взмахнул плеткой и поскакал дальше. Понял: почти вся рота из Ударного дивизиона кавалерийской дивизии, вот и не хочет расставаться с конной традицией.

В 3-й роте с недоумением узнал капитана, которого накануне хотел расстрелять. Тот шел в строю, но с погонями поручика. Генерал догнал Кутепова:

— Александр Павлович! Что это за офицер в строю?

— Из вчерашних пленных, Сергей Леонидович. Они предстали перед полевым судом, и их простили. Некоторых снизили в звании.

— Вы согласны с решением?

— Я не был членом суда.

— А если бы?

Кутепов мрачно покачал головой.

Хотелось, чтобы следующий вопрос прозвучал как можно равнодушнее:

— Всех офицеров простили?

— Всех, Сергей Леонидович. Мне еще одного поручика подсунули. Есть такой Линьков. Впереди идет с той стороны. Не верю им. Пусть в бою себя покажут.

— Допросить хочу обоих. Может быть, что-нибудь новое прояснится в обстановке... и в них: пусть скажут все, что знают. Скроют, солгут — им конец.

На привале Марков вызвал Мушкаева и Линькова. Михаилу слегка кивнул, сказал: «Помню, встречались, но в другое время». Усадил обоих на камни, сам похаживал, помахивая нагайкой. За его спиной раскинулась степь, черный блеск оттаявшей земли, местами сверкающие зеленыя, горизонт в туманном мареве, блеклое зеленоватое небо, недосыгаемо высокое, равнодушно молчащее.

Начал с Мушкаева.

— Я служил у Сиверса. Знаете? Латыш. «Оконную правду» редактировал. Я попал к нему не по своей воле...

— Отставить! Суд был вчера. Дело.

— Сиверс назначен командующим Юго-Восточным фронтом. Его задача: наступать по железнодорожным линиям Ростов—Степная—Тихорецкая—Ставрополь. Состав — до 30 тысяч — бывшие солдаты и добровольцы рабочие. Но это на бумаге, на самом деле — нагрябят и разбегаются. Сам Сиверс — фанатик. Пытается навести порядок. Расстрелы каждый день.

— Бронепоезда?

— Несколько. Три или четыре. Действуют от Ростова и от Тихорецкой. А в Тихорецкой — хорунжий Автономов. Его выбрали командующим Юго-Восточной революционной армии. У него солдаты и часть казаков. Тысяч 20. Он наступает на Екатеринодар, поскольку съезд в Армавире объявил Кубанскую раду незаконной. Ваши... то есть наши войска могли бы ударить ему в тыл.

— Что можете добавить, Линьков?

— Вполне логичный план. Договориться с доброволь-

цами, защищающими Екатеринодар, и нанести одновременно удар с фронта и тыла. Наверное, связь уже установлена...

— Отставить, Линьков. Мы с вами сейчас поговорим.

Марков отпустил Мушкаева, сел рядом с Линьковым, сказал:

— Я помню ваши действия в Бердичеве, помню ваши предложения стать красным генералом. А как теперь?

— Совершенно искренне, Сергей Леонидович, после разгона Учредительного собрания искал случая перейти в Добровольческую армию. Ведь Корнилов — республиканец.

— Долго искали случая.

— Служил в отряде при военно-революционном комитете в Ростове, и нас двоих послали навстречу Дербеневскому полку. Я боялся Мушкаева, а он меня. Вот и попали оба. Я хочу что-нибудь сделать для нашей Добровольческой армии, как-то проявить себя. Вот связь с Екатеринодаром. Пошлите меня с людьми.

— Обрато к своим?

— Теперь мне обрато хода нет.

Трубы затрубили «сбор». Марш продолжался.

— Подумаем, — сказал Марков.

Линьков поспешил занять свое место в строю. Теперь главным своим делом он считал немедленное убийство Брянцева, который рано или поздно его вспомнит. И Кутепов — зверь. Командовал карателями в феврале в Петрограде, расстреливая революционных солдат и рабочих. Да и Марков мягко стелет. Хочет поймать на чем-то...

Степь сухая — можно сойти с дороги и идти в стороне одному. Сколько веков шагают по этой прекрасной степи солдаты. Сражаются, побеждают, гибнут. Уже триста лет, как здесь южная оконечность Великой империи. Профессор Академии Генштаба Марков писал в своей книге: *«При изучении Кавказа было бы ненормально представить нашу борьбу на этом театре оборонительной. Как вся история войн на кавказской окраине, так и оценка сил наших соседей Турции и Персии — все говорит за необходимость наступательного образа действий, и только с этой точки зрения и следует изучать Кавказский те-*

атр. Конечно, стратегические соображения, выросшие на современной оценке политической обстановки, сил и средств своей страны и противников, не могут и не должны оставаться неизменными, но следует твердо усвоить, что, приступая к исследованию любого театра, надо прежде всего сказать, с какой целью это делается и какой образ действий в данное время в изучаемом районе наиболее вероятен и возможен».

Неплохо писал профессор. Заиграли в сердце воспоминания молодости, величественно разноцветные генштабистские карты с нанесенными на века гениальными стрелами ударов, прочерченными Петром Великим, Суворовым, Наполеоном. Представилась Маркову и карта с красными овалами частей противника на севере у Ростова, на западе у Тихорецкой, с благородной пронзающей синей стрелой Добрармии. Не дойдя до Белой Глины, свернула на запад. Здесь в станицах казаки принимают хорошо. Можно наступать и проткнуть красный овал у Тихорецкой и идти к Екатеринодару, где тоже стоят настороже «синие стрелочки».

Однако здесь не генштабистская карта, а степь, освещенная кровавым закатом. Рвутся красные овалы и со всех сторон обступают неясными пятнами. Размывается синяя линия у Екатеринодара — неизвестно, что там происходит.

Вечером подъехал Деникин и сказал, что главное сейчас — пересечь железную дорогу севернее Тихорецкой и двинуться на Екатеринодар.

— Что-нибудь слышно оттуда? — спросил Марков.

— Послали разведку, но пока ничего.

— Хочу послать своего. Из пленных. У него есть возможности.

— Посылайте. Поймают — мы же ничего не теряем. Что он знает, если мы сами не знаем, куда пойдем через час. Сегодня с Лавром Георгиевичем и Иваном Павловичем пытались придумать план пересечения железной дороги, но слишком много неизвестных. Бронепоезда, части, конница... Решили маневрировать в разные стороны дня два, чтобы они растерялись.

К ночи Марков вытребовал из штаба оставшиеся после суда документы командира особого отряда Линькова, и вызвал его к себе в палатку.

— Даем вам возможность показать себя в деле, — сказал Марков. — Этим людям я доверяю, как себе, — кивнул он на Тимановского и Родичева. — Идите в Екатеринодар немедленно. Одежда ваша старая, документы ростовские. Сумейте сесть на поезд в Тихорецкой. Главное, конечно, связь.

— Да. Как связываться?

— Телеграф в Тихорецкой работает. Адрес нашего человека мы вам даем, но это такой человек, которого никто никогда не найдет. Сообщаете о здоровье мамы. Ее здоровье — это обстановка на фронте добровольцев в Екатеринодаре.

Когда все вопросы были решены, Марков вышел проводить Линькова. Велика кубанская степь ночью под звездами, но жизнь еще огромнее, и генерал сказал Линькову:

— Будет трудно — найдите в госпитале или в санитарном поезде медсестру Саманкину Ольгу Петровну. Передайте, что от меня.

Даже перед такой сложной операцией, как пересечение железной дороги Тихорецкая—Ростов, командующий не собирал военный совет. Марков, как и другие командиры, получал короткие приказы об изменениях маршрута полка. Приходилось двигаться и на юг, и на север, и в сторону от железной дороги. Войскам ничего не объявлялось, но все чувствовали, что прыжок через рельсы вот-вот произойдет.

Это случилось в ночь на 11 марта. Вышли в поход вечером. Полк Маркова и артиллерия — в авангарде. Примерно в полночь, когда переходили маленькую речонку по вполне крепкой гати, вдруг затрещали бревна, заржали лошади, вода забулькала под колесами пушек. Кто-то кричал: «Назад!», кто-то требовал распрячь лошадей — началась маленькая паника, и тогда всю эту суетню прорезал железный голос Маркова:

— Техническая рота, в топоры! Все дерево — на гать! Все! Кустарник, камыш, солому — на гать!..

Вдруг все успокоилось и весело принялись за работу.

Теперь весь полк говорил: «С ним не пропадем!»

Уже засветло вышли к поезду. Марков спешился и стал на мокрые от росы доски, аккуратно проложенные вдоль рельс. Сюда же подъехал Корнилов.

— Начинайте переход! — скомандовал он.

Трехцветное знамя как обычно рядом, текинцы сзади.

— Первая рота, шагом марш! — скомандовал Марков, и переход через железную дорогу начался.

Шли усталые, но довольные — цель достигнута. Марш проходил нормально: охранение на месте, путь взорван, противника вблизи нет.

Корнилов тоже спешился и подошел к Маркову.

— Если вы доверяете мне, Лавр Георгиевич, то езжайте отдыхать, — сказал Марков. — Я буду здесь и обеспечу переход.

— Благодарю, Сергей Леонидович. Я вам доверяю, но отдыхать пока не время.

— Возможен бронепоезд?

— Возможен. Я им говорил, чтобы взрывали дальше. А впрочем... Батарейку оставьте здесь на всякий случай.

Марш продолжался. Марков подбадривал роты возгласами: «Вперед, герои корниловцы! За синей птицей! Солнце идет вместе с нами. Обгоним его!».

— За синей птицей на Екатеринодар! — кричали офицеры.

— Вот это преждевременно, — сказал Корнилов. — Много плохих вестей.

— Из Екатеринодара от Покровского?

— И там нехорошо. Слишком большое численное превосходство противника. В городе это губительно. Но самое катастрофическое известие — из Петрограда. Большевистский партийный съезд ратифицировал мир, подписанный Троцким в Бресте. Россию продали! Немцы получили Прибалтику, Белоруссию, Украину. Во имя чего отдали им это все? Разве мы проиграли войну? И кто это сделал? Ведь там не одни инородцы. Там русские лю-

ди. Русские солдаты, четыре года державшие фронт и побеждавшие немцев.

— Съезд — это не Россия, Лавр Георгиевич. Отдельные части будут сражаться. И партизаны.

— Будут, но где сама Россия? Страна, воюющая против Германии на стороне союзников? Выполняющая свой долг перед ними? Вышло так, Сергей Леонидович, что только мы — Россия. Мы придем в Екатеринодар и начнем собирать истинную Россию, не проданную немцам.

Загудели рельсы. Бронепоезд. Зеленые полосы проплыли в солнечном блеске, зашевелились стволы орудий.

— Тревога! — раздалась команды. — В укрытие! Ложись!

Громыкнуло несколько раз вдаль, и мгновенно адский взрыв потряс землю. Огонь, земля, доски, камни — все летело и падало. Сквозь этот шум и грохот донесся громкий, но спокойный голос Миончинского: «В передки! Рысью марш!..»

— Говорил я — близко взорвали путь, — сокрушался Корнилов, а орудия батареи, качнувшись на неровной дороге, уже выехали вперед, развернулись и открыли огонь. Черный дым пополз из-под зеленых щитов бронепоезда.

На Екатеринодарском базаре Линьков долго бродил, прицениваясь к семечкам и моченым яблокам. С восточной окраины доносилась стрельба из винтовок и пулеметов. Ближе. И как будто она становилась еще ближе.. Люди ее не слышали, и говорить с ними о том, что происходит, не следовало. Плати деньги, бери товар и уходи. Можно в кабачок зайти. Там армянин Теймур наливал из бутылки сивуху, разливал ее по прилавку, поджигал и, указывая на пламя, кричал: «Лутчая кизилровка. 100 градусов!»

За кривым шатающимся столиком Линьков оказался с человеком, который, судя по всему, тоже от кого-то прятался, как и он сам. Это было заметно по беспокойному взгляду, по бесцельным движениям, по равнодушию и к выпивке, и к закуске. Возраст — призывной, одежда — полувоенная. Незнакомец сам затеял разговор:

— От-то «максим» бьет. И еще другой.

— Чьи они, эти пулеметы?

— Кто стреляет — тот и хозяин. Или ваши, или наши, — ответил и хитро засмеялся.

— Мои все давно в земле.

— Вот и тщишь, как бы самому туда не загреметь.

— Как тщиться?

— Ховайся до вечера. А то власти нет, и каждый — власть.

— А ты чего не ховаешься?

— Нюхаю, чем пахнет. У Теймура, знаешь, сколько в суме? Не только бумажки, но и желтые. Не дожить ему до утра.

— А нам с тобой?

— Вдвоем доживем. Мне товарищ нужен такой, как ты. Тоже ведь ищешь незнамо чего.

— Ну. Ищу.

— Стемнеет, валяй сюда. А теперь — по своим закуткам.

На Линькова разговор произвел впечатление, и к совету надо было прислушаться, но телеграмму все же хотелось послать. Текст ясен: «Мама Фрося при смерти». Однако идти на телеграф все равно, что пойти в контрразведку. Вот если бы ее смогла послать та, о которой говорил генерал.

В госпитале Линьков оказался в конце пасмурного дня, казалось, вот-вот пойдет дождь. Во дворе у корпусов шумная суета: грузовики, повозки, носилки с тяжело ранеными, ржание лошадей, обязательная матерщина, а стрельба уже совсем близко. Саманкину искать не требовалось: она металась по двору, огрызаясь на каждый вопрос.

— Какие еще теплые одеяла? — кричала она. — Где я вам возьму? Лето на дворе. Берите по два летних. Никакие они не драные. Совсем новые...

Выносили мешки и ящики с продуктами, и Ольга Петровна с еще большей энергией отстаивала свои действия.

— Какие пайки? — кричала она. — По буханке хлеба, по банке консервов, по селедке. Так в накладной расписано. Да. Сейчас тебе дам читать. Грамотный какой.

Боевая женщина. Круглая, как булочка, откуда ни посмотри. Из-под белой косынки — ярко-рыжие волосы. Ее подозвал полулежащий на повозке человек с одной ногой. Борода, усы, по-видимому, полковник. Негромко сказал ей:

— Если ты, сука, не выгрузишь для нас весь свой склад с винами и фруктами, я тебя пристрелю, как собаку, вот на этом самом месте.

— Да вы что? Да откуда?..

Линьков оказался рядом.

— Господин офицер, я из комендатуры, — сказал он. — Вы, конечно, правы, и мы пополним офицерские пайки. Но все запасы я не разрешаю забирать. За ними придут отступающие войска генерала Покровского. У него много раненых, но красным не оставим ничего.

— Все, как есть, правда, — обрадовалась поддержке Ольга. — Нынче, сказали, придут от Покровского. А вина я специально для вас, господин полковник...

Вскоре Линьков и Ольга сидели, запершись в ее складе.

— Ой, миленький, как хорошо, что вы меня выручили, — говорила Ольга. — И от Сергея Леонидовича привет? Ой, как хорошо. Но дальше-то как? Видать, уж завтра красные придут, а нынче ночью будут грабить. Сама-то я спрячусь, да товар жалко. Придумайте что-нибудь, миленький. Или вы тоже от красных убегаете? И брат мой в Ростове застрял.

— Нет. Я жду красных. Когда придут, я вам помогу. А на ночь организую охрану. Есть люди на примете.

Вечером на базаре, как договорились, встретились с незнакомцем, который оказался бывшим унтером Ольгинского полка Внуковым.

— Теймура сегодня не будем трогать, — сказал ему Линьков. — Найдем еще пару-тройку ребят из солдат и пойдем охранять склад в госпитале. Там накормят, напоют и грабануть можно. А придут красные — тебе зачтется.

— Все, Миша. Понял и запомнил. Я знал, что ты не простой мужик. Будем с тобой дела делать. Теймура приложим — все желтые наши.

«Вот так все просто и решалось, а ты о каком-то Учредительном собрании переживал, — подумал Линьков. —

Так оно им нужно, этим дикарям, твое Учредительное. Ленин и Троцкий — правильные головы. Знают, что этому так называемому народу нетрудно на шею сесть. Нагс вори, наобещай и дай пограбить тех, кто побогаче. И народ за тебя. А ты сиди у него на шее и командуй. Отдали пол-России немцам, а они и не чихнули. А Корнилов со своими знаменами — человек с маленькой армией и с маленькой головой. 3 тысячи поручиков против десяти миллионов пьяных солдат».

Полтора суток не прошло, а прошагали почти 50 километров. В станице Ирклевской Корнилов объявил дневку. Марков со своими помощниками обошел все дома, где стояли офицеры его полка. Для каждого свое слово — пободрее и погорячее. Многих волновало, куда пойдет армия. Повернуть ли на Тихорецкую, идти ли на Екатеринодар — там же свои добровольцы сражаются под командованием Покровского. Самый правильный ответ на этот вопрос дал штабс-капитан Згривец. К ним в хату вошли, когда офицеры только сели за стол. Пригласили и Маркова с помощниками. Подвинули кружки с самогоном.

— А цыганскую споем? — спросил Марков.

— Споем, — поддержали офицеры. — Только не знаем, куда теперь путь держим шумною толпою.

— Слышь! — сказал тогда Згривец. — Почистите винтовки, а пойдем туда, куда прикажет генерал Корнилов.

— Так всем и объяснять, — приказал Марков.

Когда после ужина отправились к себе, Тимановский на улице закурил свою трубочку и сказал с некоторым сомнением:

— Пойдем-то мы, разумеется, туда, куда поведет Корнилов, но куда он поведет? Как вы считаете, Сергей Леонидович? Он же, хоть и не проводит военные советы, но иной раз откровенничает с вами. Да вы и сами чувствуете его намерения.

— И чувствую, и знаю, и сомневаюсь.

— Как изволите понимать?

— А вот так, Степаныч. Чувствую и знаю, что пойдем на Екатеринодар. И сомневаюсь, лучшее ли это решение.

Не знаю, какая разведка у Корнилова, но мой шлет очень плохие телеграммы. Красные дают.

— Но нет же другого решения, Сергей Леонидович. Где-то там наши насмерть стоят. Сам погибай, а товарища выручай.

— Если бы сам, а то ведь армия. Но ты прав, Степаныч: другого решения нет. Пойдем на Екатеринодар. Так, Гаврилыч?

— С вами и дальше.

Ранним утром следующего дня Корнилов приказал атаковать станицу Березанскую — до Екатеринодара меньше 100 верст. Едва зацвел восход, как на шоссе вышел авангард — на этот раз Корниловский полк под командованием подполковника Неженцева. Хорошая сухая дорога, степь оживает под восходящим солнцем. Суетятся грачи в жирной черной земле... Долго такая прогулка продолжаться не могла. От станицы ударили сразу несколько пулеметов, грохнули орудия, и на шоссе и рядом взлетели столбы земли и камней: били не шрапнелью, а гранатами, и, судя по всему, хорошо заранее пристрелялись.

Неженцев быстро рассыпал полк в цепи. Офицеры залегли.

Полк Маркова шел за корниловцами. Генерал ехал верхом, озабоченный странным началом боя: почему не его полк впереди? Почему их так решительно встретили красные? Почему до сих пор нет очередной телеграммы?

Маркова догнал Корнилов со свитой. Остановил лошадь рядом. Не приказал, а попросил:

— Сергей Леонидович, помогите корниловцам! Если мы не собьем противника до вечера, то нас окружают. Станицу защищают красные казаки.

— Слушаюсь, Лавр Георгиевич!

Сквозь выстрелы и разрывы снарядов пробился резкий голос Маркова:

— Полк поротно в цепи! 1-я, 3-я роты слева, 2-я, 4-я — справа. Ровным шагом! Дистанция между бойцами в цепи — четыре шага. Не стрелять без приказа!

Сам верхом ехал в цепях. Солнце поднималось сзади, и длинные тени офицеров перегоняли цепи, тянулись

вперед к противнику. Винтовки на ремне, затем, по команде — наперевес. Идут ровным шагом, без выстрела. Поднялись и корниловцы — тот же марш, те же дистанции, тот же мерный шаг с винтовками наперевес, без выстрела.

Роман Гуль шел рядом с братом, и его глаза наполнились слезами гордости и готовности умереть.

— Сергей, мы идем на смерть без страха! — говорил он. — Смотри: наши в цепи падают, а цепь идет, не открывая огня, и смыкает ряды.

— Наклоняйся ниже, Рома. Сейчас на гребень выйдем.

— Сергей, слушай:

Расходились и сходились цепи,
И сияло солнце на пути.
Было на смерть в солнечные степи
Весело идти...

— Наклоняйся ниже, Рома!

Не выдержали те, на окраине станицы. Зашевелились, заметались. Замолчали пулеметы, помчались двуколки в разные стороны, побежали люди.

Марков с ординарцами первым на галопе ворвался в станицу. Убегающие казаки остановились, побросали оружие, поднимали руки. Генерал хлестал их нагайкой и скакал дальше, пока не проехал всю станицу. Здесь он остановился, и его догнал Тимановский.

— Что с пленными, Сергей Леонидович?

— Что всегда, Степаныч.

Помолчав, добавил:

— Впрочем, молодых выпороть на площади.

В самое жаркое время дня в станицу пробрался мальчишка-оборванец. Он чувствовал себя уверенно и знал, кого ищет. Издали увидел большую белую папаху и резко свистнул три раза. Марков оглянулся, заметил мальчишку и подъехал к нему. Это был его связной — самый молодой из ростовских юнкеров — Коля Курашов.

— Есть? — спросил генерал.

— Так точно. Вот она.

И протянул генералу телеграмму, полученную с помощью разных ухищрений вплоть до слез по тяжело больной маме.

В телеграмме значилось: «*Мама умерла четырнадцатого тчк Оля в страшном горе тчк Георгий*».

Итак, Екатеринодар пал.

На следующий день 15 марта наступательный порыв еще не угас. В предрассветных сумерках подняли Корниловский полк и артиллеристов, чтобы захватить станцию Выселки на железной дороге Тихорецкая—Екатеринодар. О поражении добровольцев Покровского точных сведений не было, лишь ходили слухи.

Полк Маркова вместе с другими частями наготове стоял в станице Журавской. Генерал пригласил свой «ближний штаб» на рекогносцировку вслед за наступающими. Ехали мелкой рысью. Их обгоняла батарея, обдавая грязью, вылетающей из-под конских копыт. Марков узнал сидевшего на передке Ларионова, с которым встречался в Новочеркасске, и шутливо пригрозил нагайкой.

— Им хорошо сегодня стрелять, — сказал генерал, вспоминая юнкерскую молодость. — Заводская труба и паровая мельница есть на карте.

С паровой мельницы зачастили пулеметы. И по пехоте, привычно шагающей четкими цепями, и по батарее. Подполковник Миончинский, высокий и стройный, уже командовал: «Налево кругом! Стой! С передков! Прямо по окопам! Направление на трубу! Сорок! Трубка сорок! Огонь!» Он стоял на передке и смотрел в бинокль туда, где рвутся его снаряды.

Появился Корнилов, конечно, с трехцветным знаменем и с текинцами. Обогнал Маркова, спеша в цепь, чтобы поддержать наступление. Зазвучало протяжное торжествующее «Ура!» Замолкли пулеметы. Красные бежали, корниловцы догоняли их у железной дороги, здесь же расправлялись, били в основном штыками.

— Хороший бой, — сказал Марков. — А, Степаныч?

— Хороший, но почему в Екатеринодаре провал?

— Может, ложный слух? Помолчим пока.

У паровой мельницы лежали несколько трупов — маль-

чьики с нежными мертвыми лицами, с остекленевшими глазами. Ростовские студенты и юнкера.

— Вот и их очередь умирать, — сказал Марков. — а про нас пока забыли.

— Сегодня корниловцы без нашей помощи обоплились, — сказал Тимановский.

— Еще до Екатеринодара далеко, — напомнил Марков. — Какая следующая станция, Гаврилыч? У тебя карта близко?

— Корневская.

Часть ростовской Чека прибыла в Екатеринодар организовывать работу. Вечером 15-го начальник вызвал Руденко.

— Два дела к тебе, Олег. Во-первых, познакомлю тебя со старым знакомым. Подожди минутку, покури — сейчас он придет. Второе дело посложнее — Корнилов Выселки взял. Прет сюда. А вот и знакомый.

Вошел улыбающийся, прибранный, в новой гимнастерке, перепоясанный сверкающим ремнем, на котором красовалась кобура с маузером, — Линьков.

Поздоровались, обнялись. Линьков рассказывал о своих похождениях, о том, как сумел убежать от корниловцев.

— А что ж другой-то? Как его? Мушкаев.

— Не смог пока. Там крепко смотрят. Хорошо, что сразу не расстреляли — Корнилов запретил.

— Да, но он там воюет против нас, — сказал начальник. — Ладно. Найдем — спросим. А ты, Миша, давай нам всю разведку. Что за армия? Как ее остановить? Ведь прет Корнилов. Сегодня Автономов назначил своим помощником нового очень толкового командира — Сорокина³⁹. Из казаков. Уже показал себя в боях.

Линьков рассказал о корниловской армии: численность, артиллерия, конница.

— Главное — у них моральный дух. Идут цепью без выстрела, и наши бегут, сдаются. А сдаваться нельзя — расстрел.

— Это надо объяснить каждому красноармейцу, — сказал начальник. — Часа через два отправляется эшелон

в Корневскую навстречу кадетам. С ними отряд черноморцев. Приказано тебе, Олег, со своими моряками возглавить. А ты, Миша...

— Меня не посылайте. Случайно попадусь — и конец.

— Чего это ты, Миша, так спужался? Нам всем хана, ежели возьмут.

— Миша остается, — сказал начальник. — Здесь много дел, и туда еще успеет. Он нам здесь отрядик сколотил из местных. Надо срочно очищать город от элементов.

Руденко не был удовлетворен. Обнимались, радовались встрече, но по-особенному поглядывал он на Линькова.

— Свою медсестру надо взять, — сказал Руденко начальнику. — Бой будет тяжелый. Эх, бронепоезд бы.

— В Тихорецкой бронепоезда застряли. Оттуда будут подходить. А медсестру возьми. Кого думаешь?

— Катюху возьму. Опыт имеет, а здесь зажирела. Мужиками излишне интересуется.

— Если излишне, то бери.

Линьков словно и не слышал.

Тихую звездную ночь над Кубанью наполнял звуками эшелон. Колеса постукивали, как полагается, матросы сидели у раскрытых дверей, курили и пели: «Я, моряк красивый сам собою, мне от роду двадцать лет. Ты возьми, возьми меня с собой. Что ты скажешь мне в ответ? По морям, по волнам, нынче здесь — завтра там...» Катя подпевала.

Вдруг появилось неясное беспокойство, оно постепенно нарастало. Это не к лицу такому боевому генералу, каким его считает уже вся армия. Не в Екатеринодаре дело — сегодня город отдали, завтра взяли, тем более. Что еще нет подтверждений — но и в нем тоже. Там был Родзянко, и они с Корниловым сообразили бы что-нибудь государственно-политическое. С союзниками бы связались. Главное — Россия, люди, народ. Отдали немцам чуть не пол-России, а они за красных. Даже казаки. И мелочи начинают волновать.

От Ростова шли по своему плану и легко громили всех, кто пытался их остановить. Шли с малыми потерями, за-

ставляя красных обращаться в бегство при одном своем появлении. Истинно русские офицеры, отдающие жизни за Россию. Это они с Кутеповым ввели новую тактику наступательного боя против красных: идти цепями, ускоренным размеренным шагом, винтовки на ремне или наперевес, не открывая огонь. Надвигаясь неумолимо, словно сама судьба. И красные бежали.

Утром так взяли станцию Выселки. Брали корниловцы и конница. А вечером там опять оказались красные — забыли, видите ли, взорвать путь, и из Тихорецкой пришли два бронепоезда. Корнилов снова к нему: «Сергей Леонидович, выручайте. Не позднее завтрашнего утра станцию надо вернуть, иначе красные создадут сплошной фронт».

— Напрасно мы, Степаныч, надеялись, что корниловцы без нас справятся, — сказал генерал Тимановскому за ужином. — Завтра с рассветом пойдем отбивать Выселки.

— Коньячку за успех.

— Благодарю, но мне не наливайте. После твоего коньяка я что-то плохо сплю, а сейчас и так не заснешь от всяких мыслей. Да и подъем рано.

Какой тут сон, когда Россия, которая давно должна очнуться, одуматься, собраться с силами и прогнать большевистскую банду, почти вся за красных, безучастна к тому, что большевики полстраны отдали немцам, и бесчинствуют в оставшейся части. Страну разрушили. А русские люди? Русский народ? Воюет за красных. Когда не думаешь, а действуешь, все становится на свои места. Он сражается за Россию и совершенно не боится смерти в бою. О чем прямо говорит, воспитывая молодых офицеров.

Однако никому не скажешь, что сорокалетний генерал-лейтенант Генштаба Марков нашел свое место в жизни и обрел счастье. Сейчас он чувствует, что живет и действует так, как требует его истинная человеческая природа, что именно для этой жизни создал его Бог. Не в супружеской спальне, не на кафедре Академии Генштаба, даже не в полевом штабе над картами, исчерченными цветными карандашами, а только в боевом походе, только в бою. Его может понять лишь тот, кто сам испытывал это странное чувство облегчающей тяжести, появляющееся у настояще-

го военного командира. Тяжесть сознания, что от решений, принимаемых тобой, от твоих приказов зависит жизнь других людей, и удивительная приподнимающая легкость, потому что сотни подчиненных смотрят на тебя с тревогой и надеждой, доверяют тебе и готовы идти за тобой сражаться, побеждать и умирать.

Эта славная походная жизнь: подъем до рассвета, быстрый марш, чтобы застать противника врасплох, и, главное, бой! Ты слышишь свист пуль, направленных в тебя, но ты их не слышишь, не хочешь слышать. Страшна не пуля, не смерть, а твой страх. Если ты командир, то у тебя не должно быть страха, и ты со смехом, с матерком, с плеткой в руке спокойно идешь среди цепей. Падают убитые и раненые, зовут медсестру, дико кричат от боли, но «Ура!» твоего полка звучит громче, и ничто не может сравниться с чувством победы, когда ты видишь, как бегут, бросая оружие, враги, как поднимают руки, сдаваясь. А вечером у костра: «Цыганский быт и нравы стары...» Короткий сон, и вновь: «Подъем! Тревога!..» Это — жизнь!

На этот раз и короткий сон не приходил. Марков поднялся, оделся. В дверь постучали. Он вышел — на улице стоял Коля Курашов в той же оборванной одежонке.

— Сергей Леонидович, телеграмм больше нет. Я был на телеграфе и в Выселках, и в Корневской.

— Все, Коля. Телеграмм больше не будет. Иди в свой юнкерский батальон, переодевайся, отдыхай. Еще успеешь поспать. Вас не будут рано поднимать. Это я свой полк сейчас в бой поведу.

— Наверное, большой бой будет, Сергей Леонидович. Я видел, как в Корневскую эшелоны приходили с солдатами и матросами. Тыщ, наверное, десять, если не больше. Пулеметов штук пятнадцать.

— Мы их побьем, Коля.

— Конечно, побьем, Сергей Леонидович.

— Ты в юнкера пошел, потому что война? Или давно задумал стать офицером?

— Как же еще, если война? Родители не очень соглашались. Музыка учили. Фортепьяно, скрипка.

— Ты играешь на скрипке?

— Сонату Бетховена разучивал.

— Что ж ты молчал? Достанем тебе скрипку. Будешь играть по вечерам. А сейчас беги к своим.

— А можно я с вашим полком? Я дороги к Выселкам знаю хорошо. Знаю, как с тыла можно к станции подойти.

— Придется взять тебя ординарцем.

Перед рассветом вдруг все заволок туман. Марков приказал поднять полк и подбадривал строящиеся роты:

— Туман для нас, господа, так его мать! Незаметно пройдем.

Подходили к гребню, за которым открывалась станция, когда вдруг там началась стрельба. Генерал приказал развертываться в цепи, быстро начало светать, гребень очистился от тумана, и через него бегом бежали отступающие жорниловцы. Марков приказал остановить бегущих, один из офицеров доложил, что их преследует отряд красных численностью более тысячи.

Марков скомандовал: «Оружие к бою! За Россию! Вперед!» Он стоял, пропуская мимо себя офицеров, ринувшихся в атаку с винтовками наперевес. Навстречу им от станции повалила толпа солдат. Рукопашная схватка длилась считанные минуты: лязг оружия, злобные выкрики, стоны и крики проколотых штыками, и те, кто не выдержал, уже бегут. Бежали красные.

Марковцы преследовали их с победным «Ура!», но со станции ударили пулеметы. Еще не взошло солнце, и на темных стенах станции отчетливо мигали смертоносные вспышки.

— Ложись! — скомандовал Марков: он чувствовал, что слишком много уже легло его офицеров в этом бою.

Сам он с помощниками шел вдоль цепи, вглядываясь в позиции красных, представляя возможное дальнейшее развитие боя. Коля шел рядом.

— Где, ты говоришь, можно в тыл пройти? — спросил его генерал.

— Там. Левее, за теми сараями. Только смотрите, Сергей Леонидович! Матросы!

Он одновременно увидел черные фигуры, решительно

шагавшие с винтовками наперевес, и подъехавших сзади казаков, присланных Корниловым.

— Рад видеть вас, есаул Власов, — приветствовал его генерал. — Как нельзя вовремя подошли: на наш левый фланг матросы наступают. Как бы до штыков не дошло! Атакуйте их скорее!

— Слушаюсь, ваше превосходительство!

Казаки небольшой, но лихой лавой бросились вперед; пашки сверкали в лучах восходящего солнца. Казаков встретил треск выстрелов, но матросские винтовки быстро замолчали, и вскоре слышались только удары пашек, стоны и крики матросов.

— Вперед! За Россию! Бегом! — командовал Марков, и цепи, поднявшись, бросились к станции.

Вовремя ударили пушки Миончинского: замолчали пулеметы, и двинулся в сторону Тихорецкой красный бронепоезд.

— Теперь давай, Коля, показывай дорогу в тыл! Кутепов, ведите роту в обход. Юнкер покажет дорогу...

Рота Кутепова ударила по отступающим красным, и вскоре внизу под железнодорожной насыпью стояла небольшая толпа пленных. Марков встретил Колю, возвращавшегося из своего победного похода.

— Так было здорово, Сергей Леонидович... Мы неожиданно как дали им. И я стрелял. И сразу, наверное, человек пятнадцать упали, а потом...

Они шли к станции, проходили место, где казаки рубили матросов. Замазанные кровью лица, расколотые головы, разорванные окровавленные бушлаты и брюки. Казаки вытаскивали тело погибшего есаула Власова.

— Евонного коня убило, — объяснял казак, — но он вскочил и вон тому на шею. Гляньте — без головы лежит. А другой в него из нагана.

— А что это за тряпка белая? — спросил Марков.

Казаки оттащили обезглавленный труп матроса. Под ним лежала женщина в длинном белом переднике — окровавленная косынка с красным крестом сбилась на землю, от плеча далеко вниз шел кровавый след казачьей пашки.

— И бабу вот не по делу прикончили, — сказал казак.
— Чего же не по делу? — возразил другой. — Она ж с ним. Она ж ихняя.

Возле пленных суетился священник, уговаривая офицеров не расстреливать. Увидев Маркова, кинулся к нему:

— Ваше превосходительство, Господь учил прощать заблудшие души.

— Ступайте, батюшка! Здесь вам нечего делать.

Пошли с Колей к станции. Юнкер сказал:

— Я видел, как они вчера приехали эшелонном. И эта медсестра. Ее Катей звали. Я слышал.

На станции Кореневская погибшую медсестру поминали уцелевшие в бою матросы. Руденко достал из объемистого кармана бушлата бутылку медицинского спирта.

— Она мне ее оставила, — сказал Олег. — Говорила: вечером выпьем, если доживем. Как чувствовала.

— Генерал Марков нынче наступал, наших бил.

— Доберусь до него, — сказал Руденко. — Давно зубы точу.

— В самую кутерьму Катюха полезла Зайцева вытаскивать. Его в ногу ранило. А тут эти сволочи с пашками. Видели же, что медсестра.

— Мы ихнюю в Таганроге тоже шлепнули, — вспомнил Руденко. — Такая война. Разливай, Васюха, — уже склянки бьют.

Беспокойство нарастало. На следующий день, 17-го, после боя за Кореневскую, задумались многие, в том числе Корнилов и его генералы.

Настоящий вождь не считает потери, если враг побежден. Он посылает оставшихся своих бойцов добивать врага. Корнилов приказал с утра 17-го продолжать наступление в направлении Екатеринодара на станцию Кореневскую. Главный удар вдоль железной дороги было поручено нанести Марковскому полку.

Вновь природа провожала людей на смерть с веселой усмешкой: солнце, зелень, жаворонки в бездонной голубизне... Генерал отправил полк с Тимановским, сам задержал-

ся на телеграфе в Выселках, пытаюсь уточнить обстановку, узнать, где красные, а главное, где их бронепоезда. Однако линия молчала — везде перерезали.

Рысью Марков догнал своих. Привычно внимательно оглядел строй, посмотрел и вокруг: нет ли отставших, прячущихся. Заметил шагах в 50 от дороги в кустах черно-белую фуражку. Подъехал. Перед ним вытянулся поручик Мушкаев.

— Я знаю, поручик, зачем в походе приходится в кусты ходить, но вы-то здесь просто отсиживаетесь.

— Ноги у меня, ваше превосходительство...

— Проверим ваши ноги.

Марков крепко хлестнул нагайкой поручика по плечу и спине и крикнул:

— В роту бегом марш!

Мушкаев побежал, а генерал ехал рядом и подхлестывал его, приговаривая:

— Не будь трусом! Тебе еще вину свою перед Россией надо кровью смыть... Стой! Доложи полковнику Кутепову, что я приказал поставить тебя в первую цепь на правый фланг. И еще вот что... Ты же с Линьковым вместе был?

— Так точно.

— Давно его знаешь?

— Только по дороге из Ростова.

— Хорошо. Потом вызову. Идите в роту и сражайтесь, как подобает русскому офицеру.

Пересекли речку Малеванную. Переходили по гати, без происшествий. Лишь камыши шумели. Дорога пошла вверх, вновь вывела в степные просторы, и сразу справа грохнули артиллерийские выстрелы. Марков знал, что по диспозиции справа наступают корниловцы. У них началось. Значит, и здесь жди противника.

Он дал команду на развертывание в боевой порядок: 1-я и 2-я роты в передовую линию слева от железной дороги, 3-я рота уступом слева, 4-я — резерв справа от железной дороги, техническая рота — по обе стороны железной дороги.

Дальше двигались медленнее, прислушиваясь к стрельбе справа, вглядываясь вперед. Рельсы пошли чуть вниз,

и открылась станция: дымящие паровозы, водокачка, люди. Справа — станица, перед ней окопы, набитые шевелящимися людьми.

На подступах к станции Марков объявил привал — ход боя у корниловцев был пока неясен. Здесь же стояли в походном положении пушки подполковника Миончинского — артиллеристы тоже ждали прояснения обстановки. На передках, на зарядных ящиках, просто на земле или на рельсах сидели прапорщики-номера и завтракали. Знакомый Маркова Виктор Ларионов тесаком разрезал огромную круглую белую буханку, отрезал розовый кусок сала, предложил генералу:

— Угощайтесь, ваше превосходительство.

— Без превосходительств — не в строю, Витя.

— А запивать вот этим, Сергей Леонидович, — сказал Ларионов и протянул генералу флягу со свежим медом.

Подошел Миончинский.

— Здесь у них командует Сорокин. Там в станице стоят их отборные войска — «Железная дивизия». Пока корниловцы их не выбили. Отступили и залегли.

— Будем готовы ударить отсюда, — ответил Марков. — Если перед нами противник не появится.

Но противник сразу же и появился: совсем близко ударил пулемет, пути гулко врезались в железнодорожную будку. Миончинский кинулся к батарее, и зазвучали команды: «По коням! Садись! Вперед рысью марш!» Батарея покинула станцию и покатила по целине в лог.

Марков решил сам обнаружить пулемет и ловко влез на железнодорожную будку, но, не успев достать бинокль, быстро спрыгнул на землю: над будкой с дробным треском разорвалась шрапнель, и по земле градом рассыпались пули.

— Ну, что, Степаныч? Атакуем? — крикнул генерал Тимановскому. — Корниловцы уже пошли. А мы пойдем левее. Командуй.

До окопов «Железной дивизии» — около километра. Цепи марковцев шли как обычно: твердым быстрым шагом, винтовки на ремне, огня не открывали. Красные молчали. Только шрапнель регулярно лопалась над головой.

Иные низко над цепью, и тогда падают офицеры, зовут медсестру, стонут раненые. Марков — в первой цепи. Он понял: бьют орудия бронепоезда, спрятавшегося в выемке железной дороги. Хотел послать ординарца к Миончинскому, но тот сам уже разобрался и готовил орудия к стрельбе по бронепоезду, однако был замечен раньше, снаряд оттуда разорвался между орудиями. Подполковник немедленно скомандовал: «В передки! По коням! Вперед! Рысью ма-арш!» Опытный артиллерист, он немедленно нашел позицию, пока не досягаемую для бронепоезда.

Цепи продолжали идти вперед. До окопов оставалось метров 700, и можно было командовать «Винтовки наперевес», но тут окраина станицы вдруг засверкала от бледно-желтых вспышек, и грохот пальбы расколол степь. Одновременно из окопов поднялись солдаты и побежали навстречу цепям второй роты, идущим на левом фланге и теперь рискующим быть обойденными. Марков всегда видел весь бой и немедленно скомандовал:

— Стой! Ложись!

Решение уже было готово. Сделал знак рукой, и ординарец подвел коня. Генерал вскочил в седло и поскакал под пулями назад, к отставшим пулеметчикам. Во всей необъятной степи Марков видел теперь только маленькую высотку, скорее даже бугорок. До него шагов 800. Красные бежали туда.

Четыре пулеметчика во главе с поручиком Смола-Смоленко тянули «максим» и ящики с патронами.

— Вот та высотка, поручик! — скомандовал Марков. — Кто первый ее займет, тот победит.

Пулеметчики направились к высотке. Почти одновременно с ними с другой стороны подошли красные. Еще вчера или позавчера Марков не сомневался бы, что его пулеметчики опередят противника, а теперь нервничал. Все осложнялось, удача могла отвернуться. И пулемет тяжелый, и пулеметчики устали. Но... Еще не отвернулась удача. Молодцы втянули пулемет на высотку. Было слышно или казалось, что слышно, как пули звонко бьют по щиту пулемета. Но вот взрокотала победоносная очередь — даже ленту не истратили — красные бежали.

Генерал подъехал к высоте, за ним шла 3-я рота. Возле пулемета трое лежали: один пулеметчик был убит, второй ранен в ногу, а третий, поручик Смола-Смоленко, тяжело раненный в руку, находился без сознания.

В бинокль Марков увидел цепи Корниловского полка, наступающего на станицу.

Роман Гуль с начала боя был рядом с братом, но перестроения, отходы, броски вперед перемешали цепи, и, когда красные вдруг поднялись из окопов и пошли навстречу в штыки, он потерял Сергея из виду. Частые разрывы шрапнели, стоны раненых, не брат ли? Как он вернется домой к матери один?

— Почему не стреляете, Гуль? — бешено закричал взводный. — Наступают же.

Роман двигал затвор, он шел туго — плохо почищен.

— Отходить! — закричал кто-то в цепи.

Офицеры повернули назад, некоторые сразу побежали. Все-таки затвор разработался, и, прежде чем повернуть назад, Роман выстрелил в наступающих. Офицеры кричали: «Кучей не идите!.. Куда же вы, господа?.. Стойте же, господа! Стойте... вашу мать!..»

И вдруг опять все переменялось. Раздались крики: «Вперед, братцы! Вперед!» Конечно, лучше вперед. Все равно отступить некуда. Бежали вперед с криками: «Ура!.. Бей их!.. Мать... мать!..»

В этой боевой горячке Роман увидел брата, догнал его, и они вместе бежали вперед, к железной дороге, сбившись с направления атаки. На железнодорожном мосту их встретил пулеметный огонь, где-то рядом со страшным грохотом взорвался снаряд с бронепоезда. Теперь закричали: «Господа, назад!.. Куда же вы?!.. Зачем назад?..» Прямо на рельсах лежала женщина-пулеметчица Мерсье. Она не хотела отступить и кричала: «Куда же вы?..» Еще взрыв, и раздались вопли раненых: «Возьмите нас!.. Возьмите, ради Бога!.. Господа, куда же вы?..»

— Куда же мы возьмем? Мы идем на новые позиции.

— Христиане вы или нет?!

— И правда, возьмем, господа?

Взяли раненого вчетвером. Сдали медсестре, суеотящейся возле железнодорожной будки.

Из будки вышел генерал Марков.

— В чем дело, господа? Зачем вы сюда ворвались? Ваш полк станицу брал, а здесь я наступаю по железной дороге. Шагайте к вашим цепям.

Тем временем шла непрекращающаяся дуэль бронепоезда, стоящего в выемке, и орудийной батареи Миончинского. Дуэлянты, удачно используя рельеф местности, не могли повредить друг другу, но задерживали наступление Марковского полка. Генерал раздумывал, как организовать атаку, чтобы захватить всю станцию, когда к нему подскочил офицер.

— Ваше превосходительство, вас вызывает генерал Корнилов.

— Где он?

— В районе артиллерийской огневой позиции. Я вас провожу.

На высоте, где устроил наблюдательный пункт Миончинский, стояло трехцветное знамя. Расположившись рядом с ним, генерал Корнилов рассматривал в бинокль позиции красных. Высота обстреливалась из винтовок и пулеметов, и почти вся свита, в том числе и генералы, лежала на земле. Подъехал Марков, спешился, доложил. Корнилов кивнул, продолжая глядеть в бинокль. Марков увидел Романовского, обратился к нему:

— Иван Павлович, уведите вы его. Подумайте, если случится несчастье...

— Говорил не раз — бесполезно. Предлагал с высоты спуститься или лечь... Он подумает в конце концов, что я о себе забочусь.

Корнилов оставил бинокль, повернулся к Маркову:

— Как у вас на левом фланге?

— Я послал туда подкрепление.

— Сколько?

— Семь человек и пулеметы, а когда понадобится, сам отправлюсь туда с конными. Кроме того, у меня еще в резерве техническая рота.

— Кажется, придется нам здесь заночевать, Сергей Леонидович!

— Ночевать не будем! Атаку поведу на правом фланге вне досягаемости огня бронепоезда. Прошу на время атаки отдать мне батарею.

— Подполковник Миончинский, считайте, что это мой приказ, — сказал Корнилов.

— Слушаюсь, ваше превосходительство.

Вернувшись на позиции полка, Марков вызвал к себе в железнодорожную будку старших офицеров и отдал необходимые распоряжения. Офицеры разошлись, ординары поскакали по ротам, сам генерал вышел на позицию технической роты, лежащей цепью, пошел вдоль цепи, подбадривая офицеров. В тот момент, когда Марков вступил на железнодорожную насыпь, бронепоезд вдруг разразился беглым огнем. Генерал кинулся вниз, успел спрятаться под бетонный переезд, когда ухнул разрыв снаряда, рассыпая камни, песок и обломки рельсов.

Под бетонной крышей виадука он оказался не один — здесь нашли укрытие еще несколько офицеров. Конечно, это не украшает самого храброго в армии генерала, но главное — не смущаться, все твои поступки должны выглядеть естественными.

— Твою мать!.. — разразился проклятиями Марков. — Красная сволочь по моей папаше бьет, снарядов не жалеет. Липь бы не в цепь. Переждем здесь несколько минут.

Осмотревшись, заметил, что рядом стоит... Мушкаев.

— Поручик! Мы с вами второй раз сегодня встречаемся в обстоятельствах, так сказать, несколько схожих. Только здесь противник поближе.

— Так точно, ваше превосходительство.

— Кутепову доложили? Выполнили мой приказ?

— Так точно. Шел в первой цепи.

— Еще бой не закончен. Скоро атака. Ваша рота на левом открытом фланге. На бронепоезд пойдете. Потом уличный бой на станции. Вы, господа офицеры, помните, что уличный бой — особый вид сражения. Здесь надо хорошо видеть каждый уголок и очень хорошо стрелять. Твою мать!.. Как бьет...

Снаряды разрывались над головой, и виадук раскачивало и трясло. Под разрывы продолжался разговор с офицерами.

— Наша политика простая: мы защищаем благо Родины, — говорил Марков. — Мы — солдаты. Жизнями своими защищаем Россию. Наша политика — бой. И вести нашу политику надо быстро, решительно и целесообразно.

Мушкаев, слушая, прикусил губы и вытаращил глаза — не дай бог генерал поймет, что он воспринимает его высказывания как обычную генеральскую тупость.

Постепенно обстрел ослаб. Снаряды падали реже и далеко в степи.

— С вами, поручик, мы еще встретимся не раз, — сказал Марков Мушкаеву, — поможете с одним делом разобраться. А сейчас всем готовиться к бою!

Он покинул убежище, но папаху нес в руке. Быстрым шагом направился к цепям. Красные вели огонь, но к такой стрельбе он привык. Временами, правда, падал, когда слишком густо бил пулемет. Добрался до передовой цепи 1-й роты. Солнце перевалило за полдень. Самое жаркое время дня.

— Жарко? — спросил генерал.

— Жара, ваше превосходительство, — закричали офицеры. — Патронов нет!

— Вот утешили. В обозе их тоже нет. По сколько осталось?

— Десять... Пятнадцать... Двадцать... — отвечали вразнобой.

— Ну, это еще неплохо. Вот если останутся одни штыки, то будет хуже. Бронепоезд нам мешает, господа. Как бы его на выемки вытащить, чтобы под наши пушки.

Лежали в цепи за бугорками. Кое-кто окопался. Пули красных посвистывали, напоминая, что бой еще не кончен, что противник не собирается отступить.

Поручик Якушев — его генерал помнил по прошлым боям — храбрый молодой офицер, вдруг предложил:

— Закидаем гранатами из того кустарника над линией. Кто со мной, господа? Разрешите, ваше превосходительство?

Якушев и с ним несколько офицеров блестяще выполнили задуманное. Кустарник позволил достаточно близко подползти к бронепоезду. В него бросили ручные гранаты,

и бронированные платформы медленно потянулись назад, к железнодорожному мосту. Едва бронепоезд показался из выемки, как открыли огонь пушки Миончинского. Гранаты взрывались рядом с насыпью, и бронепоезд, ускорив ход, ушел через мост на другой берег речки. Оттуда он мог и далее вести огонь, и прятаться за юго-западной окраиной станицы Корневской. Очередная граната Миончинского угодила в мост, туда, где минуту назад прошел бронепоезд, взлетели рельсы, булькнули в воду металлические листы. Конечно, было бы лучше, чтобы бронепоезд, раз уж его не удалось вывести из строя, остался на этой стороне — Марков сумел бы его взять. Теперь приходилось начинать атаку под огнем пушек бронепоезда.

Генерал сам поднял цепи в атаку, сам пошел впереди. Под жарким солнцем — жаркий бой. Недаром появилось некоторое беспокойство у Маркова: прошли те времена, когда красные бежали от одного вида наступающей офицерской цепи. Теперь они пошли навстречу.

Генерал дал команду Миончинскому, тот не заставил долго ждать:

— По пехоте! Прямой наводкой! Гранатой! Прицел пять-ноль! Беглый огонь!

Красные шли сквозь взметающиеся разрывы гранат. Солнце клонилось к западу, и теперь они шли вместе с солнцем.

Офицерские цепи залегли. Отползали, расползались. Некоторые офицеры поднимались и шли назад, даже бежали. Марков догонял их, беспощадно хлестал плеткой, матерился, те останавливались, ложились, но в атаку не поднимались. Красные приближались, и Миончинский уменьшал прицел: пять-ноль, сорок пять, сорок, тридцать... Это уже близко.

— Стой! — скомандовал подполковник. — Отставить гранаты. Шрапнелью! Наводи в самую гущу...

Низких точных разрывов шрапнели красные не выдержали. Остановились, пытались залечь, но каждый разрыв шрапнели выбивал чуть не десяток бойцов.

Такой момент командир не имеет права пропустить, и Марков закричал: «Вперед за Россию! Ура!»

И вновь марковцы наступали, бегом догоняя убежавших красных, стреляя им вслед, добывая штыками упавших. Солнечная пыль поднималась над степью, и черно-красные кровавые отблески мелькали на штыках, на лицах, на прикладах винтовок. «Железная дивизия» катилась вниз, к речке, солдаты прятались в камышах, бросались в воду, толпой бежали к станции и падали, сраженные шрапнелью.

Нельзя не только паниковать в тяжелый момент, но и расслабляться, когда будто бы уже одержана победа. Именно «будто бы»: 1-я и 2-я роты гонят противника, а справа, у станции, почему-то все сильнее рокочут пулеметы, все длиннее очереди, все гуще пальба винтовок. И бронепоезд туда посылает снаряды. Контратака. Грамотная контратака во фланг и тыл. Не дожидаясь подтверждения, Марков послал ординарца в 3-ю роту с приказом Кутепову немедленно — бегом перейти на правый фланг. Сам вскочил на коня и помчался к станции, где техническая рота отбивала контратаку. Пришлось спешиться и залечь в цепь с офицерами. Красный бронепоезд не позволял окончательно захватить станцию и окраину станицы.

День кончался, но никак не наступал привычный по прошлым боям упоительный момент полной победы, когда противника нет, а есть лишь убитые, убегающие и пленные.

Большой красный шар солнца быстро уходил за горизонт. Красный броненосец продолжал бить по офицерским цепям. Корнилов приказал подполковнику Неженцеву бросить уставший Корниловский полк в атаку на бронепоезд — приблизиться и забросать гранатами. Роман Гуль не верил, что сможет заставить себя подняться и снова идти в атаку на пулеметы бронепоезда. Но поднялся. Неженцев кричал: «Ура! В атаку! Вперед!» Цепь наступала неуверенно. Некоторые шли, другие ложились и окапывались. «Вперед!» — кричал Неженцев. Гуль шел вперед, видел брата, который честно шагал в первой цепи. Он хотел догнать брата, но, почувствовав страшный удар по ноге,

упал. Закричал: «Сережа! Сережа!» Но тот его не слышал, мешали стрельба, крики «Ура! Вперед!». Опираясь на винтовку, Роман сам побрел назад, пули летели ему вслед. За железнодорожной будкой сестра собирала раненых.

— Сестрица, перевяжите, пожалуйста, — попросил Роман.

— Сейчас, сейчас. Подождите, не всем сразу. Вот видите, на позиции я одна, а все сестры где? Им только на подводах с офицерами кататься. Давайте посмотрим вашу ногу. Вы счастливчик: еще бы полсантиметра — и кость...

Наконец Корнилов, скрепя сердце, приказал вывести на огневую позицию 2-ю батарею и открыть огонь по бронепоезду. Расходовались последние снаряды. Синие сумерки накрывали степь, смешиваясь с дымами боя. 2-я батарея открыла огонь, задымилась степь под колесами бронепоезда, и наконец он медленно двинутся куда-то вдаль, на юго-запад, где еще горел закат.

Марковцы ворвались на станцию, и лучшим их трофеем оказалась походная кухня с борщом. Два котла были мгновенно опустошены. Измученные боем офицеры устраивались на ночлег где попало.

Генералы во главе с Корниловым выехали на высоту, где был наблюдательный пункт Миончинского. И без биноклей хорошо были видны бронепоезд и эшелоны красных, отходящие к станции Платнировской.

— Поздравляю с победой, ваше превосходительство, — сказал Деникин.

— Они отступают в полном порядке, — сказал Корнилов. — Мы их не разбили. По данным разведки, у Сорокина более 10 тысяч бойцов. Приезжайте в штаб: будем решать, что делать.

Корнилов со свитой уехал, а генералы продолжали обсуждать прошедший бой. Марков молчал. Он все отчетливее понимал, что наступает перелом — начинается другая война. Чей-то разговор, доносившийся сзади, только подтверждал его выводы.

— Ну и дрались сегодня большевики!

— Ничего удивительного — ведь русские...

Подъехал к Деникину — и тот о том же:

— Сергей Леонидович, а этот Сорокин соображает в военном деле. Его бы к вам в Академию — глядишь, хороший русский генерал получился бы.

— У меня в полку 30 убитых и почти 100 раненых.

— Во всей армии — 400, — сказал Деникин. — Заезжайте вечером в штаб — обсудим план дальнейших действий.

— Для моего полка план может быть только один — отдых.

Артиллеристам было не до сна — разбирали трофеи. В вагонах нашли почти 600 снарядов и медикаменты. Миончинский послал прапорщика Ларионова в обоз — найти лишнюю повозку и зайти в лазарет, чтобы поехали за лекарствами на станцию. Не всех убитых еще убрали — на дороге попадались трупы. Ларионов заметил вдруг шевелящегося сбочь дороги офицера. Нагнулся — раненый капитан.

— Прапорщик, есть у вас револьвер? — простонал раненый. — Дайте.

— Зачем? Красных мы прогнали. Я сейчас пришлю за вами сестру.

— Я ранен в обе ноги, считай, что полутруп. Не хочу отягчать своим присутствием и без того тяжелое положение. Дайте револьвер.

Поколебался Виктор, подумал, но достал из кобуры наган, проверил патрон и подал капитану.

— Не уходи далеко. Я сейчас.

Ларионов отвернулся и только теперь заметил, что ночь дрягая — без единой звезды.

Хлопнул выстрел. Прапорщик наклонился над телом капитана, взял револьвер, выпавший из мертвой руки, перекрестился...

Коля Курашов вечером прибежал к Макарову. Родичев и Тимановский уже укладывались спать.

— Сергей Леонидович, — предложил юнкер. — Давайте я переоденусь и пойду в Платнировскую. Разведую, что там у красных.

— Коля, ваш Юнкерский батальон, кажется, в бою сегодня был. Ты что? Совсем не устал?

— Нет. Мы простояли целую вечность, пока бронепоезд не прогнали. К нам Корнилов подъехал. Прямо вдоль вагона ехал и говорил: «Я очень доволен, что в этом бою на ответственном участке участвует Юнкерский батальон». Потом скомандовал: «В атаку!» Я самый первый бежал до самой окраины станицы истрелял. Одного уложил — он так и ткнулся носом в землю, потом еще одного...

— Стало понятно, зачем пришел юнкер, усталый после боя.

— Нет, Коля. Не надо идти в разведку. Завтра боя не будет. Я был у Корнилова — завтра дневка.

В штабной избе окна завешены, в углу — знамя, на столе карты. Судьбу армии решали трое: Корнилов, Деникин, Романовский. В руках у Корнилова смятая газетка — нашли в окопах. На первой странице — описание встречи делегатов Екатеринодарского Совета с передовым отрядом красных войск Автономова, вошедших в город. «Не могли говорить от волнения... Со слезами на глазах обнимали друг друга...» Корнилов отбросил газетку, посмотрел на обоих помощников, спросил:

— Надо ли продолжать наступление на Екатеринодар, когда мы теперь точно знаем, что город взят красными и неизвестно, куда отступили добровольцы Покровского?

— Надо продолжать, — сказал Деникин. — Осталось всего два-три перехода. Гипноз Екатеринодара весьма велик среди наших добровольцев. Разочарование может губительно отразиться на боевом духе войск. Необходимо продолжать выполнение раз поставленной задачи. Продолжать во что бы то ни стало. Тем более, армия давно находится в положении стратегического окружения, и выход из него определяется не столько тем или иным направлением, сколько разгромом главных сил противника. При этом надо иметь в виду, что решительная победа над противником повлечет за собою его политическое падение. А наши войска сейчас внушают неограниченное доверие.

— По-видимому, и вы, Иван Павлович, придерживаетесь такого же мнения?

Романовский подтвердил свое согласие с Деникиным.

— И я с вами согласен, — сказал Корнилов. — Но вы говорили с Марковым и Неженцевым?

— Нет.

— Они были сегодня у меня с докладом о состоянии полков. Большие потери, большая убыль, крайнее утомление — физическое и особенно моральное. Видите ли, некоторые тревожные симптомы проявились еще во вчерашнем бою и тем более в сегодняшнем. Командиры полков считают необходимым дать людям некоторый отдых от этого ежедневного крайнего нравственного напряжения, от боя, от разрастания нашего кошмарного лазарета, хотят постоять на месте и не чувствовать себя вечно окруженными. Если бы Екатеринодар держался, тогда бы не было двух решений. Но теперь рисковать нельзя. Мы пойдем за Кубань и там в спокойной обстановке, в горных станицах и черкесских аулах, отдохнем, устроимся и дождемся более благоприятных обстоятельств.

Было принято решение: день 18 марта отдыхать, а в сумерках выступить в поход, в направлении, неожиданном для противника: на юго-восток, к станице Усть-Лабской, к берегам Кубани.

День выдался как раз для отдыха — пасмурный, прохладный, пронизанный серо-голубым светом облаков. Марков прогуливался по станице с генерал-майором Плющевским-Плющиком²¹. Они с разницей в год оканчивали Константиновское и Академию, оба восхищались решением Корнилова повернуть армию на юг.

— Это можно сделать лишь с такой армией, как наша, — сказал Марков. — Имея в тылу втрое превосходящего противника, атаковать с фронта тоже превосходящего, да еще брать такую водную преграду. Ведь мост через Кубань могут взорвать.

— Корнилов и рассчитывает на то, что у нас не солдаты, а офицеры, и каждый — профессионал в военном деле с опытом большой войны.

Станица затихла, опустела, сонные офицеры помогали крестьянкам с дровами, с водой, с приготовлением обеда, бродили по улицам в поисках выпивки. Некоторые прогуливались с казачками.

Плющевский-Плющик занимался у Корнилова контрразведкой, и Марков советовался с ним по поводу посылки Екатеринодар Мушкаева.

— У него есть возможность войти в доверие красным начальникам, — говорил Марков. — И перекинуться с ними он не сможет — я приму меры.

— С этой разведкой у нас плохо: всех наших там хватают и расстреливают. Некоторые, правда, еще сидят в Чека, но их участь, конечно, решена. Лишняя попытка не помещает.

— Ведь мы даже не знаем, где сейчас Покровский²², — продолжал Марков обосновывать свое намерение. — И еще мне хочу получить сведения о настроениях командиров наших противников. Сейчас там новые начальники — Автономов, Сорокин. Может быть, они уже задумались о том, что большевики предали Россию? Ведь завтра немцы придут на Дон. Может быть, они поймут, что русским надо воевать не против русских, а против немцев? А настроение войск очень зависит от настроения начальников.

— Лавр Георгиевич на это не рассчитывает. Автономов, Сорокин для него враги, командиры войск противника. Вот Антон Иванович Деникин, тот высказывает мысли о возможности повернуть красных против немцев. Но это в порядке фантазии. Ведь почти все кубанские станицы перешли на сторону большевиков.

— Это, Юрий Николаевич, временная вынужденная маскировка. Переименовали станичных атаманов в председателей Советов или в комиссаров, станичное правление — в исполнительный комитет. Люди те же, а их настроение будет зависеть от успехов нашей армии и от предательской политики большевиков, в которой они, наверно, уже разобрались.

Они проходили мимо большой хаты, где во дворе звенели, визжали, щебетали женские голоса, и среди всяческих «Анька, не валяй Ваньку» вдруг услышалось: «Зуева, ког-

да свой пулемет в порядок приведешь?» Из калитки вышла женщина с ведрами, направилась по воду. Не женщина, а прапорщик: гимнастерка, погоны, сапоги, но при этом юбка, а из-под фуражки выбиваются волнистые белокурые локоны.

— Это здесь наши пулеметчицы? — спросил Марков. — Я вчера одну видел на мосту. Хорошо вела огонь. Девушка, вам помочь?

— Спасибо, ваше превосходительство, но негоже генералам ведра носить.

— Мы не только генералы, но и мужчины, — сказал Марков.

— Разве? А мы и не знали, — ответила девушка и с хохотом побежала к колодцу.

— Остатки женского батальона, — со вздохом сказал Плющевский-Плющик, — они в октябре 1917 Зимний защищали. Корнилов их бережет — в обозе держит. Так что ж, Сергей Леонидович, присылайте своего офицера. Я ему дам документы, посоветую кое-что.

Отправив Мушкаева в штаб, Марков вызвал Родичева на улицу и отдал ему секретный приказ: «Побриться, начиститься, принять бравый вид — и со мной на прогулку в женский батальон...»

Шли по станице, наполненной отдыхающими офицерами. Исквавшие выпивку и, по-видимому, нашедшие ее собирались группами и громко разговаривали. Можно было услышать слова: «Учредительное собрание... Екатеринодар... Социалисты... Корнилов... Монархисты...» Другие тем временем прогуливались с казачками или медсестрами. Офицеры наконец-то побрились, не спеша, по возможности привели в порядок шинели и сапоги и честь генералу отдавали по всем правилам, независимо от степени опьянения.

— Этого поручика я уже сегодня встречал, — сказал Марков, когда появилась пара: офицер и пулеметчица. — Но что интересно, Гаврилыч, тогда он шел с казачкой, а теперь в женский батальон проник.

— А я его недавно с медсестрой видел. Поручик Дымников из 3-й роты.

Поручик и пулеметчица, поравнявшись, отдали честь. Она улыбалась, он уставился на генерала ничего не выражающими круглыми светлыми глазами. Молодой человек очень правильным лицом. Таких изображают на пояснительных рисунках к положениям воинского устава. Женщины, наверное, считают его красавцем.

Потом генерал сказал:

— Значит, донжуанит этот Дымников. В моем полку, мне знакомо, а что-то я его почти никогда не вижу. Как он бою?

— Вперед не лезет, но и не отстает. В расстрелах не участвует. Кутепов его ценит. А мы, Сергей Леонидович, в гости не к той девушке идем, с которой поручик разгуливает?

— Мы идем ко всем. А там разберемся.

Выступив 18-го поздно вечером, армия шла всю ночь и половину дня, пройдя более 40 километров, достигла цели — станицы Усть-Лабинской, где ее ожидали красные. Войска Сорокина начали атаковать армию уже с рассвета. Арьергард — Партизанский полк под командованием полковника Богаевского³³ с трудом защищал громоздкий медленный обоз. В так называемом полку всего 400 человек, в обозе — 500 тяжелораненых, сутками мучающихся под открытым небом без перевязок, без лекарств, умирающих от заражения крови, с ужасом прислушивающихся к звукам боя, сжимающих под одеялом револьвер, чтобы вовремя покончить с собой.

К середине дня армия оказалась в кольце диаметром 4—5 километров. Чтобы спастись, надо было удержать наступающих с тыла и разбить преграждающих путь к Усть-Лабинской и к мосту через Кубань на южной окраине станицы. В этот один из тяжелейших моментов похода вдруг оказалось, что главная ударная сила — Сводно-офицерский полк — движется без командира. Полк вел Тимановский и отвечал молчанием на все вопросы о Маркове, только дымил привычной трубкой.

Вдоль строя полка проехал Корнилов — как обычно, со знаменем и со свитой, — приостановился, посмотрел на

Тимановского, но ничего не спросил, а пришпорил свою красивую буланую лошадь и поскакал вперед. Решил сам командовать атакой. Ординарцы помчались с приказами. Юнкерский батальон атаковал правый фланг красных — окопы вдоль насыпи железной дороги западнее станицы, Корниловский полк — центр.

Командующий съехал с дороги в степь, где еще сохранились посеревшие, потемневшие скирды прошлогоднего сена. У одной из них он выбрал место для наблюдательного пункта, забрался на скирду и в бинокль наблюдал атаку юнкеров. День был мрачный, облака превратились в тучи — вот-вот пойдет дождь. Юнкера лихо, с криками «Ура!» бросились на окопы и вскоре исчезли в тумане за насыпью. Огонь в той стороне усилился, и вскоре появились фигурки юнкеров, бегущих обратно. Их преследовала цепь красных. Атака сорвалась.

Генерал Марков появился именно в этот момент. Верхом он подскакал к колонне своего полка, скомандовал: «Первая рота за мной! Бегом!» Он увидел Корнилова и подвел роту к нему. Командующий оторвался от бинокля и приказал, указывая на отступающих юнкеров:

— Сергей Леонидович, пошлите Офицерскую роту туда!

Рота развернулась в цепи и пошла вперед. Юнкера, увидев поддержку, останавливались и присоединялись к наступающим. Теперь красные повернули назад и побежали к своим окопам. Марков скакал вместе с наступающими, но его догнал ординарец Корнилова с приказанием вернуться.

— Сергей Леонидович, обстановка обостряется, — сказал Корнилов. — От станции Кавказской пришел эшелон с новыми красными частями. Они сейчас будут атаковать станицу и вокзал с востока. Ведите свой полк и батарею Миончинского навстречу им. Атакуйте, контратакуйте, но переправа должна остаться за нами.

И вновь исход боя решил Марковский полк.

Миончинский быстро занял огневую позицию на подходе к станции. Сюда же прискакал Марков, его роты шли за ним. Генерал соскочил с лошади, снял папаху, расстегнул

пуговицу — жарко стало после этих скачек. Вместе с Миончинским они нашли место для наблюдения за широким проемом старого дуба. Артиллерист без бинокля, с помощью альцида измерял углы на местности и нацеливал орудия на движущихся из эшелонов красных. Они уже выкатили орудия и открыли огонь — куда-то в степь. Миончинский сообщил команду своим, и первый же снаряд упал рядом с орудием красных, второй — прямо в орудие, красных повозок разнесло веером. Почувствовав, что их артиллерии не выдержать боя с артиллеристами-офицерами, красные выкатили свои орудия обратно на платформы эшелона.

Красная пехота продолжала наступать. Роты Офицерского полка подошли и залегли в цепи. Справа — крутой берег Кубани, слева — степь, и по ней в обход бегут красные, что-то крича. Это и есть момент жизни генерала Маркова. Возникает над цепями его белая папаху и пронзительная команда: «В атаку! Вперед! За Россию!» Он бежал в первой цепи. Его обгоняли, останавливались, стреляли из винтовок, вновь бежали, и уже возникало чувство победы. Красные отступали в беспорядке.

Корнилов прислал ординарца с приказом прекратить преследование, отойти к станице и обеспечить переправу армии на южный берег Кубани.

От станицы до реки тянется дамба длиной около трех километров. Далее — мост. Марков расположил роты по окраине станицы и вдоль дамбы и в сопровождении Тимановского взобрался на мост. Здесь стояли юнкера.

— Осторожнее, ваше превосходительство, — предупредили они, — здесь большая пробоина от снаряда.

Шириной в полмоста и метра два в длину — вниз лучше не смотреть: там сердито шумит вешняя вода, темная, неумолимая, страшная.

— Степаныч, нельзя колонны и лошадей пускать мимо этой дыры, — сказал Марков. — Вызывай техническую роту — пусть закрывают.

Наступала ночь. Опять беззвездная, недобрая. В тревожном молчании проходили колонны через переправу. Сзади, в станице, время от времени стреляли. Марков понимал, что там — красные. Они опять побеждены, но не раз-

биты — генерал уже привык к этому, — значит, завтра опять в бой. Это и есть его жизнь, жизнь генерала Маркова.

На переправе — женские голоса: «Девочки, осторожнее с пулеметом. Здесь неровная дорога. Можно споткнуться... Ты вчера споткнулась...»

И эта ночь в походе. Прошли километров 10 — и вдруг наткнулись на сильный огонь: винтовки, пулеметы. Станица Некрасовская, в которой мечтали отдохнуть, занята красными.

И снова генерал Марков разворачивает роты в цепь, 4-я рота — в обход слева, с востока. Снова надо лежать на холодной земле, идти вперед без дороги, спотыкаясь, а в лицо — вспышки выстрелов. И это после ночного марша, боя, переправы и движения от Кубани.

К рассвету 4-я рота вышла к восточной окраине станицы и залегла. Марков готовил к атаке с севера главные силы полка. Прошел вдоль цепей — некоторые умудрялись спать. На окраине станицы красные вели редкий огонь. Можно было отдавать команду, но... Вдалеке слева слышались звуки музыки. Прислушался — действительно духовой оркестр играл марш «Тоска по родине», далеко ввысь трубы несут печаль, угрюмой решительностью поддерживают их басы, и роковые шаги к победе и смерти отмеривают барабаны.

Генерал Корнилов опять сидел на скирде, наблюдая в бинокль за движением красных на окраине станицы. Дал знак ординарцу, поднялся во весь рост. Запели трубы, ударили барабаны. Генерал командовал:

— Полк, вперед!

Командир полка подполковник Неженцев шел впереди. Привычная картинная атака: размеренным шагом, винтовки наперевес, без выстрела, дистанция в цепи — четыре шага. Красные беспорядочно стреляли, и местами дистанция увеличивалась — падали раненые и убитые. В цепях грянуло яростное «Ура!», и красные побежали.

Маркову было приказано отбивать контратаки красных, и полк целый день лежал на окраине станицы, держа

оборону. Перед офицерами — река Лаба, мост взорван, на западном пологом берегу — красные. Значит, переправа вброд ночью, и снова бой. Противник со всех сторон.

Когда ему лучше выбрать время для отдыха, когда объезжать позиции рот и с какой стороны ждать красных, Марков не размышлял, он все это чувствовал. Приказал подать лошадь и сначала проехал по станице. Здесь, в центре, на площади расположилась вся артиллерия, лошади неподалеку жуют сено. В домах помещаются штаб, квартиры генералов. Возле пушек — дежурные артиллеристы. На бревнышках возле хаты сидят прапорщики Ларионов и Брянцев, рядом с ними две кудрявые пулеметчицы. Генерал проехал мимо, ответил на отданную честь, приветственно помахал, спросил:

— Орудия все готовы к бою?

— Так точно, ваше превосходительство, — отрапортовал Ларионов.

— Отдыхайте, но не забывайте, что в любой момент могу вас послать в бой — чувствую, что красные вот-вот контратакуют, — сказал и поехал на северную окраину станицы.

Его словно ждали: привычная редкая перестрелка вдруг вспыхнула непрерывной стрельбой и пулеметными очередями. Злобно просвистел снаряд и разорвался впереди шагах в тридцати. Лошадь рванула, прошуршали рядом осколки. Галопом он выехал к цепи, занявшей позицию у мельниц, не подъезжая близко, крикнул полковнику Плохинскому:

— Приказываю отбить контратаку.

Повернул лошадь и помчался назад — некогда искать ординарца. Обстрел артиллерией усилился — гранаты разрывались во дворах, на дороге. Подъехал к артиллеристам. Те уже собрались у орудий — ждали команду.

— Артиллеристы! — крикнул Марков. — Живо на окраину к мельницам. Там почти никого нет. Красные идут! Миончинский уже был здесь и командовал:

— Передки к орудиям! В передки! За мной рысью марш!..

Генерал ускакал вперед, прямо к редкой цепи у мельниц. Нервно шагал за мельницами, глядя на наступающих

красных, оглядываясь, пытаюсь понять, подоспеет ли батарея.

Пушки с грохотом и лязгом, поднимая пыль, вылетели из станицы. Подпрыгивали на ухабах передки, летели на землю плохо подвязанные винтовки, котелки, вещмешки.

— Налево кругом! — командовал Миончинский. — С передков! Шрапнелью трубка сорок! Прямой наводкой беглый огонь!..

Подскакали и пулеметчики, и почти одновременно зарокотали «кольт» и «максим», рваные лоскуты пламени вырывались из стволов пушек, оглушая резким хлопком выстрела.

Белые клубки дыма поплыли над наступающей цепью красных, которые падали на землю сразу по несколько человек. Красные остановились, попятились, сбивались в кучки и побежали назад.

Генерал подошел к первому орудью. Миончинский и Шперлинг покуривали, прислонившись к высокому колесу орудия, прапорщики, подстелив попону, валялись на траве. Генерал поблагодарил командиров, похвалил прапорщиков.

— Всего десять минут вашей работы, и противник бежал, — сказал он. — Жаль, что отдыхать опять не придется — Лабу ночью форсировать.

— В Екатеринодаре отдохнем, ваше превосходительство, — сказал Ларионов с молодецкой лихостью.

— А вы уже знаете, что Корнилов поведет нас на Екатеринодар?

— Понимаем, ваше превосходительство, — сказал Брянцев.

— Каждый солдат должен понимать свой маневр, — поддерживал его Ларионов.

— Я бы и сейчас в Екатеринодар пошел, — с некоторой робостью сказал Брянцев, — в разведку. У меня там родной дядя живет. И в станицах казаки есть знакомые. Легко бы прошел и туда, и обратно. Пошлите меня в разведку, ваше превосходительство.

— Многих туда уже послали, — сказал генерал, — и никто не вернулся.

— Я обязательно вернусь. Мне же здесь все известно.

— Хорошо, прапорщик. Подумаем. Подойдем поближе — может быть, тогда и пошлем вас.

Черноморский вокзал в Екатеринодаре — почти окраина, и в то же время здесь многолюдно. А значит, меньше опасности. Появившись в городе, Мухкаев отдыхал под утренним солнышком в привокзальном садике. Осмотрелся, достал «Известия».

«На 20 марта положение белогвардейских банд на Кубани еще более ухудшилось. После обхода станции Тихорецкой Корнилов продвинулся к Выселкам. Советские войска умелым маневром окружили здесь корниловцев. К сожалению, по топографическим условиям местности не удалось создать тесного кольца, но дорога на Екатеринодар была для белогвардейцев закрыта. Корнилов вынужден был пойти через имевшуюся отдушину к востоку по дороге до станции Корневской на станцию Усть-Лабинскую, имея своей задачей пробиться к Майкопу. Советские войска преградили им путь на южном берегу Кубани. Белогвардейцы снова заперты в кольце войск, еще более тесном. Они мечутся, стараясь нащупать более слабое место среди кольца революционных войск, чтобы, найдя его, пробиться к какому-нибудь мало-мальски крупному городскому центру, где можно было бы опереться на скрытые контрреволюционные силы. Час расплаты для Корнилова, Алексева и всех главарей, находящихся у него в отряде, стал ближе. Что касается отрядов Филимонова и Покровского, разбитых под Екатеринодаром, то они рассеялись по направлению от Эйнема и Георгие-Афинской к востоку и никакой угрозы собою представлять не могут».

Плохо выбрит, одет, как все: шинель, старая солдатская бескозырка, галифе, изношенные сапоги. Документы... Документов два вида: свои собственные, выданные еще в Ростове штабом красного Южного фронта, и, на всякий случай, солдатская книжка некоего рядового Тимошкина, пробирающегося из Тифлисского госпиталя домой в Смоленскую губернию. Документы имеются, да вот нет еще решения, куда идти с ними, и с какими именно.

Плющевский-Плющик, отправляя на задание, дал адрес конспиративной квартиры, но сам был не уверен, сохранилась ли она, не разгромлена ли чекистами. Генерал Марков говорил о женщине из госпиталя, но к ней же недавно посылал Линькова, от которого не было вестей со дня взятия Екатеринодара красными. Значит, или попался, или переметнулся. Он, Мушкаев, тоже может поискать среди большевистского начальства тех, кто знает его по работе в Ростове, и явиться в качестве спасшегося от белых. А потом...

Если бы он знал, что будет потом, кто победит в этой нелепой и ужасной войне. Ему, Василию Павловичу Мушкаеву, все равно, кто будет править Россией. Богатств у него нет, из маленькой квартирки в Смоленске никто его не выгонит. Он умеет не только стрелять — до войны работал по строительству и подрядчиком, и чиновником. Найдет себе местечко. Что касается идей, то и у тех, и у других есть хорошие идеи, но плохо, что все эти политические рассуждения не имеют никакого отношения к жизни обыкновенного человека. В реальной жизни у людей нет ни социальных, ни религиозных, на национальных и прочих мотивировок поступков, только психологические мотивировки, в которых частично, конечно, может содержаться все. Однако сознательно убивать или умирать, считал Мушкаев, можно лишь из личной ненависти или любви. Человек живет всего лет 60—70, вот и придумайте для него такую правду, которой хватит на этот срок. Зачем нужна вечная правда, тем более что ее нет.

Обдумав все, Мушкаев решил идти на Соборную площадь, где расположены главные учреждения власти и где живут советские начальники. Походить там, стараясь, чтобы его не очень замечали, а самому смотреть в оба.

На площади — новая советская жизнь. У дверей зданий Исполкома и Штаба — охрана с красными флажками на штыках винтовок. Два легковых автомобиля подкатили к штабу, из них вышли люди в шинелях, папахах и фуражках. Охрана отдала им честь.

Прохожие — почти все военные или полувойенные: шинели, галифе, папахи. Даже многие женщины — в шине-

дях. Он искал знакомых поближе к Штабу, прошел не спеша мимо. Никто из встретившихся не был ему знаком, все чужие. Перешел к зданию Исполкома и, приближаясь к углу ограды, лицом к лицу столкнулся с Линьковым, вышедшим из боковой калитки. Конечно, опешил, но мгновенно вошел в роль — к этой встрече готовился.

— Миша, — сказал не очень громко, но и не каким-нибудь секретным полупшепотом, — тебя-то я и мечтал найти. Попал сюда, ничего и никого не знаю. Помогай.

— Я иду по делам. Пойдем, поговорим по дороге. Давно от них? Документы есть?

— Документы старые — ростовские. Ушел из Кореневской 19-го...

Он подробно рассказывал, как трудно было добираться до Екатеринодара, как вымок под дождем, как искал здесь старых друзей, но они куда-то уехали.

— Бежал или прислали? — перебил решительным вопросом Линьков.

— Как ты, так и я, — ответ был приготовлен.

Линьков взглянул с любопытством, усмехнулся. На нем — офицерская шинель, зеленая фуражка, галифе с красным кантом, новые начищенные сапоги.

Повернули на боковую улицу, ведущую к Северному вокзалу. Здесь тоже было многолюдно, военных поменьше, но навстречу шла группа матросов — человек пять. Тот, что шел впереди, в бескозырке с надписью на околыше «Свободная Россия», приветственно махнул Линькову рукой.

— Наше вам, — сказал с улыбкой дружеской, но и несколько насмешливой. — Как нынче? Не штормит?

— Здорово, Олег. Вроде не штормит.

— Тогда право руля, ребята, — сказал матрос своим, — курс на Сады.

Несколько шагов Мушкаев и Линьков прошли молча. Протопал мимо отряд солдат в папахах с красным знаменем, с винтовками за спиной. Вел их такой же солдат или, скорее, бывший унтер-офицер — умел командовать: «Шире шаг! Держать ногу!»

— На фронт? — спросил Мушкаев.

Задумавшийся Линьков, будто и не слышал, сам спросил:

— И что же тебе поручил генерал Марков?

— Найти тебя или узнать, что с тобой случилось, — сообщений от тебя нет, сам не возвращаешься. Ну и, конечно, сам понимаешь.

— Что намерен делать?

— Хотел бы работать с тобой. Или... как ты посоветуешь.

— Значит, так, — теперь Линьков говорил как человек, нашедший наконец решение трудной задачи, — я тебя устрою в наше военное общежитие. Документы твои сгодятся. Ты же послан в разведку Сиверсом из Ростовского штаба Южного фронта. Вечерком решим, что будем делать, — днем у меня дела.

Общежитие помещалось в здании бывшей гимназии. Угрюмый усатый комендант сидел в кабинете за роскошным письменным столом. Линьков поговорил с ним, и все наладилось.

— К чекистам поместить? — спросил комендант.

— Нет, — возразил Линьков. — К охране.

Линьков попрощался до вечера, а комендант отвел Мушкаева в комнату на второй этаж. Здесь стояли кровати с серыми одеялами и подушками без наволочек. На некоторых кроватях спали люди в одежде, сняв только сапоги. В углу тихо играли в карты трое в гимнастерках, похожие на бывших офицеров. На Мушкаева только взглянули. Комендант указал ему койку у двери и ушел.

Сняв шинель, Мушкаев посидел на кровати, подумал, потом поднялся, снова надел шинель и пошел к выходу. Ему было страшно.

Линьков, измученный и опустошенный очередной чекистской ночью, искал не отдыха и покоя, а забвения. Отдых и покой в России весной 1918 найти было невозможно, если и сумеешь где-то спрятаться и спокойно подумать, сам убежишь обратно в кровавую суету: задумываться нельзя. Сколько бы ни терзался — выхода нет. И Линьков искал не покоя, а забвения, поэтому спешил в госпиталь к Ольге.

М. Ее спецсклад помещался в административном корпусе на первом этаже. Окна с решетками, кабинет, из кабинета железная дверь в хранилище, где ценные продукты и лекарства. В кабинете диван, кресла, письменный стол, шкафы, а в углу столик для отдыха и закусок. Здесь нередко отдыхает нынешнее начальство. В том числе и Линьков.

Ольга знала, что он должен прийти, но, к его удивлению, хозяйки на месте не было, а в ее кабинете суетились уборщицы: подметали, протирали окна и мебель, переставляли стулья и кресла. Их торопливые движения раздражали усталые глаза.

— Начальство приехало, — объяснили женщины. — С главным врачом по палатам ходит.

— Какое начальство?

— А мы почему знаем. Не то командующий, не то еще выше командующего. Новое начальство. А мы как раньше мели, мыли, так и сейчас.

Ольга пришла взволнованная, раскрасневшаяся, в новом белоснежном халате, в изящно повязанной косынке с красным крестом.

— Ой, Миша, не ко времени. А вы кончайте уборку и сами убирайтесь. Сюда уже идут. Быстрее, быстрее...

— Кому такая встреча готовится? — спросил Линьков.

— Сам Сорокин приехал. Своих раненых проводывал. С главным врачом по палатам ходил, теперь сюда идет.

Она быстро шагала по кабинету, проверяя, все ли в порядке, подошла к железной двери, достала ключи из кармана халата, открыла дверь, заглянула, сказала:

— Ну, здесь у меня порядок.

Посмотрела на Михаила без улыбки, с ожиданием: почему, мол, не уходишь.

— Я тебе подарок принес.

— Ой, не ко времени, Миша.

— Такое всегда ко времени, — и протянул ей руку, на ладони — сияющее золотое кольцо со сверкающим камешком. — Твой размер, я примерял.

— Хочешь, чтобы на правую? — спросила со смешком, но вспомнила о начальстве и вновь заволновалась. — Ой, не ко времени. Ну, куда я с ним?

— Надевай. Скажешь, память, муж погиб, или еще что придумаешь.

— Сам-то где взял?

— Давно храню. Не знал, кому подарить.

Не рассказывать же ей, что кольцо — из вещей расстрелянного Теймура.

Уверенные быстрые шаги по коридору, открылась дверь, и в комнату вошел и остановился, сделав шага два, новый красный герой Сорокин. Папаха с красной лентой набекрень, кожаная куртка нараспашку, под ней — красная рубашка; офицерские синие галифе с кантом, сверкающие сапоги гармошкой, шпоры серебряного блеска. Темные волосы, темные глаза, пугающие пристальным понимающим взглядом. На Линькова повеяло деревенской лихостью и свежесвыпитым спиртом.

— Здесь у нас спецсклад, — робко объяснял стоявший сзади главный врач. — Бережем лучшее для наших раненых героев...

— Подождите, — грубо перебил его Сорокин и повернулся к Линькову. — Кто такой?

— Командир взвода отряда особого назначения Линьков. Приходил навещать наших раненых.

— А раненых-то здесь и нету. А? Мишаков? — повернулся Сорокин к адъютанту и захохотал.

— Нету, Иван Лукич.

Сорокин с пьяной пронизательностью взглянул на Линькова и на Ольгу, покачал головой со злой усмешкой.

— Я зашел к товарищу Саманкиной, — начал объяснять Линьков, но Сорокин резко махнул рукой и перебил:

— А теперь выходи. И вы, доктор, можете уходить, и ты, Мишаков, погуляй там, посмотри, чтобы порядок.

Оставшись с Ольгой наедине, улыбнулся ей по-мужски, подошел и обнял за плечи. Легко обнял, дружески.

— Ой, что вы, товарищ Сорокин.

— Я для вас Иван Лукич.

— Я Ольга Петровна.

— Хорошая вы женщина, Ольга Петровна. Наверное, я возьму вас к себе в штаб. А сегодня вечером прошу ко мне

домой. На Соборную площадь в военный комиссариат. Дайте бумагу, пропуск напишу.

Из госпиталя Сорокин поехал в штаб Автономова. Они понимали друг друга и старались не ссориться, не разбираться, кто из двух самый главный командующий. Автономов, светлый блондин небольшого роста, совсем молодой: Сорокину — 34, а этому — 28. У Автономова на столе карта.

— Вот все думаю, Иван Лукич, куда он теперь пойдет. В аулы?

— Хитрый генерал. Поворачивает, куда и не подумаешь. Ему бы с немцами воевать, а не с нами. Ведь это ж в жизни не видано, чтобы немецкие войска вышли на Дон, а там и на Кубань.

— И я об этом переживаю, Ваня. Нам бы помириться с офицерами, создать сообща Русскую армию и выйти против немцев. Этот позорный мир...

— Я ж тебе сам об этом говорил. Народ нас поймет. А этих... что из Москвы прислали... С ними разберемся. Армия за нас.

— Послать бы к Корнилову кого-нибудь из бывших офицеров и передать ему наши предложения.

— Это ж простое дело, Алексей Иванович. В Чека — пленные офицеры. Они их расстреливают. Передай им наш приказ: всех офицеров отдать в нашу контрразведку для допросов по военной обстановке. И кого-нибудь своих найти. Я нынче в госпитале встретил одного чекиста. Сразу угадал, что бывший офицер. И его к нам. Линьков такой у них есть...

Мушкаев не хотел умирать ни за Ленина, ни за Корнилова и не стыдился своего страха смерти. Считал этот страх естественным для человека. Храбрость генералов Корнилова и Маркова, стоящих под пулеметным обстрелом, или их офицеров, идущих цепями в рост под огнем, он считал вымученной, показной. Сами они так же боялись умереть, как и он, однако пересиливали свой страх ради неких высоких целей, которых никто никогда не достигал. По-

пался же Марков под бетонным мостиком, где вместе с ним прятался от огня бронепоезда. Видно было, как смутился, но мгновенно собрался и вошел в свою обычную роль.

Мушкаев боялся и не стыдился бояться. Линьков его напугал — так и не раскрылся, на кого он работает, кому служит, и слишком долго и сосредоточенно думал, прежде чем отвести его в общежитие. Хорошо, что не сразу в Чека. Наверное, отложил на вечер.

Спокойно, не спеша, вышел из общежития, огляделся и направился по адресу Плющевского-Плющика к Сенной площади. На углу переулка, где находился нужный дом, остановился — как раз здесь на заборе было наклеено объявление. Читал и посматривал на тот дом.

«Приказываю вести беспощадную борьбу против буржуев и офицеров и принять самые решительные меры к искоренению всей сволочи, которая не хочет замазать свои белые руки. Я инвалид и как поставленный армией Кавказского фронта во власти коменданта города слежу за свободой: предупреждаю всю буржуазию, что за нарушение правил, выказанных против трудового народа, буду беспощадно расстреливать или уполномочивать лиц мандатами на право расстреливания негодяев Трудового Народа.

Военный комендант города Екатеринодара Сошенко».

Из дома, за которым наблюдал Мушкаев, вышли трое в шинелях, папахах с красными лентами, с револьверными кобурами на поясных ремнях. Значит, сюда нельзя.

Через Лабу переправлялись вброд ночью. Первыми шли юнкера. То и дело слышалось: «Тону!.. Помогите!.. Ай!..» — звенели тонкие мальчишеские голоса. Полк Маркова обеспечивал переправу, развернувшись вдоль высокого восточного берега по окраине станицы. Марков объезжал цепи. Здесь было спокойно — красные не атаквали. Выехал к высокому берегу. Генерал Боровский с ординарцами сидел на скамейке над рекой и наблюдал за своими юнкерами, прикладываясь к фляге.

Марков спешился, подошел, спросил:

— Почему вы раньше Богаевского пошли? Он же должен первым переправиться на правом фланге.

— У него какой-то есаул напился и проспал. Не буду же я рассвета ждать. Вот мои мальчишки пузыри пускают.

— Тонут?

— Тут мелко. По грудь.

— Это нам по грудь.

Марков снова сел на лошадь и поспешил к своим. В станице ни огонька, ночь беззвездная, затаившаяся, неласковая. Подъехал к артиллеристам — они ждали, когда саперы технической роты восстановят мост. На лафетах сидели часовые. Генерал узнал Брянцева. Тот подошел, отдал честь и вновь заговорил о своем желании пойти в разведку в Екатеринодар.

— Подождите, прапорщик. Сейчас у нас главная разведка — найти наших, отступивших из города. Командующий разослал конные патрули, но пока никого не обнаружили. Конечно, в город тоже надо послать разведку. Может быть, и вас. У меня есть один мальчишка-юнкер — он уже занимался разведкой. Возможно, вдвоем пойдете. А еще одного человека я жду оттуда.

Когда генерал снова выехал на берег, юнкера закончили переправу, и речку по телегам, поставленным рядом, переходил Партизанский полк Богаевского. На западном берегу вдруг зашевелились темные фигуры, силуэты растягивались цепью — начался рассвет. И сейчас же раздались выстрелы — красные атаквали переправившихся. Юнкера, замерзшие на переправе, дружно бросились в атаку, и вскоре огонь красных затих. Мост еще не наладили, и Маркову пришлось переправлять своих на лодках и плотах. Западный берег встречал злобными контратаками красных, оборонявшихся на хуторах Филипповских, Марухинских и прочих, где в основном жили иногородние, поддерживавшие большевиков. Пришлось разворачиваться в цепи рядом с Юнкерским батальоном. День начинался мелким дождем, встречный ветер гнал злые капли в лицо. Марков надвинул папаху почти на глаза и шел с цепью 4-й роты. Вновь двигались размеренным шагом, без выстрела, с винтовками наперевес, а перед самым хутором побежали вперед с боевым «Ура!». Красные отступили. Рота ворвалась в хутор. Посреди, на дороге стояли два орудия

и грузовик со снарядами. Все дома пусты — ни одного человека. С другой стороны в хутор ворвались юнкера. Марков рассматривал орудия — обыкновенные, выдавшие виды трехдюймовки.

— Вот и трофеи, — подойдя к Маркову, сказал Боровский, окруженный юнкерами.

— Трофеи хорошие, — согласился Марков, — но взять их нельзя. Для орудий нет лошадей, для машины — бензина. Степаныч, — позвал он Тимановского, — прикажи сломать грузовик и затворы у орудий разбить или заклинить.

Подошел лейтенант моряк Дударев и начал уговаривать оставить машину — мол, найдем бензин или керосин, а пока можно на волах ее тащить. Марков махнул нагайкой и пошел с Боровским и юнкерами на окраину хутора, выбирать позицию. Если красные не будут контратаковать, можно некоторое время подождать, отдохнуть, а потом — снова вперед.

— Что-то я Колю Курашова не вижу, — сказал Марков.

— Где Курашов? — спросил Боровский у своих юнкеров.

— Он же утонул! — ответили ему.

— Так это он утонул? Вот незадача.

— Он, — объясняли юнкера. — Он же маленького роста был. А перед этим еще на том берегу он в цепи лежал рядом с Архангельским, которого убило выстрелом. Но он не сразу умер, а еще говорил: «Моя мама, моя мама...» Курашов тогда заплакал, и с этого момента с ним что-то произошло. Ни с кем не разговаривал, в речку полез, не подумав, прямо в самое сильное течение, и его понесло...

Иногда генерал Марков, нынешний командир Офицерского полка, рассматривал ход боевых действий с точки зрения прежнего Маркова, профессора. Это было интересно. В отличие от Великой Европейской войны война Гражданская чем-то была похожа на кампании Суворова, Наполеона или генералов американских штатов, где тоже была своя Гражданская война: нет сплошного фронта, много походов, обходов, окружений. Профессор Марков одобрял

действия генерала Корнилова. Верное решение — поворот на юг для встречи с войсками Покровского. Стремление к решительному сражению с противником свойственно Корнилову, как любому истинному полководцу. Предпочтение наступательным действиям перед обороной, сосредоточение главных сил на решающем направлении, захват инициативы, поддержание боевого духа — все это Корнилов знал и старался выполнять. Профессор Марков одобрял действия командующего и убежденно говорил: «Пойдем, куда прикажет генерал Корнилов». Однако, когда умирали от страшной раны в живот пулеметчица из женского батальона, тонул маленький юнкер, а другой, умирая от пули, звал маму, на смену профессору Маркову приходил генерал Марков, который всегда был там, где решается судьба сражения, и в любой момент мог быть убит или ранен так же тяжело, как та пулеметчица, и лишь это могло оправдать его право посылать в бой и юнкера, и пулеметчицу, и не терзаться, узнавая о смерти друзей и подчиненных.

Вновь он вел роты на красные хутора с грубоватыми шутками для тех, кто устал духом и телом, с плеткой для тех, кто не совладал с нервами и поддался страху.

Пересекли ложбину, залитую водой, поднялись на гребень и метрах в пятистах впереди увидели свежевырытые окопы и людей. Мгновенно черная земля расцвела вспышками, гулко заговорили винтовки и пулеметы. Марков почувствовал, что, поднимись сейчас красные в контратаку, полк побежит. В такой решающий момент боя командир обязан действовать в считанные секунды, и он крикнул:

— Вперед! Ура! За Россию!

Офицеры подхватили его порыв, и огонь красных прекратился так же внезапно, как и начался. Они бежали к лесу, темнеющему невдалеке. Офицеры прыгали в окопы, находили трофеи, нехитрые, но необходимые: ведра с водой, банки с медом, круглые буханки.

Подошел Тимановский, пыхая неизменной трубкой.

— Этот лес называется Княжеский, — сказал он. — Вой выиграли вы, Сергей Леонидович.

— Мы, — поправил его Марков. — Впрочем, противник слабый — это не войска, а неорганизованные большевики — иногородние с хуторов.

— Теперь наши отдохнут немного, подкрепятся.

— Именно немного. Господа офицеры, не задерживайтесь! Слышите справа огонь? Надо идти выручать. Степаныч, я возьму 4-ю роту, а ты здесь держись. В лес углубляться не надо.

Пошли по мокрому полю. Ноги утопали в мягкой скользкой земле. Командовал ротой Дударев.

— Ну что, моряк, где твой грузовик?

— Тащил на волах, но бросил — все равно керосин негде взять.

— Меня сразу надо слушать.

В мелколесье, еще не зазеленевшем, прятался хуторок. Мокрые плетни, мокрые хаты, ни одного человека. От их армии прячутся в лесах. Слышнее загромыхали выстрелы. Цепь Партизанского полка лежала на окраине хутора. Посреди цепи кто-то стоял во весь рост и смотрел в бинокль. Марков, Дударев, еще несколько офицеров подошли к нему. Вокруг посвистывали пули.

— Где красные? — спросил Марков наблюдающего в бинокль.

— Под вашим носом, — ответил тот. — До них и сотни шагов нет. Вон они накапливаются за валом и сейчас пойдут в атаку.

Человек опустил бинокль и обернулся. Марков узнал Корнилова. Пули засвистели гуще — красные заметили группу. Некоторые офицеры залегли. Биркин оказался рядом с Корниловым и потянул генерала за полу шинели, чтобы и тот опустился на землю, но командующий резко отмахнулся и снова взялся за бинокль. Ногой оттолкнул руку Биркина.

— Небось не убьют! — сказал он так, чтобы все слышали. — Еще пора не пришла. Смотри!

Впереди показалась цепь красных. Офицеры открыли огонь из винтовок и пулеметов, и атака противника закончилась, не начавшись. Они исчезли в лесу.

Офицеры окружили Корнилова, слушая его краткие высказывания о ходе боевых действий.

— Наш маневр удался, — говорил генерал. — Теперь главная задача: соединиться с кубанцами.

— Наша разведка еще их не нашла? — спросил Марков.

— Пока нет. Пойдем в аулы Шенжий, Готлукай. Наши кубанцы должны быть там.

— А на Екатеринодар, ваше превосходительство? — спросил высокий красивый капитан-корниловец.

Разбойничий свист шальной пули — и капитан, схватившись за перевязь-патронташ в том месте, где сердце, упал навзничь. Разговор прервался. Все стояли, виновато глядя в землю, вздыхали, снимали фуражки.

— Ну и судьба, — сказал Корнилов, безнадежно махнув рукой.

Мушкаев не намеревался работать с красным Линьковым, — да и такой ли уж он красный? — не хотел возвращаться и к самому храброму генералу — да такой ли уж он храбрый? Вместе прятались под мостом. Не нужны Мушкаеву ни красные, ни белые. Плохо, что он почему-то нужен то тем, то другим. А у самого Василия Павловича свои собственные планы.

К вечеру на город обрушился холодный дождь и поднялся сильный ветер, злобно раскачивающий ледяные струи, хлещущий по лицу. Несмотря на это, в общежитие Мушкаев не пошел, а решил спрятаться от непогоды на Черноморском вокзале. Здесь, в толпе, галдящей и суетящейся в полумраке под редкими лампочками, вдруг объявился красногвардейский патруль — трое с винтовками, один, старший — с маузером. Наверное, тоже прятались от дождя, но не забывали и свое ответственное дело — проверяли документы. Не у всех, а как раз у таких, как Мушкаев: полувоенная или военная одежда, боевой возраст, городские лица. Он предъявил ростовский документ с подписью Сиверса.

— А-а!.. Бывший офицерик, — удовлетворенно констатировал старший. — Тебя-то нам и надо.

— Но я же служу в красном отряде еще с осени. Из Ростова был...

— Отставить болтать. Руки назад. Оружие есть? Марш на выход. Там разберутся, какого ты цвета.

Повели его к выходу на площадь.

— Переждем дождь, Внуков, — предложил один из патрульных. — А то промокнем до нитки.

— Переждем. Доставай папиросы.

— Товарищи, я живу в общежитии красной гвардии. Можете проверить.

— Молчи, — перебил его старший, — в Чека разберутся.

Дождь вскоре перестал, и Мушкаева и с ним еще одного задержанного незнакомца в шинели и солдатской шапке повели к центру.

Мушкаев пал духом — знал, что такое Чека. Пытался понять, кто его выдал. Линьков? Или корниловцы? Марков и Плющик предупреждали, что могут сообщить чекистам о нем как о белом разведчике, если попытается переметнуться или исчезнуть, а он еще не дал им весть через посыльного, прятавшегося на конспиративной квартире. Туда же нельзя было идти. Он не виноват. А зачем Линькову выдавать его?

Недалеко от вокзала находилось это страшное здание. Задержанного ввели в комнату на первом этаже. За столом с настольной лампой сидел матрос в бушлате; из-под расстегнутой рубахи — полосатая тельняшка.

— Кого привел, Внуков? — спросил матрос.

— Тот самый Мушкаев. Вот его документы. Оружия не было.

— Товарищ начальник, я же работал в штабе Сиверса...

— Отставить разговорчики. Ты Мушкаев — вот тебя и на мушку. В ту камеру его. И с первой партией. Следующего давай.

В камере без окон, тускло освещенной маленькой лампочкой, болтающейся под потолком, метался молодой человек, небритый, с растрепанными русыми волосами, в офицерской шинели нараспашку. Когда их заперли, сразу кинулся к Мушкаеву.

— Вы тоже офицер? Нас сейчас расстреляют! За что? Я воевал на Кавказском фронте. Поручик Савелов. В Тифлисе жил у друзей, а теперь собрался домой в Москву. Схватили, привели сюда и убьют ни за что... И вас тоже. Какие-то дикие непонимающие люди. Я же не против народа, не против красных. Ехал домой...

До страшного момента, когда лязгнул замок запираемой двери камеры, Мушкаев напряженно думал о способах спасения, о причинах ареста — кто предал? — теперь же, в туманном красноватом полумраке рядом с приготовившемся к смерти поручиком, в его сознании все оборвалось и смешалось. Вдруг захотелось спать, но он понимал, что не сможет заснуть ни на минуту. Слова, которые он должен сказать кому-то, чтобы сохранить жизнь, путались. Кому он скажет?

— Меня еще не допрашивали, — сообщил он поручику. — А вас кто допрашивал?

— Они не допрашивают! — вскричал тот. — Они везут куда-то на кладбище, заставляют рыть себе могилу и расстреливают. А у меня голова болит. Как снять боль? Не знаете? Они в полночь приходят...

Поручик обхватил руками голову, впился пальцами в лохматые волосы и тихо завыл. Наверное, и Мушкаеву оставалось только оплакивать себя. Когда за дверью затопали, зазвенели ключами, он едва не упал — в глазах потемнело, ослабли ноги, острой болью пронзило сердце. Один раз его уже расстреливали, второй раз не спасешься.

Молча и покорно вышли они с поручиком из камеры, дали связать себе руки, шли по коридору, присоединились у входа к группе таких же обреченных: бледно-зеленые лица, застывшие глаза, бессильно падающие на грудь головы. Командовал здесь тот же матрос, который обещал взять его на мушку.

— А ну, контрики, в грузовик! Шевелитесь, пока живы. Кто не может, штыком поможем.

Мушкаева штыком не кололи, но крепко дали по спине, и он чуть ли не бегом поспешил занять место в кузове машины смерти.

Слишком тяжел был этот путь к легенде — все злее и опытнее становились красные, все больше отпевали и хоронили по вечерам убитых офицеров, недопустимо разрастался обоз с ранеными, который с горьким юмором уже называли «главными силами». В боях за хутора 22 марта полк Маркова потерял почти 50 человек. Офицеры настолько устали, что, разойдясь по брошенным в спешке хатам, не могли воспользоваться доставшимися вкусными трофеями: медом, салом, бараниной, сметаной и прочими дарами природы. Марков, обходя своих, видел только спящих. Один офицер спал, сидя за столом, с куском хлеба в руке, а перед ним лежало очищенное вареное яйцо. Приходилось разыскивать и будить командиров взводов и предупреждать:

— Всем спать нельзя. Мы сидим в яме. Красные не оставят нас в покое и обязательно будут атаковать. Нам нельзя здесь задерживаться. Я требую постоянной боевой готовности.

Холодный поздний вечер, если не обращать внимания на дождь и порывы ветра, был относительно спокоен. Генерал прошел к центру станицы, где всегда размещались штаб и главные руководители армии, зашел к Алексееву, к Деникину. На этот раз никого из соратников навестить не удалось: кто спал, а кто был на совещании у командующего.

Генерал шел по пустынной улочке сквозь сырую безлунную ночь, тщательно обходя мертвенно-тусклые лужи. За поворотом показались темные силуэты в фуражках — не все офицеры спят. Остановились, направились в другую сторону. Не захотели встречаться с генералом, по белой папахе узнаваемым даже в глубокой тьме. Да и ему не хотелось, чтобы догадывались, куда он идет.

Эти двое: поручик Дымников и прапорщик Ларионов: зоркий артиллерист, узнавший Маркова.

— Кругом марш, Леонтий Сергеевич, — тихо скомандовал Ларионов. — По моим расчетам, генерал шагает туда же, куда и мы. И ориентир у него тот же, что у нас.

— Тогда пойдем к сестрам. Варюха всегда хорошо встретит. Или он и к сестрам ходит?

— Вряд ли. У него еще с Корневской с пулеметчицей

роман. Заходит, конечно, к своим раненым, ну и с сестрами балагурит. Там есть такая Анька, так она вообще втюрилась в него. А на нее нацелился сам Долинский. Адъютант Корнилова. Завязка романа.

— Бог им в помощь. Хорошо, что есть что-то человеческое у нашего генерала. А то, знаешь, я никак не мог понять, неужели весь смысл его жизни в том, чтобы гнать нас плеткой вперед, куда-то там за синей птицей. Даже стало как-то легче: все-таки живой нормальный человек тебя в бой ведет, а не фанатик.

— Мы все сами идем, — с горечью сказал Ларионов.

— Потому что нам нет другой дороги, — согласился поручик. — А вот и наши главные силы — лазарет, сестры в том домике, и свет горит.

Мушкаев едва выбрался из тяжелого страшного сна. Оставалось жить совсем немного — наверное, минут двадцать, — и мозг затянуло предсмертной вяжущей тоской, когда чей-то голос остановил движение к смерти. Его и Савелова ссадили с рокового грузовика, развязали, приказали стоять у дверей во дворе. Мушкаев долго приходил в себя, постепенно просыпался, оглядывал предметы, прислушивался к звукам и, когда подошел матрос, никак не мог понять его слова.

— В распоряжение штаба, — говорил матрос. — Поняли? Или никак не очухаетесь?

— А я и не виноват, — вскинулся Савелов.

— Все вы, офицеры, виноваты! Из-за вас гражданская война началась. Не знаю, что там в штабе, но не на чай вас приглашают. Не радуйтесь чересчур.

«Чая» не было — за столом сидел усатый казак с бегущим взглядом и болезненно бледным лицом.

— Сидите, — сказал он. — Потому как ишо одного, значит, тоже из офицеров который, ждем, значит...

Открылась дверь, и вошел не кто иной, как Линьков. Спокойно вошел. Как свой. Мушкаев еще не понял, надо ему бояться или радоваться, а тот уже снял очки и приветливо поздоровался со всеми и, в первую очередь, с ним, с Мушкаевым.

— Нехорошо с вами получилось, — сказал Линьков. — Не надо было из общежития уходить.

— Да, но меня... Впрочем, это не важно.

Мушкаев решил, что с этим человеком, притворяющимся другом, надо быть весьма осторожным.

Бледный казак позвонил по телефону, сказал в трубку:

— Мишаков? Докладай. Я их собрал. Чего? А Иван Лукич? Оно понятно. Я и сам сильно страдаю.

Положил трубку, оглядел собравшихся, сказал угрюмо многозначительно:

— Значит, сам главнокомандующий Автономов с вами будет, значит, заниматься.

Невысокий светловолосый главнокомандующий с очень строгим лицом вошел в сопровождении адъютанта, внимательно оглядел присутствующих, занял главное место за столом. Говорил негромко, как будто даже неуверенно:

— Русские люди, а воюем друг против друга. Зачем? За что? Вот вы, русские офицеры, а идете по Кубанской земле, расстреливаете людей, грабите хлеборобов, все разоряете. Да и наши тоже. А тут такое дело: немцы наступают. Уже на Дону. Завтра, глядишь, и к нам припрут. Это как?

— Очень правильно рассуждаете, Алексей Иванович, — подхватил на правах своего Линьков. — Надо прекратить гражданскую войну и объединить все патриотические русские силы. Офицеры наших расстреливают, мы офицеров расстреливаем, а немцам это в радость. Вот этих едва не отправили в штаб Духонина. Мушкаева я знаю — он у Сиверса в штабе служил.

— Вот, вот. Объединиться, — продолжал Автономов, довольный поддержкой. — Мы подумали и решили послать вас к кадетам, ну, к Корнилову, своих делегатов. Так, знаете, чтобы это было секретно. Вы же шли с Корниловым...

— Я — нет! — нервно перебил Савелов. — Я не связан с Добровольческой армией. Я ехал домой.

— Но вы же офицер. Куда бы вы ни приехали, вас обязательно кадеты мобилизуют. Так что и у Корнилова вас примут.

— Делегацию лучше направить не прямо к Корнилову, — подал совет Линьков, — а к Деникину или Маркову. Сам Корнилов не станет вести переговоры. Он... Скажем так: слишком сильно настроен против красных.

— Согласен, — сказал Автономов. — По обстановке — к Деникину или к Маркову. Очень секретно. Идете втроем. Линьков — старший. Всякими документами вас обеспечим.

Вошел еще один — тот самый матрос, который только что на смерть посылал.

— Чего тебе, Руденко? — спросил Автономов.

— Узнать, куда ты нашего Линькова забираешь? У нас в кубрике и так пусто. Нету людей.

— Иван Лукич на него указал. Товарищ Линьков как бывший офицер и опять же наш человек все сделает по плану. Иван Лукич на него надеется.

— Против твоего боевого помощника не попрешь, — согласился Руденко. — Так что, Миша, выполняй задание. Не знаю какое, но...

— Секретное, товарищ Руденко.

— И от меня?

— Тебе после разьясню.

Линьков понял, почему Сорокин посылал его прочь из Екатеринодара. Вскипела злоба: пристрелить пьяную сволочь. Найти способ и отдать его Маркову. Сам он, Линьков, теперь знает, как надо вести себя с этими начальниками — и красными, и белыми. Главное — служить не тем и не другим, а себе.

Марков не мог знать, что ведет полк и армию в легенду, — он видел умную грозную собаку, защищающуюся от стаи тупых трусливых псов. Правда, вожаки у них не глупы: главнокомандующий Юго-Восточной революционной армией Автономов, бывший сотник 28-го казачьего полка, и его помощник Сорокин, бывший фельдшер. И псов у них много — набрасывались со всех сторон, то и дело норовили укусить и отпрянуть назад, и не было собаке передышки, приходилось защищаться, биться с нападающими не на жизнь, а на смерть, и самой бросаться на псов, заставляя их убегать и зализывать раны.

23 марта форсировали речку Белую. Под пасмурным небом тянулись от хуторов полки по дамбе к мосту, захваченному Корниловским полком еще до рассвета. Утро начиналось угрожающе сильным огнем с востока, с тыла — Маркову доложили, что там командует красными сам Автономов. Генерал приказал построить роты для похода и, постукивая нагайкой по сапогу, обсуждал с командирами порядок следования, когда подъехал адъютант Корнилова подпоручик Долинский с приказом:

— Ваше превосходительство! Лавр Георгиевич распорядился ваш полк расположить в арьергарде для прикрытия отхода главных сил.

— Там же развернулись юнкера Боровского, — удивленно сказал Марков. — Я, конечно, выполню приказ Лавра Георгиевича, но все время в арьергарде, твою мать!.. Если Боровский не в состоянии... Так его...

— На юнкеров наступают превосходящие силы.

— Понимаю. Доложите командующему, что я буду стоять насмерть, пока вся армия не форсирует реку. Господа ротные командиры, дайте дорогу главным силам, то есть обозу, и быстрым походным маршем на помощь юнкерам.

По дороге к дамбе протарахтели, проскрипели телеги, тачанки, брички обоза и походного лазарета. Рысью проехали тачанки с пулеметчицами. Женщины что-то приветственно кричали.

— Вот они, наши главные силы, — сказал Кутепов, как всегда удивлявший своим парадным видом; когда только успевает побриться и почиститься?

— Более 500 раненых, — неприятно сморщившись, напомнил Марков. — Глядишь, завтра и мы на тех телегах будем лежать и загадывать: отобьются наши или придется пулю в лоб пускать.

Юнкера бежали следом за обозом, и Марков поскакал навстречу бегущим, размахивая нагайкой. Отступавшие останавливались, ложились, некоторые поворачивали обратно, навстречу густому огню винтовок и пулеметов. Опять надо атаковать, вести офицеров вперед под пули, добиваться, чтобы побежали беспорядочной испуганной тол-

пой ненавистные серые фигурки. Марков собрал командиров рот в сухом рву, пересекавшем прошлогоднюю пашню. Огонь красных почти прекратился — меняют позицию, — и в серой гуще неба услышалось звонкое верещание жаворонка.

— Будем атаковать, Сергей Леонидович? — спросил Кутепов, недовольно взглянув вверх, подхватывая падающую с затылка фуражку. — Того и гляди дождь пойдет.

Марков был готов атаковать. Он знал, что настоящий бой — это наступление, это — ни с чем не сравнимое чувство победы, это — убегающие, сдающиеся, мечущиеся в страхе, умирающие враги.

На этот раз атаковать не удалось — вновь прискакал Долинский. Спешившись на окраине станицы, он, пригибаясь, прячась в канавах, подбежал к месту, где Марков совещался с командирами рот, взволнованно сообщил, что Корнилов приказал вести полк на тот берег и там поддерживать наступление корниловцев, остановленных превосходящими силами Сорокина.

— Здесь будут держать оборону юнкера, — сказал Долинский.

— Они уже держали, — усмехнулся Марков.

В ров ввалился генерал Боровский. От него несло свежесжатым спиртом.

— Держали и будем держать, — сказал он, услышав слова Маркова.

— Обоз, раненые — все это на ваши плечи, Александр Александрович, — напомнил Марков.

— Мои плечи крепкие. И юнкера — молодцы. Будут стоять.

— Стоять придется долго, — напомнил Марков. — Пока мы те высоты за рекой не возьмем. — Он кивнул в ту сторону, где гремело и дымилось. — Что ж, господа, давайте поротно, скрытно отходить к станице. А вы, Александр Александрович, прикрывайте нас огнем. А как Лавр Георгиевич?

— Как всегда, стоит на стогу под пулями, — с искренней горечью посетовал Долинский. — Ничего не можем с ним поделать.

В станице Марков построил полк и повел роты по дамбе к переправе. Вой гремел впереди и в тылу — красные вновь нажимали на юнкеров. Когда третья рота подошла к реке, по весеннему вспухшей, сердито шумевшей под мостом, поручик Дымников оказался рядом со своим командиром взвода Никольниковым. Захотелось высказаться:

— Вы заметили, господин капитан, что генерал Корнилов несколько раз пытался выиграть бой без нашего полка и каждый раз был вынужден вызывать вперед генерала Маркова?

— Правильно мыслите, поручик. Но не все это понимают.

У переправы дежурила техническая рота, готовая взорвать мост после прохода армии. Обоз прятался на том берегу в узкой полосе между высотами, где кипел бой, и рекой. Офицеры проходили мимо телег с ранеными с разными чувствами: одни ободряли, другие отворачивались от бледных истощенных лиц, измученных болью и страхом. Марков остановил лошадь возле печальных телег, сказал громко:

— Отбросим и пройдем, господа. Не тревожьтесь, выздоравливайте.

Хлестнул лошадь, пустил ее мелкой рысью, но почувствовал чей-то горячий взгляд и остановился. На телеге рядом с другими ранеными, лежавшими под одеялами, сидел знакомый прапорщик Гуль.

— Выздоровливайте, прапорщик. Цыганские песни опять будем петь.

— Боюсь, не доживу.

Гуль показал вперед, назад, налево — везде гремело.

— Отбросим, — уверенно успокоил генерал.

— Куда вы их отбросите? Их же миллионы.

Рядом, на одной из санитарных телег раздался истерический крик:

— Женья! Женья! Застрели меня, если наши не выдержат! Женья, я прошу тебя, я знаю наше положение, а я ничем ведь пошевелить не могу.

— Кто это? — спросил Марков.

— Хорунжий Михайлов. Ранен в шею и ноги, руки

парализованы. У меня, Сергей Леонидович, два чувства: дневное и ночное. Днем я знаю, что надо сражаться и подавлять всеобщий развал и бунт, чтобы ввести в стране законный порядок, Учредительное собрание. Вот смотрю на вас, и у меня это дневное чувство укрепляется. А ночью я вижу, что Россия летит в пропасть, и дна у этой пропасти нет и никогда не будет, страна гибнет навсегда, навеки.

— Ночью о другом надо думать, — сказал Марков и поспешил вперед, где гремело все грознее и даже доносилось растянутое красное «Ура!».

Вскоре, когда полк Маркова прошел обозы, звуки боя впереди начали постепенно затихать — наверное, марковцы сделали свое дело. Раненые успокаивались, но вдруг пулеметы застучали совсем близко с другой стороны, на восточном берегу реки, где оставался Юнкерский полк. Над головами взвыл снаряд, ахнул взрыв в середине обоза с ранеными, в туче земли взлетела оглобля, отчаянно с визгом заржали лошади. Затем второй разрыв, третий... По обозу понеслось: «Алексеева убило... Прямое попадание... Нет, он жив — убило его кучера... Наши отступают... Конец нам, господа... Женья! Застрели меня!»

Проехал начальник обоза генерал Эльснер. Он умел держаться спокойно в любых передрягах, но бледность и голос выдавали волнение.

— Господа, — обратился он к обозным и к раненым, — кто может сражаться, берите оружие — и к мосту. Винтовки и патроны там. Господа, кто может стрелять, берите винтовки. Юнкера не выдерживают натиска красных. Вы, прапорщик, можете сражаться?

— Только сидя, ваше превосходительство. Нога.

— Отобьемся, прапорщик. Не волнуйтесь, не паникуйте. Господа, кто может...

В обозе, кроме раненых, — представители бывшего столичного высшего света: политики, писатели, журналисты, даже блестящие дамы. Братья Суворины ехали в разных повозках, в разных концах растянувшейся на версту вереницы телег и экипажей — братьев разлучили идейные разногласия.

Юнкера, Техническая рота залегли на восточном берегу реки Белой, защищая мост, через который, не жалея ни колес, ни трясущихся на досках раненых, мчались повозки. Сюда же направили обозников — «обозный легион смерти», как сосрился писатель Родионов³⁴. Борис Суворин³⁵ не только послушно, но и охотно взял винтовку и, преодолевая естественный страх, твердо зашагал к речке. Его окликнули из кареты женские голоса — барышни Энгельгардт, не по-женски смелые, героически переносившие неудобства и грязь похода, всегда причесанные и чисто одетые, обещали молиться за него и пожелали успеха. «Мы не уедем далеко, — пообещали они. — Если с вами что-нибудь случится, мы поможем».

Гражданское пополнение миновало мост и немедленно залегло в грязь и даже в воду, прячась в желтые прошлогодние камыши. Над ними свистели пули и падали в грязь. Здесь же — цепь юнкеров. Сзади река — отступить некуда. Хорошо, что красные не атаквали, а только беспорядочно били из винтовок. Суворин так и не разглядел ни одного врага и стрелял, прицеливаясь в подозрительные пятна в камышах.

На западном берегу было не лучше. Когда Марков и Родичев, опередив полк, подъехали к штабу командующего, Корниловский полк отступал. Офицеры бегом скатывались с высоты в лощину, где стояла двухорудийная батарея Миончинского, точно бьющая шрапнелью по цепям красных, обозначившимся темными фигурками на гребне, на дымно-сером полотне пасмурного неба. Над ними регулярно, через равные секундные интервалы вспыхивали темно-желтые облачка шрапнелей, и фигурки копошились, подпрыгивали, падали. Орудия стояли впереди в лощине, и Марков издали узнал прапорщика Ларионова, склонившегося над панорамой и регулярно выпускающего из-под руки молнии выстрелов. Корнилов только что направил в контратаку всех, даже свой конвой, даже последних текинцев, устремившихся вперед с гортанными выкриками, спотыкаясь в непривычном пешем строю, сверкая желто-малиновыми халатами.

Командующий сидел на большой скирде, за которой прятались адъютанты и коневоды с лошадьми.

— Сергей Леонидович, выручайте, — сказал Корнилов. — Противник ввел новые силы. Особенно на левом фланге. Пока выручают артиллеристы.

Марков отметил, что командующий еще больше похудел, если можно еще больше похудеть.

— Разворачиваю полк и атакую, Лавр Георгиевич.

— Начинайте, Сергей Леонидович, — сказал Корнилов спокойно, без волнения, неторопливо, словно за обеденным столом.

И Марков начал:

— Гаврилыч, скажи к Кутепову и Лаврентьеву. Пусть немедленно атакуют на левом фланге. 4-я рота — охранять обоз. 1-я — в резерве.

Вот он враг. Грязные шинели, рваные папахи, черные матросские бушлаты и, главное, ненависть. Кутепов шел впереди роты, но офицеры опередили его, бросившись бегом вверх по пологому склону. Отступавшие корниловцы останавливались и присоединялись к ним. «Ура! За Россию!»

Красные исчезли за гребнем высоты, даже не отстреливаясь.

К облюбованной Корниловым скирде возвращались штабные, конвой, текинцы.

— И моя 1-я рота не понадобилась, — сказал Марков, — красных отбили без потерь.

— Подождите, Сергей Леонидович. Еще не все. Слышите, на той стороне опять юнкеров атакуют.

— И не только на той стороне, Лавр Георгиевич, — тревожно обратился к генералу Долинский, — что-то там за обозами происходит, на нашем берегу.

Корнилов взялся за бинокль, направил взгляд к югу и сейчас же повернулся к Маркову.

— Атакуют с юга. Сергей Леонидович, распорядитесь.

Вот и пришла очередь первой роты:

— Подполковник Плохинский³⁶, роту бегом на южный фланг, за обозы. Отбросить атакующих красных.

Сам Марков решил остаться со штабом командующего — чувствовал, что судьба сражения решается здесь.

Да и почти весь его полк вышел на гребень высоты и занимал позицию на обратном склоне. Прямо перед ним — 3-я рота. В бинокль хорошо был виден Кутепов, стоящий на самом высоком месте в профиль к Маркову — борода вздернута, фуражка на затылке. Вот он задергался, засуетился, поднял руку. Из-за гребня показались черные шинели. Марковцы отступали. Не бежали, но отступали. И уже бежал к нему Долинский:

— Ваше превосходительство, командующий приказал бросить в бой резерв и не допускать прорыва красных.

— Лошадь мне! — крикнул Марков и вполголоса проворчал: — Где он, тот резерв, твою мать.

Коновод подал лошадь, и Марков поскакал следом за 1-й ротой, мимо обоза, мимо телег с несчастными ранеными. Слева за рекой звуки приближались, и шальные пули уже долетали сюда.

Окружены и разбиты? Нет. У генерала Маркова в сердце всегда победа, он догнал роту, закричал:

— Стой! В колонну стройся! За мной бегом марш. Выручать корниловцев.

Подскочил подполковник Плохинский с лицом, забрызганным грязью и кровью.

— Мы их погнали! — возмущенно вскричал Плохинский. — Дайте нам их добить.

— Отставить! У Кутепова плохо. Опять превосходящие силы атакуют командный пункт Корнилова. А здесь у вас как-то очень легко получилось, подполковник. Красные вроде бы и не атаковали, а демонстрировали.

— Не так-то и легко было, Сергей Леонидович.

— Но потерь-то нет. Постарайтесь быстрее. Бегом.

1-я рота почти всю дорогу бежала. Не останавливая ее, Марков приказал развернуться в цепь и атаковать высоту с фланга. Увидев подкрепление, кутеповцы тоже бросились в атаку. И вновь Марков видел то, ради чего он всегда вел в бой свой полк: бегущие в панике, падающие, добиваемые штыками, бросающие винтовки и поднимающие руки, но... Приказ Корнилова: пленных не брать.

Марков намеревался приказать ротам занять позиции на обратном склоне, когда вновь к нему подъехал Долинский:

— Командующий приказал вновь направить вашу 1-ю роту к обозам, на южную окраину.

И опять бегом, бегом назад — добивать тех красных.

Марков ехал сзади. Плохо, что армия держится на офицерах только одного его полка, но хорошо, что на офицерах именно его полка. Как же они сами переживают эти непрерывные контратаки? Он догнал строй, услышал странный шум, похожий на хохот.

— Подполковник Плохинский, что у вас за шум в строю?

— Офицеры смеются, Сергей Леонидович.

— Смеются?

— Им смешно, что везде, куда бы их сегодня ни послали, красные от них бегут, а в роте вообще нет потерь.

— Хорошо умеете сражаться, господа офицеры! — крикнул генерал. — Вперед! За Россию!

Южную окраину станицы красные оставили. Неожиданно на дороге появились трое неизвестных офицеров, одетых по-разному, но не в черных марковских шинелях. Один из них размахивал белым платком. Подъехал Родичев.

— Это же Линьков, — сказал он, узнав человека с платком. — А с ним Мушкаев.

— Отвести их в тот дом у моста, — приказал Марков. — Поставить охрану. Для этого и нужна была красным демонстрация. Понял, Гаврилыч? Чтобы этих перебросить.

Обыскали, отняли оружие и документы, ввели в хату, усадили в углу под охраной офицеров. Вошли Марков, Ти-мановский и Родичев, сели за стол.

— И третьего я знаю, — сказал Марков. — Как вас?

— Поручик Савелов.

— Вспомнил, Савелов. А вы помните, как я вам за папиросами бегал в поезде?

— Так это вы были, ваше превосходительство? Простите великодушно.

— Пустяки. Я же был денщиком.

— А теперь я ехал домой, а меня красные схватили только за то, что я офицер. Уже везли расстреливать. За что?..

— Отставить! Приятные воспоминания потом. Докладывайте, Линьков.

Михаил Георгиевич подготовился и говорил складно и убедительно о том, как он сумел войти в доверие к красным начальникам, искал способа связи с родной Добрармией, и вот подвернулся случай.

— Руководители отрядов красной гвардии и казачьих частей, — говорил Линьков, — кстати некоторые уже называют это сборище Красной армией, так вот эти руководители, как все русские люди, резко отрицательно отнеслись к позорному миру с Германией, подписанному большевистским правительством. Немцы уже на Дону, и их пугает, что завтра германская армия вступит на кубанскую землю. Какой смысл...

Снаряд с воем и жужжанием пролетел над крышей. Разрыв взметнулся совсем рядом. Задребезжали стекла, заходил пол.

— Какой смысл в этом? — продолжал Линьков. — Русские воюют с русскими, а немцы захватывают Россию. Необходимо объединить силы красных и Добровольческой армии и вместе выступить против немцев.

— Кто вас уполномочил? — спросил Тимановский.

— Главнокомандующий Юго-Восточной революционной армией Автономов. Мандат у меня отобрали. Он там, в бумагах.

— Мандат я прочитал, — сказал Марков.

— Это Автономов сейчас прислал снаряд из-за реки? — спросил Родичев.

— Да, — подтвердил Мушкаев. — Он наступает с той стороны.

— Предлагает договариваться, а сам бьет, — сказал Марков, критически взглядываясь в красных делегатов. — А Сорокин?

Второй и следующие прогремели дальше.

— Сорокин на этом берегу, — ответил Мушкаев.

— Я спрашиваю, какую позицию занимает Сорокин по поводу предлагаемых переговоров?

— С нами говорил Автономов, — сказал Линьков, — но по всему было видно, что Сорокин с ним согласен.

Разрывы вновь приблизились. Задрожали стекла.

— Мое дело — бить красных, — сказал Марков. — Вопрос о переговорах будет решать наш командующий, вряд ли он согласится. Может быть, Антон Иванович Леникин выскажется за переговоры, но не уверен. Сейчас мне некогда с вами беседовать — идет бой. Степаныч, иди, проверь обстановку. Какой-то шум. Неужели мост взорвали? Опять юнкерам тонуть? Если что, вызывай меня. Я здесь быстро закончу. Почему вы, господа, пришли к нам, а не связались с Покровским? Его отряд ближе к городу.

— Корнилов и Покровский — несравнимые величины, — объяснил Линьков. — Покровский — случайный человек. Военный летчик. Капитан.

— Что же это все-таки за шум? — опять удивился Марков и поднялся из-за стола.

Артиллерийский обстрел прекратился, и ясно услышались дружные радостные крики «Ура!».

Офицер охраны ввел в комнату артиллерийского прапорщика Брянцева. Тот, радостно улыбаясь, воскликнул:

— Ваше превосходительство! Господа! Победа! Наши патрули встретились с войсками Покровского! Красные прекратили бой и отошли! Нашу батарею послали на помощь юнкерам. Они отступали. Техники взорвали мост и вдруг... А это кто с вами? — неожиданно спросил прапорщик, и вместо улыбки на его лице возникла злобная гримаса.

— Делегация из Екатеринодара, — объяснил Родичев.

— Вот он, красный палач! — закричал Брянцев. — Наконец я его узнал!

Шум и радостное известие отвлекли офицеров, охранявшие делегатов отошли от стола, и это позволило Линькову рвануться к дверям и выскочить на улицу.

— Хватайте его! — кричал Брянцев, кидаясь за беглецом.

— Стойте, прапорщик! — приказал Марков. — Без вас догонят. Объясните.

— Он и тогда был в очках. Приехал ночью за мной — везти на расстрел! Я его сам прикончу. В Ростове каждую

ночь расстреливал невинных. Обязательно надо его поймать.

— Поймаем, — уверенно сказал Марков. — Не сегодня, так в другой раз. А вы, Мушкаев, что скажете?

— Меня в Екатеринодаре арестовали после того, как я встретился с ним. И сразу на расстрел. Если он красный, то он и выдал.

— Да. Революционер, твою мать. Лгал мне, что против большевиков, за Учредительное собрание. Не уйти ему от расплаты. Для того мы сражаемся и умираем, господа красные депутаты.

— Мы не красные! — вскричал Савелов. — Нас везли на расстрел!..

— Гаврилыч, отправь их к Плющiku. Пусть разбирается. Главное понятно: не могут объединиться палачи с жертвами. Слишком много крови между ними. Так, Гаврилыч?

— Так, Сергей Леонидыч. Давно эта межа прорыта. Еще с Пугачева, а то и раньше. Мы с ними по разные стороны межи.

Выбежав на улицу, Линьков смешался с толпой офицеров и юнкеров,двигающихся от переправы к центру станицы. Шли мимо телег с ранеными. На одной не было ни возчика, ни раненых — лошадью правила женщина с печальным лицом. За ее спиной — грудa одеял. Линьков почувствовал, что здесь спасение. Снял очки, подошел к женщине. На ней — шинель и белый платок с красным крестом. Шатаясь, заплетающимся языком сказал:

— Сестра, меня контузило... Сейчас у мости... я падаю...

— Давай, ложись, — сказала женщина. — Двоих везла — обоих нынче сняли хоронить. Накрывайся ихними одеялами.

— Как вас зовут?

— Маруся я. Везде одна. Даже здесь одна осталась.

— А я Миша.

— Офицер? Поручик, что ли?

Смертельная опасность делала прозорливым.

— Нет. Это я так прицелил.

— Офицеры меня не любят. Я их тоже. Им молодых девок подавай. Вот генерал Марков — это мужик. Но тоже все к девкам.

— Маруся, мы с вами поладим. Вы мне поможете, у меня здесь, в одном доме кое-что спрятано... Я утром из Екатеринодара привез...

Вместе с победой пришло тепло. Небо очистилось, постепенно засиял малиновый закат, полки и обоз двигались к станице Рязанской. Марков и Тимановский ехали впереди полка.

— Сегодня опять ваша победа, — сказал Тимановский.

— Нет. Это еще не наша. Соединение с Покровским напугало красных. Наша победа впереди. Главное не ошибаться в бою и не бояться смерти.

Стремящийся к славе и успеху не забывает о своей цели и движется к ней рассчитанными твердыми шагами: Тулон — Маренго — Аустерлиц... Творящий легенду и совершающий подвиг не знает цели — он действует, повинувшись тому, что пылает в его душе, не останавливая себя, не слушая мелких доводов разума. Он чувствует себя совершенно свободным от всего, что не связано с его душевными порывами. Он не знает, что свободен от всего, кроме предназначенных ему легенды и подвига.

Армия втягивалась в станицу Рязанскую. Обозные шумели, чуть ли не дрались за избы для раненых. Офицеры, уставшие после суматошного боя, еще не остыли от радости по поводу приближения своих, означавшего приближение Екатеринодара с его ожидаемыми прелестями: помыться, почиститься, выйти на освещенную городскую улицу, а там — женщины... Но после боя и отдохнуть надо. Ночное небо очистилось от дымных облаков, веселый растущий месяц напоминал о сказочных домашних спальнях, чистых постелях, о подругах... Объявили короткий привал. Поручик Дымников отправился к артиллеристам, к Ларионову. Тот полулежал у лафета своей трехдюймовки, мечтательно глядя в звездное небо. Закуралли.

— Чего ж ты вчера растерялся? — спросил Дымников.

— Не нравится мне эта Маруся.

— Чудак. Ты еще молодой, неопытный. Выбирай всегда самую некрасивую. Она из благодарности все тебе отдаст. А Маруся вполне пригожая женщина. К ней Долинский ездит. Не знаю, что там у них, что ездит.

— А сама она в Маркова влюблена.

— Они все в него влюблены. Но и мы с тобой, Виктор, тоже пользуемся некоторым успехом...

Кругом жгли костры, что-то ели, говорили о том, что теперь, соединившись с войсками Покровского, они погонят красных, возьмут Екатеринодар, потом Ростов...

— Эх, господа, скорее бы хоть какой-нибудь конец, — громко сказал кто-то с отчаянием в голосе. — Ноги уже не идут. Если не победа, так скорее бы смерть.

Из темноты появилась группа офицеров. Спросили, где 3-я рота.

— У тех дальних костров, — объяснил Дымников.

— Полковник Кутепов там?

— Там. Со своими офицерами. А вы из штаба? Скоро нас в станицу пустят?

— Узнаете.

Штабной вел к Кутепову Мушкаева и Савелова. Их считали честными офицерами и направили в 3-ю роту Офицерского полка. Кутепов, сидевший у костра, поднялся, обычным своим движением поправил фуражку, резко сказал:

— Во взвод к Никольникову. В бою быть только впереди. Отстанете, спрячетесь, отступите — расстреляю. Все.

— Разрешите отдыхать?

Отдохнуть не удалось никому. Подскакали Марков и Тимановский.

— Александр Павлович, — крикнул Марков. — Соберите, пожалуйста, всех командиров рот сюда. Всему полку подъем, приготовиться к маршу. Прикрываем армию с южного фланга. Идем к черкесским аулам.

— У него уже лошадь еле ходит, — проворчал Дымников. — А сам как ни в чем не бывало. Если б не поход, пошли бы мы с тобой, Виктор, к пулеметчицам.

Еще один ночной переход. Дорога кружит по предгорьям.

М. Месяц высвечивает черные контуры скал на темно-синем бархате неба. Едва заметны тусклые стены аула, белесит вышка минарета.

Еще одна холодная речка. Переходить — по камням, то и дело оступаясь по колено в воду. Река — Шишиш.

В ауле Бабукай Марков объявил: «4 часа на отдых. Подъем в 6. Всем приказываю хорошо выспаться».

Он спешил, еще не зная, куда спешит. Поднял полк на рассвете. Ехал впереди с Тимановским и ординарцами, кроя густой матерщиной прославших артиллеристов. Миончинский догнал их только у въезда в аул Гатукай, когда совсем рассвело. Генерал издали погрозил плеткой.

Полчаса отдохнули в пустом ауле. Родичев, успевший все осмотреть и разузнать, объяснил, что черкесы бежали от большевиков, насилуовавших женщин и в ущелье за аулом убивавших поголовно всех.

— Найдем убийц и в Екатеринодаре будем судить, — сказал Марков. — Народ опомнится и пойдет за нами.

Солнце освещало им путь вперед, мирная тишина сопровождала по горным дорогам через пустые аулы. Без единого выстрела прошла ночь в ауле Понежукай, удивившем двумя минаретами. Целый день отдыхали в тишине, а вечером конные разведчики нашли черкесов, прячущихся в горах, и те сообщили, что красные выступили из станицы Рязанской и идут по следам армии. Корнилов прислал ординарца с приказом выступить с началом ночи и идти в арьергарде. Уже засветло захлопали выстрелы на востоке — красные догнали.

Опять бежали юнкера, и пришлось бросать в контратаку 3-ю роту. Красные остановились, укрылись в ауле и больше не тревожили. Однако за ночь армия прошла верст тридцать, чтобы наверняка оторваться от преследования. Остановились в ауле Шенджий. Когда арьергард подошел к саклям, все они уже были забиты. Марков приказал силой врываться в помещения, а если не будут пускать — силой и действовать. Сам подъезжал к саклям, громко матерился, обещал публично выпороть тех, кто не пускает в дома его офицеров. Взводу Никольникова удалось вломиться в саклю без драки, и каждый нашел место, где можно лечь.

Мушкаев чувствовал недоверие и даже враждебность со стороны офицеров взвода — только поручик Дымников отнесся к нему сочувственно. Его большие голубые глаза смотрели успокаивающе доброжелательно. «Ложитесь рядом», — сказал поручик, притискиваясь спиной к стенке, давая место Мушкаеву. Тот устроился лицом к Дымникову, поблагодарил, хотел еще что-то сказать, но мгновенно заснул, и во сне его опять везли на расстрел, а Дымников говорил что-то дружеское, и его круглые голубые глаза источали тепло доброты. Но смерть давила со всех сторон. Расстреливал Кутепов, расстреливали красногвардейцы на темной улице Екатеринодара, расстреливал Линьков. Мушкаев пытался куда-то спрятаться, повернуться, но его сжимали тела спящих рядом. Он стонал, тяжело дышал, а проснувшись на рассвете, понял, что явь не лучше сна: смерть со всех сторон, и нет пути, который не вел бы к гибели. И еще он понял, что в Екатеринодаре его предал Линьков.

По крыше бил дождь. С улицы доносился злой голос Маркова: «Кто не может подняться, я помогу!»

Дождь и холодный ветер в лицо, грязные лужи на дороге, измученные озлобленные лица офицеров. Становились с Дымниковым в строй, дожевывая хлеб и допивая теплую воду.

Неподалеку выносили из домов и грузили на телеги раненых, накрывая их чем придется.

Марков объявил:

— Идем без обоза. Раненые и обоз идут в Калужскую под охрану Кубанского отряда. Поэтому идем быстро и красных бьем быстро.

Кто-то наивно спросил:

— Куда идем, ваше превосходительство?

— Не знаете, вашу мать? Вперед, за синей птицей.

Шли создавать легенду.

Шли полуголодные, грязные, в истрепанных черных шинелях и рваных сапогах. Шли обреченные идти в этом строю до конца, не зная, куда он приведет их. Шли, горящие ненавистью с зарубками на прикладах по числу убитых красных. У некоторых до двадцати и больше — наби-

ли не в боях, а на расстрелах. Поручик Корнеев сделал пока 17 и сладострастно мечтал, как после боя станет с винтовкой против толпы пленных мерзавцев, продающих Россию. В бою он особенно не старался.

Шли растерянные, не понимающие, что случилось с Россией, почему им приходится воевать против своих же русских и умирать от их пуль. Мушкаев плелся в строю, бессмысленно глядя под ноги — зачем смотреть, если идешь по сплошной воде. Как избежать этого страшного похода, спрятаться, вырваться из красно-белой карусели?

Проскакал Марков, удивляя своей некрасивой раскоряченной посадкой. Из-под копыт лошади брызгала грязная вода, но на это не обращали внимания — все в воде. За ним скакал Родичев. Развлекал генерала:

— На процедуры в лазарет к сестре Шуре направлю, а то заболете, как Деникин.

— Да. Антон Иваныч завернулся в шубу и ждет своего часа.

— Дождется?

— Если будет в каждом бою на скирде стоять, то скоро дождется. А Шура — это какая? А-а, самая молоденькая. Ты, Гаврилыч, хорошо в медицине понимаешь.

В полдень вместо проливного дождя густо повалил снег. Ветер бросал в лицо липкие холодные хлопья. Перестрелка, вдруг возникшая впереди, даже успокоила: близок красные, будет бой, там окопы, сухо, станица...

Поперек дороги лежала павшая лошадь. Обходя ее, проваливались в ледяную воду по колено и выше. Промокла вся одежда. Мушкаев уже не верил, что эта пытка кончится. Может быть, не ждать боя? Самому достать револьвер и...

Вошли в голый лес, не укрывающий ни от дождя, ни от снега, и уже вскоре оказались на опушке, где стояли какие-то строения, обсаженные распускающимися ивами. Кинулись туда, и уже при первом приближении выяснилось: стены домов сильно разрушены, и снег с воем влетает под крыши, бьет со всех сторон, стараясь угодить в лицо, за воротник. Уже не было сил материться.

Двинулись дальше и остановились у канавы шириной метра четыре. Передовая застава замешкалась, подходили

роты, офицеры столпились, толкались, пытались согреться, даже шутили: «Техническую роту давай!.. Мост наводи!.. Господа, предлагаю искупаться!..»

Любая заминка в бою или походе, и генерал Марков оказывается в нужном месте.

— Что? Сыровато? — кричал он. — Не такие преграды форсировали. Ищите подручные средства, господа!

Нашли большую корягу, положили поперек. Не хватает больше метра. Надо прыгать. Невысокий полковник Кутепов первым совершил прыжок — ветром едва не сбило. За ним другие. Один, не достигнув края, упал в воду, другой не удержался на коряге, спрыгнул с нее и пошел по воде, которая была выше колен, и, смеясь, приговаривал: «Больше, чем вымочило, уже не вымочишь».

После канавы почему-то пошли бодрее, а снег все лепил, и становилось по-зимнему холодно и бело. Перестрелка впереди прекратилась, по колонне передали, что сбили заставу красных. «Марков взял пленных», — говорили офицеры.

— Почему это Марков? — ворчал Савелов, еще не привыкший ни к армии, ни к войне, ни к Маркову, ни к холоду.

— Потому что у нас Марков — лучший генерал, — поучительно сказал ему Никольников. — Он там, где сражаются и берут пленных. На нем держится вся армия. Зарубите это на носу, если хотите быть настоящим марковцем.

День шел к концу, и, казалось, все идет к концу: и степь, и дорога, и свет, и жизнь. Уже не снег, а град бил в лицо, а под сапогами хрустел лед, проваливавшийся в мягкую густую грязь, затягивающую по колено. Лошади не выдерживали — с жалобным ржанием падали и не вставали. Люди оказались крепче. Люди словно обросли броней — мокрые шинели покрылись твердой ледяной коркой.

Батарея Миончинского еле двигалась — езовые, не выдержав холода, спешивались, лошади останавливались. Колеса орудий, передки, зарядные ящики обледенели. Роты обходили пушки молча. «Расчет на колеса!» — скоман-

довал Миончинский. Номера, нажимая на ступицы и на лафеты, пытались сдвинуть технику с места, но колеса лишь глубже уходили в подмерзающую грязь. «Господа, поможем артиллеристам, — крикнул Никольников. — И вы, Мушкаев, идите к орудию».

Нажимали на ступицы колес, толкали лафеты и передки, езовые хлестали лошадей. Дымников и Ларионов встретились, налегая на колесо пушки.

— Без меня, Витя, ты ни с бабой, ни с орудием не справляешься.

— А ты, Лео, без меня на красных боишься идти. То-то пушку толкаешь.

Пытались шутить, улыбаться онемевшими губами.

Орудия кое-как двинулись.

По грязи и воде сквозь пургу с градом шли уже не ротные колонны, а беспорядочные группы. Из туманно-снежной мути показались фигуры: черные и серые. Офицеры во главе с Марковым, ехавшим верхом впереди, вели пленных. Остановились близко, что-то обсуждая. Дымников услышал: «Пусть переведут через речку, если хотят жить...» Марков подъехал к офицерам:

— Не занесло еще вас? Ничего. Бывает и хуже. Закуривайте.

Мгновенно расхватили пачку папирос. Мушкаев сумел с трудом прикурить, прикрывая спичку ладонями. У Савелова не получалось.

— Прикурите у меня, — предложил Мушкаев.

— Где это бывает хуже? — спросил тот, прикурив. —

В аду?

— Когда расстреливают, — напомнил Мушкаев.

— Пустяки! — кричал Марков. — Держитесь. Не вперые, ведь. Все вы молодые, здоровые, сильные! Придет время, когда Родина оценит вашу службу.

Он отъехал к своей группе, переспросил офицеров:

— Так пусть ведут? Тогда вперед.

Они исчезли в тумане.

До вечера еще далеко, а здесь — непроглядные сумерки. Вдруг все впереди остановилось, с подходом всех рот образовалась толпа. Появился штаб Корнилова с неизмен-

ным эскортом и трехцветным знаменем, обвисшим, заледевшим и от льда побелевшим. В стороне три хаты — там уже охрана, и Деникин, в польской шубе и папахе, занимает со своей свитой один из домиков.

Перед офицерами — речка Черная, обычно узкая, мелкая, с крепким мостом и не являющаяся препятствием, но теперь распухшая, расширившаяся метров до тридцати, залившая мост, который стал невидимым под бурлящим месивом из снега и черной воды. Пленные, загнанные по пояс в воду, искали брод или мост.

В хатах уже дымились трубы. Замерзшее знамя торчало на крыльце. Штабы грелись. Вокруг — толпа с отчаянными криками: «Дайте другим погреться! Имейте совесть!..»

Предприимчивые артиллеристы разожгли костер — сдобрили порохом сырые коряги. К живительному огню жались офицеры. По лицам текли потоки тающего льда и снега. Дымников, Ларионов, Мушкаев, Савелов тянулись ближе к огню, толкая друг друга.

— Марков найдет переправу, — говорил Дымников, тряся воротник и чувствуя, как вода льется по нему, словно в душе.

Представив за стеной колючей ледяной пурги холодную речку, которую придется переходить, Мушкаев пал духом, почувствовал страх смерти, как перед расстрелом. Он не сможет войти в ледяную воду. Останется здесь и умрет. Или его расстреляют вот такие марковские холуи, как этот артиллерист. Мушкаеву понятно было отчаяние Савелова.

— Марков, Марков, — с истерическими всхлипами бормотал тот. — Куда ведет? Только умирать. Профессор Академии Генштаба знает одну науку — умирать.

— Пойду еще корягу найду, — сказал Ларионов, отходя от огня. — Да и пороху надо сыпануть.

Он не любил панических разговоров, делал вид, что просто их не слышит.

— Да, — продолжал Савелов свое. — Он другого и не знает. Наука воевать — это и есть наука умирать.

— Кто это там нашего генерала порочит? — уже донесся из темноты чей-то злой голос.

— А знаете, господа, какой сегодня день? — попытался перебить опасный диалог Мушкаев. — Знаете, Леонтий?

— Ну, какой? Среда. 28-го.

— Господа, какой-то чужак среди нас, марковцев. Порочит нашего генерала. Пусть встанет перед нами.

Сидевшие ближе не хотели ввязываться в перепалку и тянулись к огню, а защитник генерала не успокаивался. Мушкаев толкнул Савелова и сказал:

— Пошли поможем артиллеристу корягу тащить.

— И я с вами, — присоединился Дымников.

Сумели быстро выбраться — их места охотно занимали другие: теплее.

— Они пытаются скрыться! — продолжал назойливый злой голос.

И в этот момент артиллерия красных начала обстрел. С яростным воем первый снаряд упал в реку — столб воды с землей доносил брызги до костра — следующий ухнул на берегу возле домов. Там закричали раненые, заржали лошади. Огонь велся беглый. В ту же минуту рвануло на берегу, где только что Марков командовал поисками переправы.

— Гаврилыч? Ты где? Живой? — в ответ раздался голос Маркова. — Давай ко мне. Идем вверх по речке. Там остатки моста.

Тройка сбежавших от костра успела отойти шагов на пятьдесят, когда снаряд упал точно в огонь. В непроглядную снежную муть взлетели пылающие головешки, лоскуты черных шинелей, куски разорванных тел.

— Царство им небесное, — перекрестился Дымников. — Особенно тому, кто искал обидчика генерала Маркова. А вы, поручик, на будущее придерживайте язык. И вообще, пока люди воюют, нужна и наука воевать, нужны и храбрые талантливые генералы. А Марков и храбрый, и талантливый.

— Наука воевать — это наука умирать, — упрямо заявил Савелов.

— Вот... упрямый! — возмутился Дымников.

— Умирать нам всем надо учиться, — сказал Мушкаев. — Никто не знает, когда вызовут.

— Нам речку не перейти, — с сожалением заметил Дымников. — Сверху град, снизу вода, и красные решили бить по переправе.

Марков не мог знать, что сюжет легенды уже развивается, и сейчас начинается центральная глава, но он точно знал, что найдет способ перевести армию через разбушевавшуюся реку, разбить красных на другом берегу и взять станицу Ново-Дмитриевскую. Правда, была еще надежда на отряд Покровского, который по соглашению с Корниловым должен атаковать станицу с юга.

Конечно, Маркову удалось совершить задуманное.

Мост оказался полуразрушенный, полузатопленный, почти оторванный от берега. Через него погнали двоих пленных в шинелях. Они сразу рухнули в воду по грудь. Один в страхе рванулся обратно, полез на берег. Его пристрелили и столкнули труп в кипящую воду. Другой шел. Примерно на середине реки вода была ему по плечи, дальше стало мельче.

— Это не переправа, Сергей Леонидович, — сказал Тимановский. — Люди устали — будут тонуть.

— Наладим по-другому, — уверенно ответил Марков.

Еще было часа три дня, но противоположный берег тонул в тумане метели. Артиллерийский обстрел прекратился — красные решили, что переправа не состоится. Услышались характерные выкрики текинцев — Корнилов сам решил посмотреть обнаруженный мост.

Марков доложил о возможностях переправы и закончил решительным заявлением о том, что готов начинать движение полка на тот берег. Корнилов ничего не ответил, повернулся к конвойному текинцу и что-то коротко командовал. Тот без колебаний направил лошадь в воду, на доски моста, заливаемые бурным белым потоком. В самом глубоком месте вода доходила до полкорпуса лошади. Текинец быстро оказался на противоположном берегу и что-то по-своему кричал Корнилову.

— Начинайте, Сергей Леонидович, — спокойно сказал Корнилов. — Воспользуйтесь тем, что противник ослабил огонь.

— По-видимому, Покровский начал наступление, — предположил Марков.

— Покровский спит! — гневно воскликнул Корнилов. — Они расположились в станице Калужской, заняли все дома, не пускают наших раненых. Люди гибнут! Мне доложили, что 18 повозок с ранеными заблудились в метели, и никого не удалось спасти.

Марков шепотом выругался. Он не возлагал особых надежд на выскочку-летуна, но такого предательства не мог даже предположить.

— Сами справимся, Лавр Георгиевич. Я первый пройду переправу.

Он думал не о рождающейся легенде, а о том, что заставить измученных, голодных, покрытых корками льда и промокших до нитки офицеров войти в ледяную воду можно лишь одним способом — сделать это самому.

Роты уже собрались у берега молчаливой тревожной толпой. Корнилов с конвоем уехали греться. Метель не ослабевала.

— Господа! — крикнул Марков. — Переправа подготовлена. Я иду первым. За мной полк поротно, с командирами рот во главе. Кто боится утонуть — тех перевезут на лошадях. Хотя... такую мать... так еще скорее утонешь.

Потирая руки, он сказал офицерам еще несколько крепких фраз, посмеялся и прыгнул в воду — сразу по пояс. Пролетели какие-то минуты, и Марков уже кричал с другого берега:

— Не подыхать же нам здесь в такую погоду! Всех коней к мосту! Переправлять людей на лошадях. Кто может — пусть сам. Степаныч! Сколько можно лошадей в ряд?

— Только две, Сергей Леонидович.

— Давай ко мне, Степаныч, а Гаврилыч там организует. Мою лошадь пусть переведут.

Если бы холод и снег с градом не сковали лицо, Мукашев, наверное, рассмеялся бы истерически. Это же бред. Ад! Конный цирк в ледяной реке. Под аккомпанемен, хоть и редко, но опасно бьющей артиллерии красных! То шрапнель сыпанет по воде и по людям, вызывая крики, стоны,

ржание лошадей, то граната вздыбит землю со снегом. Не умеющие плавать и переправлявшиеся на лошадях падали в речку и тонули. Достигшие другого берега что-то кричали. Над рекой неслись непрерывная матерщина, вопли раненых, страдальчески гневное ржание лошадей.

Толпа на берегу раздалась — Миочинский подвел к переправе два орудия. По его команде ездовые пришпорили лошадей, те рывком вошли в воду, заржали, шарахнулись в сторону, запутались в постромках. Пушка перевернулась. Ларионов, Брянцев и другие артиллеристы, не раздумывая, кинулись в воду спасать орудие. С громовым гулким треском разорвалась граната на берегу возле одного из домов. Стена вспыхнула языком пламени. Из провала в стене повалили офицеры.

«Ад!» — бормотал Мушкаев. К нему вдруг подошел какой-то штабс-капитан из их полка, толкнул плечом, словно играючи, крикнул:

— Пошли, поручик, на тот берег. Чего здесь стоять мерзнуть? Винтовку над головой — и в воду. Ну, кто первый?

И Мушкаев прыгнул.

Первым достиг берега штабс-капитан. С треском лопнула сверху шрапнель, озарив пургу секундной молнией, и он упал лицом в прибрежную грязь, так и не выпустив винтовку из рук. Мушкаев выкарабкался из воды рядом с ним, посмотрел — штабс-капитан был мертв. Попытался вытереть руки о шинель. Бесполезно — не шинель, а мокрый панцирь. Направился туда, где в наступающих сумерках виднелась папаха Маркова и прорезал адский шум переправы его пронзительный голос:

— Вперед, на станицу! Иначе замерзнем здесь в степи. Огня не открывать, вашу мать! Только колоты! Нас не ждут, и в этом наша победа!

Мушкаев с головы до пяток был в воде: сверху — тающий снег, снизу, в сапогах, — вода из речки. Куда-то исчезли его привычные спутники Дымников и Савелов. Самым правильным было бы теперь найти какой-нибудь бугорок, где можно хоть чуть укрыться от непогоды, переобуться, выжать воду из шинели... Но нет! Все, что ос-

талось от его сил, мыслей, желаний, сплывилось в единое жгучее стремление: вперед! В бой! Идти, бежать вместе с другими офицерами навстречу неистовой ледяной пурге, навстречу огню красных, ворваться в станицу, бить, колоты, убивать!

Смертельно уставшие за день похода, исклестанные пургой, покрытые корками льда, вымокшие в холодной реке шли марковцы по корявой заснеженной подмерзшей степи к неверным огонькам станицы. Разобрались по ротам. Из рощи, темнеющей слева, захлопали винтовки, зашвистели пули. На выстрелы не обратили внимания — далеко и не страшно после такого похода.

Обогнал Корнилов со штабом и знаменем. Текинцев с ним не было — работали на переправе. По сторонам дороги, протоптанной впереди идущими, то и дело попадались павшие лошади, перевернутые повозки, занесенные снегом тела. Заметили, что один шевелится. С погонами — свой. К нему подошел Дымников.

— Ранен? — спросил Дымников.

Офицер молча, едва заметно покачал головой и закрыл глаза. Больше не хочет жить. Устал. Его уговаривали подняться, приободриться, но он молча умирал.

Корнилов догнал Маркова и приказал остановиться и развернуть полк. Темнеющие в метели пятна станичных хат с редкими огоньками были совсем рядом.

— Кубанцы с Покровским спят, — сказал командующий. — В такую погоду они не воюют. Наша конница не смогла переправиться. Остальные полки соберутся лишь к утру. Только ваш полк может атаковать, Сергей Леонидович.

— Я понял, Лавр Георгиевич. Мы возьмем станицу сами. Без выстрела.

Марков собрал командиров рот. Приказ был короткий:

— Ждать нечего и некого. В такую ночь без крыш все подохнем здесь в поле. Атаковать без выстрела. Открывать огонь только в ответ, если заметят.

Роты цепями двинулись к станице, но постепенно стянулись к дороге. Марков подскочил к темной шевелящейся толпе офицеров. Негромко скомандовал:

— Без шума захватить дома. Уничтожать всех штыками, прикладами. Стрелять только в ответ.

Шагом въехал в спящую станицу вместе с 1-й ротой. Из дома вышел человек в шинели и спросил проходящих мимо офицеров:

— Вы из Екатеринодара?

— Так точно. Оттелева, — ответил Мушкаев, перегнавший свою роту.

— Стало быть, пополнение?

— Пополнение.

Красный был без оружия. По-видимому, заметив погоны, он смело бросился на Мушкаева, пытаясь его задушить. А у того винтовка на ремне, одеревеневшие пальцы не слушались — не совладать с врагом. Он уже падал, хрипя, когда душивший его человек медленно сполз на снег и задергался в предсмертных судорогах. Мушкаев, приходя в себя, оглянулся. С лошади на него смотрел офицер из конвоя Маркова, прячущий клинок в ножны.

— Живой?

И поскакал дальше.

Прозвучали несколько выстрелов. Красные просыпались, выбегали из домов с винтовками. Кто-то кричал:

— Товарищи! Не разводите панику!..

К нему подошел Никольников с винтовкой в руке. Спросил:

— А ты кто?

— Я председатель военно-революционного комитета.

Выстрел в упор прервал его объяснения. Следом выбежал еще один, крича:

— Что вы сделали с нашим председателем?

— А ты кто?

— Я секретарь.

— Вот и иди за ним.

Два трупа легли рядом.

Выбегавших красногвардейцев кололи штыками — почти не стреляли. Прапорщик Зиновьев погнался за одним, тот остановился, пытаясь выстрелить из винтовки, и прапорщик с ходу всадил ему штык в живот. Тот взвыл, застонал, захрипел, схватился за штык. Так они стояли

друг против друга, дергая винтовку в разные стороны. Снег продолжал сыпать, и в этой мутной ночи трудно было разглядеть подробности происходящего. В панике бежали красные, за ними гнались офицеры, никто не оставился помочь своему. «Помогите же мне!» — кричал Зиновьев.

Помог Мушкаев. Он остановился и, как на учебном плацу «коротким колю», вонзил штык своей винтовки в красного и выдернул мгновенно — согласно боевому уставу. Красногвардеец издал хриплый предсмертный стон и медленно осел на земле. Зиновьев выдернул свой штык, упершись ногой в труп.

Марковские роты веером захватывали станицу. Кутеповская 3-я вышла к большому дому, в котором были освещены все окна. Шевелились тени — полный дом красных. Кутепов своей обычной быстрой походкой, обогнав ординарцев, первым поднялся на крыльцо, отворил дверь, выпустив наружу полосу света и неясный шум. За ним — офицеры, в их числе оказался Дымников. За большим столом — человек 15. В гимнастерках без ремней, а то и в нижних рубахах. Самовар, бутылки, кружки, куски хлеба... Винтовки у стены. Кутепов быстро шагнул к этой стене, стал спиной к оружию и громко спросил:

— Какого полка?

— Мы варнавинские, — забормотал один из сидящих за столом и в ужасе умолк.

— А мы — Офицерского полка генерала Маркова!

— Кадеты! — завопили за столом. — Пропали, ребята!..

— Выходи по одному! — приказал Кутепов. — Выходи в чем есть.

Поднимались, шли к двери, покорно опустив головы. Офицеры подталкивали их. Выходили за каждым, проверяя штыки у винтовок.

Когда остались только офицеры, Кутепов сел за стол, взял пустую кружку, ополоснул ее из самовара, налил кипяточку и с удовольствием выпил.

— Согревайтесь, господа, — сказал он. — Можете из бутылок... Там, конечно, отравы, но...

Дымников предпочел отраву.

Марков, убедившись, что роты действуют правильно и станица почти полностью захвачена, поехал с Родичевым к переправе, где командовал Тимановский. Красные словно догадались о его появлении и усилили артиллерийский огонь. Отчаянно ржали раненые лошади, стонали пораженные осколками офицеры, кричали тонущие. Непрерывно шуршали над головой снаряды и с беспощадным сатанинским грохотом рвались, разбрасывая землю, снег, тела погибших. Падающие в реку заливали переправляющихся потоками ледяных брызг.

— Тяжело, Степаныч? — спросил Марков Тимановского, подошедшего с докладом.

— Работаем без паники.

— Знаешь, откуда бьют?

— Вспышки в роще слева от Ново-Дмитриевской.

— Гаврилыч, видишь вспышки? Давай туда 4-ю роту. Она движется к станице. Догони, поверни в пол-оборота на ихнюю, мать ее, батарею. А где наш Миончинский? Никак вторую пушку не переправит? Сейчас я его за ... вытащу!

Генерал поскакал к самому берегу. Снаряд унал в реку чуть ли не рядом, и его обдало потоком ледяной воды. Лошадь взвилась на дыбы, пытаясь повернуть назад. Марков удержал ее, успокоил, огляделся и вдруг увидел, что в нескольких шагах от него — Корнилов. Верхом, с конвоем, со знаменем в чехле.

— Ново-Дмитриевская взята, Сергей Леонидович? — спросил командующий спокойно, как на совещании.

— Производится очистка, ваше превосходительство. Многие красные попрятались, и приходится брать с боем каждый дом.

— К утру необходимо закончить, — сказал командующий и отъехал в сторону, где его ждал командир Корниловского полка Неженцев, переправлявший своих.

— Артиллерийскую батарею вперед! — закричал Марков. — Всем освободить переправу для орудия. Подполковник Миончинский, даю вам 5 минут и в бой! И чтобы... — далее последовала нецензурная брань.

Все засуетились, зашумели, так называемый мост опустел, но на переправе появилась не пушка, а маленькая

фигурка в белой папахе с белым пакетом в поднятых рукавах.

— Кто это еще, твою мать? — возмутился Марков.

Фигурка приблизилась, качаясь в воде, вздрагивая от близких разрывов, и он узнал медсестру Шуру. Она выбралась на берег с помощью офицеров, смеясь и что-то объясняя. Марков подъехал, неуклюже спрыгнул с лошади, подошел к девушке.

— Сегодня хороший бой, Сергей Леонидович, — сказала она. — Мало раненых.

— Стараемся, Шуручка. А вы смелая.

— Так я ж к вашему полку назначена. Полк-то самый храбрый.

— Только никому это не говорите, а то поверят и будут завидовать.

Еще один разрыв в реке, следующий на берегу, и генерал вновь кричал:

— Миончинский! 5 минут прошли!

Артиллерийских лошадей тащили в воду за уздечки, гнали нагайками, и наконец оба орудия оказались на западном берегу и могли выступить на огневые позиции. Марков приказал:

— Дмитрий Тимофеевич, немедленно вперед. Выберите позицию и бейте по красной батарее. Подавить как можно скорее. И поддерживайте наступление моей 4-й роты.

Марков не чувствовал ни холода, ни усталости. Он переживал еще одну победу над превосходящим противником, над природой, наконец, над собой — разве ему не хотелось завалиться в теплую избу и ждать донесений о ходе боя?

Батарея Миончинского занимала огневую позицию, 4-я рота шла вперед. Дударев замечал командира, и он старался. Можно вновь скакать с Родичевым в станицу и выполнять приказ Корнилова. Командующий всегда занимает дом станичного Правления. Значит — на площадь.

Здесь — суета. Разбегаются полуодетые красные. Их расстреливают и колют. У дома Правления — офицеры 3-й роты. Оттуда выбегают красногвардейцы с винтовка-

ми. Прямо на Маркова. «Стой!» — крикнул он им, не спешиваясь. Те кинулись обратно в дом.

— Выходи! — крикнул генерал.

Молчание.

— Господа! Пулеметы сюда, — крикнул Марков громче.

— Мы выходим! Сдаемся, — раздалась жалкие голоса.

— Кончайте с ними, — приказал генерал и поскакал вперед, туда, где стреляли.

Родичев его догонял.

— Сергей Леонидович, с красной батареей покончено, — кричал он. — Миончинскому хватило одного выстрела.

— Как это случилось?

— Только одно орудие вышло на огневую, а второе вмерзло в землю — не стронуть с места. Подполковник рассчитал данные по вспышкам, скомандовал, пушка выстрелила, откат нормальный и... ствол застрял в положении отката. Масло замерзло — они же перешли на легнее. А красные после этого единственного выстрела отошли.

Выехали на окраину станицы. Офицеры 1-й роты стреляли вслед отступающим в снежную мглу.

— Ну что, Гаврилыч? Взяли станицу?

— Взяли, Сергей Леонидович.

— Найди Плохинского. Пусть выставит посты. Менять через 15 минут. Все замерзли. По хатам. Греться и отдыхать.

Корнилов со свитой въезжал в заматаемую снегом станицу. Стреляли далеко впереди, и огонь винтовок постепенно затихал. Вдоль улицы лежали трупы, засыпанные пургой. Лошади их пугались и шарахались. Каждого встречного офицера адъютанты спрашивали, где генерал Марков. Но этого никто не знал.

Не знали Дымников и Мупшкаев, встретившиеся в перестрелке и теперь подыскивающие хату для отдыха. Не знали другие офицеры. Маркова нигде не было, потому что он был везде. Наводил порядок на переправе, мчался в станицу и руководил ротами, ведущими здесь бой, затем спешил на левый фланг к 4-й роте, оттуда — опять на переправу

и опять в станицу. Он руководил боем, как полагается генералу: видел весь ход сражения и давал распоряжения в соответствии с обстановкой. Особенность его руководства состояла в том, что он видел не карту в штабе, не движение отдаленных фигурок в стеклах бинокля, а сам находился в наиболее критической точке сражения, затем скакал к следующей. Он видел не линии на карте, не фигурки в бинокле, а людей рядом с собой и посылал их в бой, на смерть, и сам был готов получить свою долю смертоносного свинца и пасть рядом с теми, кто сражался и умирал по его приказу.

4-я рота замерзала, лежа в овраге. Противник после удачного выстрела Миончинского не беспокоил. Дударев для выяснения обстановки послал в станицу разведку во главе с полковником Биркиным, оказавшимся волею судьбы и Гражданской войны рядовым Офицерского полка.

В станице — безлюдье, только трупы в снегу. Стреляли где-то на северной окраине. Подошли к большому дому, где сквозь ставни из окон пробивался свет. Потянуло к желанному теплу. Биркин открыл дверь и увидел генерала Деникина, сидевшего за столом в своей польской шубе и папахе. Вокруг толпились офицеры. Некоторые разделись, наслаждаясь благословенным теплом. Биркин и его разведчики вошли в комнату и присоединились к отдыхающим. Деникин только взглянул хмуро и продолжал тихий разговор с каким-то полковником.

Отдохнуть не удалось — дверь с силой распахнулась, и быстрыми шагами вошел генерал Марков с любимой нагайкой в руке. Увидел Биркина.

— Вы что здесь делаете?

Полковник объяснил.

— Обстановка сложная, — сказал генерал. — Отдыхать некогда. Немедленно собирайте всех, кого найдете. Из всех рот. Собирайте по хатам, и всех на площадь. Чтобы через четверть часа все были на площади и готовы к бою. Живо! Собирайте моим именем и бегом ко мне на площадь. Большевики опомнились и готовятся атаковать. Скорей.

Атака не состоялась. Офицеры рассыпались по домам. Верховые ординарцы Корнилова продолжали искать Маркова. Так и не нашли — он объезжал посты вокруг станицы и сам выехал навстречу командующему. Попытался перевести лошадь в короткий галоп, но получалось плохо, и он подъехал шагом.

— Ваше превосходительство! Ваш приказ выполнен. Мой полк обеспечил переправу армии и с боем взял станицу Ново-Дмитриевскую!

Событие, ставшее легендой, произошло, но еще не имело имени, обязательного для легенды.

На утреннем докладе Марков подробно доложил Корнилову о ночном сражении. Красные имели в станице не менее трех тысяч штыков с несколькими артиллерийскими батареями. С трех сторон были вырыты окопы. Тактически выгодное расположение позволяло успешно оборонять станицу. Однако красные командиры не могли предсказать, что в такую ночь, в такую свирепую непогоду, Добровольческая армия переправится через разбушевавшуюся речку и без выстрела ворвется в станицу. Вернее, не армия, а Офицерский полк генерала Маркова. В результате красные потеряли убитыми до тысячи человек. Было взято 8 орудий, снаряды, госпиталь с оборудованием и лекарствами.

— Ваши потери? — спросил Корнилов.

— Два офицера убиты, около десяти ранено. Победа, Лавр Георгиевич, была бы более убедительной, если б Кубанский отряд Покровского выполнил свою боевую задачу и атаковал станицу.

— Вы совершили Суворовский переход, Сергей Леонидович, — сказал Корнилов с искренним восхищением, не желая обращаться к сложным отношениям с кубанцами.

— Никак нет, — возразил Марков. — Это был Корниловский переход.

Генералу передали, что среди офицеров переход уже называли «Марковским», и он не хотел, чтобы это услышал командующий.

Все эти попытки завершить создание легенды были несостоятельны — «Суворовский», «Корниловский», «Мар-

ковский» вряд ли звучали бы в истории. Однако настоящее свое имя легенда получила уже в это утро.

Выйдя от Корнилова, генерал Марков поморщился, увидев виселицы, на которых раскачивались и медленно поворачивались под ветром десятка полтора полураздетых тел казненных комиссаров: упавшие на грудь головы — светлые, рыжие, черные, лысые — грязные рубахи, запекшаяся кровь на гимнастерках. Среди повешенных — женщина.

— Боролись за лучшую жизнь для народа, — сказал Мушкаев Дымникову, проходя мимо виселицы. — Я одно время верил в эти лозунги. Может быть, и эти верили.

— Нас не повесят, — ответил ему Дымников, — расстреляют или в бою прикончат...

Марков свернул в боковую улицу. Навстречу шла медсестра Шура. На лице та же улыбка, что и на переправе. Остановились.

— Что же ты не в нашем полку, Шурочка?

— У вас делать нечего — потерь почти нет, раненых мало. Меня к юнкерам направили. Как я рада вас видеть, Сергей Леонидович. О вас все говорят, что вы главный герой этого боя.

— Трудный был поход, Шура.

— Это был настоящий ЛЕДЯНОЙ ПОХОД.

ВЗЯТЬ ЕКАТЕРИНОДАР

«Конечно, возьмем, — говорили офицеры. — С кубанцами нас теперь вдвое больше». Настроение боевое, тем более что выдали денежное содержание, причем только царскими серебряными монетами. Стояли группой на площади, косясь на виселицу, поскрипывающую под ветром, на повешенных, опустивших к холодной земле взгляды невидящих глаз.

— Игрнуть надо, — предложил Мушкаев. — Монетами удобно. Я почти тысячу получил. Если б не разжаловали за плен, то, пожалуй, и две бы дали.

— Прекрасная мысль, господа, — поддержал поручик Гернберг. — Прошу желающих ко мне. Ванчишку соорудим.

— У меня другие интересы, — сказал Мушкаеву Дымников. — Видишь, Витя Ларионов знаки подает? Ищите женщину.

Пришли в довольно большой дом, занятый Гернбергом и его товарищами, потребовали от хозяйки зеленую скатерть. Мушкаев решил ударить по первому же банку всеми наличными — это жизнь, а не смерть в холодной степи. Шлепали по столу выдавшими виды картами, счастливо улыбались, вспоминая прошлые времена, где, кроме всего прочего, были и ломберные столики, и рядом в буфете кофеечки...

В этот день 30 марта Корнилов и его штаб официально встречались с Покровским и его соратниками. Капитану Покровскому кубанское правительство присвоило звание генерала, и он подъезжал к дому, занятому Корниловым, с пышной торжественностью. Сам — впереди, в черкеске с новыми генеральскими погонами. За ним свита и кавказский оркестр. Далее — черкесский эскорт со знаменем — на зеленом поле белый полумесяц.

Корнилов вышел на крыльцо дома. Покровский подошел к нему четким шагом и доложил о прибытии штаба Кубанской армии. Корнилов поздоровался и пригласил в дом.

Марков собирался на совещание к командующему, когда в дом торопливо вошел взволнованный Родичев и доложил:

— Сергей Леонидович, в полку сплошной картеж! Банкуют по сотням. Проигрывают все, что получили.

— Пойдем. Покажешь, где играют.

Подошли к дому. Марков рванул дверь, вошел в комнату, где за столом, покрытым зеленой скатертью, играли Гернберг, Мушкаев, Савелов и другие. Офицеры вскочили. Марков подошел к столу, молча сгреб кучки серебряных монет, оглядел офицеров, приказал, как в бою:

— Поручик Савелов, приказываю вам доставить эти деньги генералу Алексееву. Он вам выдал офицерское денежное содержание, а вы не нашли деньгам лучшего применения. Поэтому я возвращаю их в кассу. Об исполнении доложить. Вы, поручик Гернберг, высокий и зоркий. Приказываю вам занять наблюдательный пункт на колоколь-

не. О всех замеченных движениях противника докладывать мне. Я буду на совещании у командующего.

Сильно ударил плетью по столу, оставив грязный след на скатерти, и вышел.

Офицеры расходились, смущенно посмеиваясь, поддразнивая Мушкаева: хотел банк сорвать — ходи теперь месяц без денег.

Конечно, жаль остаться без денежного содержания за месяц, но это не смерть. Неприятно, даже противно другое: зачем эта игра в отца-командира? Ведь ему наплевать на нас, когда мы не в бою. И на наши деньги наплевать. Мы для него просто солдаты. Завтра погонит в бой, уложит сколько-то трупов и не вспомнит. Наверное, мечтает, что о нем будут вспоминать. И что же? Легче будет гнить под землей? Или висеть, как эти несчастные?

Марков явился на совещание к самому началу: Покровский поднялся для доклада. В новенькой черкеске со сверкающими генеральскими погонами он держался несколько скованно перед генералами, с трудом сдерживал волнение, но заставлял себя говорить спокойно и хладнокровно. Председательствовал Алексеев — редкий случай, когда они с Корниловым дружно сотрудничали. Деникин кутался в шерстяную накидку. Марков устроился за его широкой спиной и боролся со сном.

Покровский кратко приветствовал руководителей Добровольческой армии «от лица кубанской власти» и доложил о прекрасном состоянии его войск.

— Жаль, что такие замечательные войска не участвовали в ночном бою за Ново-Дмитриевскую, — сказал Романовский преувеличенно выразительно, вызвав улыбки своих и неловкость у кубанцев. Покровский скомкал свой доклад и сел на место рядом с председателем кубанского правительства Бычем²⁷.

Корнилов сказал, как о чем-то само собой разумеющемся:

— Теперь, после соединения, кубанские отряды полностью подчиняются командующему Добровольческой армии.

— Я понимаю вас, Лавр Георгиевич, — осторожно попытался возразить Покровский, — но вы, разумеется, то-

же понимаете желание кубанской власти, представители которой здесь присутствуют, иметь свою собственную автономную армию. Нам кажется вполне достаточным, чтобы наши войска находились в оперативном подчинении командующего Добровольческой армии. Это соответствует конституции Края, офицеры и казаки привыкли к своим командирам...

— К вам, капитан? — язвительно, со стариковской мудрой усмешкой перебил его Алексеев. — Или, извините, полковник? Не знаю, как вас величать. Офицеры и казаки тут ни при чем — мы хорошо знаем, как они относятся к этому вопросу. Они готовы немедленно перейти под командование генерала Корнилова. А вам просто не хочется поступиться своим самолюбием.

Покровский оскорбленно замолчал. В дискуссию вступил Быч. Он долго, то и дело повторяясь, говорил о «суверенной Кубани», об «автономной армии»... В том же духе выступали и другие кубанцы. Алексеев многозначительно взглянул на Корнилова, и тот, перебивая очередного защитника «автономной кубанской армии», категорически заявил:

— Я не согласен командовать автономными армиями. В бою под Ново-Дмитриевской мы видели, что это означает: генерал Покровский вместо выполнения боевой задачи автономно бездействовал. Я не хочу, чтобы меня угощали автономные командиры такими сюрпризами. Мне надоели эти ваши попытки помешать армии воевать, когда мы почти у цели. Выбирайте другого генерала, умеющего командовать автономными армиями.

Покровский вновь попытался объяснить политическую необходимость самостоятельного кубанского войска в оперативном подчинении Добровольческой армии.

Марков почти задремал и встрепенулся, услышав звучный удар Корнилова по столу:

— Одна армия и один командующий. Иного положения я не допускаю!

Быч грубовато высказал свою позицию:

— Мы доверяем генералу Корнилову. Пусть командует. Но мы устраняемся от дальнейшего участия в работе и снимаем с себя всякую ответственность за последствия.

— Ну нет, — возмущенно возразил Корнилов, — вы не смаете уклоняться. Вы обязаны работать и помогать командующему всеми средствами.

Его фразу закончил близкий разрыв снаряда. Дрогнули стены и пол, задребезжали стекла. Некоторые бросились к окнам.

— Ворота нашей хаты разбило, — сказал кто-то.

— Другую пора искать.

Корнилов нашел взглядом Маркова и сказал негромко и спокойно, словно речь шла о каком-то маленьком недоразумении:

— Сергей Леонидович, распорядитесь.

Марков поспешил выйти из дома. Следующий разрыв громыхнул не так близко. С улицы вбежал поручик Гернберг:

— Ваше превосходительство, на станицу со стороны Елизаветинской движется колонна красных около 1000 пштыков с двумя орудиями и пулеметами.

— Бегом к Тимановскому: полк в ружье. Миончинскому — орудия к бою! Я буду с первой ротой...

Торопясь, почти бегом, он направился к своим офицерам и по пути встретил батарею Миончинского, рысью мчащуюся к окраине станицы.

— Молодцы артиллеристы! — крикнул генерал им вслед.

А полк никак не мог подняться: офицеры не могли натянуть свои походные сапоги — так они ссохлись после ночного боя и переправы. Генерал матерился, бегал по хатам, размахивал нагайкой, но босиком в бой не пойдешь. Те, кто сумел обуться, поспешили вслед за артиллеристами. Вскоре загрели выстрелы орудий Миончинского, и красные отступили.

А совещание тем временем продолжалось. Корнилов предложил своим генералам выйти в другую комнату и составить протокол совещания.

— А господа кубанцы пусть подумают, — сказал он.

Обстрел станицы прекратился, документ был составлен и утвержден. «1. Ввиду прибытия Добровольческой армии в Кубанскую область и осуществления ею тех же задач,

которые поставлены Кубанскому правительственному отряду, для объединения всех сил и средств признается необходимым переход Кубанского правительственного отряда в полное подчинение генералу Корнилову, которому предоставляется право реорганизовать отряд, как это будет признано необходимым.

2. Законодательная Рада, войсковое правительство и войсковой атаман продолжают свою деятельность, всемерно содействуя военным мероприятиям командующего армией.

3. Командующий войсками Кубанского края с его начальником штаба отзываются в состав правительства для дальнейшего формирования Кубанской армии.

Генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Эрдели, Романовский, полковник Филимонов, Быч, Рябовол, Султан-Шахим-Гирей».

Потом было небольшое угощение. Покровский сидел рядом с командиром Корниловского полка, старым другом и любимцем Корнилова подполковником Неженцевым.

— Митрофан Осипович, — спросил Покровский, — что это у вас все Марков да Марков? Разве у Корнилова нет других генералов и командиров?

— Есть у нас генералы и командиры, — с неприятной, по-видимому, давней досадой ответил Неженцев. — А Марков... Ну, что Марков? Генерал как генерал. Ну, любит, чтобы о нем говорили.

Линьков добирался до Екатеринодара подобно зверю, обложенному со всех сторон. Расстрелять могли и корниловцы, и казаки, и красные комиссары, и любой воитель за правду, имеющий из чего стрелять. Так и погиб бы из-за того, что этим случайным личностям — фельдшеру и недоучке хорунжему — пришла в голову странная идея о переговорах с белыми. Теоретически идея неплохая, но ходом реальной жизни она, конечно, обречена на провал. Слишком много крови пролилось противниками. Корнилов беспощадно казнил пленных, Екатеринодарская ЧК уничтожала всех, кто попадал в ее железные камеры. Теперь, когда добровольцы соединились с кубанцами, численность белых возросла, наверное, вдвое, Корни-

лов и не подумает о чем-то договариваться. Ему нужен Екатеринодар.

Линьков объявился в городе, когда там уже знали об успехах белых под Ново-Дмитриевской, об их подходе к кубанским переправам. Надо было сразу идти на Соборную, к начальнику ЧК, к Автономову, но как раз по дороге у некоторой хитрой старушки проживал Внуков, с которым делали тайные дела. Известно, что такие люди, как он, работают по ночам, а утром долго спят. Да и официально он служит в спецотряде при секретном учреждении, названном по-московски Чека. Зашел к нему в свое время — Внуков и старушка пили чай с белым кубанским хлебом, и к чаю — бутылочка с иностранной этикеткой. Линьков разобрался: «Шато-икем».

— Присаживайся, — гостеприимно встретил пришедшего Внуков. — Пей вино. Вроде французское. Никакого градуса. Так, для баловства. Что там на фронте? Почему желтые, как говаривал покойный Теймур? Тебе там пригодились его желтенькие?

— Без них бы пропал. А здесь что?

— А здесь винцо вот попиваем. С ночного обыска принес. Каждую ночь контру давим.

— Совнарком действует?

— Совнарком только на митингах выступает, а командуют всем Автономов и Сорокин. И на Совнарком они плюют с высокой колокольни.

Внуков говорил, поглядывая на Линькова добродушными карими глазами веселого убийцы. Он же убивал не со зла, а по необходимости.

— Корнилов-то вот-вот Кубань перейдет.

— Знаем. Концы надо отдавать, как говорит наш моряк Олег. Все наши уже пятки салом мажут. Только не знают, куда смываться. Там — красные, там белые. Потому и бьем контру каждую ночь. Никак всех не перебьем. Глянь, какой браслетик с одной ночью снял.

— И не грех, и не грех, — зачастила старуха. — Все они безбожники.

Настал момент для главного вопроса. Когда-то были бессонные ночи с размышлениями о тактике Ленина

и Плеханова, потом о лозунге поражения в войне, позже спасал этого фигляра генерала Маркова, а их бы тогда в Бердичеве всех прикончить, и тишина бы стояла на русской земле. Были бессонные ночи и с мыслями об Учредилке. Решался и не решался порвать с большевиками. Теперь понял: какие бы прекрасные идеи ни провозглашались политиками, власть в роковые для страны времена захватывают самые беспринципные, самые бесчеловечные, самые хитрые, умеющие увлечь за собой человеческое стадо. Страшными ночами, спасая жизнь, он думал теперь только об Ольге. Ее золотистые волосы, крепкое тело, ритмичные любовные вздохи...

Спросил, будто к слову:

— Сорокин все с той госпитальной крутит?

— По-всякому. Какую-то Зинку ему сейчас подсунули, а с той Ольгой вроде сам Автономов. В кабинете с ей беседовал. Уж не знаю, о чем. Может, тебе скажет.

И Внуков засмеялся.

— Мне к нему надо идти докладывать о деле.

— Наше дело — шкуру спасать. Корнилов придет, и нам хана. Куда бежать? Кругом белые, да и красные такие, что того и гляди к стенке поставят.

— Свойсками пойдем. В штабе узнаю обстановку — тебе скажу. Вместе дела делали, вместе спастись будем.

Линьков шел по городу, разглядывая разбитые витрины, окна домов без стекол, разбросанную вдоль дороги домашнюю рухлядь — кровати, стулья, кресла, этажерки — тащили, не дотащили. Кое-где страшные черные лужицы...

На Соборной площади сохранялся порядок. У гостицы Губкина, где располагалось начальство, стояли часовые с винтовками, лузгали семечки и чему-то смеялись.

— Куды? К Автономову? С задания? Счас позвоним.

Ты — бывший активный большевик, участник совещаний, член всяческих советов, на Шестом съезде дежурил, с Лениным разговаривал — не знал тогда, что тот ради власти пол-России немцам отдаст... А перед тобой — хорунжий. Он и не слышал о тех книгах, которые ты прочитал,

но у него власть — десятки тысяч людей с винтовками, поверивших, что, если перебить всех буржуев и офицеров, настанет хорошая жизнь. Только мигнет Автономов, и тебя потащат к стенке. С ним надо быть хитрее, чем он сам. Не только соглашаться, но и изображать полную преданность. И найти способ избавиться от него.

— Мне уже донесли, — сказал Автономов самодовольно. — У меня, брат, разведка везде. Не желают с нами договариваться? Силу почувствовали — с Покровским соединились.

— Едва ушел от расстрела, а мои помощнички ручки кверху. Теперь против нас воюют.

— По полученным мной сведениям, с Деникиным можно договориться. Он больше против немцев. Но это, когда мы их прищучим здесь под Екатеринодаром. Подмога со всех сторон идет. Тысяч тридцать соберу.

— Отстоим город, Алексей Иванович?

— А как же? Или хочешь на Соборной площади рядом со мной висеть? Очищаем от врагов. Каждую ночь операции проводим. И ты подключайся. Мешают нам московские евреи. Присылают их сюда командовать. Вот какой-то Савкин приехал с мандатом Троцкого и Дзержинского. Не знаешь его?

— Раньше знал.

— Вот тебе и задание — поговори с ним, убеди, что мы в полном согласии с политикой. Нехай нам помогает, а не мешает. Новый Чека они хотят создать. Разобъясни ему, что у нас и так все работает как надо. Ты же как-то говаривал, что зря Ленин Учредилку разогнал? Помнишь?

Такой вот хитрый негодяй Автономов. Не верит в преданных помощников. Надеется лишь на службу за страх.

Савкин сидел в маленькой комнате, где стояли стол, стул и деревянная скамейка. Когда-то сидели с ним на тайных собраниях, в 1906 едва не получили столыпинский галстук, а в апреле 1917 встречали Ленина в Питере.

— Рад встретить настоящего большевика, — сказал Савкин, маленький, черный, сутулый, в очках, — а то попал, знаешь ли, не то в корниловский штаб, не то в бандитскую шайку. О тебе хорошо отзывались настоящие боль-

шевики. Вот, моряк Руденко. И Автономов. Он же большевик? Да?

— В общем, да.

— А почему же он так с Совнаркомом себя ведет?

— Сложное положение на фронте. А ты здесь будешь начальник ЧК?

— Нет, я, знаешь ли, назначен как организатор. Сюда еще приедут наши люди. Сейчас главная задача — отстоять город. Если Автономов назначил тебя в мое распоряжение, то давай работать. Мы составляем списки на ликвидацию врагов революции, но возникли бандитские группы, которые под видом красногвардейцев и чекистов грабят население и устраивают самосуд. Я согласовал с Автономовым, и издан приказ расстреливать этих бандитов на месте.

— Мои задачи?

— У нас у всех одна задача — отстоять город. Ночью будешь патрулировать с отрядом, днем — укреплять оборону. Фальшивых чекистов — расстреливать на месте.

— Ты, Ефим, злой стал.

— Это, знаешь ли, Миша, не митинг, а война. Мы в Питере не жалели никого, когда Учредилку разгоняли.

— От Ленина ни шагу?

— Никогда. Мы же с тобой с 1903 большевики. И в тебе я никогда не сомневался.

Линьков тоже никогда не сомневался в своем старом друге — каким был дураком, таким и остался. Вот и брызгает слюной, рассказывая, какие замечательные большевики — рыцари революции Ленин, Троцкий, Дзержинский... И появилась идея.

До вечера Савкин дал ему отдых, и он, конечно, немедленно отправился в госпиталь. Идея обдумывалась по дороге. Над городом, еще не взятым неприятелем, но уже глядящим разбитыми стеклами, расцветала весна. Солнце тонуло в лужах, во двориках, заваленных мусором и обломками мебели, украдкой выползала зелень, пробивались нетерпеливые листики из набухших почек черешен. На стене госпиталя красный плакат: «Отстроим красный Екатеринбург». Навстречу попался какой-то солдат в ши-

нели и с винтовкой. Знакомое лицо. Дыкнул спиртом и сказал: «Готовим квартиры Корнилову».

Госпиталь не изменился: раненые сидели и бродили в тех же синих халатах, а безрукие и безногие красные не отличались от таких же безруких и безногих белых, совсем недавно населявших эти корпуса.

Главный склад Ольги расширили на весь первый этаж — здесь и спальня, и столовая. У двери торчал какой-то мальчишка охранник с винтовкой.

— Занята Ольга Петровна, — сказал он. — Всегда занята. И теперича к высокому начальству собирается. Кое-что отвезти. Понимаешь?

— Передайте ей, что Линьков пришел. С задания вернулся.

После недолгих переговоров его пустили. Все сияло солнцем в комнате: и скатерти, и зеркало, и покрывала на креслах, — только сама хозяйка глядела мрачной тучей и посверкивала молниями.

— Миша! — сказала без радости. — Я уж не ждала. Сказали: на задании где-то далеко.

— Кто сказал?

— Там... В штабе.

— О моем задании никто не знал, кроме... Кроме командующего.

— Адъютант намекнул. Или, как там у них, — ординарец.

— И теперь туда собралась?

— Отвезти продукты приказано. Сейчас придет машина, а ты...

— Ольга... — приходят минуты, когда мужчина вынужден умолять. — Оля, я приду, когда скажешь. Ночью? Утром?

— Сегодня, Миша, не получится, — ответила она, перевязывая какой-то пакет.

Даже не взглянула. Умеют женщины становиться совершенно чужими с теми, кого еще чуть ли не вчера задаривали ласками.

— Завтра?

— Может быть, часиков в 12 у меня будет время.

Он — мужчина. Боролся за революцию, воевал, расстреливал, убивал ночами по-разбойничьи, не однажды спасался от, казалось бы, неминуемой смерти. Он и эту профуру прикончит на любой манер. Повернулся и пошел к двери, не прощаясь. Однако, вспомнив нечто интересное, остановился.

— Видел твоего генерала Маркова, — сказал с радостной злобой. — Обещал всех красных здесь повесить. И тебя не пожалеет.

Уходил удовлетворенный — пусть пострадает там, с Автономовым. И появившаяся по дороге мысль утвердилась.

Вечером Савкин встретил его по-дружески: чай с московским печеньем и булками. О спирте отозвался неодобрительно: только на задании, перед боем, да и то... И понес: «Представляешь, какую огромную проблему придется решать нам, большевикам? Ведь у Маркса нет ничего о социалистической экономике. Нам самим придется ее создавать...»

Линьков с некоторых пор пришел к выводу, что Маркс не имеет никакого отношения к его жизни. Вот Автономова надо уничтожить, и он это сделает.

— Я долго обдумывал, надо ли рассказать тебе, Ефим, о секретном задании, которое я выполнял, и решил, что перед тобой, истинным большевиком, представителем Москвы, я не имею права скрывать факты измены и предательства. Если б ты не приехал, мне бы пришлось молчать — здесь некому довериться: все ходят под Автономовым и Сорокиным.

— Измена? — насторожился Савкин. — Кто? Говори.

Он поднялся из-за стола, крадучись подошел к двери, отворил, посмотрел, вернулся.

— Говори потише. Я тоже боюсь доверять здешним. Кто же?

До последнего мгновения Линьков не решил окончательно, надо ли втягивать Сорокина. Тот ему не мешает. Хитрости в нем нет — воюет, пьет, гуляет. С ним, пожалуй, можно договориться.

— Автономов!

— Миша!.. Это же... Он же главнокомандующий! Так

неправильно уже невозможно, знаешь ли. Тебя не спровоцировали?

— Автономов лично направил меня руководителем делегации для переговоров с руководителями Добровольческой армии. Цель переговоров: прекратить гражданскую войну на Кубани, объединить красные войска с корниловцами и совместно начать войну с немцами. То есть отказ от Врестского мира, разрыв с Советским правительством, с большевиками.

— И ты, Миша, вел эти переговоры?

— Во-первых, мне приказал главнокомандующий...

— Во-первых, знаешь ли, ты должен был его немедленно расстрелять.

— Оставь, Ефим, лозунги. Ты ведь сам уже убедился, кто такой здесь Автономов. Он и тебя расстреляет без всякого трибунала.

— Ох, знаешь ли, дела, — вздохнул Савкин. — Ты, конечно, прав. У него это, знаешь ли, типичное правление идеологии левых эсеров. Спиридонова⁹⁹ тоже готова объединиться с кем угодно, лишь бы против немцев. И с кем ты вел переговоры?

— С генералом Марковым. Мы с ним знакомы еще с Русско-японской. Начали было разговаривать всерьез, но сначала пришло известие о соединении корниловцев с войсками Покровского, а потом кто-то вспомнил меня по Ростову и потребовал немедленно расстрелять. Мне пришлось спешно отдавать концы, как говорит наш моряк Руденко.

Савкин ходил по кабинету, взявшись за голову, раскачивался и тихо бормотал:

— Ой, Миша. Это же, знаешь ли, невозможно. Идет же гражданская война. Пролетариат против буржуазии. Какие же, знаешь ли, переговоры?

— Иди. Расстреливай Автономова, как от меня требовал.

— Нет, Миша. Надо провести работу с его близким окружением. Есть же там настоящие большевики. И они, знаешь ли, могут подтвердить твое заявление.

— Если ты мне не веришь...

— Как я могу тебе не верить, но дело, знаешь ли, серьезное, и те, кто будут решать, потребуют серьезных доказательств.

— Бумагу я сохранил. Автономову сказал, что уничтожил, а сам донес в сапоге.

Тонкая крепкая бумага с печатью главнокомандующего:

«Сим удостоверяется, что бывший поручик Линьков уполномочен командованием советских Юго-Восточных войск вести переговоры с командованием Добровольческой армии. Автономов».

— Отдаешь мне?

— Только тебе и могу. Сейф есть?

— Вот он.

— Вообще лучше на себе.

Допивали холодный чай, обсуждали всяческие нелепые планы. Савкин смотрел невидящими глазами — думал. Наконец решил:

— Мои шифровки идут через Ростов. Могут перехватить. Шифр, знаешь ли, очень хороший, но... Надо ехать самому.

В глухую ночь Екатеринодар не спал, а затаился в смертельном страхе. По улицам проезжали грузовики, легковые автомобили, казачьи патрули, проходили и пешие спецотряды. Задача была у всех одна: расстреливать и конфисковать имущество, то есть грабить. Расстреливать без всяких расспросов и допросов, а по списку, а то и просто на глаз. Богатый — значит за белых. Офицер — тоже. Купец — обязательно. Таких — к стенке, и точка. Под видом спецотрядов действовали обыкновенные бандиты в военной форме с винтовками. Для борьбы с ними назначались спецпатрули. Савкин взял с собой в легковой автомобиль четверых крепких помощников, в их числе и Линькова.

Вырулили к Черноморскому вокзалу, обогнали отряд красногвардейцев, проверили документы — в порядке. Свернули в темные глухие улицы. Вблизи грохнул винтовочный выстрел. В туманно-ярких лучах фар зашевелились фигуры в шинелях. Выстрелами из маузера остановили неизвестных, заставили бросить оружие. Трое напуган-

ных, ослепленных побросали на дорогу не только винтовки и наганы, но и мешки и какой-то темный ящик. Савкин вышел из машины, приказал открыть ящик и показать, что в мешках.

Линьков узнал среди задержанных Внукова и затаился в тени.

— Нам приказали... Мандат не выписали, — бормотал Внуков.

— Награбили? — возмутился Савкин, увидев часы, меха, столовое серебро. — Не знаешь их, Миша? Говорят, будто в спецотряде служат.

— Не знаю, — ответил Линьков, пряча лицо в воротник шинели.

— Будем, знаешь ли, действовать. К забору их.

— Попадите, мы же свои... С кадетами воюем... Меня знают... Товарищ Линьков знает...

— Первый раз вижу, — возразил Линьков, стараясь оставаться твердым. — А меня полгорода знает.

— По бандитам огонь! — скомандовал Савкин, и еще легче стало жить Линькову — оборвалась опасная нить, связывавшая его с преступниками.

Потом проезжали мимо госпиталя, и в окнах Ольги Линьков увидел яркий свет — не боится. Или ее охраняют. Или там Автономов. Но это ненадолго.

Утром и двух часов не пришлось поспать Линькову — вызвал Савкин и обеспокоенно сообщил:

— Автономов не разрешает мне уезжать. Такой, знаешь ли, сердитый. Наверное, не выспался. Дам шифровку, чтобы прислали комиссию для расследования деятельности командующего.

Не выспался, значит?

— У него связь с белыми, с генералом Марковым, через одну женщину из госпиталя. Есть там такая Саманкина. По хозяйству.

— И ее в шифровке укажу. Это, знаешь ли, убедительности придает.

После бессонной ночи Линьков вышел на улицу, как в серую холодную воду нырнул, не понимая, зачем вся эта суета, зачем он впутал Ольгу, зачем теперь идет к ней.

Охранник долго не пускал, объясняя, что Ольга Петровна отдыхает после ночного дежурства. Наконец, вышла сама, непричесанная, сердитая. Сказала, что устала и вообще больна.

— Знаю, отчего устала, — злобно намекнул Линьков.

— Не знаешь! — чуть ли не крикнула она. — Документы составляла на продукты. Наверное, эвакуируют меня с ранеными.

— Белых боишься? А красных не боишься?

Ольга грубо выругалась и захлопнула дверь.

Брат Ольги носил фамилию родителей — Петухов. Это сестричка оставила себе фамилию мужа Саманкина, сгинувшего на Великой войне. В России брат заведовал военным продовольственным складом, накопил много ценностей, хранящихся в тайнике, и всегда мог узнать то, что ему надо, например, что за шифровка пошла из Екатеринодара в Москву. Дальше Ростова донос, конечно, не пошел — сожгли бумагу случайно. Затем Петухов срочно собрался в командировку в Екатеринодар. Ехал на паровозе с бригадой.

Не раз свистели пули из темной степи, не раз останавливали и проверяли документы. В Екатеринодаре на вокзале показал извозчику маузер и царский рублик и погнал в госпиталь. Готовился материть сестру за неразумное пьянство с начальством, но его остановило деловое спокойствие Ольги, сидящей над списками продуктов, уют и порядок в комнатах. Да и сама она, казалось, была не в обиде.

— Что, Олюха, обратно все переворачивается? — спросил он. — Надо самим нырять поглубже.

— Ты, черт, напугал с утра. Что случилось? Корнилов будто, еще далеко.

— Мы с тобой без него к ногтю попадем. Не иначе, как завтра твоего Автономова в Москву под арестом повезут. И тебя с ним.

— Я ничего не знаю. Я с ним не спала даже.

— Указано: гражданка Саманкина. Тебя возьмут, и мне хана.

Разобравшись, Ольга заголосила:

— Ой, Васюха-а... Что же теперь будет? Они же заберут и не спросят. Скажут: контра. Ой, Васюха!

— Еще время есть. Пока новый донос пойдет. Успевать надо. Собирай каких-нибудь раненых и дуй в Новороссийск. Спасаясь, мол, от белых, а на белых попадешь — от красных бежишь.

— А ты?

— У меня фамилия другая. Я тебя знать не знаю.

Безумная шальная смерть, торжествовавшая ночами в Екатеринодаре на расстрельных пустырях, на улицах возле богатых особняков, в темных дворах — повсюду, где можно было кого-то за что-то убить, да еще и ограбить, — вдруг стала появляться днем и даже в кабинетах властей, под лозунгами: «Отстоим красный Екатеринодар».

У Автономова непрерывно шумели посетители. Кричали: «Пойдем!..», «Побьем!..» Просили денег, оружие, а то и какие-нибудь хитрые документы, с которыми можно избежать от смерти. Но она, эта самая смерть, пропитала воздух, парила в душной матершинно-махорочной гуще, сбивая голоса на истерические выкрики, заливая глаза неизбывной тоской. Входили по несколько человек, и у всех на лицах затаенный страх.

Линькова принял отдельно, один на один. Посмотрел в глаза — вроде не хитрит. Спросил:

— Почему это твой Савкин в Питер собрался?

— Причину найдет — кадетов, наверное, боится. И пусть бы ехал. Толкается здесь, а какая от него помощь для обороны города?

— Считаешь, пусть едет?

— Хоть сегодня. Надоел он мне.

Значит, хитрит товарищ Линьков. Что-то задумал со старым другом.

— Оно бы верно, Миша, но у меня указание: пусть работает здесь и готовит создание ЧК — людей подбирает, помещение... Скоро из Москвы начальство прибудет. А мы с тобой — на фронт. Бронепоезд тебе дам.

Отправив Линькова, вызвал помощника и приказал:

— Срочно сделай приказ: товарищ Линьков назначает-ся командиром бронепоезда «Слава революции».

— Он же без пушек. Одни пулеметы, Алексей Иванович.

— Готовь приказ и молчи, когда тебя не спрашивают. И еще выпиши пропуск и всякие там охранные мандаты на медсестру Саманкину Ольгу Петровну, сопровождающую тяжело раненных на Западном фронте бывших офицеров к местам жительства в Тифлис и Сухум. Потом разыщи Руденко и срочно его ко мне.

Руденко был одним из немногих, не замечавших призрака смерти, нависшего над Екатеринодаром. Назначенный командиром бронепоезда «Коммунист», он собирался не умирать, а убивать.

— Я этого Маркова своим бронепоездом достану, — сказал он Автономову. — Осенью в Бердичеве не дали нам его прикончить — теперь вот расклебываем. Тогда некоторые очень хотели революционную законность соблюдать. И наш Линьков участвовал в этом прощеном воскресенье.

— Теперь вместе с тобой будет Маркова доставать — я его назначил командиром «Славы революции». Тебе в помощь. Правда, он без пушек, но в паре с твоим даст кадетам прикурить.

Автономов держался с красным моряком дружески, как с боевым товарищем, но опасался больше, чем Линькова: тот — интеллигентик, трусоват, а этот — из рабочих, до войны в брянском Арсенале служил, на флоте большевиком стал. Осенью штаб Духонина громил. Узнает о переговорах с кадетами — и конец командующему.

— Что там разведка сигналит? — спросил Руденко.

— Пока отдыхают, переформируются. Генерал Марков был командиром полка, теперь — командир бригады. Объединились с Покровским, увеличили армию тысяч до восьми. На главном направлении — на железнодорожный мост через Кубань — конечно, Марков. По моим расчетам, дня через два, числа 5—6-го он начнет. На Георгие-Афипскую, затем на мост. Бронепоезда должны встретить его перед Георгие-Афипской. Здесь-то, Олег, и надо его брать, пока до моста не дошел.

— По всему видать, что он этим курсом пойдет, — согласился Руденко. Для переправы лучше места нет. Мост, и до города всего ничего. Верст пять.

Так думали все... кроме генерала Корнилова.

ПОСЛЕДНИЙ МАНЕВР КОРНИЛОВА

Такое зажглось яркое апрельское утро, что, казалось, день обязательно должен принести удачу, праздник. Но до Екатеринодара оставалось еще более 20 верст и разгулявшаяся весенняя Кубань. Хорошо, что солнце честно сушит жуткие потопа прежних дней. Ни ветерка, ни выстрела.

Командир Корниловского ударного полка подполковник Неженцев приказал денщику привести мундир и шинель в полный порядок, начистить все до блеска, и направился к командующему — в дом станичного Правления на площади, в центре Ново-Дмитриевской.

Оба адъютанта, подпоручик Долинский и хан Хаджиев, покуривали на солнышке. Кого любит начальник, того любят и помощники, поэтому адъютанты любили Неженцева. Приветливо усадили на скамейку, угостили немецкими папиросами.

— Германия рядом, понимаешь, — подмигнул Хаджиев, — говорят, уже в Ростове маршируют.

— У Лавра Георгиевича, наверное, Марков? — спросил Неженцев.

— Почему это вы так предполагаете? — удивился Долинский. — Командующий — один. Отдыхает после чая, изучает документы, работает по карте.

— Я потому так предполагаю, что сейчас только о Маркове и говорят. Он переправил армию, он взял Ново-Дмитриевскую, он и Екатеринодар теперь возьмет... И сам он какой-нибудь «Ледяной поход» придумал. Будто вел армию в этом походе. А у нас Корнилов командующий, и другие генералы и командиры есть.

— На Екатеринодар Маркову прямая дорога, — сказал Хаджиев. — Бригада, понимаешь, так и нацелена на мост.

— Пусть идет, — объяснялся Неженцев, — не в этом дело. Настроение в армии создается нехорошее. Воюют все, умирают все, а по разговорам — один Марков сражается.

— Пожалуй, есть такой грех, — усмехнулся Долинский. — Я сам намекал Лавру Георгиевичу. Но я знаю, что он вас очень любит, Митрофан Осипович.

Об этом Неженцев знал. С 1916 года с Корниловым. В 1917 предложил ему создать ударные отряды для борьбы с дезертирами и сам стал командиром 1-го отряда. Уже тогда расстреливал агитаторов-большевиков, разлагающих армию. Мало расстреливал.

Неженцев вошел к генералу. На столе оперативная карта с нанесенной обстановкой и новые списки армии. Командующий перелистывал списки с видом успешного игрока, в который уже раз пересчитывающего выигрыш.

— Итак, дорогой Митрофан Осипович, идем на Екатеринодар, — сказал Корнилов, не скрывая радостного вздоха облегчения: наконец-то. — С нами Родзянко. Создадим Русское правительство. Армия более чем удвоилась: 6 тысяч штыков, 3 бригады — Марков, Богаевский, Эрдели.

— 1-я бригада, конечно, Марков.

— Так сложилось: был 1-й полк.

— Он и Екатеринодар будет брать? Уже идут разговоры, что только на нем и держится наша армия.

Корнилов усмехнулся, показывая, что он все знает, но сам выше этих разговоров.

— Завистники, — сказал он. — Хотя... Имеются некоторые преувеличения.

— Лавр Георгиевич, вы же были с нашим полком, со своими знаменем, когда брали Ново-Дмитриевскую, а теперь говорят о каком-то «Ледяном походе», о Маркове, который вел армию. Будто, если бы не он, то все мы бы погибли ночью в степи.

— Завистники, — повторил Корнилов, но голос его звучал уже не добродушно, а скорее сердито. — Но и сам он виноват. И действует не всегда дисциплинированно.

— Помните, под Усть-Лабой исчез во время боя?

— Не только тогда. Вы не знаете, куда он так неожиданно исчезает?

— Я не проверял, но говорят, что он бывает у женщин. Цыганские романсы и прочее.

— Тогда мы об этом говорить не будем. Это его личная жизнь.

— И почти каждый вечер посещает генерала Алексева. Ходит как на доклад к начальнику.

На это Корнилов ударил по столу пальцем с перстнем. Сдвинул с карты бумаги. Перед глазами была темно-синяя лента Кубани, перпендикулярно ей — черные штрихи железной дороги, и здесь неправильная пятнистая темная фигура большого города.

— Я работаю над планом взятия города, — сказал Корнилов, глядя на карту. — Во второй бригаде ваш полк — Первый Ударный, Митрофан Осипович.

— Первый Ударный Корниловский, ваше превосходительство, — позволил себе Неженцев поправить командующего.

— Да, — согласился Корнилов. — Согласно моему плану первым в Екатеринодар войдет Корниловский полк. Пока, кроме вас, об этом не знает никто.

Предчувствие не обмануло подполковника. Удача. Возьмет город, там образуется Русское правительство и пожалует ему генеральский чин, как Кубанская Рада Покровскому.

Все вдруг стало как-то неприятно изменяться. Всего несколько дней назад Корнилов дружески улыбался ему, называя ночной бой «Суворовским походом», на совещании с кубанцами продемонстрировал свое отношение спокойной просьбой-приказом: «Сергей Леонидович, распорядитесь...» Теперь вдруг присылает адъютанта Долинского, и тот, не глядя в глаза, механически проговаривает: «Его превосходительство командующий приказал напомнить вам о необходимости срочного формирования штаба бригады и полковых штабов».

Ответил грубо: «Нужен мне этот штаб, как...» Поскольку подпоручик бесстрастно молчал, ожидая настоящего ответа, пришлось сказать ворчливо:

— Нужно хорошо воевать, а не разводить канцелярщи-

ну. Передайте его превосходительству, что в 1-м полку уже сформирован штаб. Новый командир полка назначил своим помощником полковника Кутепова, и штаб человек 10. У меня, как и прежде, Тимановский, Родичев и 3 офицера связи.

Долинский официально откозырял и исчез.

Что-то изменилось. Может быть, просто началась весна?

Утром 5 апреля, когда пили с Тимановским чай, пришел Родичев, навещавший каких-то своих больных, и угрюмо сказал:

— Вторая бригада наступает на Григорьевскую и Смоленскую. Нам ничего не сообщили.

— На юг? В обратном направлении? — удивился Марков. — Военного совета не было ни разу после начала похода, приказы перестали рассылать. У командующего же штаб. Романовский — умнейшая голова. Как ты думаешь, Степаныч?

Немногословный Тимановский ответил, наверное, минут через пять:

— Секретный план взятия Екатеринодара. Чтобы не только красные, но и мы не знали.

В прихожей затопали сапоги. Несколько офицеров постучали в дверь. Наверное, слышали то, что сказал генерал:

— Без меня все равно Екатеринодар не взять. Входите, господа.

Несколько ротных и батальонных офицеров пришли с тревожными докладами о недостатке патронов. Тимановский выкурил трубочку, подумал и пообещал найти.

Весна не радовала: дожди. К вечеру, опять по слухам, узнали, что 2-я бригада взяла и Григорьевскую, и Смоленскую. Уже затемно прискакал Долинский и опять был официально краток:

— Его превосходительство приказал 1-й бригаде быть готовой к выступлению во второй половине ночи.

— Куда пойдём? Может быть, тоже на юг, как Богаевский?

— Его превосходительство сказал, что задача будет поставлена перед выходом бригады.

Оставалось только материться: ночью идти в бой неизвестно куда, а командир бригады еще ни разу не видел своих подчиненных, собранных вместе в полном составе.

Долинский доложил Корнилову о выполнении поручения. Тот поблагодарил, как обычно, пожелал хорошо отдохнуть — на дежурство вышел Хаджиев, но не отпустил сразу, а подумал некоторое время и, наверное, после колебаний сказал или, скорее, спросил:

— Мне доложили, будто генерал Марков заявил, что без него Екатеринодар не возьмут. Вы не слышали об этом?

— Не слышал, ваше превосходительство, но это вполне вероятно.

— План наступления на город пока знают лишь два человека: я и Иван Павлович Романовский. Скорее всего, это догадки Сергея Леонидовича.

— Так точно, ваше превосходительство.

— Отдыхайте, подпоручик.

Отдыхать Долинский направился к медсестре Марусе, захватив бутылку французского вина и кое-что из закуски. Известно, что мужские любовные желания необъяснимы, вот и стремление к этой не самой юной, не самой красивой было вызвано неизвестно чем. Возможно, даже тем, что сама Маруся была, как и многие женщины Добрармии, без памяти влюблена в генерала Маркова, не обращавшего на нее внимания.

— Спасибо, что комнату мне схлопотали, — сказала Маруся. — Уж раздевайтесь. Потом выпьем.

Не ко времени спросила о Маркове: когда тот пойдет в наступление. Долинский возразил бранью, обзывая генерала по-всякому, и в конце концов со злости и с вина сказал лишнее:

— Как будем брать Екатеринодар, знают только два человека: Корнилов и Романовский. Даже Деникин не знает. Я не человек, а адъютант, поэтому тоже знаю. И ты не человек, а моя женщина. И я тебе скажу...

Засыпая, Маруся вспоминала безразлично скользкий по ее лицу взгляд генерала Маркова, когда тот посещал раненых или приходил в гости к медсестрам, и ее нелепая

любовь превращалась в ненависть. Не только к Маркову, но и к Долинскому, и к Корнилову, который почему-то не любит Маркова, и вообще ко всем офицерам. И вспоминался тот красный, спасающийся у нее, подаривший ей золотой крестик на золотой цепочке.

Бригаду подняли после полуночи. Сборный пункт — западная окраина станицы — ближе к железной дороге. Офицерский полк долго скучал и мерз, ожидая, пока генерал не проведет первую встречу с Кубанским полком, вошедшим в его бригаду. Хрустели офицерские сапоги по ледку, образовавшемуся после ночного заморозка. Марков пытался в темноте разглядеть и понять новых своих бойцов. Примерно половина Кубанского полка — офицеры. Но не его офицеры, а другие. Объяснил им задачу: взять к утру станицу Георгие-Афипскую и станцию. В ответ — тревожное молчание.

— Приказ командующего бригада выполнит, — говорил Марков. — За весь наш поход не было случая, чтобы офицеры и солдаты, которых я веду в бой, не выполнили боевую задачу. Красные всегда бежали и будут бежать от нас. И на ваш полк я надеюсь. Если некоторые из вас не участвовали в боях, в каких приходилось нам сражаться, то скажу вам одно: главное — не бояться. Не бойтесь пули. Если суждено, то она найдет вас везде, не судьба — так и в самом жарком бою уцелеете. Я никогда не берегся пули — и вот, видите, цел. Наступаем мы не одни — слева идет 2-я бригада.

Чувствовалось, что его не очень поняли, и это лишь добавило к происходящему еще один неприятный момент. А 2-я бригада? Целый день наступала на юг, чтобы теперь идти вместе с нами? Обходной маневр? Только обходила не красных, а бригаду генерала Маркова. Что за сложный маневр?

Из Ново-Дмитриевской вышли походной колонной. Впереди, конечно, Офицерский полк. За ним — артиллеристы Миончинского; теперь это была 1-я отдельная батарея из четырех трехдюймовок. Замыкали колонну Кубанский полк, обоз и Инженерная рота. Едва вышли из стани-

цы, как начали тонуть в грязи. Местами дорога была залита водой почти до колен. Роты останавливались, задерживали идущих за ними, и ночная темь уже разбавлялась мутию рассвета и впереди обозначилась полоса железной дороги, станичная колокольня, темные силуэты хат.

Марков и Тимановский ехали шагом с колонной Офицерского полка.

— Как тут к утру возьмешь станцию, когда к утру до нее и не дойдешь? А? Степаныч?

Тимановский молча закурил трубочку. Через несколько минут сказал:

— Жди Корнилова.

Действительно, вскоре сзади замелькала конная группа, идущая рысью, и, конечно, впереди торчало знамя. Марков дал команду разворачиваться. Первые четыре роты Офицерского полка — правее станции, 5-ю и 6-ю — в резерв. Кубанский полк — фронтом на станцию.

С тихими матерными проклятиями расходились офицеры по липкой грязи полей, поглядывая на тревожно молчаливые дома впереди и станционные постройки, вдруг осветившиеся розовым потоком первых солнечных лучей. Бригада еще не развернулась, а толпами перемещалась по полю, когда подъехал Корнилов со свитой. И вновь Марков почувствовал неясное изменение к худшему. Генерал остановился, прервал начатый Марковым доклад, сказал холодно:

— Не трудитесь, генерал. Вижу, что уже утро, а вы не на станции.

Оба смотрели вперед, на Георгие-Афипскую. До железнодорожной насыпи и станции было не более версты. Над станционной постройкой появились быстрые и грозные клубы дыма, и в розовом свете восхода показалась зеленая сталь выехавшего бронепоезда.

Возникло неправдоподобное мгновение полной тишины и даже кажущейся умиротворяющей неподвижности. Бронепоезд остановился, дым застыл в безветрии черно-серым облаком. Офицерские роты почти не двигались, увязнув в мокрых полях, поросших мелким кустарником. Впереди поле пересекалось валом-дамбой.

Марков повернулся к Корнилову, не понимая его неожиданной резкости. Тот глянул на генерала с диким азиатским блеском в глазах. И, наконец, Марков понял, что изменилось: в составе штаба командующего не было Деникина.

В этот момент на станции из пассажирского вагона, только что отцепленного от бронепоезда, вышла Ольга Саманкина в сопровождении матроса. Их встретил комендант станции, большеголовый широкоплечий латыш, недавно заброшенный сюда революцией и Гражданской войной. На поясе у коменданта — маузер, к которому он еще не привык, и то и дело поправлял желтую деревянную кобуру. За ним стояли двое помощников с винтовками.

— Мне сказали, что вы хотите к белым, — сердито обратился комендант к матросу и женщине. — За это расстрелять на месте.

И он обеими руками взялся за кобуру.

Мгновение странного покоя длилось, как и следовало, всего лишь мгновение. Огромный солнечно-сияющий спокойный мир сжался и лопнул с грохотом орудийных выстрелов, поддержанным отчаянно злобным рокотом пулеметов бронепоезда. Потемнело в глазах от развороченной разрывами земли. Все изменилось за несколько секунд: офицеры рассеялись по полю, ища укрытий. Одни падали в канавы, другие пытались спрятаться за чахлые голые кусты, некоторые просто бежали куда-нибудь, самые догадливые бросились к дамбе и там залегли. Горланно закричал непонятные слова раненый текинец из конвоя Корнилова. Сам командующий не постеснялся подскочить к дамбе, спрыгнуть с лошади и залечь. Его штаб последовал за ним. Громко закричал Романовский:

— Господа! Я ранен! Не могу подняться!

Еще громче крикнул Марков:

— Роты в цепь! Приготовиться к атаке! Артиллеристы к бою!

Миончинский рысью вывел батарею вперед. Лошади с трудом прошли мокрое поле, вытащили орудия на уже подсохшую полянку, спрятавшуюся в кустарнике. Зазвучали обычные команды: «С передков! К бою!..» По степи

метались разбежавшиеся лошади генеральской свиты. Их с трудом ловили коноводы.

Батарея открыла беглый огонь по бронепоезду. Бледные на солнце молнии выстрелов вспыхивали над затворами пушек. Миончинский рассчитал прицел точно — разрывы покрыли железнодорожную колею и платформы бронепоезда черными всплесками земли.

Бронепоезд задымил и быстро скрылся, уйдя на станцию.

Гром начавшегося боя напугал прилудную собаку, дремавшую у дверей комендатуры, и прервал объяснения коменданта с Ольгой и сопровождавшим ее матросом. Грохот выстрелов и разрывов перекатами ходил над станцией, уши пронизывала боль, сердце падало, хотелось зажмуриться, лечь и уползти куда-нибудь. Комендант решил перенести разбор дела подозрительных лиц в свой кабинет. По дороге он отшвырнул сапогом ластившуюся собаку, вроде бы белую, но густо покрытую грязью.

В кабинете латыш сидел за столом, его бойцы стояли по бокам, а Ольга и матрос остановились у двери и наперебой доказывали в паузах между пушечными выстрелами, что в документе все указано: она сопровождает бывших офицеров после лечения в госпитале к месту жительства. По договоренности корниловцы передают в станице Елизаветинской двоих пленных большевиков.

— Сам Автономов подписал! — горячо говорила Ольга.

— Автономия — есть контрреволюция, — грозно возразил комендант. — За это расстрелять. Я имею право приводить приговор в исполнение.

— Не автономия, а Автономов! Командующий Юго-Восточной революционной армией. За невыполнение его приказа — расстрел без всякого приговора, — заявил матрос вполне спокойно и сдвинул бескозырку на затылок.

— Кто к кадетам идет — расстрел, — комендант теперь обратился к своим помощникам. — Кто не пускает, опять расстрел? Так я говорил, товарищи?

— К белым, конечно, контра переходит, — сказал один.

— А с другого боку приказ Автономова, — сказал другой.

— Автономия, Автономов, — пробормотал комендант и наконец решил. — Берите белый флаг и надо везти своих раненых.

— Это уж я сама устрою, — сказала успокоившаяся Ольга. — После боя. К вечеру.

Матрос, не прощаясь с Ольгой, быстро зашагал к своему бронепоезду. С подножки первой боевой платформы ему кричал командир — Олег Руденко:

— Бегом, Ярошук! Выходим на позицию кадетов биты! Сдал эту бабу коменданту? Пустит он ее к белым или шлепнет?

— Самого, твою мать, чуть не шлепнули...

По бригаде Маркова из пушек и пулеметов били два бронепоезда. Они не выехали на открытое пространство, а стояли у станции, скрытые густыми посадками, и не дымили. Били поочередно гранатами и шрапнелью, особенно стараясь поразить батарею, стоящую на открытой позиции. Спасало лишь то, что лошади и орудия развезли грязь на казавшейся сухой полянке, и гранаты, падавшие в глубокое месиво, не разрывались. Но от шрапнели жертв было достаточно. Ларионов таскал раненых в кусты, к передкам.

Бригада Маркова пряталась от огня за железнодорожной насыпью. Сам генерал был здесь же. Он пробрался по кустам к батарее и обрушился на Миончинского:

— Почему не бьешь по бронепоездам, твою мать? Я не могу поднять людей на пулеметы и орудия, а ты спишь... так тебя!..

— У меня нет снарядов на пристрелку. Я не вижу бронепоездов и не могу бить прямой наводкой. Они даже дымить перестали. У меня осталось столько снарядов, что я могу бить только наверняка.

Станция ожила, зашевелилась. На поле из-за стационарных построек и посадок появились цепи серых шинелей. Марков опять был среди своих офицеров за насыпью. До наступающих красных оставалось шагов 600. Были слышны выкрики «Бей кадетов!» и матерная брань.

— Перебежками по одному! — скомандовал Марков. — Вперед!

Некоторые выполнили команду, другие лежали, будто ее и не слышали. Возмущенно кричали командиры рот, но ничего не менялось. Пулеметы и винтовки красных били непрерывно и прицельно. Не прерывался и поток раненых, переправляемых в тыл. Среди тех, кто пытался начать атаку и бежал вперед за насыпь, к речонке Шелш, тоже стонали раненые. Появилась медсестра Маруся. Она смело перелезла через насыпь и, пригибаясь, побежала вперед — надо же помочь тем, кто лежит там, на поле, истекая кровью. Вскоре она исчезла из виду. Думали, что погибла.

Красные цепи залегли. Бой затягивался.

Передали приказ:

— Генерала Маркова к командующему!

Марков поднялся и, почти не пригибаясь под пулями, быстро шагнул туда, где висело в безветрии трехцветное знамя. Палящее солнце высвечивало неформенную зелено-вато-грязную куртку генерала.

— Который час, Сергей Леонидович? — спросил Корнилов прибывшего Маркова, сверкая диким азиатским взглядом.

— Два часа пополудни, ваше превосходительство.

— Я просил вас о ночном налете, а вы закатали мне дневной бой. Хаджиев, собирайте конвой. Едем во вторую бригаду.

И больше не взглянул на Маркова.

Первый выговор за весь поход. Несправедливый выговор. Сам же все видел, все знает: бригада численностью менее двух тысяч наступает на пятитысячный гарнизон красных, поддерживаемый двумя бронепоездами. Бригада погнала бы красных, если б не тонула в грязи на дорогах и в степи. Если б снарядов у Миончинского было достаточно.

Не столько с обидой, сколько с удивлением смотрел Марков вслед командующему, пытаясь понять, что же произошло в мире, если даже Корнилов вдруг так изменился. Может быть, несбывшиеся ожидания? Вместо мар-

ша-прогулки к Екатеринодару такой тяжелый бой? В Офицерском полку почти 150 убитых и раненых.

Сидели с Тимановским за насыпью. Тот достал бутылочку с пробкой-стаканчиком, осторожно, как лекарство, налил коньяк, распространяя аромат исчезнувшего прошлого. Марков выпил, вздохнул успокоенно, спросил:

— Что с Деникиным? Мне сказали — заболел.

Тимановский тоже выпил, спрятал бутылочку, достал трубку, закурил, взглянул на командира изучающее, как доктор.

— Чего смотришь, Степаныч? Я здоров.

— У меня был Гаврилыч. Его Деникин приглашал, чтобы он его осмотрел и нашел болезнь. Гаврилыч нашел бронхит. Антон Иванович знает, кто у нас Родичев, и объяснил ему, что лучше болеть, чем ссориться с Корниловым. У того какой-то свой план наступления.

— Хороший коньячок. Не забывают нас союзники. Давай свой план наступления рисовать. По-моему, только Миончинский поможет.

— Точно, Сергей Леонидович.

Под огнем, перебежками пробрались к батарее. Остановились шагах в ста от командного пункта Миончинского. К орудиям лучше близко не подходить — красные бьют прицельно. Спасает грязь — снаряды не взрываются, но шрапнель многих выкосила.

Миончинский по обыкновению был спокоен, только скашивал взгляд, если разрыв гремел слишком близко.

— Дмитрий Тимофеевич, — уговаривал Марков, — возьмем станцию — там склад снарядов. В тех низких серых строениях. А сейчас не жалей снаряды.

— Чтобы не жалеть снаряды, надо бить наверняка. Это значит — прямая наводка.

— Выходи на прямую и бей. Только бей по поездам, а не по зданиям. Иначе без снарядов останешься.

Миончинский скомандовал: «Расчеты на колеса! Выезжаем на прямую наводку. Вперед!..» Мешала грязь, но помогал заметный наклон местности в сторону станции. Через несколько минут артиллеристы на руках докатили пушки до удобного места, с которого открывался вид на

красные бронепоезда, стоявшие в посадках на окраине станции.

— Гранатой! — командовал подполковник. — Первое и второе — по правому, третье и четвертое — по левому! Прицел 22!..

Первый разрыв вздыбил насыпь, осыпая землей сталь переднего бронепоезда, с которого строчили пулеметы. Удачные были и следующие выстрелы. Платформы дымились, огонь орудий правого бронепоезда прекратился. Марков и Тимановский наблюдали в бинокли. Вдруг очередной выстрел, и... оглушительный грохот сотряс землю, высокий столб черного дыма, прорезанный лезвиями пламени, поднялся над низким пристанционным строением.

— Эх, твою мать! — выругался Марков, опуская бинокль. — Куда же он стрелял? Я же предупреждал — там склад снарядов.

Но еще не затихли отголоски этого взрыва, а окраина станции вдруг заполнилась бегущими красными. Оба бронепоезда задымили и тронулись к станции. Второй шел медленнее — наверное, выстрелами повредили паровоз. Услышалось отдаленное офицерское «Ура!» слева, со стороны станицы — Корнилов бросил в наступление 2-ю бригаду.

— Командуй в атаку, Степаныч, — сказал Марков. — Бой выигран.

На станции бронепоезда встречал комендант со своими помощниками. Он рвался уехать на «Коммунисте». Из штабного вагона вышел Руденко с забинтованной головой — выстрелом сбило с ног, и он ударился о стальную стенку.

— Санитарный вагон с ранеными цепляй к моему бронепоезду, — сказал он коменданту, — а с тобой разберемся. Веди к телефону.

В комнате коменданта сидела Маруся в косынке сестры милосердия и в шинели без погон.

— Бежал от белых, — объяснил комендант. — Я уже ничего не понимал. Один сестра — к белым, другой — от белых.

Руденко и его матросы с любопытством рассматривали женщину.

— Сама сбежала или наши взяли? — спросил командир.

— Ушла от них. Вроде за ранеными. Цепи залегли, я поползла к вашим и раненым помогала.

Совсем близко застрочил пулемет. Мимо окон коменда-туры бежали отступающие красногвардейцы.

— Командир, давай за телефон скорей, — заволновались матросы.

— Линьков им из своих пулеметов в борт ударит. Давай связь, комендант. А ты, перебежчица, как тебя? Маруся? Расскажи, что там. Много ваших побили?

— Много. Раненых не успевали выносить. Вы сказали: Ливнков. Он здесь? Он меня знает.

— Хорошо. Сейчас он сюда причалит. Ему тоже связь нужна. А что генералы?

— Начальник штаба Романовский ранен в ногу, на-вылет.

— А Марков?

— Этого черта пули не берут.

— Не любишь его? Вот и я тоже. Комендант, где связь? Давай трубку! Город! Город! Давай штаб! Давай ко-мандующего!.. Вот и твой Линьков, Маруся. Хорошо, Ми-ша, твои пулеметы работают. За это представлю тебя тво-ей знакомой.

Линьков старался изобразить радость встречи, но боял-ся неожиданностей — могут по-всякому повернуть.

— Это моя разведчица, — сказал он. — Что-нибудь принесла нового?

Теперь пулеметы дружно заработали на западной окра-ине. Временами даже слышалось «Ура!».

— Все планы знаю. Все расскажу, — Маруся быстро поднялась со скамейки и подошла к Линькову.

— В штабе расскажешь, — перебил Руденко. — Тиши-на! Говорю с самим. Да... Отступают полным ходом. Есть.

Положил трубку. Все смотрели на него со страхом и на-деждой: жизнь и смерть зависели от приказа Автономова.

Линьков, еще только принимая под командование так

называемый бронепоезд, на котором не было ни единого орудия, понял, зачем его назначил сюда Автономов, и ре-шил, что надо как-то бежать. Пытался оказаться конту-женным, но экипаж — матросы. Их так легко не прове-дешь. Теперь предлог серьезный.

— Приказано отступить, — сказал Руденко. — Ты, ко-мендант, давай со своими на мой «Коммунист».

Теперь пулеметный и винтовочный огонь приближался с востока. Станцию охватывали с двух сторон.

— Олег, — в голосе Линькова звучало безнадежное от-чаяние, не так бы надо просить о спасении, — у разведчи-цы ценные сведения. Нам с ней надо срочно в штаб, а у ме-ня поврежден паровоз. Его сейчас отремонтируют, но он еле ползет. Только к утру доедем до Екатеринодара. Мне надо ехать с тобой. Командование передам комиссару. Ты его знаешь.

Руденко помолчал, пристально вглядываясь в Линько-ва. Потом сказал бесстрастно:

— Надо Автономову доложить.

— Я знаю план Корнилова, — сказала Маруся. — Уз-нала от адъютанта.

Руденко взялся за телефон и вскоре бросил — связи уже не было. Перебили провод.

— Ты, Миша, командир, и не имеешь права бросать своих людей. А у тебя мои матросы. Все! По местам и отда-ем концы.

Все чуть ли не бегом поспешили к бронепоездам. Толь-ко Линьков плелся, как приговоренный. Он и был приго-ворен.

Один из помощников коменданта вдруг вспомнил о со-баке:

— Возьмем ее, товарищ комендант? Она к нам привыкла.

— Ты что говоришь? Какой собака?

— Вот эта. Белая. Вишь, к нам ласкается.

— Белая? Белых расстрелять! Я сам.

И вытащил маузер.

Линьков смотрел, как дергается собака в предсмертных судорогах, царапая лапами землю, и с ужасом представ-лял, что скоро и он так...

Генерал Марков знал, что надо не только победить противника, но и в самой победе добиваться высшей точки успеха. Мало захватить указанный населенный пункт, мало взять пленных и трофеи, мало заставить врагов бежать — надо преследовать, окружать, добивать, чтобы уничтожить как можно больше тех, кто завтра снова повернет штыки против него. Резервным 5-й и 6-й ротам он приказал наступать в направлении моста через Кубань, справа от железной дороги, стремится преградить дорогу отступающим и довершить разгром противника.

Въезжая в Георгие-Афипскую вместе с другими ротами Офицерского полка в сопровождении Боровского и Кутепова, Марков уже в мыслях был на берегу Кубани и рассматривал варианты быстрой успешной переправы. Ночью? В лоб или каким-нибудь хитрым обходом?.. Дорогу пересекла странная конная группа: двое всадников-артиллеристов вели в поводу еще двух лошадей. Одного он узнал — прапорщик Брянцев.

— Что за прогулка, прапорщик?

— Лошадей своих ловили, ваше превосходительство. Разбежались от стрельбы.

— Ваш напарник сможет сам отвести лошадей на батарею? Тогда я даю вам задание, прапорщик Брянцев. Мне сейчас донесли, что второй бронепоезд красных вооружен лишь пулеметами. Он только что отошел от станции и движется очень медленно из-за какого-то повреждения. Наши 5-я и 6-я роты наступают вдоль полотна справа и вполне могут остановить этот хилый бронепоезд, атаковать и разгромить. Скачите следом за ними и передайте мой приказ командирам рот. Пусть не боятся пушек, которых там нет.

На станции Маркова встретили верные помощники — Тимановский и Родичев. Рельсы, на которых сверкали отблески догорающих пожаров, уходили в темнеющую степь. За ней — Кубань и Екатеринодар. Там впереди вдруг заработали пулеметы и винтовки.

— Версты две, не больше. Да, Степаныч? Это наши роты берут бронепоезд.

— Вовремя вы послали прапорщика, Сергей Леонидо-

вич, — сказал Боровский, не показывая обиды на то, что командир бригады командует через голову командира полка. — Мы с Александром Павловичем планируем собрать полк здесь, на станции, выставить охранение и дать людям отдых. Они выдержали тяжелейший бой.

— Отдых до утра необходим, ваше превосходительство, — подтвердил Кутепов, как обычно вскидывая голову, выставляя вперед бородку и поправляя фуражку.

— От командующего я никаких распоряжений не получал, — сказал Марков. — Что-то штаб начал нас забывать.

— Во 2-й бригаде любимчики-красавцы, — с усмешкой сказал Боровский, от которого исходил легкий запах спиртного, — Неженцев, Скоблин...

Кутепов быстро, с удивлением взглянул на генерала и отвернулся в сторону площади, где еще лежали трупы, бродили офицеры, собираясь в группы, некоторые что-то пили и закусывали. Марков понял обоих — и стремящегося соглашаться с начальником, и не допускающего критического вольнодумства по отношению к высшему командованию. Оба не нравились.

— Отдыхать до утра будут не все, — резко сказал он. — Приказываю вам, генерал Боровский, приготовить 1-ю роту к ночному маршу вдоль железной дороги. Впрочем, я сегодня провел много времени в цепи и видел, что во всех ротах есть офицеры, которые пытались отлежаться за дамбой, не шли в атаку по команде. Пришлось некоторых нагайкой гнать вперед. И в 1-й роте такие тоже были. К тому же потери. Может быть, из 3-й роты, бывшей вашей, Александр Павлович, перевести в 1-ю самых боевых офицеров? Чтобы мой авангард состоял из настоящих бойцов.

Боровский и Кутепов, получив указания, разъехались собирать полк. Марков со своими помощниками намеревался где-то отдохнуть, но к нему подбежал солдат-посыльный из Кубанского полка и доложил, что за станцией, в медпункте с флагом красного креста обнаружены оставленные противником, медсестра и два раненых офицера.

Впереди перестрелка заканчивалась — замолчали пулеметы, и лишь редкие выстрелы винтовок еще пробивали наступающую вечернюю тишину.

— Там наши заканчивают, — сказал Марков удовлетворенно. — А медицина по твоей части, Гаврилыч. Ладно, посмотрим вместе. Здесь близко.

5-я рота под командованием штабс-капитана Некрашевича, получив приказ Маркова, залегла шагах в трехстах от железной дороги и ожидала подхода медленно движущегося бронепоезда «Слава революции». Брянцев попросил разрешения участвовать в бою — до сих пор он видел противника только издали и не убил сам ни одного ненавистного красного. Их поражали снаряды, которые он вгонял в ствол и со звонким ударом запечатывал поршнем затвора. Теперь он сам будет убивать. Лошадь Брянцев оставил в ложине вместе с лошадьми командиров.

— Открываем огонь залпом, — командовал Некрашевич. — Только по моему сигналу!

Над насыпью малиновые полосы заката прорывались сквозь серую гущу облаков, сумерки возникали в разросшихся придорожных посадках и расплывались над черной линией рельс, четко разделивших землю и небо.

— Полоса отчуждения, — сказал офицер, устроившийся в цепи рядом с Брянцевым.

Они оба лежали, укрывшись за кочками, оцетинившись сухой прошлогодней травой.

— Именно отчуждения, — согласился Брянцев. — Здесь — мы, там — они.

Бронепоезд приближался невыносимо медленно — сердце едва выдерживало ожидание. Паровоз, окутанный дымом, беспомощно пыхтел. Приблизился к цепи и почти остановился. Брянцев ужаснулся — заметили. Дым рассеялся в вечернем неподвижном воздухе, открывая тускло-зеленое железо, несущее смерть. Полоса отчуждения: здесь — мы, офицеры, дружно сражающиеся за Россию, там — черные стволы пулеметов. Пять или шесть платформ — броневых коробок. На некоторых открыты торцевые двери, в проемах стоят черные люди в черных беско-

лырках с черными лентами. Цепь раза три длиннее поезда. Смотришь, как из одного мира в другой — чужой и страшный.

Некрашевич скомандовал «Огонь!» и сам выстрелил из револьвера в тот момент, когда паровоз поравнялся с серединой цепи — штабс-капитан здесь выбрал место для своего командного пункта.

Залп раскатился по степи, зашипела вода, вытекающая из разбитого котла паровоза, в ответ гулко забили пулеметы.

— Вперед, господа! — закричал Некрашевич. — Они бьют неприцельно! Возьмем их, пока не пристрелялись!

Брянцев бежал к бронепоезду как к спасению — пули взвизгивали так близко и злобно, что если не бежать, то можно лишь зажмуриться, закрыть лицо руками и упасть. Бегущий рядом, тот, что сказал о полосе отчуждения, упал, будто споткнувшись, лицом в землю. Брянцев лишь мельком взглянул на него, легко перепрыгнул рытвину, наполненную водой, и бежал к первой платформе бронепоезда с таким чувством, словно это спасительная стена, за которой можно укрыться от зловещих пронзительно кратких посвистываний.

После отказа Руденко Линьков шел к своему бронепоезду, чувствуя, что идет на смерть. Тяжкий камень обреченности тянул к холодной сырой земле, к небытию, разрывал напряженные нервы, смешивал мысли, не позволяя что-то обдумать, что-то решить. А что решать? Как спастись?

— Не волнуйтесь, Миша, — говорила Маруся. — Доедем на вашем бронепоезде. Ваше начальство будет нас очень благодарить — я же знаю, где будет Корнилов наступать.

— Да, да, они будут наступать, — невпопад ответил Линьков. — Они все время наступают.

У паровоза стояли комиссар, машинист, несколько матросов. Озабоченный машинист объяснял, что «если бы заварить...».

— Ну, что, командир? — спросил комиссар. — Курс на город? И экипаж у нас с пополнением?

— Медсестра. Моя разведчица. Была у кадетов.

— Ого! Героическая женщина!
— Поедет со мной. В командном пункте. Вы, комиссар, — на последней платформе.
— Есть на баке. Пошли, братишки. Сразу концы отдаем?
— Отправляемся немедленно, — подтвердил Линьков. — Гнать поезд как можно быстрее.
— Если бы заварить... — начал опять свое машинист.
— Будут преследовать, — перебил его Линьков, — догонят — знаете, что с нами кадеты сделают?
— Отобьемся, — сказал комиссар. — Почти все пулеметы целы.

Бронепоезд шел чуть скорее пешехода. Линьков сидел в бронированной коробке командного пункта. Рядом — Маруся. Справа и слева по ходу — матросы у пулеметов. Командир не слышал, что ему говорят. Мысли его путались — не мог вспомнить, о чем должен подумать, что решить. Уйти в степь и за ночь добраться до моста через Кубань? Нет. Поймают. И эта Маруся навязалась. Автономов? Опять пошлет на смерть. Савкин? Дошла ли его шифровка?

Маруся что-то говорила — он не понимал, не слышал ее слов. Услышал залп винтовок, крики: «Вперед! За Россию!» Понял, что все кончено. Надо успеть что-то придумать, что-то решить. Кричат: «Марковцы, вперед! Бей красную сволочь!» Маруся прижалась к нему, что-то бормоча.

Он грубо оттолкнул ее:

— Отстань!

Матросы без команды били из пулеметов.

— Скажи им, что я пленная, — истерически закричала Маруся.

Офицерские сапоги уже топали по платформе, сопровождаемые пальбой из винтовок. Пулеметы замолкали.

— А я служу у Маркова! — воскликнул Линьков. — Я спас ему жизнь.

Уже рванули бронированную дверь. Матросы-пулеметчики кинулись навстречу. Один упал, пораженный выстрелом в упор, другого пропороли штыком, и он корчился на полу, воя и матерясь. Яростные лица офицеров, черные

погоны, черно-белые фуражки... И страшное сверканье штыков.

— Я пленная, — кричала Маруся, — я медсестра. Меня знает генерал Марков!..

— А я служил... Спасал... — забормотал Линьков.

Его перебил ворвавшийся прапорщик Брянцев:

— Я зна-аю, кто ты, — приговаривал прапорщик, работая штыком.

В юнкерском училище он был одним из лучших на занятиях по штыковому бою.

Линьков с хрипом и воем упал ему под ноги, и угасающая его мысль судорожно дергалась: за что ему такая мучительная смерть? За то, что гордился положением профессионального революционера? За свой большевизм? За отречение от него? За предательство? За то, что отрекся от всех интеллигентных понятий о жизни и стал бандитом? Не смог, не успел найти ответ на эти вопросы. Не успел предположить, что, возможно, и не существует ответов на подобные вопросы. Может быть, люди в России убивают друг друга, давая выход накопившейся ненависти всех ко всем, каждого к каждому? Ненавидят богатых, нищих, сильных, слабых, евреев, вообще инородцев, начальников, подчиненных, соседей, жандармов, революционеров, интеллигентов...

Так нельзя — вспыхивала мысль последней смертельной молнией. Так нельзя умирать, когда из развороченного живота вываливается красное и черное, а из груди вырывают душу, вырывают жизнь.

Марусю вывели из вагона. За ней шел Брянцев, протирая штык специально приготовленным платком.

— Красного палача заколол, — объяснял он какому-то офицеру, оказавшемуся рядом. — Гад. Подыхал, а бормотал, что он будто не за большевиков, а за нас. До самой смерти лгал. Я ж его знаю — ростовского палача.

Под насыпью добивали матросов: стреляли, кололи. Злобная брань победителей, предсмертные крики погибающих. Машинист хватался за рукава офицерских шинелей, молил о пощаде:

— Я же подневольный!.. Господа, я не виноват. Они заставили. Я все расскажу, что знаю, что слышал...

— Молчи, пролетарий-коммунист! Помолись перед смертью своему Ленину или Марксу...

Увидев Марусю, машинист закричал:

— Вот она ихняя разведчица! Была у вас и все планы знает. В Екатеринодар ехала, в штаб. Я все слышал, как она объясняла. Все, говорит, знаю. Как Корнилов будет наступать, знает...

— Ой, ты, сволочь воючая! — завизжала Маруся.

Подошел поручик Корнеев.

— Дайте-ка мне ее, — сказал он с доброй улыбкой. — Люблю баб колоть. Ну, миленькая, куда тебя? В ...?

Слушая рассказ Руденко о бое под Георгие-Афипской, Автономов хмурился, возмущался, скорбно вздыхал — считал, что так должен вести себя командующий, слушая доклад о неудачном сражении, о гибели подчиненных. Его и на самом деле волновала сложившаяся обстановка: конечно, хорошо, что очкарик погиб — теперь не донесет о переговорах с белыми, но Корнилов-то не сегодня завтра навалится на Екатеринодар, а разве устоят против него эта матросня и кубанцы, еще не решившие, за кого они? Конечно, есть рабочие, но они винтовку-то держать не умеют, а против них опытные боевые офицеры. Надо на всякий случай Савкина послать комиссаром в рабочий отряд.

— Жалко Линькова, — сказал Автономов, — старый большевик. И матросов твоих жаль.

— Я их прибавил к счету. У меня давно на Маркова счет ведется. Получу сполна. И девицу-перебежчицу жаль. Ведь она хотела передать секретные сведения о плане Корнилова. Надо было мне ее допросить, но бой еще шел.

— План у него один — взять город. Марков уже подходит к мосту. На твой бронепоезд надежда, Олег. На твоих матросов. Нельзя пустить Маркова через Кубань.

Марков сам вел батальон кубанцев и офицерскую роту вдоль железной дороги к мосту через Кубань. В роту попали и Дымников, и Мушкаев. Они шли рядом, и Мушкаеву приходилось выслушивать проклятия кунака в адрес рас-

сиротакой жизни, когда после целого дня боя дают отдохнуть лишь два часа и снова гонят вперед, в наступление.

— Под Ново-Дмитриевской в метель на переправе и в ночном бою было тяжелее, — напомнил Мушкаев. — Я вспоминаю и даже не верю, что мог все это пережить и даже сражался там.

— Ледяной поход? Да. Тогда веселее было, но и сейчас тоже не скучно.

Мушкаеву не было скучно. После той страшной и героической ночи он впервые в жизни осознал себя мужчиной, бойцом, победителем, человеком. Ранее, до войны, пытался создать семью, но ничего путного из этого не вышло. На фронте, в окопах — карты. Часто — неудачи. Затем как будто появилась возможность полезной деятельности на благо закабаленного и восставшего народа, но оказалось, что во главе этого движения стоят обманувшие народ негодяи-диктаторы, предатели России, кровожадные палачи. Его честная аккуратная работа в штабе Сиверса оценивалась угрожающими намеками — не пора ли, мол, и тебя, офицерика?

Под Ново-Дмитриевской победила не только Добровольческая армия, не только Марков, но и он, Мушкаев, преодолевший невероятные трудности похода и без страха вступивший в бой. Он убивал врагов. Наверное, это слово не совсем подходит. Те, кого он колот штыком, в кого стрелял, не были его личными врагами. Это были люди, которых надо убивать, потому что они убивают таких, как он. Хотят уничтожить всех. Среди них, наверное, есть похожие на него, воспрявшие духом благодаря войне.

Они шли по светлой дороге под полной луной. Когда ее конопатый желтый круг закрывался облачками, возникали звезды. Впереди — блестящая пылинка Полярной звезды. Указывает дорогу к Екатеринодару.

— С армией едет Родзянко, — вспомнил Мушкаев. — Они с Корниловым создадут в Екатеринодаре правительство.

— В Питере у обоих получилось плохо. Решили здесь попробовать.

— Скажи, Леонтий, как ты думаешь, а если бы Марков, например, ну...

— Чего ну? Говори. В правительство, что ли?

— Я не о том. Не обязательно о Маркове. Он настоящий полководец. Талантливый и смелый. Это его призвание. Бог создал его для войны и побед. Как ты думаешь, для него имеет значение, за что воевать? За монархию, за республику? А может быть, даже за Советы? Это я так — теоретически.

— Нормальный человек воюет поневоле. Когда у него нет другого выхода, как у нас с тобой. Да и у Маркова тоже.

— Но мы же не профессиональные полководцы.

— Это Салтыков-Щедрин где-то написал о странствующем воеводе.

Вышли на сухую дорогу. Луна подвинулась в сторону и не мешала видеть звезды: Ковш, Полярную, дубль-ве Кассиопеи...

— Спеть бы сейчас, господа, — с досадой сказал кто-то из офицеров в передних рядах, — да маскировка не велит.

И все же запел негромко:

С тобою я привык мечтать,

С тобою, ясною звездою...

Сзади — дробная рысь опытной военной лошади и генеральский окрик:

— Отставить песню! Господа, противник рядом.

Кутепов умел появляться там, где беспорядок, и немедленно восстанавливал дисциплину. Проскакал в голову колонны.

— Ты давно с Кутеповым, Лео?

— В Петрограде в феврале 1917 пытались революцию вместе с ним остановить. Был у него в карательном отряде. Потому и шагаю здесь. «Ни сна, ни отдыха измученной душе».

— Говорят, он за монархию?

— Да, он такой.

— Корнилов за республику. А ты?

— А я за себя.

— А Марков?

— Он за Россию.

— Я ж тебе говорю, что ему все равно, за что воевать.

Кутепов догнал Маркова, ехавшего верхом впереди с ординарцами и командиром роты Плохинским. Доложил, что генерал Боровский послал его лично узнать у командира бригады, какие будут распоряжения на завтра, какой приказ поступил от командующего.

Марков помолчал, и от всей его некавалерийской фигуры, от бледно-зеленого в лунном свете лица исходило раздражение. Ответил грубо:

— Меня замещает Николай Степанович Тимановский. Он находится на станции рядом с вами и решает все вопросы. От командующего армии и из штаба я никаких приказов не получал.

— Разрешите вернуться на станцию? — бесстрастно спросил Кутепов.

Марков понимал, что перед ним настоящий солдат, готовый выполнить любой приказ, даже самый нелепый — карательный отряд возглавил в Петрограде. Командир Преображенского полка. Но вот только командир — не настоящий, ведь командира Его Императорского Величества лейб-гвардии Преображенского полка назначает государь и вводит его в круг приближенных лиц. А этого назначил Алексеев уже после отречения императора. Дисциплинированный офицер, но проскальзывает в нем что-то тупо солдафонское. Не выбирает между Корниловым и Алексеевым. Корнилов разжаловал его в рядовые после Таганрога, потом назначил командиром роты, теперь — заместитель командира полка. Хотя в бою вряд ли кто надежнее, чем Кутепов, на него можно положиться.

— Подождите, Александр Павлович, — мягко сказал Марков, — у меня к вам просьба. Вы, конечно, знаете, что Иван Павлович Романовский был вчера ранен, но в ходе боя я не смог узнать подробности и сейчас в полном неведении о его самочувствии, как, по-видимому, и вы.

Кутепов подтвердил, что ничего не знает о состоянии раненого.

— А нам с вами необходимо это узнать из первых рук. Хотелось бы послать кого-нибудь из офицеров к нему лично от нас с вами. Есть здесь в роте такой офицер, которого

вы хорошо знаете и который успешно может выполнить нашу просьбу?

— Есть такой офицер, Сергей Леонидович. Это поручик Дымников.

— Дадим ему хорошую лошадь, кубанцев — в сопровождение. Главное, пусть точно передаст нам все, что скажет Иван Павлович. Именно нам и никому другому. Ведь начальник штаба может сообщить нам на словах самые последние сведения о положении армии, о дальнейших планах командующего.

— Поручик Дымников выполнит такую задачу. Я его знаю с февраля 1917. Он помогал мне из Петрограда, когда за мной охотились большевики.

В конце дня Леонтий Дымников входил в штаб армии в станице Ново-Дмитриевской. Раненый Романовский не прерывал работу и находился в своем кабинете, в доме рядом со станичным правлением — резиденцией Корнилова. Когда ему доложили, что прибыл офицер связи от Маркова, он приказал пропустить его к нему немедленно.

Начальник штаба сидел за походным столиком, держа забинтованную ногу на низенькой табуретке. Дымников увидел перед собой человека, ни на минуту не забывающего о своем внешнем облике. Что выражается на лице, что означает данное движение или интонация голоса — все это Романовский неустанно контролировал, будто управлял неким точным внутренним механизмом.

Офицера от Маркова встретил с радушием, доброжелательностью, но пристального оценивающего взгляда не скроешь. Усадил, расспрашивал о положении в бригаде, просил передать командиру благодарность за внимание и сочувствие, уверял, что рана пустяковая — в Екатеринодаре будет танцевать вальс на праздничном балу. Но и здесь подвох, оказалось, что вальс — это хитрая штука: в Великий пост балы запрещены, а до Пасхи оставался почти месяц.

Заметив, что у поручика усталый вид, и узнав о бессонной ночи, приказал остаться на ночь в штабе и хорошо отдохнуть. Спросил, давно ли знает Маркова и других коман-

диров, выказал одобрение и уважение, узнав, что Дымников участвовал в кутеповском карательном отряде. Как-то невзначай расспросил о родителях и, по-видимому, был весьма удовлетворен, узнав, что отец — профессор Петроградского университета.

Леонтий понимал, что длинные расспросы генерала и его любезности — всего лишь выяснение, что за офицер перед ним и что ему можно сказать. По-видимому, был вполне удовлетворен, и его «механизм управления» обликом несколько ослабил действие. Романовский спокойно откинулся на стуле, поправил раненую ногу, задумался, наверное, уже не о степени доверия к офицеру, а о тех сложных неожиданных вестях, которые принесет поручик командиру 1-й бригады генералу Маркову.

— Сергей Леонидович, конечно, удивляется, почему до сих пор не получил приказ и диспозицию наступления на Екатеринодар, — сказал Романовский, глядя в глаза поручику, почти гипнотизируя его, стараясь, чтобы тот понял не только то, что говорится, но и то, что подразумевается. — И я бы на его месте удивлялся. Дело в том, что командующий сам лично разработал план наступления на Екатеринодар и переправы через Кубань совершенно неожиданный для противника. Лично сам. Понимаете, поручик? Для возможно большей секретности мне приказано довести план только до исполнителей. Даже его помощник и заместитель генерал Деникин посвящен в план лишь частично — ведь он болен бронхитом. Ваша 1-я бригада не участвует в захвате переправы, и поэтому Сергей Леонидович еще не знает о плане Лавра Георгиевича. Теперь машина уже пришла в действие, и я имею право передать через вас генералу Маркову блестящий замысел командующего, — выговаривая слово «блестящий», странно понизил голос и на Дымникова смотрел вопросительно — понимает ли? — Ваша бригада остается в районе железнодорожного моста через Кубань, и противник ждет удара именно отсюда, ведь 1-я бригада — это ударные силы армии. А переходить Кубань армия будет... Сейчас вы удивитесь, поручик. Армия идет через паромную переправу у станицы Елизаветинской. Там всего один паром на 50 человек, или на

15 всадников, или на 4 повозки с лошадьми. Сегодня с утра Конная и 2-я бригады выступили в направлении на Елизаветинскую и захватили аул Панахес. 2-я бригада остается на ночь в ауле. Конная ночью захватывает паром. Завтра, 8 апреля, армия начинает переправу. Впереди — Корниловский полк под командованием подполковника Неженцева. 9-го начинается штурм города. В авангарде — Корниловский полк. Понимаете, поручик? Гениально!

— Понимая, ваше превосходительство. Конечно, гениально, — уныло согласился Дымников. — А наша бригада так и будет стоять за рекой у моста?

— Не все время. Когда переправится авангард и начнется штурм, бригада генерала Маркова будет охранять переправу и обоз, раненых. Затем тоже переправится и вступит в бой. Если, конечно, к этому времени Екатеринодар еще не будет взят, — и вновь что-то сложное, критическое или, может быть, ироническое сверкнуло во взгляде начальника штаба. — И что особенно меня восхищает в этом гениальном стратегическом решении — Лавр Георгиевич принимал его не в самом лучшем состоянии духа. Мы были с ним в гостях у кубанского атамана Филимонова, и Лавр Георгиевич за столом жаловался на утомление, говорил, что соскучился по семье, даже сказал, что когда возьмет Екатеринодар, передаст его казакам, а сам будет только отдыхать. Правда, потом он сказал: «Если бы у меня теперь было десять тысяч бойцов, я бы пошел на Москву». На это Филимонов обещал, что после взятия Екатеринодара у него будет «трижды десять тысяч».

Дымников не любил таких высоких, ничего, по его мнению, не обозначающих слов, как «долг», «честь» и им подобных, а в своих поступках ориентировался не на правила, не на четкий внутренний механизм, а на нечто вроде интуиции. Что-то подсказывало ему, как надо себя вести, чтобы оставаться полноправным членом круга людей, среди которых живет: ранее — это была петроградская интеллигентная молодежь, затем — офицеры русской армии. Вернувшись в Георгие-Афипскую, он сразу же направился в штаб бригады на доклад Маркову, и офицеры, толпивши-

ся на солнышке перед домиком, занятым командованием, конечно, набросились на него с вопросами: что нового, куда пойдем, когда на Екатеринодар?..

— Ничего особенного. Романовский легко ранен — в ногу навьлет. Продолжает обычную работу в штабе.

Даже другу Ларионову он ничего не сказал. А тот рассказывал о слухах, с утра волновавших офицеров: будто бы поведут их не на Екатеринодар, а на Новороссийск, а если не так, то переправа через Кубань в каком-то неизвестном месте на парамах...

Дымников заметил, что поручик Корнеев стоит в стороне, не участвует в разговорах, угрюмый, бледный, чем-то напуганный. Спросил Ларионова:

— Чего это он?

— Сопровождал подводы с припасами, и исчезла бочка спирта. Испарилась. Марков вызвал — вот и ждет расправы.

— Меня примут раньше. Вот уже и вызывают.

— Поручик Дымников, к его превосходительству! — крикнул дежурный офицер с крыльца штабного дома.

Офицеры, наслаждаясь весенним многообещающим солнечным блеском и неожиданным отдыхом перед походом неизвестно куда, продолжали легкие разговоры. В центре внимания оказался молодой капитан Павлов³⁹ с живым выразительным лицом студента, увлеченного мировыми проблемами, с аккуратными усиками и добродушной улыбкой. Знали, что он ведет подробные записи в дневнике о походах и боях марковцев.

— Василий Ефимович, сознайтесь: мемуары хотите писать?

— Может быть, и напишу, если доживу до конца войны.

— А о генерале Маркове что напишете?

— Разве о нем можно сказать и написать что-то плохое? Если не я, то кто-то другой обязан рассказать России о нашем замечательном командире.

— А о том, что он к пулеметчицам и сестрам ходит, тоже напишите?

— Я этого не знаю.

— Одни знают, другие догадываются. Помните, мы его ночью встретили? В мемуарах ничего нельзя скрывать.

— Но... Я же не знаю точно. Как-нибудь придумаю, что написать. Напишу, что он ходил кое к кому, кое-куда.

— Подумают, что в сортир.

Офицеры захохотали, и Павлов вместе с ними.

В обычной казачьей горнице с иконами, картинками, цветами Дымников докладывал о своей поездке Маркову и Тимановскому, сидя перед ними за простым столом, покрытым вышитой скатертью. Пересказал все, что ему сообщил Романовский, стараясь говорить по-военному бесстрастно, однако, глядя на нервно краснеющее лицо Маркова, сбивался на какое-то нелепое сочувствие. Когда он закончил, Марков взглянул на Тимановского и начал:

— Итак, 1-я бригада, лучший в армии Офицерский полк будут охранять обоз, твою мать! Спасибо, поручик. Вы хорошо доложили. Даже уточнять нечего. Возвращайтесь в полк и доложите все Кутепову. И мы, Степаныч, пошли к офицерам.

Взял нагайку, поиграл ею, направился к двери, о чем-то раздумывая на ходу. О чем-то неприятном. Может быть, о странных изменениях в отношениях людей?

— Подождите, Сергей Леонидович, я трубочку закурю, — остановил его Тимановский, доставая свою любимую.

— Почему так все меняется, Степаныч?

— Не столько меняется, сколько раскрывается, и мы видим то, что раньше было скрыто.

Генерал вышел первым, за ним — Тимановский и Дымников. Прозвучало его обычное приветствие:

— Здравствуйте, мои друзья.

Офицеры отвечали с искренней радостью. Раздались вопросы: «Куда пойдём?.. Когда в поход?.. Когда на Екатеринодар?..»

Марков увидел поручика Корнеева.

— А-а!.. И ты здесь, мерзавец...?

Подошел и, неожиданно размахнувшись, с силой ударил нагайкой по плечу и шее, вновь размахнулся... Корнеев бросился бежать, генерал за ним, догоняя и стегая по спине, по рукам, куда придется. И приговаривал:

— А ты не воруй! Не воруй!

Кто-то спросил Павлова:

— Об этом тоже напишете, капитан?

В это утро 1-я бригада направилась к аулу Панахес и далее, к Елизаветинской, чтобы обеспечивать переправу, которую уже прошел авангардный Корниловский полк.

Дорога сухая. Солнце. Шли с песней:

Слушайте, братья,
Война началась!
Бросай свое дело,
В поход собирайся.
Смело мы в бой пойдём
За Русь святую,
За Родину прольём
Кровь молодую.
Рвутся снаряды,
Строчат пулеметы,
Их не боятся
Маркова роты...

А на левом берегу Кубани, у железнодорожного моста, в пяти километрах от Екатеринодара стояла Офицерская рота. Окопались, оборудовали командный пункт, установили наблюдение за правым берегом, где так же окопались красные, прошлись по окрестностям, достали самогонку, домашнее вино, сало, мамалыгу — хлеба здесь почему-то не оказалось. Ждали, когда же сюда придет бригада и начнется последний штурм. Кубанский полк стоял ниже по течению, и оттуда присылали связных за новостями, которых не было. Лишь к вечеру сюда добрался Дымников, и офицеры узнали, что город будут брать без них.

Сидели с Мушкаевым в оборудованном им укрытии, пожем одновременно и на окоп, и на шалаш, и на маленькую саклю, прижатую к скале; скалой был небольшой бугорок, подчищенный лопатой. Пили мутное кислое вино, закусывая хлебом, оказавшимся в заплечном мешке Дымникова, и салом, раздобытым Мушкаевым.

Широкий радостно-розовый закат угасал над ровным степным горизонтом. За рекой возник неразборчивый шум, выкрики, грохотанье телег. И вдруг — ритмично-протяжные звуки песни. С легким дыханием первого ветра донесли слова:

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов...

— Нашу песню поют товарищи, — усмехнулся Мушкаев. — Только слова несколько изменили.

— Уходят отсюда, — констатировал Дымников. — К Елизаветинской — корниловцев встречать.

— Я так и не понял, почему не мы в авангарде. Сколько раз ни пытался Корнилов пустить их в бою впереди, всегда ему приходилось вводить нас, марковцев. Может быть, ты мне объяснишь этот странный маневр нашего командующего?

— Любимчики, наверное. Неженцев... Вообще-то я не ожидал, что даже на войне, где смерть ждет каждую минуту, за каждым углом, люди могут быть такими мелкими. Собственно говоря, кто такой Корнилов? Смелый кочевник? Времена Чингисхана прошли. Ты же знаешь, как Брусилов отозвался о Корнилове: сердце льва, а голова осла.

За рекой шум усиливался с наступлением темноты. Вскоре даже можно было разобрать команды: «Становись!.. Шагом марш!..» Приближалась ночь, полная луна выкатилась из облака над рекой, и по Кубани побежала трепещущая дорожка. Движение в окопах красных постепенно прекратилось. Над высоким правым берегом высветилось слабое зарево от огней города.

Конский топот возник сзади. Многие офицеры поднялись, поспешили к дороге. Подъехал генерал Марков с ординарцами.

— Здравствуйте, мои друзья, — поздоровался генерал с встретившими. — По местам, господа. Обстановка на фронте спокойная.

Подъехал к крытому окопу командира роты, спешил, поздоровался, отвел Плохинского в сторону, в прохладную

темь. И сейчас же услышал чьи-то быстрые шаги, взволнованный голос:

— Господин подполковник! Назар Борисович!

— Здесь командир бригады, — ответил Плохинский и объяснил Маркову: — Мой ординарец. Что-то произошло.

Подошел офицер-ординарец, доложил:

— Ваше превосходительство, с восточного направления движется колонна пехоты. В полуверсте от наших постов.

— Поднимайте роту, Назар Борисович, а я пойду вперед. Ведите меня к постам, прапорщик. Что за колонна, твою мать? Там же стоит наш Кубанский полк.

На посту у дороги офицеры уже приготовили пулемет, всматривались, вслушивались. В степную тишину ворвались звуки войны: команды, голоса поднимающихся по тревоге офицеров, торопливые шаги. Лунный свет пестрыми пятнами рассыпался по степи, и там, где выползала из тьмы дорога, вдруг сверкнули погоны и белые фуражки.

— Стой! Кто идет? — закричали постовые.

— А кто спрашивает? — спросили с дороги.

— Здесь генерал Марков! — крикнул сам командир бригады.

— Ваше превосходительство, прибыл 1-й батальон Кубанского полка. Докладывает капитан Мельниченко.

— Остановите батальон! Я вам... вашу мать!..

Марков почти бегом рванулся к батальону, толпившемуся на дороге. За ним — офицеры, дежурившие в охране. Кубанцы быстро кое-как построились, их командир намеревался доложить по форме, но Марков махнул рукой и обложил крепкой матерщиной.

— Почему вы здесь? — кричал он. — Я же приказал вам оставаться на месте.

— Ваше превосходительство, стоим целый день — и никаких распоряжений. Думали, нас бросили...

— Что? — закричал генерал. — Ах вы..! Вы видели, что я бросил кого-нибудь? Я приказал вам стоять на месте, и вы обязаны выполнять приказ! А не хотите — ну вас...! Получайте расчет!

Подошли многие офицеры и оказались зрителями происшедшего: в зеленовато-призрачном лунном свете на дороге стоял генерал в привычной папахе и куртке. Неожиданно он сунул руку в карман этой своей потертой, потертшей цвет униформы и вытащил бумажник.

— Ваше превосходительство, вы... мы... — забормотал офицер-кубанец.

Нестройно заголосили и его офицеры и солдаты.

Марков спрятал бумажник, махнул рукой, сказал:

— Кругом марш и на место!

Повернулся и быстро зашагал к своим ординарцам.

Офицеры одобрительно смеялись вслед ему.

— Переживает, — сказал Дымников.

— Что переживает? — спросили его.

— Что Екатеринодар без него берут.

Утром следующего дня, 9 апреля, Корнилов со штабом переправился через Кубань и въехал в станицу Елизаветинскую. Здесь вместе с весенним солнцем его встречали казаки хлебом-солью, поклонами, приветствиями. У станичного Правления, уже приготовленного для размещения командующего и его штаба, — почетный караул казаков. Генерал с крыльца произнес краткую речь. Закончил призывом:

— Вступайте в нашу армию, казаки! Идите вместе с нами сражаться против темной силы, разрушающей нашу Россию, против большевистских палачей, заливших кровью всю страну и вашу родную Кубань. Призываю вас в поход. Призываю и приказываю!

В своем новом кабинете удовлетворенно осмотрел порядок на столе, разложенную карту с синими стрелами, направленными на черные кварталы Екатеринодара. Похвалил Долинского:

— Отлично, Виктор Иванович. Проверьте связь с Богавским и Эрдели и пригласите ко мне Антона Ивановича.

Адъютант знал, что если его называют по имени отчеству, можно не сомневаться в хорошем настроении генерала. Значит, армия побеждает. Или он просто радуется выздоровлению Деникина? Своевременно заболел, своевременно выздоровел. Правда, он друг Маркова...

Однако прежде Деникина к командующему прорвался кубанский атаман Филимонов⁴⁰. Тот самый, что обещал Корнилову пополнение к Екатеринодаре «трижды по десять тысяч». Теперь он был усталый и раздраженный.

— Ваше высокопревосходительство, прошу меня извинить за то, что явился к вам без вызова и, наверное, не вовремя, — кивнул головой туда, где погромывала артиллерия. — Но я вынужден обратиться к вам по поводу странного отношения ко мне и к моему правительству вашего начальника переправы генерала Эльснера, попросту не пустившего нас.

— Я знаю, что он вас задержал, — перебил Филимонова Корнилов. — Генералу Эльснеру ничего не оставалось, кроме как либо задержать вашу Раду на той стороне, либо самому быть повешенным на этой стороне. Я не люблю, когда мои приказания выполняются не точно. Паром мал, а успех дела зависит от скорейшей переправы строевых частей.

— Я понимаю вас, ваше превосходительство, но и наша Рада должна вовремя оказаться в окрестностях города и поднимать казаков на борьбу. Мне известно о вашей прекрасной зажигательной речи перед казаками и о вашем приказе мобилизовать казаков окрестных станиц.

— Когда дня через два мы возьмем город, я назначу генерал-губернатором генерала Деникина.

Филимонов, считавший себя главной властью на Кубани, сразу не нашелся, как выразить свое недоумение и даже возмущение. Не успел сказать ни слова, как с адъютантской осторожностью в комнате появился Долинский и доложил о приходе Деникина.

— Вовремя, Антон Иванович, — с горячей радостью приветствовал Корнилов своего помощника. — И выздоровели вовремя, и сейчас появились вовремя. После взятия Екатеринодара вы назначаетесь генерал-губернатором города. Вам предстоит немедленно очистить город от спрятавшихся большевиков, на корню уничтожить возможные красные заговоры, пресечь вероятные бунты, разместить войска, наладить снабжение. Это назначение я делаю на первые дни, пока все не успокоится. Александр Петрович

меня поймет — временный генерал-губернатор никоим образом не помешает Кубанской Раде. Наоборот — облегчит ее работу.

Филимонов, по-видимому, командующего не понял — ушел в полной растерянности.

Корнилов смотрел ему вслед неодобрительно.

— Власть называется, — презрительно сказал командующий, — отдали всю Кубань большевикам, а теперь на нашей крови хотят построить какую-то свою автономию. Но теперь мы не повторим ростовскую ошибку — не свяжемся ни с какими местными властями. Создадим в дальнейшем свое правительство — российское. Благо, с нами в Екатеринодаре будет председатель Государственной думы Родзянко.

— Когда вы считаете целесообразным начать штурм города, Лавр Георгиевич?

— Завтра. Контратака красных отбита. Богаевский доложил, что они бегут к городу беспорядочной толпой. Только артиллерия ведет огонь. Беспорядочный огонь. Прикрывают бегство. Разведка доносит, что в городе паника, начинается эвакуация.

— Они не ожидают вашего блестящего маневра на Елизаветинскую, Лавр Георгиевич. Были уверены, что будем наступать вдоль железной дороги. Говорят, что у них хорошо налажена разведка, но теперь я в этом сомневаюсь.

— Разведка у них неплохая, но я принял меры к обеспечению глубочайшей секретности. О моем плане знали лишь несколько человек.

— Блестящий замысел, блестящее исполнение, — в голосе Деникина играла музыка победы, наверное, для того, чтобы заглушить неприятные тона, рожденные некоторыми вопросами. Успеет ли Марков переправиться к началу штурма? Часть его бригады еще на марше.

Корнилов сверлил помощника сверкающим взглядом восточного завоевателя, сомневающегося в преданности своих воинов. Отвернулся к окну, сказал с некоторым драматическим нажимом:

— Меня волнует судьба раненых. 1200 наших бойцов! Их только сегодня начинают переправлять. Большевики

могут в любой момент напасть на переправу с любой стороны. Я готов половину армии оставить на левом берегу для защиты наших героев.

— Может быть, лучше было бы оставить для прикрытия обоза Охранную и Инженерную роты, команду кубанцев, солдат-хозяйственников?

— Не лучше, Антон Иванович. Не лучше. Я доверяю жизнь наших раненых генералу Маркову.

Он сидел на походной табуретке шагах в двадцати от изъезженной, истоптанной разбитой дороги, по которой двигались, тарахтели, скрипели повозки, с грохотом въезжавшие на бревенчатые мостки, и далее переправлялись на паром. Ржанье лошадей, крики и матерщина обозников, стоны раненых, грязно коричневая пыль, дымящаяся над землей... Куртку и папаху Марков сбросил, Георгиевский крест серебрился на измятой гимнастерке. Солнце шло к закату, било в спину и рассыпало по реке мириады трепещущих алых гребешков. Справа, в низине поймы, сверкала другая, неподвижная река — там еще не сошла вода после разлива.

Долго сидеть он не мог — вскакивал, кричал на обозных, размахивал нагайкой. Увидел повозку, на которой сидели трое офицеров, курят, смеются. У одного, правда, рука на перевязи, у другого — наклейка на щеке. Марков мог бы ординарца послать, но вскочил сам. Закричал:

— Эй, ты, белая кобыла! Съезжай с дороги!

— Ваше превосходительство, — забормотал обозный, — да мы ж Корниловского полка...

— Что, твою мать? Хочешь нагайки попробовать? Приказ: только тяжелораненых. А ты кого везешь?

Подошел ближе, лицо прапорщика, не имевшего признаков ранения, показалось знакомым, что-то напоминало.

— Дак мне сказано... — продолжал оправдываться возчик.

— Ваше превосходительство, Сергей Леонидович, мы не претендуем, — сказал улыбающийся прапорщик, и Марков его узнал: «Не вспоминайте меня, цыгане...», вспомнил и разговор по душам.

— Прапорщик Гуль, как ваша нога?

— В Екатеринодаре думаю гулять. Там, говорят, сады. Мы не претендуем на первую очередь. Подождем, пока тяжелых перевезут. Ведь так, господа? Съезжай-ка, друг. Выполняй приказ.

— Туда, в кусты, — сказал Марков, — там уже стоят некоторые торопливые. А с палочкой можете, прапорщик?

— С костылем наловчился.

— Приходите вечером к батарее. Видите там, у разлива? Меня пригласили на мамалыгу, а я вас приглашаю.

— Благодарю, ваше превосходительство. Почему на мамалыгу?

— Здесь же хлеба нет — аулы. Приходите к заходу солнца.

Беликий покой заката, покрывшего малиновым шелком широкий плес, задымившего туманом обрывы правого берега, нарушала отдаленная канонада. Гуль попрыгал, опираясь на костыль, направился вдоль дороги, навстречу неиссякаемому потоку повозок, телег, бричек, даже карет. Переправа продолжалась. Проехала бричка с барышнями Энгельгардт. Такие же ухоженные, причесанные, в темных дорожных платьях. Узнали его, приветливо помахали.

Добрался до залитой лощины, шириной, наверное, не меньше Кубани. Здесь дорога превращалась в грязное месиво. Опять вязли повозки, матерились обозные, хлеща лошадей, истерически ржали кони. С тяжелым вздохом Гуль понял, что не дойдет до батареи. А там, на просторном лугу стояли распряженные повозки, зажигались костры, снова люди, в стороне паслись лошади. Цыганский табор.

Четыре пушки с чехлами на стволах и на затворах стояли неподалеку на лугу аккуратной цепочкой. Чуть в стороне горели костры и толпились черные шинели. А вот и песня цыганская:

Сегодня вместе с вами я, цыгане...

Жаль, что прапорщик Гуль не там.

Генерал принес с собой полбуханки хлеба, поделился с артиллеристами, с Миончинским. Интеллигентный кра-

сивый молодой человек, еще и тридцати нет, а Марков его другой раз в бою кроет по-всякому.

— Дмитрий Тимофеевич, вы лучший артиллерист из тех, кого я знал. Господа, предлагаю тост за вашего командира.

— Ура! — первым закричал Ларионов, и все подхватили.

Подняли кружки, стаканы. Закусывали в основном кукурузным тестом, но некоторые раздобыли яичек и салца.

— Так стрелять, как вы, не научат даже в нашем любимом родном Михайловском училище, — продолжал Марков осыпать комплиментами командира батареи. — Здесь нужен природный талант.

— Благодарю за добрые слова, Сергей Леонидович. Я просто стараюсь как можно лучше исполнить свой долг. Жаль, что приходится стрелять по русским людям.

— Большевики раскололи Россию. Они внушили забитому, уставшему от войны народу, что мы — офицеры, дворяне — их заклятые враги. А ведь у нас, кроме службы родной России, защиты страны и народа, ничего больше в жизни нет.

Молодежь захмелела, развязались языки. Брянцев пробрался ближе к генералу.

— Сергей Леонидович, я еще не рассказал вам, что нашел того большевика, Линькова, и свершил правосудие. Он был начальником бронепоезда под Георгие-афипской. Я его — штыком. А в Ростове он меня хотел арестовать и под расстрел.

— Значит, нет больше Линькова? — Марков задумался, вспомнил. — Я его знал еще с Русско-японской. Потом в Бердичеве... Да. Он был убежденный. Но как будто начал прозревать, когда большевики пол-России немцам отдали.

Ларионов тянул Брянцева за рукав.

— Федя, все знают, что ты герой, но есть дело поважнее.

— Чего ты, Виктор?

— Она тебя ждет.

У соседних костров слышались крики, похожие на победное «Ура». Кто-то прибежал оттуда, и прозвучало ра-

достное: Екатеринодар взят! Марков недоверчиво pokrутил головой, прислушался, сказал:

— Дай-то Бог. Кажется, артиллерия замолчала.

— Темнеет, — сказал Миончинский. — Красным, конечно, снарядов не жалко, но...

— Дай-то Бог, — повторил Марков. — Среди них есть люди, верящие в свое дело. Я знал одного. Это о нем рассказывал прапорщик. И вообще начиналось все неплохо. Я, помню, радовался, что у нас будет конституционная монархия. Вот республику в России не представляю: не те люди. Никаким выборам не поверят, в одного человека поверят. Как раз год назад, весной все начиналось. Мы, офицеры, думали, что благодаря революции с большим успехом будем продолжать войну вместе с союзниками и победим. Я вместе с членом Петроградского Совета ездил наводить порядок в Брянск, где взбунтовался гарнизон. Там арестовывали офицеров, устраивали погромы. Я несколько раз выступил там перед военными депутатами в Совете и сумел убедить их освободить арестованных офицеров и принять постановление о восстановлении воинской дисциплины. Но тогда взбунтовавшимся солдатам даже Совет был не указ. Несколько рот с оружием направились на вокзал, чтобы расправиться со мной, с депутатом из Петрограда и с другими офицерами. Ночью собрали митинг, толпа солдат требовала нашей крови. Я начал говорить, вернее, кричать. Совершенно без подготовки, как-то интуитивно говорил. И это спасло нас. Я выкрикнул тогда совершенно случайно, без всякой логики: «Если бы тут был кто-нибудь из моих железных стрелков, он сказал бы вам, кто такой генерал Марков!» И какой-то солдат объявил, что он служил в 13-м полку. Тогда я спрыгнул с трибуны, пробился к этому солдату, схватил его за ворот шинели и сказал: «Ты? Ну так коли! Неприятельская пуля пощадила на фронте, так пусть покончит со мной рука моего стрелка!» Толпа пришла в восторг. Мне уже кричали «Ура!», и я спокойно уехал.

— Я бы не смог так говорить с толпой, — сказал Миончинский.

— И я не знал, что смогу так говорить. Все мы не до конца знаем себя. Когда я читал лекции в Академии о принципах ведения наступательного боя, разве мог предположить, что буду командовать так, как приходится в этом походе? А по-моему, в Екатеринодаре еще бьет артиллерия. Как на ваш артиллерийский слух, Дмитрий Тимофеевич?

— Пожалуй, — согласился Миончинский.

Подтверждая догадки генерала — мягкий конский топот по лугу: легкая рысь. Всадник спрыгнул с лошади, крикнул:

— Здесь генерал Марков?

— Ко мне, капитан! — скомандовал генерал и объяснил: — Это мой офицер связи с той стороны.

Марков поднялся и пошел навстречу офицеру. Выслушав негромкий доклад, вернулся к костру. Колышущийся свет мгновениями падал на лицо генерала, только что живо менявшееся по ходу воспоминаний, а теперь покрытое непонятной маской, то ли сердитой, то ли просто скрывающей истинное отношение к услышанному. Вполголоса генерал пробормотал что-то с матерщиной Миончинскому, потом рассказал, чтобы слышали все:

— Черт знает что! Екатеринодар, конечно, не взят. Без нас не возьмут, а мы тут у костра греемся. 2-я бригада гнала большевиков до самого города, а потом остановилась в трех верстах от окраины, отдохнула и... зашагала обратно в Елизаветинскую — ночевать с комфортом, в теплых хатах. Моему офицеру связи командир бригады генерал Богаевский объяснил, что не имел приказа командующего атаковать город, а если бы все-таки штурмовал и взял, то не сумел бы удержать без поддержки. То есть без нас. Черт знает что...

Артиллеристы поддерживали недовольство генерала: там сражаются, а у нас четыре орудия в чехлах, потом явемся к шалочному разбору, и над нами будут смеяться.

— Как вы полагаете, Сергей Леонидович, почему командующий не приказал Богаевскому атаковать город? — спросил Миончинский.

— Это знает только командующий.

— Но вы же догадываетесь.

— И вы догадываетесь, Дмитрий Тимофеевич.

— Вам доложили, какой полк там был в авангарде?

— Партизанский полк — Казанович. А Корниловский в дневном бою понес значительные потери и не мог продолжать наступление.

— Вот все и понятно. Не так стояли фигуры на шахматной доске.

— Война — не игра и не предмет для сплетен, Дмитрий Тимофеевич. Я вот ударился в воспоминания и хочу вам рассказать, как в те времена, весной 1917, едва не прослыл убийцей...

Ларионов торопил Брянцева: нас ждут, но тот оттягивал желанный и жуткий момент своей жизни: «Давай еще послушаем генерала. Она же сказала в полночь».

— ...Выбрали меня в офицерский комитет, — продолжал рассказывать Марков, — потом мы организовали офицерско-солдатский комитет 10-й армии и местного гарнизона. И тут началось. Один демагог прапорщик сместил с должности командира 2-го Кавказского корпуса и назначил на его место генерала Бенескула. 445-й полк не захотел ехать на позиции... Я разбирался, уговаривал, еще надеялся, что все можно наладить. Генералу Бенескулу сказал все, что надо сказать человеку, пошедшему на поводу у бунтовщика-демагога, разваливающего армию. А он покончил самоубийством. Офицеры обрушились на меня, и впервые в жизни я услышал, что я — убийца. Что же? Пришел на огромное собрание — все комитеты и еще какая-то публика. Заявил, что я убийца, и просил судить меня. Но солдаты и офицеры приняли другое постановление, в котором говорилось, что я поступил как честный солдат и генерал. Да. Тогда я еще верил, что можно служить в русской армии и воевать. Даже, помнится, в своем дневнике записал: «Я верю, что все будет хорошо, но боюсь — какой ценой? Мало говорить — война до победного конца, но надо и хотеть этого». Но вскоре все стало понятно. Фронт специально разваливают, помогают не революции, а немцам, чтобы те победили. Я был начштаба у Деникина — он командовал, как вы знаете,

Юго-Западным фронтом. Штаб находился в Бердичеве — там нас и хотели убить за то, что мы телеграммами поддерживали Корнилова. А как было не поддержать, если июньское наступление провалилось только из-за развала армии большевиками. Части, где сохранилась дисциплина, успешно сражались. Например, Преображенский полк — им командовал Кутепов. Вот так, Дмитрий Тимофеевич: за то, что мы сражались за победу России над врагом, за русскую славу, нас самих объявили врагами и сумели убедить в этом солдат, мужиков, рабочих. И приходится нам убивать русских людей, и русские же люди убивают нас.

— Жиды! — злобно пробасил капитан Бахманов, успевший крепко выпить. — Захватили Россию, развалили и продали немцам. А русского дурака...

На него зашикали, соседи толкали — неприлично так при генерале, но тот отмахивался и продолжал:

— Русский дурак пошел за ними грабить награбленное! У них все по плану. Читайте «Протоколы сионских мудрецов». Спросите у Борьки Суворина...

— Господа! — громко воскликнул Марков, словно и не слышал выходки пьяного офицера. — Не пора ли нам спеть?

— Пора! — поддержали артиллеристы. — Цыганскую!.. Соколовский хор у Яра!..

— Наш командир не любит три вещи, — сказал Ларионов другу. — Ты, Федя, должен знать. Он не любит ночные бои, обозников и погромы. Двигаем под песню. Пора. Тимофейч разрешил до утра, но у нас утро рано начинается.

— Понимаешь, Витя, если бы...

— Понимаю: любовь, память о ней и прочее. Какая любовь, Федечка? Завтра — на тот берег, а там, слышишь, грохает. 18 верст, а слышно — шестидюймовки, наверное. Одно мгновение — и нет тебя. Так и исчезнешь девственником. Или думаешь, что тебя за это в царство небесное возьмут? Людей убивал? Даже штыком колол, а к женщине боишься идти.

— Да нет, Витя, я так... А ты видел во 2-й бригаде Вавочку?

— О ней и не мечтай. Она у них святыня. Не то что до-
тронуться — выразиться при ней нельзя. Прибьют или на
дуэль вызовут.

Ларионов уверенно лавировал между костров и пово-
зок. Где-то укладывались спать, где-то уже спали, у неко-
торых костров говорили о том, как все будет после взятия
города. Вдруг опять возникло победное «ура» и крики
«Екатеринодар наш».

— Как они ждут! — сказал Ларионов. — Верят любому
слуху. Мы-то знаем, что без Маркова, без нас Екатерино-
дар не возьмут.

Отошли шагов на пятьдесят от последнего костра, и пе-
ред ними открылись две аккуратных палаточки с красны-
ми крестами над завешенным входом.

— Кто в теремочке живет? — спросил Ларионов.

— Красная шапочка, — ответили женские голоса.

— Серые волки пришли.

В палатке две молодые женщины. Одна — Клавдия —
для юного прапорщика Брянцева. Смотрела она на него
с легкой насмешкой — прикрывала хохотком некоторое
смущение, румянцем выступающее на лице, обветренном
походами. Спирт, разбавленный вишневым настоем, —
«Шампанское урожая 1918 года», — сострил Виктор
и предупредил, что его приятелю одну каплю: «Не пьянст-
вовать сюда пришел». Брянцев краснел и молчал.

— Ой, мальчишки, кого мы сегодня видели! — восклик-
нула Клава, разряжая неловкость. — Самого Родзянко. Та-
кой импозантный, ироничный. Мы отдыхали на лугу, там
братья Суворины были, еще петроградцы, многие, а он
подъехал на прекрасном вороном и таким густым артисти-
ческим басом: «А что за трупы здесь лежат? А-а! Это Родзян-
ко и другие контрреволюционеры!..» И громко захохотал.

Опять в ночи загромыкала канонада — далеко вода раз-
носит раскатистые звуки. У костров еще спорили, какую
власть лучше установить в России, когда после Екатерино-
дара возьмут Москву. Кое-где пили и пели: «Словно звез-
дочка ночная, в полутьме горит костер...»

Многим не спалось в эту ночь. До зари не заснули Федя
и Клава, ритмичные вздохи любви раскачивали палатку.

Она говорила: «Какой ты еще мальчик. Дай я поцелую те-
бя так, что будешь всю жизнь помнить этот мой поце-
луй...»

В полночь Корнилов еще не спал. Приказ о завтрашнем
наступлении был подготовлен и лежал на его столе, но ко-
мандующий в раздумье расхаживал по комнате, останав-
ливался у стола, уже решался сесть и подписать, но вновь
отходил к окну, пытался разглядеть звезды над занавес-
кой, снова шагал и думал. Конечно, любой командир зна-
ет, что атаку можно начинать лишь после того, как сосре-
доточены все войска и готовы для боя, а у него треть армии
на левом берегу. Романовский осторожно, в виде вопроса,
намекал, что можно повременить, марковцы за ночь могут
переправиться... Все кончали Академию Генштаба. И Де-
никин. Тот знает, что по всем правилам военной науки не-
обходимо собрать всю армию, прежде чем начать реше-
тельное наступление. Знает, но молчит.

Но красные беспорядочной толпой бежали от 2-й брига-
ды. Правда, полк Неженцева понес большие потери. А этот
полк сегодня главный — он первым войдет в город. В при-
казе: «Корниловский Ударный полк — наступать левее
Партизанского полка в направлении Черноморского вок-
зала и далее к центру города...» Утром надо дать ему под-
крепление — юнкеров-добровольцев. Или молодых кубан-
цев, записавшихся в армию. И принять особенные меры
для предотвращения больших потерь. Корнилов реше-
тельно подошел к столу, подписал приказ и задумался.

Вызвал Долинского.

— Виктор Иванович, у меня к вам весьма конфиденци-
альное поручение. Вот мой приказ на завтрашнее, вернее,
уже на сегодняшнее наступление. Его повезут офицеры
связи с конвоем Богаевскому, Казановичу и Неженцеву.
Я прошу вас лично отвезти экземпляр приказа Митрофану
Осиповичу и передать на словах только ему: наступать вто-
рой линией, ожидая выхода вперед Казановича; затем на-
ступать за ним вторым эшелоном. Беречь своих бойцов.
Даже, знаете, Виктор Иванович, поезжайте не сразу вмес-
те с офицерами, которых пошлют к Богаевскому и Казано-
вичу, а несколько попозже. Только вам я могу доверить это

ответственное поручение. Его точное выполнение может решить исход всего сражения за Екатеринодар.

— Лавр Георгиевич, а на левый берег?..

Доверительность генерала ввела в заблуждение всегда осторожного адъютанта — он поздно спохватился и замолчал. Корнилов недовольно сверкнул взглядом и хмуро уставился в карту. Сказал бесстрастно:

— Генералу Маркову я пошлю отдельный приказ.

10 апреля еще до рассвета звуки артиллерийской канонады на востоке слились в непрерывный угрожающий гул — там началось. Марков был уже на переправе. Его разбудил ночью офицер связи командующего и передал приказ: начать переправу 1-го Кубанского полка и вывести его на правый фланг 2-й бригады. Почему 1-й Офицерский остается последним? Понятно почему — чтобы не быть первым. Значит, надо ускорить переправу.

Собрал свой маленький штаб, приказал: отремонтировать второй паром, собрать все лодки, какие найдутся на берегу, не давать ни минуты отдыха паромщикам, не допустить никаких задержек на переправе.

Батарея в приказе не значилась. Не нужна? Может быть, и не нужна — снарядов почти нет. На всякий случай Марков послал к Миончинскому посыльного с распоряжением подтянуть батарею ближе к берегу, с передков снять, но лошадей не распускать и быть готовыми к переправе.

Кубанцы переправлялись дисциплинированно — никаких лишних звуков. Слышно было только артиллерию, бившую где-то верст за 10, и скрип паромных тросов.

Малиновый диск солнца поднялся над дымящимся горизонтом, тихая полоса прошла по реке. Подошли Тимановский и Кутепов с офицерами. Александр Павлович по обыкновению выбрит, причесан, прибран, даже шпоры сверкают — это на грязной-то, залитой водой дороге. Готов хоть в бой, хоть на парад. Он не спрашивает, не возмущается, лишь в глазах то же недоумение, что и у возмущающихся офицеров:

— Почему не переправляемся?.. К шапочному разбору придем?

Марков их понимал и как мог успокаивал.

— Не переживайте, господа. Без нас город не возьмут. Торопитесь на переправе. Чтобы ни минуты задержки. А я покину левый берег последним, как капитан погибающего корабля.

Сам удивился: откуда такой пессимистический юмор? От странных приказов командующего, старающегося затолкать его на самые «задворки» боя? Неужели Екатеринодар действительно на грани падения, и большевики эвакуируются? Утром опять прошел слух, что город взят, и обозники кричали «ура».

Шагах в ста от дороги Миончинский поставил батарею походной колонной, чтобы по первому приказу выехать на переправу. Стреноженные лошади бродили рядом. Артиллеристы отдыхали, прогуливались, наблюдали за переправой, подходили к берегу. Марков увидел Брянцева — накануне прапорщик был с ним у костра. Стоял на берегу, мечтательно вглядываясь в мутную вешнюю воду, играющую оранжевыми солнечными блестками. Генерал окликнул его — любил демонстрировать свой резкий, однотонный, но громкий голос:

— Прапорщик Брянцев, ко мне!

Брянцев подходил дисциплинированно быстро, но с каким-то новым достоинством, словно за ночь повзрослел на несколько лет. Докладывая, таил во взгляде нечто свое, далекое от войны, от генеральских приказов, от гула переправы. Под глазами — темные круги. Может быть, просто пьянствовал всю ночь? Все изменяется очень быстро. Вот и прапорщик...

— Вы, помнится, говорили, что у вас в Екатеринодаре родственники и вы хорошо знаете город?

— Так точно, ваше превосходительство.

— И хотели пойти туда в разведку.

— Готов идти немедленно. Доставлю вам необходимые сведения и своим попытаюсь помочь. Знаю, что они живы. Дядя Коля работает врачом в больнице. Наверное, там сейчас госпиталь.

— Я пошлю вас офицером связи к генералу Богаевскому — командиру 2-й бригады. Напишу ему записку, чтобы

помог вам проникнуть в город. Переоденьтесь, документы достанете — там убитых красных полно — у них все можно найти. Мне, да и Богаевскому и всем нам, надо точно знать положение в городе: уходят ли красные, эвакуируют ли своих или готовы оборонять город. Что у них за артиллерия? Где стоят батареи? Ну и расположение частей. Какие части. На все это вам одна ночь. Завтра утром, даст Бог, я буду там, впереди. Будьте внимательны и осторожны. Узнав истинное состояние войск противника, мы найдем способы быстро взять город.

Прапорщику дали лошадь, он вступил на паром вместе с казаками Кубанского полка. Заскрипел трос, закачались доски парома, Брянцев оперся о бортовую жердь и вглядывался в отдаляющийся зеленый берег, где еще стояли повозки и палатки, сновали люди. Он нашел *ту* палатку. Клава там. Она права: он всю жизнь будет помнить ее поцелуй, ее ласки.

В Елизаветинской Брянцев окунулся в мирную жизнь ближнего тыла побеждающей армии. На площади весело маршировали молодые станичники, призванные приказом Корнилова. Их учили петь Корниловский марш:

За Россию и свободу
Если в бой зовут,
То корниловцы и в воду,
И в огонь пойдут.
Вперед на бой,
Вперед на бой,
На бой, открытый бой.

В церкви шла утренняя служба. Четвертая неделя поста. Средокрестная. Средопостие. Сегодня среда — перелом поста. Бабушка, бывало, садилась в переднем углу за стол и стучала незаметно, объясняя Феденьке, что это пост переламывается.

Работает большой магазин, в витринах даже книги церковного содержания. Брянцев, отдавая лошадь на штабную коновязь, услышал от коноводов о более интересном торговом заведении, куда и направился. Из магазина вы-

шел Борис Суворин. Их здесь, при армии, два брата, но почему-то почти никогда не увидишь их вместе. Говорят, политические разногласия.

Журналист приветливо поздоровался, вспомнил бой за хуторами Филипповскими:

— Поймали вы тогда своего врага?

— Поймал, только позже, на Георгие-Афипской. Больше его нет.

Сказал со спокойной гордостью, сознавая себя бойцом, рыцарем, настоящим мужчиной.

— А я вот купил записную книжку. Именно в ней буду писать большой очерк о нашем походе. Вы тоже в магазин?

— Нет. Есть более интересное место: у казака Кабанца в погребе отличное пиво. У меня есть полчаса времени — еду в бригаду Богаевского с сопровождающими.

Кабанец — в радостной суете: такой спрос, такие посетители, такой заработок. Приглашал в хату за стол, желающие сидели во дворе на солнышке за длинным столом. Пиво хозяин и его домашние подавали в кружках, в чашках, стаканах, даже в мисочках — не хватало посуды. Пиво цвета меда было вкусное, холодное, крепкое. Знатки подмигивали: «Не иначе, спиртом сдобрил».

— Вчера наши вас вспоминали, — сказал Брянцев. — Говорили о «Протоколах сионских мудрецов». Неужели действительно вся эта революция идет по ихнему плану?

— «Протоколы» я читал, — с некоторым раздумьем ответил Суворин, — и книга у меня есть. Вернее, была. В Питере осталась. Пусть большевики читают. Отец верил. А я, по правде сказать, считаю, что это фальшивка. И доказательства тому есть. Сионские мудрецы, то бишь умные евреи, не стали бы сочинять такую чушь себе во вред. А вы в бой?

— Да. Задание генерала Маркова.

— О-о! Личное задание Маркова! Вы делаете успехи. По-моему, Марков — один из лучших наших генералов.

— Лучший. На нем держится вся армия.

— Почему же его бригада не участвует в наступлении?

— По высшим стратегическим соображениям.

— Ну, уж, прапорщик! Так уж и по высшим. Какая-нибудь интрига. С Корниловым, может быть, не поладил?

— Мне пора, Борис Алексеевич. Прощайте.

— Почему же «прощайте»? До свиданья.

У Брянцева вдруг заняло в груди, и не солнце в глазах, а черные тени в углах дворов, и старая казачка с плачем и причитаниями провожающая сына, нетерпеливо рвущегося к строю, с винтовкой в руке, с новыми синими погонями на плечах. Она чувствует, что его убьют. Неужели и меня? Я должен сражаться за освобождение России. И за счастье женщины, которая меня любит. Защищать от варваров ее красоту, ее нежность, ее любовь. Он до конца дней будет помнить ее поцелуй. А когда он наступит, этот конец?

Ехали по большой дороге к Екатеринодару. Впереди гремели орудия красных. Отъехав несколько верст, увидели и разрывы. Сопровождающий казак объяснял, что с утра шел бой за молочную ферму Кубанского экономического общества.

— Видите вон там справа рощица? Это и есть ферма. Над самой над Кубанью.

Чем ближе к ферме, тем чаще шарахаются кони от трюпов, разбросанных по степи и вдоль дороги. Больше всего черных бушлатов. Погибшие матросы-большевики. Въехали в рощу, и здесь лошади вставали на дыбы, ржали с истерическим хрипом — трупы матросов на каждом шагу.

Южные сосны со своими короткими зелеными кудрями давали мало тени, в роще стояла жара, над телами погибших роями вились мухи и пахло гниющим мясом. Роща окружала ферму с севера и запада, с восточной же, с боевой стороны, росли еще безлистые тополя. За ними, в дыму разрывов, панорама Екатеринодара — стены и крыши домов, линии улиц, кресты церквей, здание Черноморского вокзала на северо-западной окраине.

Только что была отбита контратака красных, командиры толпились у белого домика, стоящего в тополях, солдаты и ординарцы наводили там порядок — ждали Корнилова. Генерал Богаевский, черноволосый усач с озабоченным лицом, выслушал доклад Брянцева, прочитал записку, сказал:

— Вот генерал Казанович, командир Партизанского

полка, вам поможет, прапорщик. Борис Ильич — офицер связи от генерала Маркова. Займитесь с ним.

Казанович — сухощавый, седобородый, лет около пятидесяти с чисто генеральским выражением лица, требующим немедленного и безусловного повиновения, — мельком просмотрел записку, сказал: «После» — и вернулся к главному: к разговору Богаевского с полковником Барцевичем из штаба Корнилова. Все они смотрели на окутанный дымом город и говорили не просто о ходе обычного боя, где может быть всякое — и переход к обороне, и даже отступление. Они говорили о жизни и смерти. Жизнь — это войти в те улицы, занять большой вокзал, перекреститься, подойдя к той церкви. Все остальное — смерть.

— Вы сами сейчас видели, полковник, что сражается один полк Бориса Ильича. Где же армия? Еще ночью, в два часа ночи, когда я получил приказ Лавра Георгиевича о наступлении, то хотел ехать к нему и просить об отмене приказа. Потом понял, что это невозможно. Утром, когда Борис Ильич начал атаковать ферму, я вдруг узнаю, что Корниловский полк, который должен начать наступление одновременно с Казановичем, стоит на месте. Почему? Оказывается, Неженцев не получил вовремя приказа. Как это понимать?

— Я обязательно разберусь, — уныло сказал полковник.

— И это не все. Я хотел остановить наступление и Партизанского полка, но Борис Ильич отговорил меня — он взял ферму. Но город один полк взять не может. Корниловский полк не двигается до сих пор. Мой левый фланг оголен, а красные, судя по всему, именно там готовятся контратаковать. Мне пришлось послать туда батальон Партизанского полка.

— Я обязательно разберусь, — так же уныло пообещал Барцевич.

— А где 1-я бригада? Вводите ее в бой, и мы — в городе.

Они смотрели на город. Солнце палило с юга, справа, и улицы, ведущие к центру, виделись темными полосками.

— 1-я бригада уже переправляется, — сказал штабист с облегчением.

— Это верно, прапорщик? — обратился Богаевский к Брянцеву.

— С утра начал переправляться Кубанский полк, ваше превосходительство.

— Кубанский? — удивился генерал. — Почему не 1-й Офицерский? Самый боевой полк торчит где-то в тылу в самый решающий момент штурма. Екатеринодар сегодня был бы наш, если б его штурмовала вся армия, а не один полк моей бригады.

К домику подъехали верхом еще несколько офицеров и с ними знаменитая Вавочка — падчерица донского полководца, любимица всей армии. Она была в галифе и сапогах.

— Ты почему здесь? — грозно спросил Богаевский. — Почему в форме? Я не пушу тебя в атаку.

— Ваше превосходительство, позвольте мне остаться у вас. Здесь так весело. А юбку и косынку я порвала на бинты. Там в Елизаветинской столько перевязок.

Злобно прожужжал снаряд и с грохотом и треском разорвался в роще.

— Ты права, девочка: у нас весело, — согласился генерал и крикнул ординарцу: — Сидоренко! Найди девушке юбку, платье, все, что нужно, и не отходи от нее.

Брянцев позавидовал этому Сидоренко. Конечно, он любит Клаву и всю жизнь будет помнить ее поцелуй, но Вавочка... Не мужское желание делать с ней то же, что этой ночью происходило с Клавой, а рыцарская мечта защитить, служить ей, может быть, нежно романтически поцеловать.

Вместе со следующим разрывом снаряда в той же роще, но дальше от дома слышали крик телефониста из сарайчика, стоящего недалеко:

— Генерала Казановича вызывает 1-й батальон.

— Без телефона видно, — сказал Богаевский, глядя в бинокль. — Контратака. За тем оврагом поднимаются цепи.

— Разрешите мне лично быть там, Африкан Петрович, — обратился Казанович к Богаевскому.

— А кто будет заводы атаковать?

— Я поручу полковнику Писареву.

— Поезжайте, Борис Ильич.

Брянцева оставили здесь. Он даже осмотрел домик, приготовленный для штаба Корнилова: коридорчик, шесть небольших комнат. Угловая, первая от двери — Корнилову, рядом — перевязочная, следующая — телефонная, с другой стороны комнаты Романовского, штабистов, Деникина. Богаевский со штабом расположился в роще. Брянцеву приказал находиться в комнате с телефонистами и выполнять особые поручения. Так он, не сходя с места, узнал о всех подробностях первого дня штурма Екатеринодара.

Вскоре приехал Корнилов со штабом. Офицеры спешили к телефонам, выясняли обстановку. Дежурный устроился здесь на походном стуле, Брянцеву дали табурет. «Вы посидите пока, прапорщик», — попросил дежурный. Вернулся минут через двадцать, улыбающийся, довольный — уже почти победа:

— Наши наступают и слева — туда поехал Казанович, и справа — на заводы. Корнилов выходил с биноклем, наблюдал бой и сказал, что ночевать будем в городе. Кубанский полк подошел и сразу в бой на правом фланге — атакует кожевенный и кирпичный заводы.

В телефонной тесно. На столике три аппарата для связи с тремя бригадами. Однако кавалерия Эрдели обходит Екатеринодар с севера, и связи с ней нет; 1-я бригада еще не подошла, и сам Марков еще на переправе; только со штабом Богаевского телефонная связь, а штаб — шагах в трехстах, за тополиной рощей. Оттуда и телефонируют — гудит зуммер: генерал Богаевский просит начальника штаба. Брянцев побежал за генералом Романовским. Тот еще слегка прихрамывал, но на лице спокойная уверенность в правильности всего происходящего.

Взял трубку, выслушал сообщение, сказал:

— Я очень огорчен ранением Казановича. Передайте Борису Ильичу мое сочувствие и искреннее восхищение его самоотверженным решением остаться в строю. О Неженцеве я все понял. У меня к вам такая же просьба, как и у него: не убирайте свой батальон. Неженцев не может

его сменить — у него большие потери. Получит пополнение — будем решать.

Положил трубку, сказал дежурному:

— Казанович ранен в плечо через лопатку навывлет. Остался в строю. Командует боем.

Уже взялся за ручку двери, но остановился, задумался ненадолго, сказал дежурному:

— Пожалуйста, снова вызовите к аппарату Богаевского. Спасибо. А сами, капитан, отдохните пока с телефоном на воздухе. И вы, прапорщик.

Комната маленькая, стены тонкие, дверь полуоткрыта, артиллерийский огонь прекратился.

— Прошу вас, Африкан Петрович, — услышал Брянцев, — не выражать сгоряча Лавру Георгиевичу недовольство действиями подполковника Неженцева. Вы меня понимаете?

Брянцев все слышал, но не слушал, все видел, но не рассматривал: артиллерийский обстрел, бой впереди у заводов и слева, на кургане, на позициях полка, необрушенные трупы в хвойной роще, стоны раненых в перевязочной — все это было для него мешающим фоном, как в театре во время действия мешают разговаривающие идвигающиеся зрители. Выходя с поручениями или на отдых по разрешению дежурного, он шел к тополям, туда, где не было трупов, останавливался возле спокойного молчаливого дерева и смотрел на нее, на Клаву. Не вспоминал, не думал, а лишь смотрел, наслаждался тем, что она существует, что ее, невидимую, можно рассматривать, ласкать взглядом, ощущать ее нежную розоватую кожу. Оказалось, что человек может ни о чем не думать, ничего не делать, а наслаждаться тем прекрасным, что существует у него не в воображении, а во всем его существе, в сердце, в душе.

Появился Казанович с левой рукой на перевязи, с еще более строгим генеральским лицом. Встретившимся офицерам отвечал односложно и угрюмо. Богаевскому доложил, что Неженцев наступать не может — потери, а подкрепление — необстрелянные юнкера и казаки.

— Такого я еще не видел, — сказал генерал. — За курганом новичков учат стрелять и действовать в цепи и через час посылают на другую сторону кургана в бой.

— Идите на перевязку, — сказал Богаевский. — Там рядом кабинет Корнилова. Если вызовет, докладывайте спокойнее, пообъективнее.

Казанович увидел Брянцева.

— Я помню о вашем деле, прапорщик. Сейчас перевяжусь и пойдем в полк на заводы. Там переоденетесь, сделаем документы, а в ночной атаке переберетесь в город.

За корпусами кожевенного и кирпичного заводов начались предместья Екатеринодара — родные места Феда Брянцева. Дом дяди Коли совсем близко. Полковник Писарев с офицерами и Брянцев поднялись по лестнице на крышу заводского корпуса, лежа наблюдали позицию красных. Пустые окопы. Наверное, в домах. Окна пылают закатным огнем.

— Где твой дядя Коля? — спросил Писарев.

— Дом откуда не виден. В том квартале.

— Стемнеет — пойдем. Для тебя все нашли: рубашку, шинель, шапку, документы. По карте — там казармы. Что-то я их не вижу.

— Сразу за домами поле, а за ним казармы. Артиллерийские.

В конце дня Казанович приказал атаковать. Брянцева в бой не пустил: «У тебя другая война». Но боя и не было. Несколько пулеметных очередей, несколько выстрелов, корниловское «Ура!» — и городское предместье взято. Красные отступили в казармы.

Произошло невероятное: посреди войны, посреди боя, в дыму выстрелов на залитой кровью земле в дом доктора Брянцева постучал родной племянник. Постучал в ставни, потом в ворота, потом помогли ординарцы генерала — били прикладами. Наконец в щелочку калитки выглянул хозяин. Еще не стемнело, и он узнал Федю — прошлым летом гостил здесь.

В доме — радостный переполох. Из погреба появляются домашние. Восклицания, слезы, поцелуи. На столе молоко, вареные яйца, хлеб и даже что-то мутноватое, паху-

чее в бутылке. Доктор Брянцев — типичный доктор, с седой бородкой, в очках. На этажерке — газеты, книги, «Война и мир»... Предложил генералу сделать перевязку. Тот не согласился:

— После. Надо взять казармы. Отдохнем и с наступлением темноты атакуем. И прапорщика проводим в разведку.

— Федя, неужели ты пойдешь туда к красным? Это же верная гибель. Они расстреливают всех подозрительных.

— Дядя Коля, я офицер Корниловской армии, служу в бригаде генерала Маркова. Это наш Суворов. Ему требуются сведения о настроениях красных и об их расположении. Особенно — где стоит артиллерия.

— Нам доносили, что они собираются эвакуироваться, — сказал генерал.

— К сожалению, не собираются, господин генерал, — сказал доктор. — Раненых эвакуируют, а в город идут эшелоны с солдатами и артиллерией. У них сейчас проходит съезд. Вот газета: *«Второй Кубанский съезд Советов... Создадим Кубанскую Советскую республику... В Чрезвычайный штаб обороны избраны Автономов, Балис, Иванов, Ивницкий... отстоим красный Екатеринодар...»*

Вместе с ночной темнотой на землю ложилась тревога. И на сердце. С фермы прибыл офицер связи тоже с тревогой.

— Там уверены, что завтра возьмем город, — сказал он. — А раненых столько, что Корнилов даже хотел отдать свою комнатку — там он втроем с адъютантами. И еще такое несчастье: наша Вавочка погибла. В цепи. Во время атаки. Две медсестры рядом. Шрапнель. По несколько пуль. У Вавочки в руках маленькая куклолка — кто-то из офицеров подарил.

Поднялись, перекрестились. Казанович сказал сурово:

— Господа, в бой за Екатеринодар. Поднимаем полк в атаку. Прапорщик, одевайтесь, оставляйте лишнее и за нами.

Дошли только до ручья — бешеный огонь из окон казармы и из-за вала остановил наступающих.

Брянцев, ожидая приказа идти, вспоминал с дядей Ко-

лей прошлое лето, прогулки, ловлю рыбы на Кубани, своих товарищей. Планировал, кому прийти утром. Ночь решил провести в районе Черноморского вокзала — там можно и скрыться в толпе, и многое услышать. Он не боялся — он был обязан сражаться, а если надо, то и умереть за Россию, за любимую женщину. Обязан отомстить за Вавочку, за ее чистое юное тело, растерзанное большевистской шрапнелью.

Взял полистать «Войну и мир», сказал доктору:

— Таких капитанов тушиных у нас пол-армии. Умирать за наше дело легко. Чуть ли не с радостью — освобождаются от ужасов войны. Вы не представляете, дядя Коля, каким тяжелым был наш поход. Его называют у нас — «Ледяной поход». А Кутузов... Нет. Сейчас такой полководец не сможет руководить армией. Нельзя ждать, когда само что-нибудь произойдет. Сегодняшний полководец — это новый Суворов, наш генерал Марков. Он не сидит в штабе — у него и штаба-то нет. Три офицера связи и все. Он сам всегда впереди, в бою, в цепи, там, где трудно. И на месте, в бою, принимает решение и дает приказы. Потому его полк — теперь уже бригада — всегда побеждает. Он еще не вступил в бой за город, а когда появится здесь, то все будет решено.

— Ты бы, Феденька, осторожнее там в городе.

— Пойду к вокзалу, а утром — к Валерьяну Шикину. Он там рядом. А может быть, до утра и сюда вернусь. Если узнаю расположение батарей, то, наверное, вернусь — это главное. Какая-то старая газета у вас здесь. Что-нибудь интересное?

Доктор улыбнулся, но в улыбке этой были и ирония, и одобрение, и осуждение.

— Петроградская газета «Знамя труда». Один знакомый привез. Здесь новая поэма Блока. «Двенадцать». Такая, знаешь...

Вошла двоюродная сестра, некрасивая, невысокая, слишком полная. Она была старше Феди и относилась к нему с ненавистью, заслонявшей все другие чувства.

— Что, ваше благородие, делать нам, мирным жителям? Опять на ночь в погреб лезть?

— На своей перине можешь спать, Зиночка. Красные сюда не придут, и артиллерия ихняя не будет вести огонь. Им от Казановича придется отбиваться.

— А я ему так и не сделал перевязку, — вспомнил доктор. — Рана-то не простая.

— Феденька, ты что? Блока читаешь? Ты же стихи не любишь, — с презрением сказала Зина, которая стихи любила.

— Почему это не люблю? И Блока люблю. Как это у него: «И любви цыганской короче, и хмельней золотого аи...» Забыл.

— Конечно, забыл, — съязвила Зина. — Тебе какая-нибудь очередная пассия читала, а тебе было не до стихов.

— Зина, — остановил ее доктор. — Зачем ты так? Федя идет на опаснейшее дело.

— Ничего с ним не случится. За него молятся его любимые барышни. Ну, как тебе, Феденька, «Двенадцать»? Лучше, чем «страшные ласки твои»?

— Не пойму я: он за красных что ли?

— Конечно: «И идут без имени святого все двенадцать вдаль. Ко всему готовы, ничего не жаль... В белом венчике из роз — впереди — Иисус Христос». Не с генералами, не с офицерами, а с красногвардейцами Спаситель.

Пробираясь проходными дворами и переулками, минуя окопы и посты красных, Брянцев не мог отвязаться от не-потребных стихов. И на поэзию-то непохожи. «Тра-та-та... Тра-та-та...» Блок проданся. Наверное, так же, как Брусилов. За большевистское награбленное золото. Как Христос может быть с большевиками, если они разрушают церкви, срывают иконы, вообще не признают Бога? Еще этим утром прапорщик видел, как в Елизаветинской церкви молились офицеры и казаки. Добравшись до Черноморского вокзала, потолкавшись среди солдат, пристраиваясь к нервно-торопливым колоннам: «Ребята, это не отряд Захарченко?», пробравшись к другу дяди Коли, тоже доктору, работающему в госпитале, Брянцев кое-что разузнал. Увидел, куда везут на грузовиках снарядные ящики, услышал название полка: «1-й Екатеринодарский». Замешался

в толпе солдат на вокзале и наблюдал, как прибыл поезд из Новороссийска с отрядом матросов. Главное — понял, что отступить большевики не собираются. Это и нужно знать Маркову. Можно было пробираться к своим, пока не рассвело.

Конечно, такой смелый удачливый офицер, которого любит прекрасная женщина, должен был выполнить задание генерала Маркова. До рассвета было еще часа полтора, когда он начал пробираться обратно. Пересек Ярмарочную улицу, осторожно вошел в глухой темный переулок, двигался вдоль заборов и вдруг услышал характерный звук шагов, обрывки слов, командирские прикрикивания, Шел отряд.

Прапорщик прижался к забору, надеясь, что его не заметят, но отряд повернул в переулок. Тот самый отряд: без имени святого, ко всему готовы, ничего не жаль. Впереди матрос с маузером. Рядом — по плечо ему — какой-то в шинели. За ними идут державным шагом в шинелях, в пальто. Их винтовочки стальные на незримого врага. Привязались к прапорщику непотребные стихи. Наверное, они во всем виноваты.

Маленький говорил матросу:

— Но я же ж, понимаете, должен вернуться. У меня задание.

— Товарищ Савкин, соблюдайте революционный порядок, — ответил матрос. — Автономов приказал — вас ко мне на бронепоезд комиссаром. Железнодорожников по местам. Мне — запасную бригаду с машинистом.

— Но я же ж...

— А что-то там шевелится у забора? Васюха, зажги бортовой. Руки вверх! Ко мне! Кто такой? Посвети-ка, Васюха, ему в носовую часть. Кто такой?

— Мы, товарищ командир, там, за казармами стояли. Отряд Захарченко. А кадеты как пошли...

— Документы вроде наши, — сказал матрос-командир, — да морда-то не наша. Как звать? Быстро...

— Дак... Яков я... Яков Иваныч Тишков.

— Врешь. Где документы взял? Где винтовка?

— Дак я там, у ребят оставил...

— Ставь его к забору и за борт! — приказал матрос.

Брянцев судорожно дергал головой, переводя взгляд с одного беспощадного лица на другое. Глаза привыкли к темноте, а когда смерть рядом, то все увидишь. Фонарь высветил лицо, показавшееся знакомым. Никогда бы не вспомнил, но тот, в железнодорожной фуражке и шинели, сам узнал.

— Мы не можем так действовать, товарищ Руденко, — говорил командиру черноволосый, невысокий, без винтовки, но с маузером. — Надо убедиться, расследовать, допросить и лишь тогда решать. Если мы будем так действовать...

— Я его знаю, — сказал человек в железнодорожной шинели, выступая вперед, и в свете фонаря Брянцев заметил в его глазах что-то тайное, вроде подмигивания. — Наш парень. Яшка. Подвозил я ихний отряд. На станции песни пели.

— Вот видите, товарищ Руденко. Наш человек, а вы его...

— Наш, наш, — подтвердил железнодорожник.

— Ладно. Дробь, — сказал Руденко. — Бегом в свою часть и не забывай, что тебя комиссар Савкин выручил и машинист Прошкин.

Брянцев бежал к своим. Он знал, что выручили его Бог, в которого не верят эти бандиты, и любовь Клары. Ну и, конечно, машинист — он вспомнил его: когда брали бронепоезд Линькова под Георгие-Афипской, этот машинист предал медсестру, и ее зверски закололи штыками.

Уже светало, когда Брянцев проползал пустырь у казармы и переходил ручей. Во дворе дома, из которого уходил накануне, стоял генерал Казанович с белоснежной перевязью, поддерживающий руку. Рядом — его офицеры.

— Я знал, что вы вернетесь, прапорщик, — сказал генерал. — Вы настоящий боевой офицер. Что нового узнали? Эвакуируются большевики?

В этот момент, когда на востоке весело заиграли розовым светом облачка, по приказу Автономова началась ураганная бомбардировка позиций Добровольческой армии.

Было приказано: «Снарядов не жалеть!» По всему фронту от северных окраин города до Кубани гремели гаубицы и пушки, рвались гранаты, заволакивая дымом степь и предместья. Снаряды падали недалеко от дома доктора и со всех сторон. На его улице уже горел дом. Капитан, стоявший рядом с генералом, смотрел на свои часы.

— Восемь снарядов в минуту, — сказал он. — Я был под Перемышлем, под Львовом, но такого не видел.

Смертоносный вибрирующий звук пролетающего над головой снаряда: один — дальше, другой — ближе. Наконец, совсем рядом — чуть ли не цепляет за голову!

— Ложись! — крикнул генерал.

Взлетели доски забора, перемешанные с землей и какими-то кустами. Заложило уши. Следующие снаряды легли в отдалении. Поднялись, отряхиваясь. Только прапорщик Брянцев остался лежать навсегда.

— Малообещающее начало, — сказал Марков, услышав грохот канонады. — Сколько до города? Верст пятнадцать? Больше? И так слышен огонь.

Он вместе с Тимановским объезжал построенный в походную колонну 1-й Офицерский полк, переправившийся наконец на правый берег. Солнце поднималось не из пред-рассветных облаков, а из мутной полоски дыма, растягивающейся по горизонту.

— В станицу заходить некогда, господа, — говорил генерал. — Слышите? Уже началось. Второй день штурма. Без нас Екатеринодар не взять.

Он установил порядок движения: батальоны, инженерная рота, артиллерийская батарея. Повел колонну Тимановский. Сам с ординарцами и офицерами связи поскакал вперед, туда, где вместе с весенним безоблачным днем начинался решающий штурм, решающий бой, где должна ждать его главная победа.

Дорога шла через небольшие пустовавшие хуторки, через такие же пустые фермы, окруженные садами, изумрудным туманом распускающихся деревьев. Некоторые строения разбиты снарядами, другие — обуглены пожарами, кое-где у дороги, в канавах — трупы в шинелях и матрос-

ских бушлатах. Преодолели небольшой подъем дороги, ведущей к хвойной роще. За рощей — белый домик среди распускающихся тополей. Разрыв снаряда совсем недалеко, шагов двести. Подъехали к домику. Отсюда открывался вид на степь, вздыбленную фонтанчиками артиллерийских разрывов, за ней — линии красных окопов и город, который надо взять.

Спешились. На крыльцо вышел генерал Корнилов. Марков доложил о прибытии. Корнилов был краток:

— Офицерский полк поставьте на правый фланг от реки до большой дороги. Смените своих кубанцев и Казановича. Задача: взять казармы и войти в город. Вскоре получите подробный приказ.

И вновь разрыв совсем недалеко — в роще.

— Ваше превосходительство, Лавр Георгиевич, здесь ли, под обстрелом, место штабу армии?

— Мне все говорят об этом, но отсюда хорошо просматривается вся картина боя. Видите там, на кургане слева — это Корниловский полк. Митрофан Осипович обижается, что я ему даю необстрелянное пополнение. Сейчас приказал направить молодых казаков. Те стрелять умеют. Он будет наступать слева, на Черноморский вокзал. Главный штурм начнем часов в 17. Подробности обсудите с Иваном Павловичем.

Романовский и Марков прогуливались среди тополей — здесь можно было услышать лишь собеседника и разрывы снарядов.

— Положение сложное, — говорил Романовский. — Вчерашнюю эйфорию разбила сегодняшняя бомбардировка. У большевиков огромное численное превосходство: 1-й Екатеринодарский полк под командованием Дециса, 2-й Екатеринодарский полк, Северо-Кавказский полк под командованием Захарченко, отряды Кочубея, Мироненко и еще много мелких. По грубым подсчетам — около 20 тысяч. И подкрепления продолжают прибывать. Сегодня они ожидают Казанский отряд численностью около тысячи штыков. Артиллерию ты слышишь и видишь. От 20 до 30 орудий и, главное, огромные запасы снарядов. Почти половина гаубиц. Не только трехдюймовки.

— И это я слышу, друг Ваня. Вот она французская. Четыре дюйма с лишним.

Внизу, в лощине, в районе артиллерийских позиций ухнул огромный разрыв, и в черноте взлетевшей земли поблескивали на солнце обломки деревьев, обрывки мундиров, обрубки тел.

— На этот раз угадали, — с сожалением заметил Романовский. — Вообще они бьют по площадям. Неграмотная солдатня. Но и такой обстрел опасен — люди нервничают, теряют самообладание. Неженцев закатил истерику по телефону. Мол, почему его держат во втором эшелоне? Почему в пополнении необстрелянные конкеры? Он хочет немедленно атаковать и взять город. Но без тебя, Сережа, не получается. Я же говорил тебе, что ты будешь брать Екатеринодар. Напрасно ты горевал.

— Не я, а моя бригада, — поправил Марков. — Но где она? Ее нет. Кубанский полк раздергали. Часть в тылу отдыхает после боя, часть — на фланге Казановича. Один Офицерский полк. А кто это лежит?

На сухой прошлогодней траве спал человек, укрытый шинелью, другой дремал сидя, опершись спиной о дерево. Этого Марков узнал — капитан Шапрон дю Ларрэ⁴¹, адъютант генерала Алексева. В трех шагах от них — высохшая канава, в ней навзничь труп матроса с кровавой маской вместо лица.

— Неужели?

— Да, Сережа. Это генерал Алексеев отдыхает. Не будем мешать.

Они повернули обратно, пошли в направлении штаба.

— Батарейку поставишь внизу, примерно на той же линии, что и орудия полковника Третьякова. Только на закрытую позицию — в лощину. Отрыть ровики для укрытия. Снарядов, наверное, почти нет, как и у Третьякова?

— Миончинский что-то припрятал, но дай Бог, чтобы хоть десятка полтора.

Разрыв в роще, и новые ветки закружились в дыму. Кто-то жалобно закричал, побежали солдаты с носилками.

— Вот тебе, Сережа, и по площадям. Каждые два-три часа кто-то убит или ранен.

— А если прицельно? В домик? Что думает Корнилов?
— Он хочет видеть бой, а переезжать собирается только в город. Вчера едва не выехал в предместье возле казарм.

Они вернулись к штабу. Привычный грохот и треск разрывов перебил звук нервного конского галопа. По боковой дороге в тополиную рощу въехали три всадника. Остановились, спрыгнули с коней. Два офицера отдали поводья фыркающих разгоряченных коней третьему, направились к Романовскому. Маленький стройный подполковник в пенсне — Неженцев. Высокий красавец капитан со спокойной уверенностью на лице, подчеркивающей нервное беспокойство подполковника, — Скоблин⁴².

— Ваше превосходительство, — начал Неженцев горячо и торопливо. — Я приехал с просьбой отстранить меня от командования полком. Временно передаю командование капитану Скоблину.

— Митрофан Осипович, успокойтесь. Давайте там у сарайчика на бревнышке посидим и все обсудим.

— Я все решил. Вы сделали мой полк небоеспособным. Пополнение — мальчишки, не умеющие стрелять...

Они сели, снаряд разорвался недалеко за сараем, земля, камни и осколки ударили в стену.

— Я выбрал самое безопасное место для совещания, — сказал Романовский с мудрой улыбкой. — Сейчас в штабе печатают приказ о наступлении. Как раз вы возьмете с собой экземпляр. С генералом Богаевским уже разговаривали?

— Нет. Я увидел вас и решил доложить.

— Значит, через голову подаете просьбу об отставке? А командующий только что приказал направить в ваш полк новое пополнение — 250 обученных казаков. А вот и приказ, наверное, уже готов.

Из штаба вышел, почти выбежал капитан и крикнул, что приказ распечатан и Романовскому надо его проверить и разослать по частям. Генерал поднялся и поспешил к штабу. Сделав несколько шагов, остановился и мягко сказал Неженцеву:

— Прошу вас, Митрофан Осипович, не обращайтесь

к Лавру Георгиевичу со своей... э-э... несвоевременной просьбой. Вот возьмем Екатеринодар, организуем военный парад, ваш полк на правом фланге... Тогда и подавайте рапорт об отставке.

Все рассмеялись. Даже Неженцев улыбнулся, но улыбка не разогнала хмурое облако на его лице. Откуда-то из тополей появился Борис Суворин. Поздоровался и с журналистским любопытством начал расспрашивать: неужели, мол, подполковник Неженцев просит, чтобы его отчислили из полка?

— Это был один из вариантов, — спокойно сказал Романовский. — Мы хотели дать ему другой полк. А вы, Борис Алексеевич, не забывайте, что вы теперь не только журналист, но еще и наш солдат, который знает то, что другим знать не положено.

Романовский скрылся в штабе, Неженцев постепенно успокаивался, если, разумеется, можно быть спокойным офицеру, атакующему почти в десять раз превосходящие силы противника. Марков, высокий красавец, относился с некоторой чуть ли не отцовской доброжелательностью к малорослому близорукому Неженцеву.

— Митрофан Осипович, держите свой левый фланг и наступайте по мере возможности, а я Офицерским полком обязательно возьму артиллерийские казармы. Там, конечно, есть снаряды — наша артиллерия заговорит, и у красных не останется никаких шансов.

— Поймите меня, Сергей Леонидович, это не слабость, не трусость...

— Что вы! Я знаю вас как одного из храбрейших офицеров русской армии.

— Русская армия была, — сказал Суворин с въедливой улыбкой, чем напомнил знаменитого отца⁴³. — Теперь — Добровольческая. Есть еще какая-то Красная, но та уже вовсе не русская. Там главный генерал — Бронштейн⁴⁴. Возьмете Екатеринодар, потом Москву, призовете государя — вот и будет у нас Русская армия.

Из штаба вышел Романовский. С ним офицер с папкой для бумаг.

— Господа, приказ командующего готов.

«ПРИКАЗЪ

Копія

*Войскамъ Добровольческой Арміи**Ферма Кубанскаго Экономическаго Общества**Марта 29-го дня^{го} 1918 г.**12 час 45 мин утра*

№ 185

1. Противникъ занимаетъ северную окраину города Екатеринодара, конно-артиллерійскіе казармы у западной окраины города, вокзалъ Черноморской железной дороги и рошу къ северу отъ города. На Черноморскомъ пути имеется бронированный поездъ, мешающій нашему движению къ вокзалу.

2. Ввиду прибытія Ген. Маркова съ частями 1-го Офицерскаго полка, возобновить наступленіе на Екатеринодаръ, нанося главный ударъ на северо-западную часть города.

а) Генералъ-Лейтенантъ МАРКОВ — 1-я бригада 1-го Офицерскаго полка 4-ре роты, 1-й Куб. стрелк. полка одинъ баталіонъ, 2-я отдельная батарея, 1-я Инженерная рота. — Овладеетъ конно-артиллерійскими казармами и затем наступать вдоль северной окраины, выходя во флангъ противнику, занимающему Черноморскій вокзалъ, и выслать часть силъ вдоль берега реки Кубани, для обеспеченія праваго фланга.

б) Генералъ-Маіоръ БОГАЕВСКИЙ — 2-я бригада. Безъ 2-й батареи. 3-я батарея и второе орудіе 1-й отдельной батареи. Одинъ баталіонъ 1-го Куб. стрелк. полка и первая сводная офицерская рота Корниловскаго Ударнаго полка. — Наступать левее Генерала Маркова, имея главной задачей захватъ Черноморскаго вокзала.

в) Генералъ ЭРДЕЛИ — Отдельная конная бригада, безъ Черкесскаго коннаго полка, наступать левее Генерала Богаевского, содействуя исполненію задачи послѣдняго и обеспеченію его леваго фланга и портя железныя дороги на Тихорецкую и Кавказскую.

3. Атаку начать в 17 часовъ сегодня.

4. Я буду на ферме Кубанскаго Экономическаго Общества.

Подлинный подписалъ:

Генералъ КОРНИЛОВЪ

Верно: Полковникъ Барцеъвичъ».

Никто не знал, что это послѣдній приказъ генерала Корнилова.

До назначеннаго времени атаки оставалось еще более двухъ часовъ, когда Офицерскій полкъ прибылъ на ферму. Марков собралъ командировъ, приказалъ отдыхать, подкрепиться «чемъ Богъ послалъ», проверить оружіе. Штабные конвойные успѣли собрать брошенное красными оружіе, и в хвойной роше сложили несколько штабелей винтовок. Офицеры могли выбрать себе на замену лучшую винтовку, но Марковъ приказалъ — обязательно со штыками. Такая война...

Мушкаевъ бросилъ свою старую трехлинейку с исцарапаннымъ прикладомъ, взялъ совсемъ новенькую, наверное, только со склада. Вытащилъ затворъ, посмотрѣлъ стволъ на светъ — чистый. Видно, даже не успѣлъ выстрѣлить большевичокъ.

Дымниковъ дымилъ папиросой и скептически наблюдалъ за происходящимъ.

— Главное, штыкъ выбирай. Чтобы не завяз, какъ тогда.

— Тамъ, Лео, былъ морозъ, а здѣсь жара.

— Это отъ артобстрела жарко. И отъ радости, что наконецъ-то идемъ брать Екатеринодаръ. А то такъ страдали, такъ переживали, что не успеемъ.

Многие офицеры, пожевавъ хлеба с саломъ, лежали под соснами, отдыхая после марша, среди нихъ и Савеловъ.

— Лучше бы не успѣли, — сказалъ онъ. — Такъ артиллерія и на большой войнѣ не била.

— Ты одинъ такой, — заметилъ Дымниковъ. — Посмотри, какъ все рвутся в бой. Лежатъ — мучаются, с нетерпениемъ ждутъ, когда ихъ поднимутъ и поведутъ туда.

А там...

Дымится черная степь. Бледно в лучахъ солнца вспыхиваютъ разрывы снарядовъ в фонтанахъ взлетающей земли. Такие же блѣдые языки пламени плещутся надъ предместьемъ, горящимъ верстахъ в двухъ-трехъ отъ фермы.

— Тамъ насъ ждутъ, — сказалъ Дымниковъ. — Слышалъ объясненія господина командира роты подполковника Плохинскаго? Попали в первую роту — всегда будемъ первыми. Видишь, за темъ пожаромъ пустырь, за нимъ — валъ

и трехэтажные дома? Это те самые артиллерийские казармы.

— Назар сам впереди пойдет.

За полосой дыма и огня призрачным видением лежал серо-голубой город. Пустые улицы, золотистые купола церквей, спокойные дома, солнечные блески окон. Только слева, у Черноморского вокзала что-то копошилось, возникало, исчезало, куда-то двигалось.

— Может быть, они отступают? — предположил Дымников. — Может быть, завтра будем гулять по главной улице? Не знаешь, как называется?

— Красная.

— Это плохо.

Многие смотрели отсюда на город. Что он сулит? Конец похода? Какой конец? Победа? Разгром? Смерть? Под непрерывным неослабевающим огнем красной артиллерии уже не верилось в легкий штурм, в победу, в праздник.

Перед тем как вывести полк вперед, в пылающее предместье, Марков нашел Деникина, и они с биноклями вышли на опушку рощи. Продолжали неприятный разговор — старый друг Антон Иванович тоже изменился, буд-то и не умирали вместе на грязной Бердичевской дороге. Смотрит в сторону, жалуется на бронхит, помешавший участвовать в планировании операции, на прямой вопрос отвечает не по-дружески, а длинными сомнительными объяснениями.

— Если бы я переправил бригаду в первую очередь, то не отступил бы 9-го вечером в Елизаветинскую и вчера бы взял город. Почему меня оставили стеречь обоз?

— Сергей Леонидович, взгляните на левый фланг. Там красные начинают отступать. Смотрите, какое движение в сторону Черноморского вокзала.

— В общем, похоже. Надо разобраться. Так что же получилось с моей бригадой? Из-за того, что я простоял за рекой, бригады уже нет. Кубанский полк раздерган. У меня только один Офицерский и батарея без снарядов.

— Вы должны понять, Сергей Леонидович, что Лавр Георгиевич обладает огромной моральной силой, привле-

кающей к нему сердца бойцов, но при этом ему иногда приходится отходить от требований стратегии и тактики. Конечно, он мог оставить для прикрытия обоза вспомогательные части, и ваша бригада 9-го могла бы переправиться в Елизаветинскую. Но тогда бы раненые три ночи оставались без крова, под открытым небом, и им грозила бы опасность попасть в руки большевиков. Ведь там красные были со всех сторон.

Другого бы послал куда подальше за такую заботу о раненых, а с Деникиным приходится молчать и рассуждать, не отступают ли красные. Да и время поднимать полк.

— Мне пора, Антон Иванович, — четвертый час. Опять я со своим полком иду выручать армию.

— Я верю в вас, Сергей Леонидович. Армия знает: где Марков — там победа.

— Казармы я возьму. А дальше...

— Полк Казановича атаковал утром. Писарев ранен в ногу. Большевики остановили ураганным огнем. Казанович звонил в штаб и доложил, что без артподготовки казармы не взять.

— Договорюсь со своим Миончинским. Несколько снарядов выпрошу.

— Все артиллеристы хранят неприкосновенный запас шрапнелей для самозащиты.

— На это я не претендую.

— С Богом, Сергей Леонидович. Верю в ваш успех.

Еще утром Корнилов понял, что задуманное не получилось: не вошел в город Корниловский Ударный полк с Неженцевым впереди, не встретил его Митрофан Осипович на Соборной площади с оркестром и салютом, не въехал вместе с ним в кубанскую столицу Председатель Государственной думы. Но это не поражение — генерал, прошедший германскую войну, бежавший из плена, привык не падать духом, когда все получается не так, а выбирать другой вариант, наступать с другого фланга. Теперь, как и в предыдущих боях, после неудачных попыток корниловцев, партизан и юнкеров разбить противника, в сраже-

ние вводится Офицерский полк Маркова и обеспечивает победу. И сейчас будет так. Но первым в город войдет все же Корниловский полк с Неженцевым впереди.

Вызвал Долинского.

— Виктор Иванович, у меня к вам опять деликатное поручение. Корниловский полк понес очень большие потери. Участвовать в штурме будет лишь сводная офицерская рота. Надо сделать все, чтобы сохранить лучших офицеров армии. Согласно приказу рота начинает штурм вместе с другими частями в 17 часов. Да... А сейчас уже почти 16. Вы сейчас едете или, скорее, идете к подполковнику Неженцеву и передаете ему мое устное дополнение к приказу: сводная офицерская рота начинает атаковать после взятия 1-м Офицерским полком артиллерийских казарм. С Богом, Виктор Иванович, и пригласите ко мне Деникина и хана Хаджиева.

Вошли приглашенные, и близкий разрыв зашпатель штабной домик, за окном летели сучья и комья земли.

— Лавр Георгиевич! — взмолился Деникин. — Умоляю вас немедленно сменить место расположения штаба.

— Я десятый, двадцатый, сотый раз об этом говорю, — присоединился Хаджиев. — Такое место. Высокое. Со всех сторон видно.

— Завтра сменим место, — согласился Корнилов. — Я уже всем обещал. И вам обещаю.

— В Екатеринодар, наверное, будем переезжать, — сказал Хаджиев почти серьезно. — Вы же видели, Антон Иванович, как отступают красные на левом фланге?

— Действительно отступают? — переспросил Корнилов.

— Некоторые признаки обозначились: много обозов.

— Пойдем посмотрим, — заспешил Корнилов. — Хан, соберите штабных, пройдем вдоль цепей, артиллеристов подбодрим, а то они скучают без снарядов. Антон Иванович, оставайтесь здесь за меня.

В слепящий солнечный день самое жаркое время — три-четыре часа пополудни, а затем незаметно, неожиданно наступает перелом, вдруг появляются ветерок, облака, и вспоминаешь, что еще не лето, и неизвестно, что за ночь ждет тебя. В этот неверный момент происходил перелом

и в ходе сражения за Екатеринодар. Между четырьмя и пятью часами постепенно затихал артиллерийской огонь красных. Не ослабевал лишь обстрел артиллерийских огневых позиций в лощине. Как раз туда и направлялся генерал Корнилов со свитой. Ближайшей была батарея Миончинского. Оттуда навстречу командующему бежал прапорщик Ларионов, остановился, доложил:

— Ваше превосходительство, подполковник Миончинский приказал мне передать вам, что дальше идти нельзя. Противник ведет прицельный огонь.

— Хорошо, прапорщик. Передайте подполковнику, что я благодарю его за предупреждение, но мне необходимо лично увидеть обстановку на левом фланге. Связь с Офицерским полком установлена?

— Так точно, ваше превосходительство. И с наблюдательного пункта есть связь и с огневой.

Прапорщик был отпущен на батарею, а побежал — почувствовал дыхание смерти рядом с собой: над спуском в лощину, над кустом шиповника, мимо которого только что он пробежал, злобный град шрапнели ударил по земле, рассыпая песок и камни. От генерала всего шагах в двадцати.

Хаджиев и другие спутники наперебой уговаривали Корнилова вернуться или искать укрытие.

— Всем лечь, а ты, хан, за мной, — приказал он, оглядев их с насмешкой, и не спеша зашагал по тропинке, плавно поднимающейся на холм с редкими кустами шиповника.

Еще одна шрапнель, и теперь густой град сзади, а с ним и привычно дразнящее смертью посвистывание пуль.

— Давай ляжем, бояр, — уговаривал Хаджиев. — Переедем.

— Кисмет⁴⁶, хан. Столько пуль в нас летели, и все — мимо.

Они стояли на холмике. В бинокль генерал видел суету у Черноморского вокзала, зеленые платформы бронепоезда, цепочкой тянувшиеся к западу вдоль горизонта.

— Огонь ослабевает, и какая-то паника в районе вокзала, — сказал Корнилов. — Обозы, бабы...

— Отступают, бояр. Эвакуируются.

— Нет, хан. Большевики еще не отступают. Странно, что много баб и обозы, но это — обман. Негодяи хотят нас обмануть и зайти за левый фланг. Но там у нас конница Эрдели. Я на него надеюсь.

Корнилов мог наблюдать почти за всем полем боя, где развернется атака. До нее оставалось менее часа. С особенным вниманием, даже волнением направляя командующий свой бинокль на курган, обозначавший левый фланг армии. Там, на ровной вершине, на фоне чистого бледно-голубого неба двигались без всякой маскировки черные фигуры: подполковник Неженцев и его штаб.

На ферму вернулись без потерь. До начала атаки оставалось около получаса. Корнилов приказал телефонисту вызвать к телефону командира 2-й бригады или командира Партизанского полка генерала Казановича. Тот подошел. Корнилов приказал:

— Борис Ильич, ваш 1-й батальон имеет на своем левом фланге полк Неженцева. Да... То, что осталось от полка. Там — главная точка штурма. Поэтому приказываю вам немедленно перейти на командный пункт подполковника Неженцева и оттуда руководить боем на левом фланге.

За правый фланг командующий был спокоен — там Офицерский полк с Марковым во главе.

Для марковцев бой начался еще до 17 часов, во время выхода на исходные позиции — в предместье города. Переломился жаркий день, холод от разлившегося ручья и от близкой Кубани справа встретил их неприятным ветерком, а из-за вала и из окон артиллерийских казарм забили пулеметы. 1-я и 2-я роты едва не залегли — Марков закричал своим пронзительным голосом и замахал нагайкой. Тогда атакующие рассыпались и стали пробираться по дворам домов, по заборам, по пожарищам. Казармы были шагах в шестистах, за ручьем. Легли цепью за укрытиями, кое-где предшественники-кубанцы сделали окопчики. Марков обошел 1-ю, 2-ю и 5-ю роты, везде объяснял: «Сейчас после короткой артподготовки будем атаковать. Главное — быстрота. Как можно быстрее добежать до вала. Ручей мелкий. Сзади в резерве у нас кубанцы». Он давно чувствовал какие-то несъяснимые изменения к худшему,

касающиеся не только его, но, может быть, больше всех именно его. И теперь Марков почувствовал, как что-то уходит из полка, что-то неуловимое, неподвластное никаким командам. Не те взгляды у офицеров, не те лица. Что-то самое важное для боя уходит, но еще не ушло. Надо успеть взять казармы.

Казанович, менее чувствительный, но неожиданное усиление огня красных нельзя было не почувствовать, особенно после приказа Корнилова перейти в штаб Неженцева. Генерал взял троих офицеров, и они под огнем перебежками полезли на курган. Пошли вчетвером, дошел он один.

Штаб подполковника Неженцева — вершина холма. Здесь рядом лежат и трупы и живые. Неженцев нервничает — молодые кубанцы боятся поднять голову, а надо атаковать.

— Почему не перемените место? — возмущился генерал. — Здесь быть убитым — вопрос времени.

— Скоро переменяем, — ответил Неженцев. — Пойдем в атаку.

Казанович посмотрел на часы, прилег с биноклем, сказал:

— Десять минут. За это время могут разнести весь ваш штаб.

В подтверждение его слов граната взорвалась рядом с канавкой, где прятались ординарцы. Пронзительно режущий звук заложил уши, взлетели камни, комья земли, сапог, истекающий кровью, чья-то фуражка... Опомившись, бросились к телу убитого, но тела не было — куски и лохмотья. Чтобы выяснить, кто погиб, провели переключку.

— За десять минут могут и еще угадать, — сказал Казанович.

— У них для этого больше времени, Борис Ильич, — ответил Неженцев. — Я буду атаковать только после взятия казармы Марковым.

— Но всем приказано начать в 17.

— Я получил дополнительное указание командующего.

— А-а... Отвлекающий маневр, сложный замысел...

Опытный генерал замолчал.

Марков и Тимановский последние минуты перед штурмом укрывались в сарайчике предместья, во дворе сгоревшего дома.

— Где-то здесь погиб мой разведчик прапорщик Брянцев, — сказал Марков. — Только что доложили. Храбрый боец. Совсем молодой.

Ожидал, что Тимановский по обыкновению печально промолчит, докуривая трубку, но тот вдруг стал многословным:

— Сколькие лягут, пока добегут до вала. Миончинский не мог найти побольше снарядов.

— Только семь. Вот он первый. 17 часов! Я буду в пятой.

Снаряды легли хорошо: за валом перед корпусами казарм. Красиво расположились вдоль роковой черты семь пыльно-черных фонтанов. После взрывов — неожиданная мирная тишина: красные прекратили огонь из пулеметов и винтовок. Противник растерян.

— С Богом! Вперед! — крикнул Марков.

Офицеры дружно поднялись и бегом бросились через ручей к валу. Генерал остался сзади и наблюдал в бинокль, прислонившись к какому-то заборчику. Рядом — ординарцы и командир роты Кубанского полка. Его рота ждет своего часа. Этот «час» настал через минуту. Беспощадно густой огонь нескольких пулеметов, пачки винтовочных выстрелов, дым над валом. Падают, роняя винтовки, офицеры — навзничь, ничком, лицом в землю или в небо, направляя последний взгляд на солнце, идущее к закату, съеживаются и катаются по земле от смертельной боли. Уцелевшие залегли. Напрасно Кутепов, согнувшись, размахивает револьвером и что-то кричит. Справа, где 1-ю и 2-ю роты ведет в атаку командир полка Боровский, цепи сумели пробежать до вала. Надо переламывать бой.

Марков приказал командиру кубанцев:

— Роту вперед! Я поведу. Ты со мной.

Кубанцы послушно поднялись. Марков побежал впереди, размахивая папахой. Поднялась и пятая рота, пробежали до вала, ворвались во двор казарм. Красные бежали

прочь, к городу, к спасительным домам и переулкам. Стрелявшие из окон корпусов выбегали в казарменный двор, их кололи штыками, сгоняли прикладами в кучу. Красные бросали винтовки, поднимали руки. Напрасно. Их гнали к стене, кричали:

— Господа! Кто на расправу?

Многие, не остыв от ужаса атаки, брали винтовки наперевес и шли к стене смерти и мести. Мушкаев тоже. В атаке рядом с ним скосило троих офицеров — у одного не было ни глаз, ни носа, лишь кричащий окровавленный рот, когда он упал ему под ноги. Теперь Мушкаев целил в глаза какому-то грязнолицему большевику, с радостной злобой нажимал на спусковой крючок, досылал патрон, целил в другого, черного, бородатого. Наверное, еврей. Вот они, «сионские мудрецы»...

— Господа! Отставить огонь! Добьем штыками! — кричал поручик Корнеев.

Офицеры подходили к копошащимся под стеной, окровавленным, стонущим, воющим, просящим пощады и кололи, кололи, до тех пор пока не затихала шевелившаяся человеческая плоть. И Мушкаев колол в грудь, в шею, в живот... Наловчился — теперь штык не застревал. Потом отдыхал во дворе, закурив папироску. Подошел к Савелову, спросил:

— А вы что? Почему не участвовали? Гнушаетесь? Они вас не так еще потерзают.

— Не знаю. Не хочу, — ответил тот и отвернулся, отошел.

Марков этого не видел. Не хотел видеть. Он смотрел вперед, на город. Рядом с ним прапорщик Гольдшмидт бил из захваченного пулемета по бегущим красным. До городской улицы оставалось всего шагов 400.

— Телефонистов ко мне! — скомандовал генерал.

Подбежали с аппаратом, за которым тянулся размотанный кабель.

— Давайте штаб! Кто у телефона? Романовский? Иван Павлович, казармы взяты. Наш левый фланг — Казанович и Неженцев почему-то стоят. Хорошо, я pošлю офицера связи.

Подошел генерал Боровский. Сказал озабоченно:

— Потери полка почти 200 человек. Из них более тридцати убитых.. Раненых эвакуируем сами. Такой атаки еще не было. Дальше идти нельзя. Там два орудия возле отдельного дома в кустарнике и справа, в огородах — пулеметы.

— Капитан Чупихин пытался взять эти пушки, но... Один ваш полк, Александр Александрович, не может взять Екатеринодар.

— Но почему не атакует наш левый фланг?

— Не знаю. С ним нет телефонной связи.

— Но согласно приказу...

— Не все приказы доходят до нас. Сейчас нам приказано послать офицера связи к Неженцеву и Казановичу с сообщением о взятии казарм. Тогда они начнут атаку. Пошлите толкового офицера, Александр Александрович. И чтобы умел быстро бегать.

Офицер побежал, и на глазах у генералов, отбежав всего шагов десять вдоль разбитых заборов и стен упал, словно споткнувшись, и лежал, не шевелясь.

Вторым оказался Савелов.

— Когда-то бегал я вам за папиросами, поручик, — сказал генерал, — а теперь вам придется сбегать.

— Пусть уж лучше не бежит, а ползет хотя бы до тех построек, — возразил Боровский. — А там — перебежками.

— Но помните: чем быстрее доберетесь до Неженцева, тем раньше мы будем в Екатеринодаре.

Савелов не хотел умирать. Как и многие другие офицеры, он почувствовал наступивший перелом. Марков, Боровский, Кутепов, Тимановский, командиры батальонов говорили, что цель близка — всего 400—500 шагов, и они будут в городе, но офицеры опускали глаза. Они не верили, что, потеряв за несколько минут четверть состава полка, можно продолжать наступление на пушки и пулеметы. И Савелов не спешил. Пригнувшись, пробирался за кустами, за постройками. Отошел от казармы совсем недалеко, когда пришлось перебежать пустырь между заборами. Сюда как будто красные не стреляли, но вдруг зловеще зашуршало над головой, завывло пронзительно — снаряд!

Прямое попадание. Он упал, сжавшись в комок, закрыв уши, наверное, для того, чтобы не услышать свою смерть. Услышав сотрясающий землю грохот, вой множества осколков, грязный песок посыпался сверху, и поручик понял, что остался жив. Совершенно интуитивно, не думая, пополз к домам, прижимаясь к земле, прячась за буторки и кучи мусора.

Марков и Боровский видели, как Савелов исчез в дыму разрыва.

— Прямое попадание, — сказал Боровский.

— Мой старый знакомый, — вздохнул Марков. — Что ж, пошлем третьего, счастливого. Подождите, Александр Александрович, я сам выберу связного. Вот он! Отбил пулемет у красных и вел огонь по отступающим. Боевое счастье за него. Поручик Гольдшмидт, ко мне!..

Гольдшмидт добрался до кургана, где размещался штаб Корниловского полка. Казанович, Неженцев и штабные офицеры сидели за земляным укрытием. Снаряды рвались и впереди, и на противоположном склоне, где укрывались офицеры-корниловцы и молодые солдаты-кубанцы.

Выслушав доклад поручика, Неженцев мгновенно ожил — разжалась терзавшая пружина ожидания. Нервная торопливая радость, даже счастьем засветилось его лицо, солнечные зайчики запрыгали в стеклах пенсне: наконец-то, наконец-то свершится — он войдет в город победителем.

Казанович смотрел на него с бесстрастным любопытством — опытный воюка знал, что надо не радоваться, когда идешь убивать или умирать, а напоминать себе о тяжком своем долге.

— Поднимайте своих, подполковник, — сказал он. — У моих зрительная связь со мной — они пойдут одновременно.

— Вперед, корниловцы! — закричал Неженцев.

Лучшие офицеры армии, ударники, с трехцветным углом на рукавах, обязанные идти вперед на любой огонь, покорно поднялись, быстрыми шагами двинулись с кургана вниз на окопы красных, прочертившие подступы к городу за узким оврагом. Молодые казаки тоже начали под-

ниматься, но разрыв снаряда в рядах, крики раненых остановили их.

— Казаки, кубанцы, вперед! — кричал Неженцев. — Идемте в Екатеринодар!

— Вперед, елизаветинцы! — помогал ему Казанович. — Вернетесь в станицу с победой и трофеями!

— За мной, елизаветинцы! — командовал Неженцев. — Я сам поведу вас!

Молодые станичники поднялись, побежали за подполковником. Корниловцы уже спустились в овраг, но на противоположном краю их цепь так и не показалась — залегла. Овраг покрылся дымом разрывов. Оттуда начали появляться офицеры, они бежали обратно к кургану. Заметались, ложились, увидев наступающие навстречу цепи во главе с командиром полка.

Казанович спокойно наблюдал происходящее — не первый раз в таком бою. Отметил, что заходящее солнце бьет в глаза красным, и это помогает атаке. Решил сам вести 2-й батальон своего полка вслед за корниловцами.

Корниловцы и молодые казаки укрывались в овраге, но артиллерийский обстрел усиливался, все чаще гранаты рвались здесь, взметая к небу то, что оставалось от людей. «Отступить надо! — звучал чей-то испуганный и злой голос. — Здесь всех нас перебьют!»

— Корниловцы не отступают! — крикнул Неженцев. — Вперед!

Он поднялся и с револьвером в руке побежал по склону оврага, выбираясь вверх. Офицеры тяжело, неохотно поднимались. Верный адъютант догнал командира полка и услышал, как треснули стекла пенсне, увидел кровь на щеке Неженцева. Подполковник припал на колени, но сразу же поднялся, побежал дальше с окровавленным лицом. В руке его уже не было револьвера. Немного он пробежал — несколько шагов, — схватился за сердце и упал лицом в землю. Атака сорвалась. Офицеры и кубанцы укрывались в овраге, в окопах, за курганом. Некоторые просто уходили в тыл вместе с ранеными.

Когда Казанович привел в овраг батальон своего полка, то в штабе корниловцев нашел только трех живых

офицеров и едва ли не десяток трупов. Среди них и тело Неженцева с окровавленным лицом, без пенсне, с Георгиевским крестом на груди. Капитан Скоблин, офицер с измученным красивым лицом, доложил, что временно командует остатками полка и направил связных Богаевскому и Корнилову. Подошли несколько кубанцев, один из них сказал, что они остались без командира и не знают, куда идти.

— Идите со мной в Екатеринодар, — сказал генерал. — Стемнеет, и мы войдем в город.

— Ваше превосходительство, угостите папиросой, — попросил Скоблин. — У нас ничего не осталось: ни полка, ни командира, ни даже папирос.

Закурили.

— С кубанцами у меня будет человек около трехсот. Я знаю, где можно войти в город, но как обеспечить поддержку? Если за мной двинется Марков, успех обеспечен. Но как это организовать?

— Не знаю, ваше превосходительство. Телефонной связи у меня нет, связные пропадают. Нам сообщили, что 1-я бригада взяла казармы, но прошло уже несколько часов, и мы не знаем положение на правом фланге.

Тревожными алыми красками горел закат, дух смерти и поражения исходил от заваленных трупами пригородов, но опытный вояка Казанович знал одно: приказ. А в приказе указано: наступать левее генерала Маркова, имея задачей захват Черноморского вокзала.

И он повел 250 человек вперед, в город, навстречу наступающей ночи.

К этому времени, концу второго дня штурма, многие потеряли надежду на успех и обреченно ждали какого-нибудь конца или пытались спастись, бросая строй, уходя в тыл за ферму, где стоял штаб, в хутора, в походные лазареты, в станицу Елизаветинскую. Савелов добрался до станицы уставший, голодный, лицо в кровавых ссадинах, полученных при разрыве снаряда, шинель местами подгорела, продырявлена горячими осколками. В станице тихий закат, в церкви стены повреждены снарядами, стекла вы-

биты, но идет умиротворяющая великолепная служба. В сторожке за церковью — лазарет. Под флагом с красным крестом сидят раненые в бинтах, с костылями. Среди них доктор.

— Я контужен снарядом, — сказал Савелов, с трудом шевеля языком.

— Вижу, — сказал доктор. — Садитесь, поручик, отдыхайте.

— Я из Марковской бригады.

— Но ваша бригада уже где-то на окраине города.

— Не знаю. Я контужен прямым попаданием.

— Что ж, дадим вам чаю, спирту, укольчик сделаем, но здесь места нет. Спросите у раненых. Лежат чуть ли не друг на друге. Варя!

Доктор крикнул куда-то в открытую дверь. Прапорщик с костылем сказал ему:

— Ее не зовите — бьется в истерике. Погибла почти вся рота, с которой она шла. Ведь наши сестры, поручик, тоже там были. Выносили раненых.

Нашли другую сестру. Савелову сделали укол. Потом вместе с прапорщиком Гулем онпил спирт, закусывая хлебом. Говорили о происходящем.

— Вчера у нас здесь целый день брали Екатеринодар, — рассказывал Гуль. — То один прискочит с радостной вестью, то другой прибежит, а сегодня постепенно началось другое. День ясный, солнечный, а кажется, будто тучи находят. Значит, Марков так и не вошел в город?

— Взяли казармы с огромными потерями. Красные не слабеют, а наоборот, усиливают сопротивление. Артиллерия бьет без перерывов. Я случайно уцелел — снаряд разорвался рядом.

— Пленных расстреляли?

— Я не участвовал.

— Я тоже никогда не участвовал. А у нас в лазарете лежит раненая большевистская сестра. Красивая девушка. Ранена в таз. Мучается. Рассказывала, что в Екатеринодаре девушки пошли в бой, чтобы помогать всем раненым — и своим, и чужим. И наши видели, что эта девушка перевязывала наших офицеров.

— Чтобы потом их...

— Наверное. Рассказывают, что кто-то видел, как красные жгли наших раненых. Какой сегодня красный закат. Когда-то я любил такие вечера, а теперь, под звуки артиллерийской канонады — только мрачные предчувствия. Что-то изменилось за тот день. И прежде армия оказывалась в жутком положении, и даже нам, раненым, приходилось участвовать в бою, но теперь другое.

— Как вы думаете, Гуль, возьмем Екатеринодар?

— Вы же читали Толстого, были на фронте — есть ли боевой дух у бойцов.

— У меня уже нет, — сказал Савелов.

— У меня тоже, — согласился Гуль.

Еще не погасли краски заката над полями смерти, еще готовились к новой атаке офицеры-марковцы, еще вел свой отряд к улицам города генерал Казакович, а боевой дух исчез из самого сердца армии — Корнилову сообщили о гибели Неженцева.

Командующий окинул вошедших офицеров взглядом загнанного животного, жестом приказал всем выйти, спрятал обескровленное лицо в ладони и долго молча сидел, глядя в раскрывшуюся перед ним пустоту, поглотившую торжественный въезд в Екатеринодар, встречающего там Неженцева, парад на Соборной площади, принимаемый председателем правительства Родзянко, главнокомандующим Корниловым, победителем — молодым генералом Неженцевым. С этого момента до самой смерти Корнилов ни разу не улыбнулся, не пошутил.

Начальник штаба Романовский знал, что никакое несчастье, ничья смерть не должны мешать штабу подготовить приказ войскам, определяющий их задачи в завтрашнем бою. Минут через двадцать он, отстранив адъютантов, вошел в комнату командующего с проектом приказа. Корнилов поднял голову, посмотрел непонимающе, сказал:

— Иван Павлович, вы знаете, что Неженцев погиб? Какое несчастье.

Романовский умел выражать необходимые чувства, сказал то, что следует, и вновь напомнил о приказе.

— После, — безразлично сказал Корнилов, устало шевельнул ладонью, указывая на дверь, и вновь погрузился в угрюмое молчание.

Романовский собрал штабных, напомнил о сложном положении армии. Телефонная связь имела только с бригадой Маркова, и в штабе точно знали, что в артиллерийских казармах, на правом фланге стоят три роты Офицерского полка и остатки Кубанского полка. Других войск, для которых можно было бы готовить приказ, штаб не имел. Во 2-й бригаде порядки не те, что у Маркова, — командир бригады Богаевский, с виду храбрый усач-казак, находился не в цепи с бойцами, а в штабе бригады, расположенном здесь же, на ферме, рядом со штабом командующего. О своих войсках генерал Богаевский ничего не знал. Кавалерия Эрдели — Марков называет ее «драповой кавалерией» от слова «драпать», — на скакавшись за день, уже отдыхала в садах к северу от города.

Посоветовавшись со штабными офицерами, Романовский вновь попытался переговорить с Корниловым. Тот сидел в том же положении. Поднял голову, сказал:

— Такое несчастье: Митрофан Осипович погиб... Ах да, мы уже говорили. Прикажите доставить тело сюда.

За время похода Романовский научился пользоваться настроением командующего для проведения своих решений, необходимых с его точки зрения, не стало исключением и нынешнее состояние Корнилова, тяжело переживавшего смерть любимого офицера.

— Лавр Георгиевич, разрешите приказ на завтра подготовить к утру, а сейчас необходимо назначить командира Корниловского полка. Разумеется, невозможно найти равноценную замену Митрофану Осиповичу, но я предлагаю передать полк Александру Павловичу Кутепову. Во всех боях он показал себя храбрым, инициативным командиром.

В другое время вряд ли бы Корнилов согласился с назначением Кутепова — тот рьяный монархист, человек ненавистного Алексеева да к тому же слишком храбр в бою, чуть ли не храбрее самого командующего: никто не видел,

чтобы Кутепов прятался от огня противника. Теперь же Корнилов только вяло кивнул.

— Передайте, что я приказал, — сказал он и вновь погрузился в скорбь.

Выйдя от командующего, Романовский вызвал генерала Богаевского и приказал выехать на позиции бригады, выяснять обстановку и принять меры к боевому охранению на ночь и к отражению возможных атак противника. Потом вызвал к телефону Маркова, спросил о положении на участке бригады.

— Иван Павлович, моя бригада — на четверть уничтоженный Офицерский полк и разрозненные роты кубанцев. Большевики продолжают обстрел. Начали бить из лодок на Кубани. Пушки Гочкиса⁴⁷, что ли. Прячусь от огня в казармах. Атаковать не могу. Разве что утром.

— Я знаю, Сережа, что ты не любишь ночных атак.

— Какая там любовь — нелюбовь! Прямо против меня две пушки и засевшие в домах и на огородах пулеметчики. Сам знаешь, что никакой артиллерийской поддержки у меня нет.

— Знаю. Теперь слушай приказ. Командующий назначил Кутепова командиром Корниловского полка. Александр Павлович близко?

— Нет. Он на левом фланге у Елизаветинской дороги.

— Передай ему приказ, пока устный, и мои поздравления. Пусть немедленно направляется на позиции Корниловского полка.

— Я тоже рад за него, хотя, конечно, жаль отпускать из бригады такого офицера. Но, Иван Павлович, Кутепов командует у меня левым флангом, а там — полная неразбериха. Фланг совершенно открыт — я не знаю, где Казанович. И у меня там смешались остатки Кубанского полка с офицерской 5-й ротой. Ночная контратака красных — и фланг сомнут. Я надеюсь только на Кутепова. Пусть до рассвета останется у меня.

— Согласен, но приказ ты ему, Сережа, должен передать.

— Передам, а какой мне приказ?

— Ты, наверно, представляешь обстановку в штабе после гибели Неженцева?

— Представляю и сочувствую. •

— Отсюда мой тебе приказ: держать казармы, отбивать атаки, особенно — контролировать фланги: реку и дорогу. И никаких самостоятельных движений. Следующий приказ — утром.

Командный пункт бригады — в казарме, на первом этаже, в комнате, где, наверное, была канцелярия. На столах — телефон, карты, план Екатеринодара, ужин — горячая картошка с мясом и бутылочка генерала Тимановского. Окно выходит в тыл, но видны лишь развалины предместья, луна безжалостно высвечивает безобразие обломков и пожариц, вверху вечный Ковш растянулся в полнеба, а справа пониже — яркая пухлая звездочка. Марков помнил ее — Капелла. В Маньчжурии часто смотрел на нее, в сторону России, и кого-то вспоминал. Артиллерийские разрывы, время от времени сотрясавшие казарму, прекратились, затихла и нестройная трещотка ружейно-пулеметного огня. Марков вызвал из соседней комнаты офицера связи, отодвинул тарелку на столе, достал бумагу и карандаш, начал писать, предупредив офицера о том, что его направляют на левый фланг к полковнику Кутепову. Написанное не понравилось — порвал, сказал офицеру:

— Принесите лист хорошей бумаги, ручку и чернила.

— Приказ надо, — сказал Тимановский.

— Нам бы штаб, Степаныч, и, смотришь, к утру бы приказ отпечатали на машинке в трех экземплярах. И еще бы какое-нибудь разъяснение придумали. Потому я и не держу бездельников.

Принесли бумагу и чернила, и Марков написал несколько строчек, подписал, попросил и Тимановского подписать и поставить печать — тот носил ее в кармане. Тимановский прочитал вслух последнюю строчку: «Сдачу дел в 1-й бригаде закончить к утру 12 апреля».

— Может быть, приписать «по указанию штаба армии»? А? Сергей Леонидович?

— Можно бы, да здесь не уместится. Кутепову достаточно моего приказа. В путь, господин капитан. Поздравьте Александра Павловича от нашего имени, узнайте обстановку и немедленно возвращайтесь.

У Кутепова не было высокого родства, знаменитых предков — сам был усыновлен, не было закадычных друзей среди начальства. Жизнь убедила полковника, что все его успехи в службе — это результат точного выполнения приказов начальника, соблюдения правил воинской дисциплины и требований уставов. Начинаясь ночь его тревожила — противник молчал, но фланг бригады, порученный ему, висел. За Елизаветинской дорогой войск не было, и сюда пришлось поставить усиленное боевое охранение с пулеметами. Командный пункт Кутепов организовал себе в пустом домишке ближе к опасной дороге. Под его командованием, кроме 5-й роты Офицерского полка, вроде бы находились еще и бойцы Кубанского полка, но какой-то неизвестный штабс-капитан кубанец с наглой улыбкой во весь рот заявил, что он не получил приказа о переподчинении полковнику Кутепову. Пока, мол, будет здесь стоять на случай атаки красных, а дальше, как прикажет его командир полка, находящийся где-то сзади, на командном пункте. Телефонной связи, конечно, не было.

Офицер связи принес короткий приказ Маркова, поздравил с назначением. Кутепов поблагодарил, попытался объяснить офицеру сложность его положения здесь на фланге, попросил передать генералу Маркову, что необходимо срочно навести порядок в организации обороны левого фланга и, конечно, определить одного офицера, командующего обороняющимися.

Марков только что попрощался с Тимановским.

— Зайду в околоток к Родичеву, — сказал он, — много раненых: надо посмотреть, помочь. Буду на правом фланге — на Кубани бьют с лодок.

— Передай ей привет, — сказал Тимановский.

— Кому?

— Кубани.

— Степаныч, когда кончится война, я вызову тебя на дуэль за оскорбительные намеки.

— Согласен. Сражаемся на коньяке.

Офицер связи прибыл от Кутепова, когда Маркова уже не было. Тимановский, выслушав его доклад, позвонил

в штаб. Дежурный по штабу ответил, что Романовский отдыхает, для решения всех вопросов на позициях направлен генерал Богаевский, а внутренние вопросы 1-й бригады должен решать генерал Марков.

Дежурный был, конечно, прав, но не посылать же сейчас за генералом для решения проблем, которых, в сущности, и нет. Кутепов до утра отвечает за левый фланг, а там, где Кутепов, провала не будет.

А у Кутепова тем временем происходили события неожиданные и необычайные: вдруг за дорогой, за призрачными домишками, почти в тишине — лишь отдельные выстрелы хлопали в стороне Черноморского вокзала — раздались странные выкрики хором: «Партизаны!.. Вперед, партизаны!.. Равняйся, партизаны!..»

Кутепов с ординарцами вышел на шум. В темноте, за дорогой, по целине, по огородам двигалась какая-то колонна. Оттуда приблизилась крупная фигура. Генерал с рукой на перевязи. Казанович!

— Александр Павлович, я очень рад, что вы здесь командуете. А мы потому и кричим, чтобы знали, кто идет, а то вдруг полоснут пулеметами.

— А противник? — удивился Кутепов.

— Большевичков мы сбили, и они бежали в город. Разведка показала, здесь противника нет, и я могу спокойно войти в Екатеринодар. На какую-то улицу. Кажется, на Ярмарочную.

Глаза привыкли к темноте, и Кутепов разглядел колонну, которую вел генерал, — бойцы Партизанского полка и молодые кубанские казаки, не более двух рот.

— С этими силами идете брать город? — спросил Кутепов.

— Я надеюсь, что вы пойдете следом за мной.

— До утра я являюсь заместителем командира Офицерского полка, подчиняющегося командиру 1-й бригады генералу Маркову. Без приказа командира полка Боровского или командира бригады Маркова я не имею права переходить в наступление. Связь только посыльными, но я сейчас же пошлю офицера связи.

— Мы ждать не будем, — сказал генерал. — Так, ребята?

— Не будем... Вперед... На Екатеринодар... — ответили азартные голоса.

И они пошли на темный город, вспыхивающий огоньками выстрелов.

На всякий случай Кутепов вызвал офицера-кубанца, рассказал о смелом движении Казановича, спросил, поведет ли он своих вперед.

— Только по приказу командира Кубанского полка, — ответил тот. — Ваши приказы исполнять я не обязан.

И опять наглая улыбка.

Офицер прав. Приказ, устав, дисциплина — на этом держится армия. Будь эти кубанцы его подчиненными, Кутепов погнал бы их в атаку в любой момент. Пусть даже пришлось бы расстрелять несколько человек. А теперь и своих не имеет права поднять. Идти в ночь следом за двумя ротами без приказа, без каких-либо сведений о расположении противника — это авантюра.

Направленный к Маркову офицер связи вернулся не скоро и доложил, что Марков и Боровский находятся на правом фланге, у реки, где красные ведут интенсивный огонь, а Тимановский предложил действовать по своему усмотрению, не забывая главной задачи: удержать занятые позиции.

Долго тянулась эта весенняя ночь, почти без выстрелов, почти светлая — лишь временами облачка набегали на луну, еще не успевшую сжаться после полнолуния.

Генерал Богаевский объезжал позиции своей бригады. Добрался до кургана, где еще лежало тело Неженцева, переждал усиленный огонь, открытый по нему и его сопровождающим, затем двинулся к своему правому флангу, к Елизаветинской дороге, где должен был стоять полк Казановича. Того на месте не было.

Несколько дружных залпов, короткая атака, и незадачливый отряд красных, охранявший глухую окраину, исчез в темноте. Впереди Казанович поставил молодых отчаянных кубанцев в легких полшубках без погон. Сзади шел сам со своими офицерами. На перекрестке из-за угла выехал всадник и закричал:

— Товарищи, это какая часть?

Казанович не успел что-то скомандовать, что-то сказать, как прозвучали два выстрела, и всадник грузно свалился с лошади, которая, заржав, поскакала диким галопом куда-то в темноту.

— Отставить! — скомандовал Казанович. — При появлении неизвестных называть их «товарищами», на вопросы отвечать, что мы — Кавказский отряд. Затем уничтожать без выстрелов.

Так и шли молчаливой черной колонной смерти. Замашили и прирезали 14 красных всадников, хороших лошадей забрали. Особенно интересовался лошадьми сам генерал — не было у него достойной. И вот...

Командир бронепоезда Руденко направил на ночное совещание к Автономову своего комиссара:

— Ты, Ефим, бери курс туда, а я буду орудия проверять. Прицелы посбивали, драилы слабо, а завтра — решающий бой. Разнесем кадетов по косточкам.

— Товарищ командир, но мне сказали — автомобиля нет. Как я ночью?

— Верхом поедешь. Мишка тебе самую лучшую лошадь подберет и тебя проводит до штаба.

— Но я же не умею...

— Лошадь умеет. Мишка поможет. Главная мина на совещании — людей хотят с поезда снять. Стой насмерть. Ни одного человека. Докладывай, что, по данным разведки, главные силы кадетов — на железке. Понял?

Это Савкин понял, но так и не успел понять, зачем надо приподниматься на стременах в такт лошадиному шагу. Мишка кричал: «Облегчайся, твою мать! Не так!..»

Дорогу пересекла колонна людей с винтовками.

— Товарищи, дайте проехать, — крикнул Савкин. — Мы торопимся на совещание в штаб.

В колонне засмеялись — Савкин слегка картавил.

— Заезжай, товарищ, в колонну. Мы тебя пропустим. Хорошо пропустим.

— Полундра! — заорал Мишка, заметив лунный отблеск на генеральском погоне. — Кадеты!

Поздно. Мишка замолчал, проколотый штыком. Сав-

кина сорвали с седла, душили, кололи, резали. Он пытался сказать или крикнуть что-то предсмертное, объясняющее, революционное, но лишь хрипкое рыдание изливалось изо рта вместе с кровью.

— Вот это конь! — восхищался генерал Казанович, держа за узды белого коня, на котором совершил предсмертный путь Савкин. — И седло офицерское. Мой трофей! Никто не возражает?

Шли дальше. Однако направление на Черноморский вокзал генерал не выдерживал — там огни, движение, шум. Хватали одиночек, останавливали подводы, убивали возчиков, захватывали трофеи, в том числе и хлеб, так необходимый в ночном походе, и даже артиллерийские снаряды. Вышли на Сенную площадь, поставили по углам два пулемета, имевшиеся в отряде. Глухая ночь. Не слышно сзади никаких звуков продвижения своих — Кутепова или Маркова. Опытный Казанович понял, что вряд ли командир 1-й бригады бросит войска в ночной бой по просьбе генерала другой бригады, ушедшего с небольшим отрядом в тыл противнику. Надо возвращаться — ночь скоро кончится.

Марков эту ночь проводил на правом фланге, ближе к берегу Кубани, откуда красные вели огонь с лодок и могли перерезать дорогу, идущую вдоль берега, — тогда для передвижения частей армии оставалась бы лишь Елизаветинская дорога, идущая от фермы. Заснул генерал перед рассветом, устроившись в доме, где Родичев оборудовал походный лазарет. Разбудил его артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь на севере, на том самом опасном левом фланге, за который отвечал Кутепов. Полуодетый, с нагайкой в руке, Марков выскочил на улицу, матерясь:

— Так вас... Отдохнуть не дадут.

Из лазарета вышла Шурочка, тоже не выспавшаяся, но уже причесавшаяся, в кокетливо завязанной косыночке.

— Сергей Леонидович! Что это вы? — упрекнула она генерала, одновременно одаривая его счастливой улыбкой.

— Простите — разбудили раньше времени. Еще Романовский приказ не прислал, а уже стреляют.

Подбежали ординарцы.

— Где стреляют? — спросил генерал.

— На участке Партизанского полка.

— Одеться и в штаб, — приказал Марков. — Готовьтесь, Шурочка, к работе. Много раненых сегодня будет.

— А заря какая красивая, — вздохнула девушка.

— Придет время — и зарей будем любоваться, а сейчас...

Марков махнул рукой и поспешил к своему командному пункту в артиллерийской казарме.

Здесь Тимановский все задымил своей трубкой. В душном тумане Марков едва разглядел незнакомого поручика, разговаривающего по телефону:

— ...красные бежали в беспорядке, и отряд беспрепятственно вошел в город, двигаясь по Ярмарочной улице...

Тимановский доложил, что на позициях бригады все в порядке, а по телефону докладывает в штаб офицер из полка генерала Казановича.

— ...Однако войска 1-й бригады за нами не последовали, и, учитывая, что своими силами мы не сможем удержаться в городе, я приказал отступить на исходные позиции к линии обороны бригады. С собой доставили захваченные трофеи, в том числе более 10 верховых лошадей, более 10 повозок с продуктами, лекарствами и 52 артиллерийских снаряда...

— Господин поручик, отставить телефонный разговор! — приказал Марков.

— Виноват, ваше превосходительство, я не видел, как вы вошли. Мне приказано...

— Отставить. Где Казанович?

— Он у генерала Кутепова.

— Степаныч, остаешься здесь — я к Кутепову, пока он не ушел к корниловцам.

В доме, занятом Кутеповым, генерала Казановича перевязали, накормили, напоили чаем. Он отдыхал, и на его лице было написано: я исполнил свой долг. С приходом Маркова начали обсуждать происшедшее.

— Я не мог поднять в атаку не подчиняющуюся мне часть, тем более без приказа моего командования, — объяснял Кутепов.

— Но у вас же была и Офицерская рота, — возразил Казанович.

— Они перемешались и были в одной цепи, — спокойно сказал Кутепов и посмотрел на часы, — но, главное, я не имел приказа.

— Оставим вчерашний день, — предложил Марков. — Займемся сегодняшним. Солнце взошло, большевики молчат. Начнем сейчас атаку — Офицерский полк, часть Кубанского и ваш отряд, Борис Ильич.

— Сергей Леонидович, я готов идти в атаку сейчас под вашим руководством, но мой отряд нуждается в отдыхе. Весь вчерашний день и всю ночь он в бою. Да и атаковать здесь, в этом же месте, по-моему, уже бесполезно: красные приготовились.

— Понятно, — сказал Марков, поднимаясь. — Генерал Кутепов отбывает во 2-ю бригаду на должность командира Корниловского полка. Я присылаю сюда Боровского.

Казанович попросил разрешения позвонить в штаб по телефону Маркова. Они шли по безопасной дороге за домами и казармами, почти не разговаривая. Марков понимал опытного генерала, не желавшего больше рисковать. Проплутав всю ночь по пустым улицам, он теперь всю жизнь будет рассказывать, как едва не взял Екатеринодар двумя ротами, но Кутепов и Марков его подвели.

«Может быть, надо было атаковать ночью, — думал Марков, — может, я и сам что-то сделал не так? Нет. Умный Ваня Романовский правильно приказал: держать оборону и не делать самостоятельных движений. В такой обстановке, при таком настроении в штабе, при огромном численном превосходстве противника нельзя рисковать последней боеспособной частью армии. Ведь 2-я бригада разбита, а кавалерия... Это же «драповая» кавалерия».

На командном пункте — едва телефонист доложил, что у телефона генерал Казанович, — возникло некоторое возмущение: будет говорить сам Корнилов.

Казанович доложил умело, не выпячивая своего героизма, но и не скрывая успешных действий своего отряда в тылу противника. Как опытный служака, не стал кого-то обвинять: вскользь упомянул, что соседние части не получили приказа о ночной атаке. Потом он говорил с Романовским, которого больше всего интересовали взятые в числе трофеев 52 снаряда. Правда, генерал не мог точно сказать, где они, но обещал найти и отправить артиллеристам, выслушав указания Романовского, отдал трубку телефонисту и вздохнул, как после тяжелой работы.

— Получил приказ, — сказал он. — Остатки моего полка — 300 человек из 800 отвести в тыл, к ферме. Участок, занимаемый полком, передается вашей бригаде, Сергей Леонидович. Так приказал передать вам начальник штаба.

Кому же еще? Разве есть боеспособные войска в армии, кроме его бригады? Марковская бригада — и есть армия.

— Начальник штаба ничего не сказал о приказе на сегодняшней день? — спросил Марков. — Нет? Понятно. Будем сражаться. Степаныч, 4-ю роту — на левый фланг. Я остаюсь здесь. Боровский — на правом.

Он не сказал, что ему понятно: какой там приказ, если Неженцев убит...

Загрохотала артиллерия красных. Третий день штурма уже не был днем штурма — приходилось обороняться. Но если офицеры и потеряли веру во взятие города, то отступить они не собирались. Земляной вал, прикрывающий казарменные дворы, и кое-как вырытые окопы плохо защищали не только от сильнейшего огня и артиллерии, но и от пулеметных очередей и винтовочных выстрелов. Орудия били прицельно — взлетел в воздух офицерский пулеметный расчет вместе с обломками «кольта», кричали раненые, бежали санитары с носилками и ложились на землю, ползли за стены казармы. Марков знал, что в такие моменты его место на линии огня, пробрался к передовым окопам, к валу. Уже зеленеющие травой огороды почти сплошь были покрыты вспышками пулеметных выстрелов. До красных, засевших в домах на окраине, всего 400 шагов. Видны уже стволы винтовок, торчащих из окон, из-под заборов, из канав. Патронов не жалеют.

— Господа! Отступить не будем! — крикнул Марков. — Не умеем. И некуда отступить — в открытом поле перебьют.

— Не будем, генерал! — кричали в цепи.

— Я ранен и прошу меня не уносить! — кричал офицер. — Я буду бить их до смерти.

Над городом поднимался дым, тянулся к солнцу. Ветерок сносил его направо к реке. Красные пошли в атаку сплошной густой цепью с криками: «За советскую власть!», «Бей кадетов!», «Вперед, товарищи!» Атака продолжалась считанные минуты: 12 пулеметов Офицерского полка били прицельно. Наступавшие легли и начали отползать к укрытиям. Многие остались лежать и вздрагивали, когда в них попадали новые пули.

Вскоре началась еще одна атака, и 5-я рота не выдержала, побежала, красные проникли уже во двор казармы, кричали: «Бей офицера!» Марков встал у казарменной двери с нагайкой в руке и безжалостно хлестал убегающих офицеров. Те останавливались и с винтовками наперевес кидались на красных. Атаку отбили и потом ползали по двору, добывая раненых большевиков, помогая своим.

Теперь на этом участке противник на некоторое время должен утомиться, и Марков с ординарцами прошел на правый фланг, в казарму, где находился лазарет Родичева.

— Гаврилыч, как раненые?

— На пределе, Леонидыч, — ответил Родичев, перепачканный кровью и с невидящими глазами. — Эвакуировать нельзя — жуткий огонь. Приходится делать невероятное. Иди посмотри на Шурочку.

Она стояла у стола, на котором лежал раненый. Марков узнал его — кавказец Измаил, пулеметчик. Лужа крови под правой безжизненной рукой. У Шурочки косынка съехала на затылок, на лице — лихая сумасшедшинка.

— И не думай, Измаил, — говорила она. — Нет у тебя правой руки. Тут и хирург не нужен. Я все сделаю. Господь, давайте ножик. Уже простерилизовался.

Марков увидел, как двое офицеров прокаливали на спиртовке обыкновенный перочинный нож с длинным лезвием. Они передали его пинцетом Шуре, и та, взяв ножик

за ручку бинтом, лихо резанула сверху вниз, в кровавое месиво.

— Все! — сказала она торжествующе. — На одном сухожилии держалась.

Взяла оторванную руку и бросила в ведро.

— Хорош была рука, — сказал Измаил, — и нет больше рука. Но есть еще одна.

Шура поправляла косынку, смотрела на Маркова так открыто, с такой сверкающей голубоватой слезой в глазах, с такой неотражаемой женской улыбкой, что он отвернулся, засуетился, сказал какие-то скучные одобрительные фразы и вышел.

Вернулся к себе, спросил у Тимановского об обстановке, поинтересовался, не пришел ли из штаба приказ.

— Приказ явиться тебе, Сергей, к командующему на военный совет к 13 часам.

Закурили и задумались. Первый военный совет был в станице Ольгинской перед началом похода. Армия тогда была только что создана. Теперь второй совет, когда армия...

Вызвал к телефону Романовский:

— Сережа, я знаю, что ты оцениваешь положение в армии так же, как и я. Прошу тебя обязательно быть на совете и сказать все, что ты сочтешь необходимым. Предполагаю, что все генералы будут единодушны, а командующий... Услышим, что скажет командующий.

На ферму Марков поскакал с ординарцем. Артиллерийский обстрел стал привычным. Солнце — в высшей точке, слева искрится в его лучах Кубань, слепит глаза так, что молнии вспышек при разрывах снарядов представляются бледными. Генерал приехал несколько раньше назначенного срока, отдал лошадь ординарцу, прошел к обрыву над рекой. Неподалеку, на удобном бугорке сидел Деникин, окруженный офицерами. Говорили о чем-то отвлеченном: о рыбной ловле, о какой-то царской ухе. Опираясь на палку, мимо прошел раненый в шинели без погон, с забинтованной головой. Сказал недоброжелательно:

— Целыми днями здесь сидите, а там — штурм.

— Он еще навоюется, — сказал примирительно Марков. — Все мы еще навоюемся.

— Было бы за что, — с накипевшей обидой возразил раненый. — За «его императорское», что ли? Или за Учредилку?

Марков отошел, не отвечая — что возьмешь с забинтованной головы? Для него не было вопроса «за что?» Конечно, за Россию. Все мы за Россию. Да и те... Брусилов, Бонч-Бруевич... Истинный военачальник не должен раздумывать «за что?». Он должен знать, против кого. Знать, на кого вести свои войска, заставлять их убивать и умирать, чтобы достичь главной своей цели — победы.

Военный совет состоялся в штабном домике, в комнате Корнилова. Марков не спешил протискиваться внутрь, вошел последним, и ему не хватило места ни на кровати, ни на скамейке. Сел на пол под окном, завешенным ковриком, — в комнате зажгли свечи, а окно смотрело в сторону противника.

Кроме командующего, на совете присутствовали: Алексеев, Романовский, Деникин, Марков, Богаевский, кубанский атаман Филимонов и председатель кубанского правительства Быч. Полутемную комнатку пронизывал тяжелый дух неудачи и безвыходности. Каждый чувствовал внезапно возникшую смертельную опасность, и никто не считал себя виноватым в случившемся.

Корнилов потер пальцами лоб, оглядел собравшихся, в монгольских глазах, посверкивающих, — обреченность. Нет былой пронизывающей огнем энергии. Командующий открыл военный совет и предоставил слово Романовскому.

Начальник штаба говорил по обыкновению, не торопясь, но не в привычно бесстрастном тоне, а придавал голосу звучание в меру скорбное и призывающее всех серьезно задуматься.

Он доложил, что силы противника во много раз превышают силы армии. По данным разведки, в боевой линии большевики имеют почти 18 тысяч, а в городе — 10 тысяч⁴⁸. Город обороняют 20—25 орудий, в их числе 8—10 гаубиц, два бронепоезда. В боевом составе Добровольческой армии большие потери. В 1-й бригаде осталось около 1200 человек, во 2-й — около 600. Конная бригада больших по-

ть не понесла, но не может оказать армии существенной помощи. Ее обход Екатеринодара с севера ничего не дал. Число раненых в походном лазарете превысило 1500...

Марков оперся спиной о стену, закрыл глаза, подумал о «драповой кавалерии», без толку маневрирующей где-то за городом, представил конный строй, идущий хорошей рысью, и... ритмично закачался в седле. Выразительный, почти артистический голос Романовского был прерван отчаянным храпом. Сидевший на скамейке Богаевский обернулся и толкнул в плечо заснувшего генерала. Проснувшись, Марков приподнялся, сказал без особого смущения:

— Виноват, ваше высокопревосходительство! Двое суток не ложился.

Романовский продолжал, словно ничего не заметил:

— Состав армии, находящейся в строю, переутомлен физически и морально...

Присутствующие оживились, некоторые улыбнулись, кто-то громко шепнул: «Переутомились так, что спят на военном совете». Лишь Корнилов остался безучастным.

Артиллерийский обстрел не прекращался. Снаряды ложились то ближе, то дальше — к разрывам привыкли. Очередной снаряд разорвался рядом с домиком. Яростный грохот заложил уши, пол заходил под ногами, в глухую стену будто с размаха ударили железной плитой — большой осколок плашмя налетел на хилые бревнышки. Мог бы и развалить домик. Присутствующие на совете зашевелились, что-то заговорили, кто-то поднял и зажег упавшую свечу. Лишь Корнилов не шелохнулся, продолжая поблескивать щелочками глаз, направленных в какую-то страшную неизвестность. Может быть, в завтрашнюю смерть.

— Я согласен с начальником штаба, — наконец сказал он. — Положение действительно тяжелое. Попытка взять Екатеринодар успеха не имела. Большевики, растерявшиеся в первые дни, теперь оправались и, получая подкрепления по трем железнодорожным линиям — с Тихорецкой, Кавказской и Новороссийской, держатся упорно и, возможно, готовятся нанести контрудар. Мы понесли большие потери. Убит подполковник Неженцев... Да... Такое

несчастье. Войска переутомлены. В создавшемся положении я не вижу другого выхода, кроме как взятие Екатеринодара. Поэтому я решаю завтра на рассвете атаковать по всему фронту. Как ваше мнение, господа?

Марков перехватил взгляд Романовского и высказался первым:

— 1-я бригада с трудом отбивает атаки противника, поддерживаемые огнем артиллерии и десятками пулеметов, — сказал он. — Потери — более четверти состава. Физическое и моральное переутомление людей не позволяет мне вести их в атаку, явно безнадежную. Если я, генерал, так переутомился, что заснул на совещании, то представьте каково состояние рядовых бойцов. Я полагаю, что правильным решением было бы отойти от города и двинуться по казачьим станицам в горы, в Терскую область. У нас еще будут победы, — убежденно закончил он свое выступление.

Романовский понимал, что голос Маркова — это голос армии, и не надо принимать всерьез невнятные рассуждения о том, что город можно взять штурмом, но удержать нельзя, высказанные командиром 2-й бригады, который говорил то же, что и Марков, но словами, пришедшимися по нраву Корнилову.

Кубанцы знали, что, кроме надежды на Екатеринодар, у них больше нет ничего, и предлагали продолжать «осаду» города. Это позволяло им быть если не у власти, то по крайней мере рядом с властью. Они понимали, что у них есть этот шанс, когда получили от Корнилова приглашение на совет. Корнилову теперь не до Родзянко.

Деникин сказал: надо отступить. Пожалуй, прежде он не был бы столь категоричен, но чем слабее командующий, тем сильнее становится его заместитель.

Сам начальник штаба должен был высказаться прямо, и он это сделал: продолжать штурм армия не в состоянии — надо отступить.

Старик Алексеев, наверное, тщательно обдумывал, что сказать командующему, считавшему его врагом-соперником. Если просто согласиться с единственно верными предложениями Деникина и других, то Корнилов так и поймет:

Алексеев всегда против него. И он придумал формулировку, будто подсказанную ему некоей волшебной силой:

— Я согласен с Лавром Георгиевичем: Екатеринодар необходимо взять штурмом. Однако, учитывая усталость войск, следует дать армии день отдыха — завтра 13 апреля, а штурм назначить на 14-е. За сутки войска несколько отдохнут, ночью можно будет произвести перегруппировку на участке Корниловского полка. Может быть, на пополнение еще подойдут казаки из станиц.

Наверное, только Алексеева командующий выслушал с опасливым вниманием, и на безжизненно усталом, бледном его лице появился проблеск некоторого удовлетворения.

— Согласен, — сказал он сразу. — Итак, будем штурмовать Екатеринодар на рассвете 14 апреля. Отход от города будет медленной агонией армии. Лучше с честью умереть, чем влачить жалкое существование затравленных зверей. Голоса участников совета разделились поровну — мой голос решающий.

Когда все решили, что совет закончен, но Корнилов еще об этом не успел объявить, Марков, улучив мгновение, попросил слова.

— Господа генералы, — сказал он. — Здесь уже говорилось о моральной усталости войск. Для подъема боевого настроения предлагаю всем командирам, кубанскому атаману, кубанскому правительству идти впереди штурмующих. Я уверен, что никто из присутствующих не будет возражать.

Никто не возразил.

Вышли из полутемной комнаты на солнечный свет. Все гуще окутывал тополиную рошу зеленый туман распускающейся листвы. С уже привычной звериной тупой ненавистью гремели разрывы снарядов. Участники совета закуривали, хвалили весеннюю погоду и, наверное, думали о том, что еще один день все-таки удастся прожить.

Марков об этом не думал. Он привык к тому, что если не завтра, то послезавтра ему придется идти под пулями впереди наступающих цепей. Другого способа командовать в этой войне он не представлял. Прогуливаясь по роше, ге-

нерал прикидывал расстановку бригады, которая должна идти на штурм. На смерть.

Деникин не вышел со всеми, остался с Корниловым наедине. Марков дождался его, спросил, не дал ли командующий каких-нибудь дополнительных разъяснений, но Деникин лишь покачал головой — таким движением отвечают на вопрос о состоянии смертельно больного.

— Плохо? — спросил Марков.

— Я словно разговаривал не с командующим армией, а с азартным игроком. Или взять Екатеринодар, или — пулю в лоб. Я ему говорю, что он не может поступить так — брошенными окажутся тысячи жизней. Почему бы нам не оторваться от города, чтобы дать отдых армии, переформироваться, устроиться и спланировать новую операцию? Ведь в случае неудачи штурма отступить нам едва ли удастся. А если и генерал Корнилов покончит с собой, то никто не выведет армии — она вся погибнет. Я ему так прямо и сказал. А он на это: «Вы выведете».

Деникин — старый фронтовой друг, в Бердичеве умирал рядом, но есть в нем этакая мужицкая расчетливая хитрость: армия знает, что он заместитель, и если не станет Корнилова, то, кроме него, никто не может принять командование армией. А хитрый Антон Иванович на всякий случай напоминает, мол, сам Корнилов сказал: «Вы выведете». Неужели считает его, Маркова, соперником? Однако Деникин прав, Корнилов со своим азиатским темпераментом действительно превращается в азартного игрока.

— Его можно и понять, — сказал Марков, стараясь быть снисходительным к командующему, — в прошлом году Петроград не взял, теперь вот — Екатеринодар...

— Не возьмем? — спросил Деникин.

— Нет. Все погибнем. Даже если возьмем.

Деникин умел, сохранять спокойствие, и лицо генерала не выражало его сокровенные мысли и чувства. Густые усы и бородачка помогали. Но показалось Маркову, что мелькнуло в спрятанных под густыми бровями глазах нечто вроде удовлетворения — мол, это мне и надо. Что ж. Плох тот заместитель командующего, который не хочет стать командующим.

— Мы должны надеяться на лучшее, — сказал Деникин то, что обязан был сказать. — У наших войск должен подняться моральный дух. Бог нам поможет, Сережа.

Военный совет оказался для Корнилова еще одним ударом — что бы там ни решили, какие бы смягчающие слова ни говорили, а все высшее командование против штурма, то есть против него, командующего армией. Вот генерал Казанович! С небольшим отрядом фактически взял город, а эти прославленные кутеповы и марковы не сумели использовать такой благоприятный случай.

Корнилов пригласил Казановича на ужин. Ординарец подал холодную вареную курицу, четыре вареных яйца, хлеб, зеленый лук, сладкую воду в графине. Казанович уже знал о решении военного совета и высказал командующему горячее одобрение.

— Я уверен, что мы возьмем город, — говорил он. — И прошлой ночью взяли бы, если б... Я вам докладывал. Если бы нашли Маркова и передали ему, его бригада пришла бы ко мне на помощь.

— А вы не думаете, Борис Ильич, что генерал Марков... Впрочем, это всего лишь неприятная случайность.

Командующий не имел права высказать страшное предположение: генерал Марков умышленно не использовал возможность взять Екатеринодар в отместку за то, что его заставили во время штурма сидеть в тылу.

Марков приехал на свой командный пункт в тяжелом настроении — впервые за весь поход ему не хотелось вести в бой подчиненных ему людей. Его ждали Боровский и Тимановский.

— Решение мы уже знаем — позвонили, — сказал Тимановский. — Какие подробности?

— Подробности простые, — ответил генерал. — Господин прапорщик, — обратился он к телефонисту. — Выйдите на время. Отдохните.

Марков прошелся по комнате, прислушался к очередному разрыву, оглядел с грустной улыбкой своих помощ-

ников. Даже Тимановского охватило нетерпение — вынул изо рта трубочку и переспросил:

— Какие же подробности, Сергей Леонидович?

— Такие. Всем надеть чистое белье, у кого оно есть, — улыбка исчезла, вместо нее строгость идущего в последний бой. — Будем штурмовать Екатеринодар. Если не возьмем — погибнем, и если возьмем — все погибнем. Командирам полков приказываю: всему составу приготовить белые ленты и нашить на головные уборы.

— Вы планируете ночную атаку? — удивился Боровский.

— Не люблю я ночные атаки. А сегодня — ночь отдыха. Завтра — день отдыха. Может быть, вместо отдыха придется драться, но завтрашний день покажет, какой будет следующая ночь. Тогда и белые ленты пригодятся. В уличных боях надо безошибочно узнавать своих.

В роты Офицерского полка, целый день прятавшихся от обстрела в окопах и корпусах казарм, приказ о завтрашнем отдыхе дошел сразу, а о белых лентах — только к ночи, когда наступило время жить, то есть подниматься во весь рост, ходить по казарменным дворам и корпусам, собираться в группы, идти в маленькие походы за хлебом насущным.

Мушкаев, как и все, был измучен вторыми сутками боев, но ему казалось, что наибольшие страдания он испытывает от возникшего одиночества: Дымникова Кутепов забрал с собой в Корниловский полк, Савелов погиб. Некого спросить, не с кем поговорить откровенно, в пустом обмене словами вдруг понять главное, необходимое. Если не понять, то почувствовать, как надо поступить в данное мгновение, через час, завтра... Как надо жить.

Теперь остался лишь единственный необходимый ему человек — генерал Марков. Нельзя жить идеями, вычитанными в газетах или услышанными на митингах, где их выкрикивают истеричные личности, предатели или просто пьяные хамы. Надо видеть и знать человека, уверенного в правильности своих действий и, вопреки сопротивлению всего окружающего мира, решительно добывающегося некоей великой цели. И чтобы человек этот был не только по-

нятным, но и обладал чем-то привлекающим к себе, заставляющим повиноваться. Таким для Мушкаева стал Марков после тяжкого похода, названного «Ледяным».

В начале этой войны, когда все существо офицера Мушкаева протестовало против расправ — самого едва не расстреляли и белые, и красные, — он видел только безумие с обеих сторон. Хотелось куда-то скрыться в дни сумасшедших атак, в которые офицеры шли без выстрела во весь рост, когда Марков нагайкой гнал робеющих, пытающихся спрятаться от этих игр со смертью. Он видел, как Марков прятался под мостом от снарядов вместе с другими, слышал его путанные объяснения политических целей войны. Однако позже перед Мушкаевым вдруг оказался именно тот человек, без которого не знаешь, как надо жить. Человек, действующий не во имя кем-то сказанных или написанных слов, а знающий нечто большее, нечто великое, не поддающееся объяснению.

Мушкаев завидовал верующим — у них всегда было то, не совсем понятное, но великое и влекущее, облегчающее и жизнь, и смерть. Теперь Марков стал его верой. Когда генерал появлялся в наступающей цепи в тяжелый момент боя, для Мушкаева и для многих других этот момент становился победным.

И в эту ночь на 13 апреля, когда пришлось расстаться с близкими друзьями, он верил, что появится Марков, поговорит, пошутит, матюкнется добродушно, и в хаос огня и смерти вернутся смысл и устойчивость. Конечно, он появился.

Огонь красных постепенно прекратился. Офицеры, свободные от дежурства в боевом охранении, уходили «в тыл» — в дальние корпуса и дворы казарм на окраине: здесь курили, болтали, даже смеялись. Сюда и вышли Марков с Тимановским.

Никакого света, кроме того, что исходил от ущербной луны, но глаза привыкли к темноте, можно было различить и непривычную каменную неподвижность лица Маркова, неестественность его улыбки.

— Отдых, господа, — говорил генерал. — Надо набрать силенок, а то большевичков еще много недобитых, так

их... И завтра старайтесь отдохнуть. Оружие проверьте, пулеметы, винтовки. Стволы надо почистить. К завтрашнему вечеру белые ленты нашейте на фуражки, а то «свои своих не познаша...»

— Не дадут они нам завтра отдохнуть, — сказал кто-то. — Огонь прекратили — готовятся к контратаке.

— Не дадут — так мы им дадим, — бойко, по-молодецки сказал генерал.

Многие засмеялись. Многие, но не все. Мушкаев не смеялся. Не почувствовал он исходившую прежде от генерала силу, заставляющую легко и весело идти вперед, убивать и умирать. Что-то надломилось.

И тотчас же охватили раздумья: зачем я здесь? За что я должен умирать? Как жить на этой земле, в этой стране, расколотой неизбежной ненавистью? Здесь — генералы, не верящие в успех, не умеющие объяснить, за что воюют, там — предатели России и озверевшие хамы, добравшиеся до власти. Можно ли остаться человеком в этой стране? Живым человеком?

— Василий Павлович, пошли с нами ужин добывать, — предложил прапорщик Гольдшмидт, ставший героем этих двух дней, замеченный самим Марковым и потому сделавшийся вдруг развязным и общительным. — Я знаю развалины дома, где есть запасы картошки, хлеба и сала. Вчера там угощался.

Шли впятером через ручей — по бревнышку, по сырому лугу, пахнущему землей. Темными пятнами выделялись неубранные трупы: крепко заснули бойцы — никогда не разбудить.

— Не вздыхай, Мушкаев, — сказал капитан Бахманов. — Наших похоронили. Это красная сволочь гниет. Половина — жида.

— Преувеличиваете, капитан, — возразил кто-то, — большинство — русские мужики и казаки.

— Вы правы, — согласился капитан. — Жида в штабах сидят и командуют.

Подошли к разрушенным, сгоревшим домам предместья. Некоторые хоть и были целы, однако от безжизненной темноты выбитых окон и пожарниц казалось, что вокруг

сплошные развалины. Пунктуальный Гольдшмидт нашел какой-то свой ориентир, отсчитал шаги и остановился возле разбитого снарядом одноэтажного дома. Железная крыша разорвана, стены разбиты, крыльцо и двери превращены в кучу обломков.

— Сюда, за мной, господа. Здесь много книг и газет — будем освещать.

От бывлой гостиной теперь осталась половина: диван, этажерка с книгами — и провал.

— Русский дом, — сказал Бахманов, увидев икону. — Здесь можно и поужинать.

— За домом — трупы, — сказал Гольдшмидт. — Я вчера вытащил. Старик, девушка...

Вспыхнули спички, подожгли скрученные наподобие факела газеты, освещая шкаф с несколькими буханками хлеба, разрытый снарядом погреб с бочками и мешками... Мушкаев сжег одну газету, взял другую — старую, измятую. Уже спичку поднес, но остановился: увидел стихи. Конечно, большевистская газета и стихи большевистские. Раньше в России такие не сочиняли:

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!
Товарищ, винтовку держи, не трус!
Пальнем-ка пулей в Святую Русь...

И пальнули! Винтовочный резкий оглушительный залп, за ним — пулеметы.

— Господа! Это атака красных, — закричал Бахманов. — Бегом в казармы.

Торопливо рассовали по карманам и вещмешкам продукты. Мушкаев схватил буханку и кусок сала. Побежали навстречу огню в раскальвающуюся выстрелами ночь. Однако Мушкаев заметил, что бегут не все: одного или двух не достает.

— Господа, кто-то отстал! — крикнул он.

— Догонят! — крикнул Гольдшмидт и выразительно дернул Мушкаева за рукав.

Вместе с ними к своим спешили еще несколько групп

офицеров. В казармах оказались в самый тяжелый момент боя: от красных, наступающих со стороны огородов, офицерские роты бежали. Не остановили их ни яростные крики Маркова, ни его нагайка. Укрылись в корпусах со стороны предместья. Мушкаев, Бахманов и Гольдшмидт прибежали сюда. Марков, Боровский, Тимановский располагали роты у выбитых окон, ставших бойницами. 1-я рота заняла большую солдатскую спальню с разбросанными железными койками. На них складывали раненых.

— Господа, прицельный огонь по наступающим! — кричал Марков. — Сейчас мы их выведем обратно. Степаныч, 3-я рота устояла — переведи ее сюда, а на правый фланг — резервную 6-ю...

Мушкаев занял место у окна, удобно положив винтовку. Красные, встретив сильный огонь, остановили атаку и укрылись в захваченных корпусах. Стреляли из окон, пули свистели над головой, выбивали штукатурку из стен. Марков быстро, почти бегом двигался вдоль позиций, убеждая, призывая смело пойти в атаку по его команде и выбить красных из занятых ими казарм.

— Как только мы рванемся, они побегут, — говорил генерал. — Господа, там остались наши раненые. Надо выручать их, пока не поздно.

Подшел к командиру 1-й роты, спросил:

— Ну что, Назар, готов?

— К чему, Сергей Леонидович?

— Наступать! Не умирать же, твою мать!

— Готов и к тому, и к другому.

— Умирать подождешь — я тебя еще не научил. А наступать ты умеешь. Начнем, что ли? За Россию! Вперед! — закричал генерал.

Выбегали из дверей, прыгали в окна, бежали из казарменных дворов с винтовками наперевес. Навстречу залпы, пачки, гранаты. Корпуса казарм были охвачены сплошным кольцом огня. Пробежали всего несколько шагов и залегли. Раненые отползали назад. За ними и другие — не лежать же, ожидая, когда тебя прожжет пуля или разорвет граната. Постепенно все отступили. Снова укрылись

за стенами у окон. Рядом с Мушкаевым оказался Гольдшмидт.

— Где же ваш пулемет? — спросил Мушкаев.

— Это был большевистский, трофейный. Они сами его и разбили снарядом.

Огонь утихал. Посверкивали лишь отдельные вспышки в окнах.

Марков нервно шагал вдоль стен, где лежали офицеры. Атака сорвалась, однако он чувствовал, что может поднять их еще раз. Но ведь опять лягут. И опять убитые и раненые. Выругался, позвал Тимановского:

— Степаныч! Где там у тебя штаб?

Стрельба почти прекратилась. Мушкаев осторожно выглянул наружу: двор между корпусами завален телами, некоторые шевелятся, пытаются ползти. В них стреляют — в красных и в белых, — определяют своих по тому направлению, куда раненый ползет. А если он ошибся, потерял ориентировку? Ничего. Какая разница, кто убьет.

— Мы за Россию, и они за Россию, — сказал Мушкаев. — Умираем рядом, но с разными идеями в мозгах. Так, прапорщик?

— Идеи вообще-то не имеют большого значения, — ответил Гольдшмидт. — Вы не занимались философией? Есть такая философская точка зрения, согласно которой жизнь человека есть непрерывная борьба. За свою жизнь, за свою женщину, за дом, за семью, за племя, за свою страну, за свое сословие или, как говорят большевики, — за свой класс. Вся история — борьба интересов, борьба за существование. Ошибаются те, кто считает, будто люди борются за великие идеи. Конечно, существуют различные идеи, но они подобны отражению света, скользящего по волнам бушующего океана. Свет не оказывает никакого воздействия на бурю, но придает ей какую-то красоту, а некоторым кажется, что эти отблески и есть причина движения волн. Вот там возле камня — убитый большевик: по шинели видно. Пришел сюда, чтобы награть и отвезти в свою хату, жить счастливо и богато, но офицеры мешают и, значит, их надо перебить. А лозунги кричал: «За власть Советов», «За социализм...» Он и не представляет, что такое «социализм».

— А мы?

— И мы сражаемся за свою жизнь, но одни говорят: «За восстановление монархии», другие — «За республику».

Командный пункт — в угловой комнате. Наверное, здесь была канцелярия — столы, на стенах доски с обрывками каких-то наклеенных бумаг. Можно расстелить карты, нанести обстановку, обдумать план боя... Но сейчас не такая война, ее не начертить заранее на карте, надо идти в роты, в цепи, смотреть на своих и на противника, разговаривать с бойцами — тогда и выработаешь правильный план.

Пили с Тимановским чай и по капле спирта — коньяка уже нет.

— Нельзя, Степаныч, атаковать, — говорил Марков, — даже если отобьем казармы, штурмовать город будет некому.

Тимановский молча соглашался.

Ждали, что с рассветом красные начнут атаку. Те будто так и планировали: едва сверкнули розовым разбитые стекла предместья, как разом, почти стройным залпом грохнули орудия красных. Дрогнули стены казарм, задрезжали недобитые стекла, рядом с командным пунктом Маркова со страшным грохотом провалился второй этаж. Вели огонь грамотно — через некоторое время снаряды пошли на ближний тыл, на почти уже разрушенное предместье. Там вновь вспыхнули пожары. Затем огонь перенесли еще дальше, на ферму, где Корнилов собирался пить чай.

Марков быстро пошел по ротам, предупреждая об атаке красных:

— Господа, у нас один выход: устоять. Если отступим, побегим — нас всех перебьют в поле... Господа, мы отобьемся. У нас отличная позиция...

Прибежал взволнованный Родичев.

— У меня беда, Сергей Леонидыч! — жаловался он. — Раненых эвакуировал в предместье, а туда артиллерия бьет. Прямо по моему лазарету.

— Такая война, Гаврилыч.

Артиллерия не затихала, и атака не начиналась. Марков вернулся на командный пункт. Новостей от офицеров

связи не было, телефон молчал, Тимановский уныло пил холодный чай.

— Семь часов, — заметил время Марков. — Не наступают. Они нас боятся. Еще боятся.

В это время Деникин, поговорив с командующим, занял свое привычное место у реки, пожаловался сопровождавшему его штабному офицеру:

— Огонь сильнее, чем вчера, а Лавр Георгиевич так и не сменил место штаба.

Подошел генерал Казанович.

— Как ваша рана? — спросил Деникин.

— Осложнений нет. Вот иду на перевязку. Не хочет командующий отсюда уходить?

— Не уговорил.

— Завтра штурм, возьмем город и штаб туда переведем.

— Я договорился с Романовским, что мы с ним не будем отходить от Лавра Георгиевича ни на шаг.

Казанович направился в штабной домик, где рядом с комнатой Корнилова устроили перевязочный пункт. Врач и сестра встретили радушно, посадили за чай с булочками и вареньем. Разрывы снарядов неподалеку в роще стали привычными, и на них обращали внимания не больше, чем на плохую погоду. Но вдруг...

В одно мгновение пронеслись звуки летящего и вертящегося куска металла, врезающегося тебе в голову, громовой треск разваливающейся стены, взрыв, раскалывающий Вселенную... Очнувшись от крика Долинского, который стоял у открытой двери в соседнюю комнату и видел, как подбросило вверх и ударило об печку командующего армией.

Так закончился сложный оперативный маневр, задуманный генералом Корниловым для взятия Екатеринодара.

РАЗБИТАЯ АРМИЯ

Умиряющего Корнилова несли на носилках к реке, в укрытое от разрывов место — на террасу над Кубанью, где любил сидеть Деникин. Он шел рядом с носилками, утирая слезы. Рядом шли и другие генералы и офицеры.

Из рокового штабного домика с пробитой стеной слышался истерический крик штабного офицера:

— У телефона Марков? Все пропало! Корнилов убит!

Генерал Богаевский быстро вошел в домик, в телефонную, вырвал трубку у офицера, грубо обругал его, сказал в телефон:

— Сергей Леонидович? Да. Командующий умирает. Нельзя допустить, чтобы армия узнала об этом сейчас. Надо держать случившееся в строжайшей тайне. Конечно, выезжайте сюда...

Только Тимановскому передал Марков услышанное. Крикнул дежурному ординарцу: «Коня!» Галопом поскакал на ферму один. Приехал туда, бросил поводья какому-то офицеру, поспешил к штабу. Там, у дороги, стояла повозка, на которую укладывали тело Корнилова. Рядом с телом Неженцева. Решили похоронить их вместе, а пока перевезти в Елизаветинскую. Кто-то еще плакал, кто-то говорил что-то печальное. Маркова это не интересовало. В сражении нет прошлого. Даже прошедшей секунды нет — ты мог умереть за эту секунду, а если не ты, то другие успели погибнуть, и мир изменился — надо принимать новые решения. Конечно, Деникин и Романовский уединились в роще и уже все решили.

Марков нашел их на берегу, на любимом месте Антона Ивановича. На лице Романовского — раздумья о великом, о вечном. На Маркова он взглянул со скорбным сочувствием, но, видно, такой холодноглазый и расчетливый не умеет долго скорбеть и печалиться — в глазах генерал уловил настороженность, даже тревогу. Романовский начал говорить о постигшем армию несчастье, но поглядывал на собеседника с тем же тревожным вопросом. Марков ответил соответственно и замолчал, прямо глядя в глаза начальнику штаба. Решительности у него не отнимешь. Потому и в штабе, где вырабатываются решения, тоже смотрел прямо в глаза и спокойно выслушал Романовского, который с каким-то предупреждением в голосе произнес:

— Разумеется, тебе, Сергей Леонидович, известно распоряжение покойного командующего о том, что его прием-

ником является Антон Иванович, и, по-видимому, ему придется нести это тяжкое бремя, однако окончательно решение будет принято по прибытии сюда, в штаб, генерала Алексева. Ему уже послано донесение.

Продолжения разговора не было — генерала Маркова не пригласили остаться и участвовать в «принятии решения». Его дело — идти под пулями в офицерской цепи.

— Я должен возвращаться в бригаду. Жду атаку красных, — сказал Марков, но не сделал движения к дорожке. Все-таки ждал. Может быть, еще секунда, и он бы попрощался, но Романовский сказал прежним дружелюбным голосом:

— Подожди, Сережа, я провожу тебя и передам последнюю разведсводку.

Только что высказался в пользу Деникина, а теперь, кажется, намеревался сделать какой-то жест старому другу. Сказать бы ему: «На войне нельзя быть таким хитрым, Ваня: это тебя когда-нибудь погубит».

Деникин тоже умел скрывать истинные чувства — сказал:

— Да, да, конечно, проводи, Иван Павлович. И не забудь новые карты на северное направление.

Вдвоем шли к штабу, артиллерийский обстрел несколько затих. Изредка снаряд падал где-то в роще или поднимал столб воды в реке.

— Я думаю, что вопрос с командующим решен, — не стал хитрить Романовский. — Корнилов еще дышал, а Антон Иванович уже заявил, что он поведет армию. Так ему сказал накануне Лавр Георгиевич. Когда я написал записку Алексеву, он взял у меня ее и переписал по-своему. Начал так: «Доношу, что...» Написал, что вступил во временное командование армией и сам подписал. По-видимому, Алексеев соберет какое-то совещание. Может быть, даже военный совет. Что ты думаешь о сложившейся обстановке?

— Я думаю то же, что и ты, но у меня категорическая просьба: не сообщать официально ни о гибели командующего, ни о назначении нового.

— Но... Во-первых, в тайне это не удержишь, а во-вторых, рано или поздно придется же отдать приказ.

— Прошу, Иван Павлович, ничего армии не сообщать до тех пор, пока не переговоришь со мной. Иначе может произойти непоправимое. Телефонная связь есть. В крайнем случае присылай офицера связи.

И попрощался.

Скакал Марков обратно, не замечая ни солнца, слепившего глаза, ни артиллерийских разрывов, ни бредущих навстречу измученных раненых, больных или просто бросивших позиции, что тут сказать, они ведь добровольцы. Генерал думал об армии, об ее новом командующем. Армия. Где она? Есть только 1-я бригада генерал-лейтенанта Маркова. Да и в бригаде-то всего один полк — Сводный Офицерский. А командовать должен Антон Иванович, весь поход проторчавший при штабе. Дело не в том, что плох тот солдат и т.д. Дело в том, что поднимать людей в атаку, идти в цепи под пулями и побеждать будет, конечно, генерал-лейтенант Марков, а вот командовать — другой. Это противоречит боевой целесообразности и может привести к полной катастрофе.

Генерала остановил на дороге поручик. Вытянувшись во фрунт, доложив по форме, что взвод Инженерной роты охраняет дорогу и берег Кубани, он спросил:

— Ваше превосходительство! Генерал Корнилов убит? Мы видели, как снаряд попал в ферму.

— Убит! Но об этом никому ни слова.

В бригаде, в той же комнате, ставшей штабом, его ждали Тимановский, Боровский, командиры батальонов. Тимановский доложил обстановку: красные ослабили огонь, никаких новых движений не замечено, по-видимому, атаковать не собираются.

Все вопросительно смотрели на командира бригады.

— Да, — сказал Марков, — командующий убит.

Встали, сняли фуражки, почтили память, а потом молча пронизывали Маркова тревожно-вопросительными взглядами.

— Но в ротях об этом не объявлять, — продолжал тот, — если кто-то знает — прикажите молчать. Пусть готовятся к завтрашнему штурму, нашивают ленты...

Тимановский — заместитель командира, потому и решил, что именно он должен задать главный вопрос:

— Сергей Леонидович, кто назначен командующим? Для нас и для всех наших бойцов — это сегодня главный вопрос.

— Командующий еще не назначен. Временно принял командование генерал Деникин.

Заговорили все сразу:

— Он же и будет...

— Армия его не признает...

— Командование должен принять командир 1-й бригады...

— Только вы можете спасти армию...

— Вам надо срочно ехать в штаб и принимать командование...

— Господа, господа, не забывайте, — остановил подчиненных Марков. — Мы же не на большевистском митинге. Сейчас происходит совещание под руководством генерала Алексеева, и там будет принято окончательное решение.

Вновь зазвучали протестующие возгласы. Тимановский, задымивший, было, своей трубкой, оставил ее и убежденно сказал:

— Сергей Леонидович, наши офицеры не поймут, если командующим будет назначен кто-либо другой, а не генерал Марков.

— Наша задача — чтобы поняли, — сказал Марков со смягчающей улыбкой, означающей, что он разделяет настроение своих помощников, но просит их не забывать о дисциплине.

Оставшись вдвоем с Тимановским, он успокоил своего заместителя и друга:

— О назначении нового командующего будет объявлено только с моего согласия. Нам надо крепко подумать, Степаныч.

— Будем думать, — согласился Тимановский.

Думали и рядовые офицеры-добровольцы. Многие, утомленные боями, отдыхали, укрывшись за стенами казарм, или усердно чистили оружие, пришивали белые ленты: механическая работа успокаивает, помогает забыть о поджидающей тебя смерти, отвлекает от размышлений

о гибели одного командующего и назначении другого. Но немало оказалось и таких, для которых вопрос о новом командующем был вопросом жизни и смерти армии, а значит, их собственной жизни и смерти.

Командир роты подполковник Плохинский, родом из крестьян, с мужицкой лукавой улыбочкой сказал донимавшим его вопросами офицерам:

— Ничего не знаю, господа. Никаких разъяснений и распоряжений не получал и вам ничего не скажу, кроме того, что, в соответствии с прежним приказом, готовьтесь к завтрашнему штурму.

Мушкаев, наверное, больше других волновался, обсуждал с офицерами, кого же назначат командующим? Неужели не Маркова? Он не мог представить командира, генерала, полководца, лучшего, чем их командир. Только он понял, что такое Гражданская война, как надо побеждать в этой войне и о чем надо рассуждать. Для Мушкаева Марков был единственным человеком, демонстрирующим, как надо жить в это жуткое время и... как надо умирать, если придется.

— Марков — это шпага генерала Корнилова, — горячился Мушкаев. — Во всех боях, когда пытались атаковать другие полки, красные отбивали их, и Корнилов посылал нас, марковцев.

— Еще говорят «Крылья Добровольческой армии» и даже называют его «Белым витязем», — с мягкой иронией напомнил Гольдшмидт.

— Напрасно вы так улыбаетесь, прапорщик, — возмутился капитан Павлов. — Марков — настоящий русский герой и заслуживает самых сильных, самых прекрасных похвальных слов. О нем надо слагать поэмы, песни...

— Вот и пишите, — согласился Гольдшмидт. — Я тоже считаю Маркова талантливым военачальником, но надо уметь хвалить человека так, чтобы не было смешно.

— Вам смешно, а мы с Василием Павловичем готовы умереть за генерала Маркова! — воскликнул капитан Бахманов.

Разговаривали за стеной последнего корпуса — ночью отсюда ходили за хлебом насущным, теперь перед ними

дымились догорающие развалины предместья, а дальше виднелись пестрая солнечная степь, редкие черные выбросы разрывов, дороги, упирающиеся в высотку с рощей и роковым белым домиком.

— А что же нам делать, если Деникина назначат командующим? — спросил Гольдшмидт. — Он же — заместитель.

— Этого нельзя допустить, — заявил непреклонный Мушкаев. — Мы должны направить к генералу Маркову делегацию офицеров и заявить, что подчиняемся только ему и считаем его командующим армией. Мы же добровольцы.

Некоторые соглашались, другие считали, что не к лицу офицерам пользоваться большевистскими методами. Вновь появился Плохинский, он уже знал, что и в других ротах идут подобные разговоры, и пытался остановить своих офицеров.

— Господа, — уговаривал он, — не надо раньше времени волноваться. Все решит завтрашний штурм. Возьмем город и... Сами понимаете, что обстановка сразу изменится.

Однако обстановка изменилась раньше. Марков и Тимановский еще ничего не решили, когда дежурный доложил, что командира бригады вызывает к телефону Романовский.

— Пойдем вместе, Степаныч, — сказал Марков, — в случае чего — поддержишь.

Вошли в соседнюю комнату к телефону. Романовский сначала спросил о боевой обстановке.

— Спокойная, Иван Павлович, — ответил Марков. — Красные не атакуют и почти прекратили огонь. Готовимся к завтрашнему штурму.

— Штурма не будет. Готовьтесь к отступлению. На совещании у генерала Алексеева принято решение снять осаду Екатеринодара и отступать по направлению к станции Старо-Величковской. Твоей бригаде, Сергей Леонидович, поручается с наступлением темноты произвести демонстрацию атаки, незаметно для противника оставить позиции и отступать к заводам, затем — к ферме. Приказ о назначении Антона Ивановича подписан Алексеевым.

— Иван Павлович, то, что я тебе скажу, услышит только полковник Тимановский. Моя просьба остается в силе. В бригаде опасное настроение в связи с назначением командующего. Если узнают, что назначен Деникин, возможны всякие неожиданности. Я не хочу, чтобы это произошло, когда в пятистах шагах от меня — красные. Прошу отложить объявление приказа до тех пор, пока я не подведу бригаду к ферме. Степаныч кивает головой. Он мной согласен. Темнеет пока еще не очень поздно, и я надеюсь до полуночи произвести демонстрацию и отступить к ферме.

Подвести бригаду к штабу, окружить. Направить туда орудия и пулеметы, войти с группой офицеров и подготовить новый приказ о назначении командующего Добровольческой армией. Думай, генерал Марков. Этого требует дело спасения армии, спасения России!

В начале восьмого синие сумерки вспыхнули дружным огнем пулеметов и винтовок Офицерского полка, загрохотало победоносное «Ура!». Красные ответили ураганным огнем, настолько сильным, что даже не смогли услышать, как прекратили стрельбу офицеры и скрытно, повзводно покинули позиции в казармах и собрались у заводов. Здесь полк был построен в походную колонну и направился к ферме, к штабу. Еще до полуночи роты, заняв обе дороги на Екатеринодар, заняли оборону на склоне высоты, тянувшейся от берега Кубани до болотистой лощины. Расположились организованно, удобно и для отражения противника, и для отдыха, и для разговоров — заволновались, заговорили офицеры, когда им объявили наконец, что Корнилов погиб, а заменить его хотят Деникиным.

Небо черное — ни луны, ни звезд. Родичев, пройдя чуть ли не всю позицию полка, едва нашел Маркова. У генерала, как всегда, ни штаба, ни большой свиты, ни охраны — только он сам, Тимановский и офицеры связи, что расположились на травке. Родичев попросил генерала отойти с ним в сторонку и начал вполголоса взволнованно:

— Леонидыч, полк хорошо стоит. Скомандуй: «Кругом!» — и на штаб. Они сейчас с фермы перешли на ту сто-

рону, в сосенки. Подходишь и принимаешь командование армией. Романовский будет за тебя — потому и вызвал твой полк сюда. Я прошел почти все роты, и везде одни разговоры: «Командующим — только Маркова. Деникин весь поход проехал в обозе. Его никто не знает. Марков — единственный генерал, завоевавший полное доверие, абсолютную преданность, любовь, исключительный авторитет. Он ковал славу Офицерскому полку, вел к победам, ему доверяет вся армия. Марков был правой рукой Корнилова».

В густой тьме едва различаются темные фигуры. На востоке — громада города с редкими огнями. Редкие вспышки выстрелов. Там прикрывает отход бригада Богавского.

— Гаврилыч, приказ-то подписан.

— Но не объявлен. Романовский ждет твоего решения.

Решай.

— Ох, Гаврилыч!.. В бою я мгновенно решаю, а здесь...

— А они наоборот. В обозе, в тылу хорешо решают. Думаешь, на самом деле Деникин был болен бронхитом? Я же сам его осматривал. Притворялся, чтобы умыть руки, когда Корнилов планировал злополучный штурм, а тебя загнал в обоз. А что Степаныч?

— Полный день думали — так ничего и не решили. Отложили на вечер, когда от противника оторвемся. Вот оторвались, а так ничего и не придумали.

Подозвали Тимановского, от которого попахивало хо-рошим вином.

— Чехословацкая охрана Алексеева достает вино, — объяснил он и замолчал.

— Степаныч, надо решать, — потребовал Родичев.

— Решают в штабе, — ответил Тимановский.

— Ты же знаешь, что там уже решили, — горячился Родичев. — Строить полк — и в штаб. Тогда решат по-нашему.

— Полк нельзя, — возразил Тимановский. — Командир полка — Боровский. Он... такой. Мы пойдем с Леонидычем вдвоем.

— Вдвоем уже поздно, — разочарованно сказал Родичев, махнул рукой и исчез в темноте.

— Что ж, Степаныч. Романовский давно нас ждет, что бы объявить приказ. Пошли связного Боровскому — пусть остается за меня.

Поднялись по дороге к роковому домику: выбитые окна, разбитая стена, обломки. Здесь закончился путь Корнилова, путь Добровольческой армии под его командованием. Не время его судить. Время идти дальше. Кто поведет? Куда поведет?

Штаб помещался в большой палатке, от ее входа тянулась тонкая полоса света, резавшая ночную темноту.

Охрана окликнула, пропустила.

Если бы все шло по правилам, то следовало бы доложить Деникину о том, что полк занимает оборону и готов к походу. Если бы ты, генерал Марков, был уверен в своем праве и не мучился бы сомнениями, то решительно сказал бы, что требуешь изменения приказа. Конечно, ты уверен, что тебе не нужна разбитая армия, а ты сам необходим офицерам и солдатам, потерявшим веру в успех и готовым разбежаться и бесславно погибнуть. Только ты, генерал Марков, сумеешь спасти этих людей, вывести их из-под удара противника, вернуть уверенность в победе и привести к победе. Но как объяснить это старому больному Алексееву, нуждающемуся в спокойствии и боящемся конфликтов, — с Корниловым настрадался. Как убедить Деникина, что он не сумеет вести армию. Он — генерал той, большой войны, а в этой не выиграл ни одного сражения. Даже не участвовал ни в одном бою.

Нет. Не погубит, потому что в любом случае армию поведет Марков, а он, командующий Деникин, будет по-хозяйски приглядывать за порядком, поглаживая бородку и мечтая о молодой жене. Еще выговор тебе за что-нибудь объявит. Здесь все наоборот. Он не нужен армии — ему нужна армия. Алексеев — сын солдата, Деникин — сын крепостного крестьянина, дослужившегося до майора... Мужички. Они знают свой дом, свою землю, знают неизменный порядок жизни: весной — сеять, осенью — жать. Не страдают дворянско-интеллигентской рефлексией. Никогда не поймут, как можно что-то не взять, если оно само идет в руки.

Сидели мужички, глядя на волнующегося потомственного дворянина, и ждали, что он поймет незыблемый порядок и подчинится ему. Для больных стариков характерен стыдливо виноватый взгляд: стыдно за свое разваливающееся тело, мучает чувство вины за многочисленные жизненные ошибки, а то и за всю жизнь — сплошную ошибку. У Алексеева такой взгляд. Чувствует вину за то, что заставил отречься государя?

— Помните, Сергей Леонидович, наши разговоры по вечерам во время похода? — так начал сложный разговор Алексеев, старший среди присутствующих. — Мы говорили о тяжком бремени, лежащем на плечах главнокомандующего армией. Теперь это бремя взял на себя Антон Иванович, и мы все должны ему помочь.

— Я обязан выполнить волю нашего мученика, погибшего великого русского полководца Лавра Георгиевича, — даже слезинка появилась у Деникина и вышитый носовой платочек. — Единственное, что дает мне надежду на успешное выполнение этой тяжелой миссии, — ваша поддержка, Сергей Леонидович. Твоя помощь, Сережа. И ваша помощь, Николай Степанович. Мы же однополчане с 1914 года.

На лице Романовского — глубочайшая серьезность, появляющаяся в тех случаях, когда никто не должен догадаться, каково истинное мнение начальника штаба. Он сказал, как о чем-то само собой разумеющемся:

— По мнению штаба, все боевые решения по армии могут приниматься только при участии Сергея Леонидовича.

«А ты когда-то писал матери, надеясь погибнуть от японской пули: «Такие, как я, не годны для жизни, я слишком носился с собой, чтобы довольствоваться малым, а захватить большое, великое не так-то просто. Вообрази мой ужас, мою злобу-грусть, если бы к 40—50 годам жизни сказал бы себе, что все мое прошлое пусто, нелепо, бесцельно». И вот через 3 месяца тебе исполнится 40 лет, и ты не смог, да никогда и не сможешь занять подбабочное тебе место в армии, в жизни. Не поведешь победоносную армию на Москву — а кто, кроме тебя, может совершить такой поход? Так и будешь поднимать цепи

в атаку, размахивать нагайкой, пока не найдется наконец твоя пуля».

— Среди офицеров идут разговоры... — начал было Тишановский, но Марков его перебил:

— Не надо о разговорах среди наших офицеров, Николай Степанович. Мы сумеем убедить их в правильности принятых решений.

— Теперь о дальнейших боевых задачах, — вздохом облегчения прозвучали слова Романовского. — Объявляем, что идем на север, в направлении станицы Старо-Величковской, но затем круто поворачиваем на восток с целью пересечь железную дорогу. В авангарде 1-й Офицерский полк 1-й бригады...

Покидая штаб, Марков получил экземпляр приказа.

«§ 1

Неприятельским снарядом, попавшим в штаб армии, в 7 ч 30 м 31 сего марта⁴⁹ убит генерал Корнилов.

Пал смертью храбрых человек, любивший Россию больше себя и не могший перенести ее позора.

Все дела покойного свидетельствуют, с какой непоколебимой настойчивостью, энергией и верой в успех дела отдался он на служение Родине.

Бегство из неприятельского плена, августовское выступление, Быхов и выход из него, вступление в ряды Добровольческой армии и славное командование ею известны всем нам.

Велика потеря наша, но пусть не смутятся тревогой наши сердца и пусть не ослабнет воля к дальнейшей борьбе. Каждому продолжать исполнение своего долга, помня, что все мы несем свою лепту на алтарь Отечества.

Вечная память Лавру Георгиевичу Корнилову — нашему незабвенному вождю и лучшему гражданину Родины. Мир праху его!

§ 2

В командование армией вступить генералу Деникину. Генерал от инфантерии М. В. Алексеев».

Возвращаясь в бригаду, Марков сказал помощнику:

— Объявишь приказ, Степаныч. Я не могу.

— Но, Сергей Леонидыч, офицеры должны знать твое

отношение к новому командующему. Если не увидят тебя, не услышат твоих слов, то могут... Даже боюсь предположить, что они могут сделать.

— Хорошо. Пусть Боровский строит полк в походную колонну — я подъеду и что-нибудь скажу.

Роты растянулись в колонну по дороге и ожидали команды на марш. Марков подъехал к 1-й роте и сказал громко, стараясь придать голосу убедительность и спокойствие:

— Господа! Командование армией принял генерал Деникин. Беспokoиться за судьбу армии не приходится. Этому человеку я верю больше, чем самому себе.

Хлестнул лошадь и поскакал вперед, в ночь, к новым боям. К смерти. Такие, как он, не годны для жизни.

Жизнь вечная неизменно равнодушна к бесконечному множеству своих проявлений, мгновенно забывая о проходящем. У самой опушки хвойной рощи заставил остановиться неожиданный, успокаивающим теплом проникающий в душу запах только что испеченного хлеба. Под охраной сержанта возле дороги, на брезенте, сложены штабелем булки кубанского пшеничного.

— Для кого хлеб? — спросил генерал.

— Для кавалерии генерала Эрдели, ваше превосходительство. Они три дня не получали. Теперь вот в арьергарде пойдут.

— Отломи-ка мне горбушечку, сержант...

— Сергей Леонидович, — прозвучал знакомый голос. — Присоединяйтесь.

На валу, окружающем ферму по опушке, сидел генерал Богаевский с адъютантом. Они тоже ели свежий хлеб. Марков присел рядом. Хлебный дух жизни повернул мир другой стороной, почти исчезли тени погибшего командующего и связанных с ним ненужных воспоминаний, и оказалось, что в ночной роще холодно.

— Ваши уже подходят, — сказал Богаевский. — А я еще здесь покурю.

— Хорошо вам в шинели, а я в своей куртке мерзну.

— Найдем для вас шинель, Сергей Леонидович. Новенькую, генеральскую.

— Спасибо, но стоит ли? Лето скоро.

— Где-то мы будем летом? Вместе ли? Может быть, сейчас придется в разные стороны разойтись, чтобы оторваться от красных. Вот и ваши.

Дружный топот сотен ног по сухой дороге, темная колышущаяся колонна с проблесками офицерских погон и пуговиц. У некоторых на фуражках еще остались белые ленты.

Савелов мог вернуться в полк — это опять война, и следующий снаряд уже не пощадит; мог идти с теми, перешедшими грань, бросившими винтовки и бредущими куда-то с пустыми лицами и потухшими глазами. Думал, сомневался, приходил в лазарет к Гулю, советовался с ним, но вечером 13 апреля выбора не стало: нет Корнилова — нет армии.

Пришел в церковную сторожку, когда там грузились. К подводам тянулись на костылях, забинтованные, некоторых тащили на носилках. «Господа! — кричал обозный офицер. — Сначала только тех, кто может передвигаться. Только легко раненных. За тяжелыми сейчас же вернемся. Выгрузим легко раненных на артиллерийские повозки, кого и на передки посадим, и вернемся за тяжелоранеными. Господа! Барышни сестры! Несите обратно носилки. Тяжелораненных потом!..»

Выздоровливающий Гуль уже сидел на подводе. С ним рядом сидели и лежали еще четверо. «У вас мало на подводе! — кричал офицер. — По семь человек приказано!..» Гуль отмахнулся и поднял воротник шинели.

— Что с вами, Роман? — спросил Савелов. — Рана открылась?

— Не могу смотреть на это, — и продолжал шепотом. — Тяжелораненных бросают. Нарочно лгут про артиллерийские повозки, чтобы успокоить раненных. Оставляют с ними красных заложников, доктора и сестер. Вряд ли большевики кого-нибудь пощадят. Их-то не щадим.

Савелов вошел в опустевшую сторожку. Кажется, что опустела, — слышны стоны, кто-то ворочается на соломе... В слабом свете маленькой копящей лампы увидел лежащего навзничь в углу с бледным лицом, с невидящими глазами. Спросил тихо:

— Кто здесь? Сестра?

— Нет. Я контужен. Все уехали... бросили... На правую бросили...

— За вами приедут. Посадят легких на артиллерию...

— Врешь. Не приедут. Застрели меня...

Прапорщик выбежал из сторожки. Подвода с Гулем еще не уехала. Теперь на ней было уже семеро, и Роман прилег, чтобы занять место. Рядом с ним — капитан с перевязанной головой, говорит вполголоса:

— 300 раненых решили бросить большевикам на правую. Нет, при Корнилове этого никогда бы не сделали. Он бы не допустил.

— А вы, Савелов, что решили?

— Уйду! В горы, в степи, в болота, к черту!.. Только из этого ада, где надо или убивать, или умирать.

— В России такого места нет, — сказал капитан.

Армия шла всю ночь с 13 на 14 апреля. К утру колонны расстроились, превратились в маленькие толпы, растянувшиеся по дороге, роты перемешались. Где-то далеко справа шел бой — конная бригада прикрывала отступление. На доносившиеся привычные звуки не обращали внимания. Утром небольшой привал, и снова вперед. Нескольким конным разъездам охраняли колонну. Марков ехал впереди 1-й роты Офицерского полка, мрачно задумавшись. И день, кажется, обещал быть таким же мрачным, сырым и задумчивым. Вдруг впереди — хлесткие ружейные залпы, и посыльный от разъезда мчится навстречу.

— Ваше превосходительство, в станице красные. До батальона!

Марков словно очнулся:

— А у нас полк, твою мать!.. Даже бригада! Генерал Боровский! К бою! По две роты в цепь. Я впереди!

Для того он и генерал Марков, чтобы вести людей в бой, на смерть. Это и есть его жизнь. И его смерть.

Станица в небольшой лощине за перекрестком дорог. Огороды, хаты, плетни охвачены зеленоватыми вспышками выстрелов.

Пули над головой и выбивают струйки земли из-под ног.

Атаковали настолько неожиданно, что красногвардейцы в панике, не разобравшись, откуда их атакуют, бежали назад, не в свой тыл за станицу, а куда-то в сторону. Черкесы-кавалеристы, следовавшие за Офицерским полком, врубались в бегущих, те толпой бросились обратно, на штыки офицерских рот.

Для марковцев — привычная победа. Привычная расправа над пленными. Мушкаев участвовал — они же хотели убить его. Загнали пленных на околицу, к большой канаве, и по обыкновению били из винтовок почти в упор. Уставший после ночного марша, еще не отошел Мушкаев от екатеринодарской бойни и спокойно целился и стрелял в серые шинели, в скованные страхом, уже почти умершие лица. Выбросил затвором последнюю гильзу, взял винтовку на ремень, пошел, не оглядываясь на распростертые окровавленные тела. Офицеры шли рядом, говорили о Маркове, о несправедливости — он должен был принять командование армией. Мушкаев соглашался, но чувствовал несообразность вокруг — чего-то не хватало. Вернее — ко-го-то.

— А где Корнеев? — спросил у спутников. — Ранен, что ли? Он же всегда...

— Вон он бродит у той хаты. Там наши молоко пьют.

Корнеев с непривычно растерянным лицом озабоченно суется среди отдыхающих офицеров. Подошел и к Мушкаеву:

— Василий Павлович, у вас есть нож?

— Какой нож?

— Острый.

— Решили ножом казнить большевиков?

Корнеев обиженно отмахнулся и пошел дальше, обращаясь к другим, тоже, наверное, искал нож.

Марков после этого короткого боя преобразился. Сам командовал полку строиться и, когда колонна двинулась, зашагал впереди. Обернулся и, улыбаясь, крикнул:

— Господа, песню!

Запели охотно:

Марш вперед... Труба зовет,
Марковцы лихие!
Впереди победа ждет,
Да здравствует Россия!..

Еще не почувствовали, что они — разбитая армия.

Почувствовали это в немецкой колонии Гначбау, куда пришли ночью. Мушкаев, Бахманов, Биркин и еще несколько офицеров узнали, что в колонии есть клуб, где продают пиво. Успели туда первыми, и аккуратные блондиночки приветливо усадили их за длинный стол, принесли пиво в глиняных кружках, но через несколько секунд сюда ввалилась алчущая толпа, и испуганные немки, замахали ручками и завизжали, что у них остался только чай.

Сидели усталые, озлобленные, хлебали чай, некоторые счастливыцы по дороге раздобыли копченые колбасы и окорока, заготовленные к приближающейся Пасхе. Разговоры были злые: «За Деникиным армия не пойдет... Романовский — скрытый социалист; надо гнать его из штаба... Мы сами его погоним... Кавалеристы уже договорились... Дисциплина в армии — это только внешность; мы добровольцы на четыре месяца и не обязаны подчиняться старым уставам...» Прозвучало и такое: «Армия погибла, самим надо спасаться!»

После холодной ночи — серое неприветливое утро. Согреться негде. Еды у немцев не раздобудешь — покупали даже муку и зерно. Жгли костры, пекли муку на жестяках, лопатах, жевали зерно. Корнеев ходил от костра к костру и спрашивал, есть ли у кого острый нож. Опять подошел к Мушкаеву.

— Ты что, зарезаться хочешь? — спросил тот.

— Не прикидывайся дураком. Сам-то знаешь, что делать, — в красных ходил. Надеешься, опять примут?

— Не надеюсь я ни на что. Только на нас надеюсь, что мы вместе выстоим.

— С кем вместе? Видишь, у того костра бумаги разложены? Это они достали большевистские документы. У пленных из карманов. С ними будут пробираться.

— А нож зачем?

— Погоны и пуговицы срезать. И ты думай, пока жив. А что же Марков? Длинное пасмурное утро, уже десятый час, а приказа на поход нет. Неужели и генерал в растерянности? Проходя по колонии, Мушкаев услышал оживленный шум в большом белом доме, крытом красной черепицей. Там разместились какая-то рота. Оказалось — 4-я. Мушкаев вошел туда и увидел Маркова. Он сидел в кресле, откинувшись, дымя папиросой, — отдыхал и разговаривал с офицерами, заполнившими хозяйскую гостиную.

— Господа, отдыхайте, — говорил он. — Здесь такие диваны. Можно и полежать. Пользуйтесь передышкой.

— Ваше превосходительство, можно вас спросить, куда пойдем? Окружают ведь нас красные.

— Не очень-то и окружают. Не такое у нас скверное положение. Выход есть, и мы обязательно выберемся. Придется, конечно, сражаться, но мы же всегда побеждаем.

— Ваше превосходительство, многие офицеры уходят. Что делать?

— Черт с ними!

Стрельба началась около 10 часов утра. И на севере, и на востоке. Корнеев ушел на юг. Побродив по целине и по буеракам, наткнулся на дымок из овражка. Рискнул подойти. У костра сидели трое в шинелях без погон. Рядом — стреноженные лошади. Встретили его спокойно.

— Оттуда? — спросил один, кивнув в сторону, где все гуще стреляли. — Вот уже и оружие грохнуло.

— Погоны-то давно спорол? — спросил другой. — Мы только сегодня.

— Вот и я сегодня.

— Садись, грейся. Можем хлебом угостить. Запаслись. Нам бы надо еще человек пять, чтобы дело сделать.

Пятерых не нашлось, а подошли четверо: поручик Савелов и с ним корниловцы, встретившиеся по дороге. Расселись все вокруг костерка, поглядывали по сторонам, не появится ли еще кто-нибудь из этой бесконечной унылой серо-зеленой степи. Прислушивались к звукам боя. Разговаривали, называя друг друга по именам, наверное,

вымышленным. Что-то бродяжье, неуютное, разбойничье висело над ними. Если в армии поручик ежедневно, чуть ли не ежеминутно ждал ужаса смерти, но в то же время жил, то есть к чему-то стремился, чего-то избегал, чему-то радовался, то теперь все оборвалось: сиди под тучами и жди, когда тебя поймают те или эти и пристрелят, как собаку.

Однако случайные спутники искали выход. Кавалеристы же все заранее обдумали. Один из них, черноусый, говорил негромко, но со значением, изучающе поглядывая на слушающих:

— Россия бунтует, а бунт имеет свои законы. Помните Пугачева? Его в плен не взяли. Его повязали свои казаки и выдали. За что получили прощение от власти. Это можем сделать и мы. Если б Корнилов остался жив, армия не развалилась бы и нам не пришлось бы искать спасения. Слушайте, бой идет все на одном месте. Большевики не отступают, а нашим некуда отступать. Добивают наших. Если мы сейчас сумеем проникнуть в штаб и арестовать Деникина, Романовского, Маркова — мы спасены. Мы трое представляем целый эскадрон кавбригады. Они ждут нашего сигнала. Кто-то должен пробраться к штабу армии и дать синюю ракету. Вот ракетница...

— Я пойду, — решительно сказал Савелов.

Офицерские цепи отстреливались, заняв позиции к северу и востоку от Гначбау. В штабе, расположившемся в клубе, где еще недавно офицеры пили пиво, шло совещание, в котором принимали участие Деникин, Романовский, Марков, штабные офицеры. Красные вели огонь по колонии из четырех орудий, били непряцельно, снаряды рвались по всему поселку, пугая жителей, внося панику в обоз, где было много раненых, не поместившихся в домах. Генералы и штаб привыкли к такому обстрелу и не прекращали обсуждение, останавливаясь или повышая голос в случае близкого разрыва.

Деникин был обеспокоен: срывался его замысел обмануть противника, продемонстрировав движение на север, скрытно повернуть на восток, к железной дороге Екатеринбург—Тимашевская.

— Придется ждать, когда стемнеет, — сказал он. — И даже это не даст большого преимущества: ночью придется медленно двигаться с обозом, медленнее переходить полотно. Иван Павлович, штаб подсчитал, сколько требуется времени для того, чтобы армия перешла железнодорожное полотно примерно в районе станции и станицы Медведовской?

— Четыре часа, Антон Иванович.

Близкий разрыв артиллерийской гранаты, и сразу же вбежал взволнованный адъютант.

— Ваше превосходительство, прошу простить. Снаряд попал в дом генерала Алексеева!

— Неужели и он? — почти с ужасом воскликнул Деникин.

— Пойду проверю! — Марков быстро поднялся и направился к двери. Ему навстречу в комнату вошел бледный, взволнованный штабс-ротмистр Шапрон дю Ларрэ. Участники совещания ждали подтверждения страшной вести.

— Нет, господа. Слава Богу, Михаил Васильевич не вредим, — сказал Шапрон. — Погиб наш писарь. Но, господа, нам только что сообщили, что в армии измена. Два полка договариваются с красными. Выдают им всех вышних командиров и казну. К нам для охраны Михаила Васильевича уже прибыл офицерский эскадрон.

— Прекратите панику, ротмистр! — резко остановил его Деникин. — Не слушайте болтовню испугавшихся людей. В армии нет изменников. Мне тоже предлагали специальную охрану, но я отказался. Продолжим, господа. Итак, еще засветло мы начинаем демонстрацию: часть армии выступает по Ново-Величковской дороге, привлекая внимание противника. С наступлением темноты выступает настоящий авангард на Медведковскую. Как мы распределим силы?

— Первыми выступят обоз и вспомогательные части, — предложил Романовский.

— В авангарде с наступлением темноты пойдет мой Офицерский полк, — сказал Марков, как о чем-то не подлежащем обсуждению. — Я сам поведу офицеров. Разобью заслоны красных и буду оборонять переход через железную дорогу, пока не пройдет вся армия.

Мысленно он добавил: «Кроме меня, это никто не сможет сделать».

— Четыре часа придется стоять, Сергей Леонидович, — напомнил Романовский.

— Значит, буду стоять четыре часа.

— Готовьте приказ, Иван Павлович, — согласился Деникин. — Выход на Ново-Величковскую дорогу в 18, на Медведовскую... Во сколько, Сергей Леонидович?

— Позже. 18 верст? Тогда в 23 или в 24.

Когда совещание закончилось и участники вышли на улицу, артиллерийский огонь почти прекратился, но удивило их не это. Вокруг здания клуба стояли офицерские шеренги, вдоль которых прохаживался Тимановский, дымя любимой трубкой.

— В чем дело, полковник? — возмущился Деникин. — Кто приказал расставить здесь офицеров? Или вы хотите нас арестовать и выдать красным?

— Докладывай, Степаныч, — сказал Марков, подмигнув Тимановскому: меня, мол, не выдавай.

Тимановский доложил, что к нему почти с того света явился поручик Савелов, считавшийся убитым прямым попаданием снаряда. Как оказалось, он всего лишь был сильно контужен — до потери памяти, — попал в лазарет в Елизаветинской, уходил пешком как легкораненый, отстал, напоролся на дезертиров. Они втянули его в авантюру и послали сюда на разведку.

— Поскольку где-то рядом находятся авантюристы, которые готовы совершить именно то, о чем вы, Антон Иванович, говорили, я решил поставить охрану у штаба.

— Что будем делать, Антон Иванович?

— Как что? Разумеется, снимать охрану.

— А с дезертирами-авантюристами? Они же ждут сигнала от своего разведчика.

— Решайте сами. Я иду с Иваном Павловичем.

Решили с Тимановским собрать группу офицеров и, взяв с собой Савелова, выйти по направлению к указанному им месту, устроить засаду и дать синюю ракету.

Эту маленькую операцию Тимановский успел провести еще засветло, но на условный знак никто не вышел. Тогда

группа направилась к овражку — Савелов хорошо помнил дорогу. Вокруг теплого еще пепла лежали зверски изрубленные трупы. Особенно мучили Корнеева — выкололи глаза, кромсали грудь и живот, пытаясь вырезать какой-то знак — не то крест, не то звезду.

В Екатеринодаре, в штабе Вооруженных сил Кубанской Советской республики, Руденко, нарушая революционную дисциплину, спорил с главнокомандующим Автономовым:

— Нет, Алексей Иванович, они лягут на другой курс. Не норд, а норд-норд-ост или норд-ост. На Тимашевскую или Медведовскую. Обязательно вильнут кормой. Эти...ые генералы еще поумнее Корнилова: Деникин, Марков. Я всю ночь буду дрейфовать по курсу Екатеринодар—Тимашевская.

Автономов поглядывал на матроса с некоторым насмешливым превосходством: не понимает, в чем теперь главный вопрос. Не от кадетов надо Кубань спасать, а от московского начальства и от немцев. На нынешнем съезде удалось отбиться от объединения с Черноморской республикой, на следующем наверняка объединят. И будет Кубанью править жид Рубинштейн, или Рубин — как его там. Да и матросики-большевички нам не нужны. Пусть кадеты побольше их перебьют. А от немцев придется вместе с Деникиным зацципаться. Добьют французов во Фландрии, и жди их на Кубани.

— Ты, Олег, тоже дело говоришь — могут они вильнуть на Медведовскую. Но и ту линию — от Тимашевской на Новороссийск — нельзя бросать. Если б не съезд, сам бы с тобой поехал. Завтра закрытие. Надо присутствовать. Договоримся так: от Тимашевской курсируешь по обеим линиям.

— Есть, товарищ главнокомандующий. Встречу генерала Маркова. Давно мечтаю.

ТОЛЬКО ОН МОГ СОВЕРШИТЬ ЭТО

Шли в ночь, в смерть. Черные тучи, черная степь, черные шинели. Белое пятно впереди колонны — папаха Маркова. Верхами вели бригаду он, его заместитель Тимановский, командиры полков Боровский и Туненберг, другие командиры.

Впереди них только конный разъезд и неизвестность. Вокруг — конвойная сотня. В колонне — оставшиеся четыре орудия с тридцатью снарядами, раненые, беженцы... За спиной осталась немецкая колония Гначбау. На ее окраине, в незаметном тайном месте, нанесенном на секретную карту, похоронены генерал Корнилов и подполковник Неженцев.

Перед выходом Деникина и Маркова осаждали беженцы, требуя, чтобы их повозки двигались вместе с авангардом. Только Борис Суворин уговорил Маркова, и ему было разрешено ехать в колонне Офицерского полка: обещал немедленно написать и издать книгу о походе. На коротких привалах он подходил к генералам, вслушивался в разговоры, пытаясь угадать по словам, по интонации, чем закончится эта страшная ночь. Сам помалкивал.

— Не жалеете, Борис Алексеевич, что с нами? — спросил его Марков. — Сейчас начнется. У вас еще есть время уйти в тыл.

— Чтобы написать правдивую книгу, надо все увидеть самому.

— А ваш брат не собирается писать о нашем походе? Почему он не с вами?

— У нас с ним разные взгляды на будущее России. Он вместо будущего мечтает втянуть страну в прошлое — какое-то вече, князя... А что, красные уже близко?

— Пока мы их обошли, но железная дорога уже рядом. Чуть больше версты. Дорога немного поднимается. Различаете в темноте? Вот дойдем до гребня и что-то увидим. А сейчас я жду доклад от начальника разъезда.

— Вы предлагаете отъехать в тыл, а где он этот тыл? Ведь вокруг красные.

— Да. Железную дорогу армия будет переходить четыре часа, и за это время большевики могут собрать здесь тысяч десять с бронепоездами, а у нас всего две тысячи с небольшим бойцов и орудия почти без снарядов. А вот и разъезд.

Галопом подскакали всадники. Мягкая дорога приглушала топот лошадей.

— Ваше превосходительство, — докладывал начальник разъезда, — впереди железнодорожный переезд.

До него около версты. Возле переезда железнодорожная будка. В ней виден свет. Слева, верстах в двух — станция. Там — огни и тени людей. Справа за железной дорогой — станица. В станице противник не замечен.

— Продолжайте наблюдение, не выдавая себя, — приказал Марков начальнику разъезда, затем обратился к командирам: — Господа! Готовьте бригаду к бою. Стоять здесь и ждать распоряжений. Со мной только мой конвой.

В сопровождении пятерых кавалеристов он, пустив коня легкой рысью, поскакал к переезду. Тусклый свет лампы, лившийся из окошка будки, в непроглядной ночи представился золотым лучистым прожектором. Слева вдали — цепочки огней станции. Тишина.

— Точно время выбрали, — сказал Марков. — Пятый час утра. Дрыхнут все, так их...

Начиналось утро 16 апреля.

Командир бронепоезда Руденко дремал в командной рубке, в первом вагоне. Всю ночь бронепоезд разъезжал по линиям, и теперь паровоз попыхивал — скомандуешь и поехали. К утру Олега сморил сон, голова упала на столик. Проснулся, будто кто-то толкнул. Кругом дремали помощники.

— Не спать, так вашу! — закричал командир. — Васюков! Пройди по кубрикам — чтобы не спали. Кадеты за ночь могли подойти. А я — на станцию...

Шагов за пятьдесят до железнодорожной будки Марков остановился, спешил, приказал: «Трое за мной». Быстро прошагал к будке, рванул дверь. Там — двое в полусонном состоянии. Генерал бросился на того, который сидел у телефона, конвойные — на другого, помогли Маркову. «За дверь их и...» Генерал сделал соответствующий знак.

Взял трубку, грубо спросил:

— Кто у телефона? Начальник станции? Здесь комиссар из штаба Автономова. Кто на станции? Какой отряд?

— На станции бронепоезд, — испуганно ответил начальник станции, — и еще два эшелона с красногвардейцами. Я не знаю, товарищ, какой это отряд.

Марков положил трубку, приказал поручику из конвоя:

— Передайте Тимановскому: колонне вперед и остановиться, не доходя 200 шагов до железной дороги.

Руденко вошел в дежурную комнату станции. Начальник, сидевший за столиком с телефоном, испуганно вскочил: он давно привык бояться всех.

— Что нового слышно? — спросил Руденко.

— Все в порядке, товарищ командир. Звонил с переезда комиссар от Автономова. Я ему доложил, что все в порядке.

— Комиссар с переезда? Дай-ка трубку. Пост? Спокойно у вас? Где комиссар?

— Уехал на дрезине.

— Кадеты не появлялись?

— Не слышно. Все у нас спокойно.

Что-то не понравилось матросу в этом разговоре. Подумав, он сказал в трубку:

— Для верности к переезду сейчас подойдет бронепоезд.

— Пришлите, товарищи. Оно будет вернее.

Марков положил трубку и приказал конвойному:

— Всех командиров ко мне. Быстро.

Пока собирались, — а это минуты, — успел придумать план боя. У Маркова в бригаде батарея Миончинского — всего два орудия и очень мало снарядов. Одно орудие выстрелит в бронепоезд сбоку, другое — спереди. Михайловцы и константиновцы стреляют точно — может, будет достаточно двух выстрелов. Офицеры с двух сторон нападают на поврежденный орудиями бронепоезд, поджигают вагоны сверху, через крыши. Значит, нужны топоры... И отряд — на станицу. Пока бронепоезд подойдет, можно перегнать через переезд часть обоза. Собравшимся приказывал в необходимой последовательности.

— Сейчас подойдет красный бронепоезд, — начал он. — Его мы не должны упустить. Пока не подошел, прошу полковника Тимановского прогнать через переезд как можно больше обозных повозок. Дмитрий Тимофеевич, од-но свое орудие немедленно перевести через полотно и по-

ставить для стрельбы прямой наводкой в упор, в бок бронепоезда. Послать лучшего офицера.

— Пойдет капитан Шперлинг, — немедленно ответил Миончинский.

— Так. Второе орудие поставить здесь, направив для стрельбы вдоль линии, в паровоз. Командиру инженерной роты полковнику Бонину немедленно сорвать телефонные и телеграфные провода в сторону Екатеринодара и выслать конных подрывников для подрыва рельс. Все это как можно быстрее и как можно дальше. Это надо выполнить во что бы то ни стало. В этом наше спасение. Возле будки завалите линию шпалами.. Главная задача Офицерского полка — разгромить и сжечь бронепоезд и уничтожить его команду. Две роты, Александр Александрович, направьте к станице и для обеспечения дороги, по которой уже идет обоз. Конвой и спешенные артиллеристы охраняют станицу. Кубанский полк пока в резерве и должен быть готов быстро выполнить любое задание...

По мере получения задач командиры покидали будку и сразу начинали действовать. Когда Марков, закончив распоряжения, вышел наружу, Шперлинг уже катил со своим расчетом орудие вдоль железной дороги на противоположной стороне, выбирая позицию. Тимановский гнал повозки через переезд рысью и даже галопом. Еще не светало. Правильно генерал Марков рассчитал время. Пришли бы раньше — нарвались бы на готового к бою противника, а если за-светло, то к линии бы не подпустили. Вот из таких точных расчетов и складывается успех. И еще из постоянной тревоги: все ли ты сделал, что мог? Предусмотреть ход боя нельзя, однако можно так подготовиться, что на любую неожиданность найдется ответ. Вот и сейчас: здесь роты разворачиваются и быстро занимают позиции вдоль полотна. Они будут на глазах. А с той стороны? Там нужен боевой храбрый офицер.

Подойдя к цепи 4-й роты, увидел полковника Биркина — он у них лишь командир взвода.

— Полковник Биркин, — подозвал его генерал. — Берите свой взвод...

— Ваше превосходительство, у меня всего 10 человек.

— Но ими командует полковник Биркин! Берите этих

десятерых, двигайтесь к станции с той стороны железной дороги и атакуйте ее. Если же подойдет бронепоезд, когда вы будете еще в пути, то лечь и замаскироваться. Далее — по обстановке.

Не надо отчаиваться и терять веру в успех, если в бою произошло что-то не так, как ты планировал. Вот и с Биркиным получилось не так: по времени он уже должен быть на станции, а выстрелов не слышно. Что с ним? Заблудиться рядом с линией нельзя. Струсил? А ведь его «атака» связала бы два эшелона красногвардейцев.

Через переезд с грохотом мчались повозки, шагали легкораненные и выздоравливающие, солдаты и офицеры Инженерной роты выбивали шпалы и валили их на рельсы. С ними вместе работал Борис Суворин. Не хуже других подставлял плечо и в паре тащил тяжелую шпалу.

Так можно было и не услышать подход бронепоезда, и не увидеть, если он идет без огней. Но вот вдаль сыпанул в небо играющий поток алых искр, за ним еще один — из топки паровоза, и раздался истошный крик: «Бронепоезд!»

Густая темь вдоль железнодорожного полотна бурно зашевелилась: офицеры поднимались и бежали в степь. Командиры кричали, останавливали, но бегство продолжалось. Мгновенно опустел переезд, прекратился грохот сваливаемых шпал, и услышались новые голоса, чужие:

— Эй, кто на посту?

— Полундра! Кадеты!

Простучала короткая пулеметная очередь.

И вновь голос с бронепоезда:

— Отставить панику! Своих перебьете! Эй, на посту! Кто здесь?

Командир обязан чувствовать роковой момент — еще мгновение, и армия в панике.

— Гранату мне, — приказал Марков кому-то стоящему рядом. — Быстро, твою мать.

Снял папаху, чтобы не белела предательски, и с гранатой в руке шел навстречу паровозу.

— Не видишь, что свои, так твою мать! — кричал генерал, подходя к площадке паровоза, источающей красный жар.

Поравнявшись с площадкой, рванул чеку и аккуратно бросил гранату точно к паровозной топке. Отпрыгнул в сторону под небольшой откос, крикнул:

— Ложись! Миончинский! Огоны!

Упал. Громыкнули один за другим взрыв гранаты, два орудийных выстрела, два разрыва. Паровоз уткнулся носом в полотно. Там, где была кабина машиниста, бушевало пламя. Из вагонов открыли беспорядочный огонь из винтовок и пулеметов. С одной из открытых платформ пушка ударила картечью — точно в офицерский пулеметный расчет, прикрывавший орудие Миончинского. Три трупа.

— Вперед! Ура! — закричал Марков.

Теперь офицеры бежали к бронепоезду, карабкаясь на платформы с пушками, лезли на крыши вагонов, прорубали и бросали вниз горящую паклю. Замолчала пушка — платформу захватили офицеры. Матросы выбегали из горящих вагонов под пули. Одним все же удавалось вырваться из огня и нападать на врагов. Кричали: «Бей кадетов, братишки!» Другие выбегали в горящих бушлатах, падали на землю, пытаясь сбить пламя, их кололи штыками. Здесь бой был выигран. Матросы еще дрались, но Марков уже думал о тех двух эшелонах, что остались на станции, да и с бронепоездом надо было разобраться. И вдруг ему на глаза попался полковник Биркин.

— Вы что здесь делаете, полковник? Я приказал вам атаковать станцию! — закричал на него генерал.

— Ваше превосходительство, так получилось, что половина моих офицеров испугалась бронепоезда...

— Не объясняйте. Некогда. Берите своих и немедленно отцепляйте платформу с орудием и вагон рядом с ней — там снаряды. Отцепляйте и оттаскивайте. Скорее, пока не загорелись!..

Из горящих вагонов еще выбегали матросы. По ним стреляли со всех сторон. Они с языками пламени, хватающими их за плечи, бежали в разные стороны. Бежали и к будке. Здесь их встречали выстрелами конвойные и ординарцы. Бой у бронепоезда заканчивался. Биркин со своими людьми действовал расторопно — вагон и платформа медленно откатились в темноту.

— Генерал Боровский, — подзвал Марков командира Офицерского полка. — Ваши заканчивают с матросами. Отлично справились. Собирайте полк и атакуйте станцию. Миончинский сейчас возьмет пушку на платформе и повернет ее на станцию. Вот вам и поддержка. И кубанцы помогут, если потребуется...

Руденко бил из пулемета по офицерам. На полу командной рубки умирал Васьков. Сзади загорелась стенка. Он остался здесь один и решил не уходить — все равно убьют, сволочи, но и он их побольше положит. Однако бойница слишком высоко — кадеты в мертвой зоне и спокойно расправляются с матросами. Что делать? Придется швырнуть гранату в них и бежать из вагона. Спину обожгло пламя, пытался сбить, но, кажется, не удалось. Он выбежал на площадку, бросил гранату, после разрыва спрыгнул и побежал в сторону паровоза — в сторону Екатеринодара. Чувствовал, что на нем горит бушлат — уже плечи жжет. Пуля врезалась в матросский широкий поясной ремень — разлился кипяточек на боку... Руденко выбежал на свет и увидел генерала Маркова. Узнал по особенным усикам. Тот держал папаху в руках и что-то говорил стоящему рядом. Кинуться на него и удушить!.. Или застрелить...

На Маркова с маузером в руке бежал матрос в ореоле пламени, пылавшем на плечах и груди. Матрос был шагах в пятнадцати, когда стоящий рядом конвойный офицер выстрелил в него из винтовки. Бахнуло рядом, чуть ли не за ухо затвором зацепил. Мгновение казалось, что стреляли в него, и пуля уже в нем. Опомился, конечно, сразу. Матрос продолжал бежать. Генерал отчетливо видел его черное лицо, оскаленные зубы, бешено сверкающие глаза, даже гвардейскую ленту на бескозырке. В этот момент вспыхнула бескозырка, матрос ее сорвал, не выпуская маузер, бросил на землю и сам упал и начал кататься, сбивая пламя.

— Не стрелять в него! — крикнул Марков. — Вы, поручик, уже выстрелили мне в ухо. Больше не надо.

Марков увидел Родичева и понял, что надо сделать.

— Гаврилыч, ты здесь? Помоги этому матросу. Пусть его перевяжут, забинтуют — все, что надо, пусть сделают. А вам, поручик, приказываю потом вывести этого храброго большевика за нашу линию, туда, к инженерам, в направлении Екатеринодара. Под вашу ответственность. Пусть идет к своим. Он крепкий — дойдет. Огонь сам сбил. Помоги ему, Гаврилыч.

— Помогу, Сергей Леонидыч. Хорошее дело.

Стрельба у бронепоезда прекратилась, и вдруг все увидели, что начался рассвет. Передние вагоны догорали. Миончинский со своими артиллеристами развернул еще одно орудие на платформе в сторону станции и ждал приказа открыть огонь. Цепи Офицерского полка разворачивались в степи по обеим сторонам железной дороги. Через переезд вновь помчались повозки. Опытный глаз Маркова почувствовал какую-то излишнюю суету. Взял с собой командира кубанцев Туненберга, Тимановского, ординарцев, решил пройти вдоль вагонов почти сразу остановился, возмущенный увиденным: прапорщик Гольдшмидт тянул скрученную горящую паклю к вагону, в котором должны быть снаряды, — он сцеплен со второй оружейной платформой.

— Вы что делаете, Гольдшмидт? — закричал генерал. — Отставить! Полковник Биркин, вы куда смотрите? Хотите нас всех взорвать? Откройте вагон. Я же говорил, что там снаряды. Быстро организуйте перегрузку на наш обоз и артиллеристам в зарядные ящики. Собирайте людей. Сейчас на переезде раненые — забирайте выздоравливающих.

Генерал с сопровождающими прошел дальше, в пасмурном свете наступившего утра в бинокль хорошо просматривалась станция, цепочки эшелонов, суета возле них, кладбищенская рощица справа. Оттуда, не дождавись начала общей атаки, наступала 5-я рота. Это ошибка. Заиграли, замелькали вспышки пулеметного огня у пристанционных домиков, и рота залегла, а затем фигурки бойцов, группами в перебежку отступили к кладбищу. И сейчас же от станции к переезду двинулся один эшелон.

Марков оказался рядом с платформой, на которой стояла пушка, уже повернутая в сторону противника.

— Дмитрий Тимофеевич, пошлите им обратно их снаряды, — крикнул Марков Миончинскому.

— По эшелону! — начал командовать командир батареи. — Шрапнелью! Прицел двадцать пять! Трубка десяти! Наводить в паровоз!..

Облачка разрывов на мгновение повисала над приближавшимся поездом. Всего несколько выстрелов, и эшелон дал задний ход. Марков наблюдал в бинокль с некоторым волнением: первые три роты Офицерского полка до сих пор лежали цепями слева от железной дороги, не начиная атаки на полосу окопов красных, темнеющую по окраине станции. Вот и эшелон вернулся, остановился, из теплушек начали выпрыгивать красногвардейцы, и... Хорошо рассчитал Боровский. Тоже умеет чувствовать ритм сражения. Именно в этот момент рванулись офицеры на красные окопы. Бегом, одним порывом. Да... Потери большие. Сам генерал Марков повел бы перебежками. Или шеренгами без выстрела ровным шагом — большевики обычно не выдерживают и бегут.

И теперь большевики побежали к своим эшелонам. Тот, что начал разгружаться, быстро вновь заполнился. И вот уже дымит паровоз, и поезд двинулся. За ним и второй, не дожидаясь отступающих. Некоторые успели прыгнуть почти на ходу, но огромная толпа заметалась. Многие бросились через пути в направлении кладбища, и здесь-то 5-я рота не ошиблась: красные оказались в ловушке, и никто бы не ушел, но почему-то поредели офицерские цепи. Конечно, добивают красных, трупами усеян их путь отступления, многие находят спасительные прорехи в рядах наступающих и скрываются за домами поселка. Где же офицеры? Марков ловил на перекрестие бинокля своих — фуражки, погоны. Вот спешит к станции группа человек десять. И куда же они? Добивать противника? Расправляться с пленными? Нет. Они подбежали к сцепленным товарным вагонам, стоящим на дальнем пути, а там уже орудуют бойцы Офицерского полка: в раздвинутые двери летят из вагонов на землю какие-то ящики, мешки, буханки хлеба...

Тимановский стоял рядом и тоже смотрел в бинокль.

— Степаныч, что творится с нашим полком? Почему Боровский допускает это?

— Почти сутки не ели, Сергей Леонидович. И ели-то сырые зерна или муку.

— Вой еще не закончен! Красные могут остановить наш переход и разорвать армию! Трофеи берут после боя. Я никогда не запрещал. А это не трофеи, а грабеж во время сражения. Не добровольцы, а мародеры. И там не только продовольствие, а какие-то вещи. Немедленно скачи туда и наводи порядок.

Не успел. В дребезжанье и грохотанье обоза на переезде вклинился другой, упорядоченный звук: ровный кавалерийский топот. Обернулись. Командующий со свитой. Деникин на белой лошади, в распахнутом штатском пальто, под ним френч с двумя орденами Святого Георгия — на шее и на груди. Увидит, что творится на станции, — позор! Впрочем, он не поймет. А если поймет или доложат ему, то сделает вид, что ничего не произошло.

Деникин спешился, генерал Марков подошел с докладом, тот отмахнулся, улыбаясь, сделал несколько шагов навстречу, обнял, приблизился, как для поцелуя, поцеловал щеку седыми усами, спросил:

— Не задет?

Может быть, когда подъезжал, рассчитывал на такой исход? Зачем ему единственный победоносный генерал в армии? Опять будут говорить: «Если бы не Марков... С Марковым не пропадем!..»

— От большевиков, Бог миловал, Антон Иванович, а вот свои палат, как оглашенные. Один выстрел над самым моим ухом — до сих пор ничего не слышу. Станция взята, но там еще идет бой. Сейчас ожидаю красных со стороны Екатеринодара. Буду отбиваться.

Подводы продолжали двигаться через переезд. Уже все знали о том, как был взят бронепоезд, и вдруг оттуда, с какой-то повозки закричали:

— Ура генералу Маркову!

Многие подхватили клич. Деникин и Марков взглянули друг на друга, и каждый понял, о чем подумал другой.

— Действуйте, Сергей Леонидович.

Генералы отдали друг другу честь и разошлись.

Еще догорали вагоны, перегружались снаряды, но и здесь не могли обойтись без генеральского взгляда — соседний вагон горит, а они спокойно таскают деревянные ящики, по четыре снаряда в каждом. Узнал штатского — Борис Суворин.

— Борис Алексеевич, вы так про нас книгу не напишете.

Остановились, положили ящик. Едва заметный утренний ветерок дыхнул, и закружились искорки совсем рядом.

— Что мне помешает, Сергей Леонидыч?

— Взорвемся мы вместе с вами. Рядом — пожар. Немедленно отцепляйте вагон со снарядами и откатывайте его.

Тимановский ждал приказа.

— Бери Кубанский полк, Степаныч, и вместе с Туненбергом наводите порядок на станции. Командующий собирается туда.

Вдруг с другой стороны — от Екатеринодара — донесся отзвук орудийного выстрела. Разрыв далеко — почти с полверсты от переезда. Значит, инженеры неплохо поработали: не подойдет ближе бронепоезд. Но снаряды могут и долететь. Вот и следующий. Уже шагах в трехстах. На переезде заволновались.

— Полковника Миончинского ко мне! — крикнул Марков.

Тот был рядом — возился с большевистскими пушками.

— Ваше превосходительство, мы снимаем орудия с платформ — будут наши.

— Отставить! Орудия испортить. Потом. А сейчас открывайте огонь по тому бронепоезду. Ближе он не подойдет.

Считанные минуты, и гулко хлопнули выстрелы двух трехдюймовок. Пороховой дым завис в неподвижном утреннем воздухе, и вдруг сквозь этот голубоватый артиллерийский туман стал виден край огромного алого диска, медленно выдвигающегося из-за волнистого горизонта. Солнце победы генерала Маркова!

К середине дня армия закончила переход через железную дорогу. Противник не преследовал — ни выстрела не слышно. Офицерскому полку объявили два часа отдыха, но приказали далеко не расходиться.

Мушкаев и Савелов теперь старались быть рядом — один ведь вернулся с того света. Солнечный день, тишина, в станичных садах распустились листья, и розовые пятнышки рассыпались по зелени: бутоны набухают.

— Давай, Коля, подальше пройдем, — предложил Мушкаев. — Найдем нетронутую хату с хозяйкой.

— Приказали же не расходиться, — засомневался Савелов: после своих приключений он больше не хотел отрываться от армии.

— Неможно разойдемся. Забыл, что у меня под шинелью спрятано?

Он успел захватить в вагоне бутылку спирта еще до появления на станции Деникина. Тот, въехав на пути со своей свитой, разогнал офицеров, растаскивающих трофеи из вагона, громогласно обругал, назвал мародерами и обещал отдать всех под военно-полевой суд. Пока суд да дело, а бутылочка — вот она.

Приглянулась не столько хата, сколько хозяйка: молодая, черноволосая, черноглазая, она колола дрова во дворе — значит, нет хозяина. Выпрямилась, мгновенным движением руки, кажется, смахнула не только пот со лба, но и усталость с лица, кокетливо поправила платочек, улыбнулась, пригласила:

— Заходите, господа офицеры. Отдохните у меня после смертного боя.

Мушкаев смотрел на ее голые белые ноги — и мужские мечты оьянили так, что и спирт не нужен. Точно он угадал: хозяин ушел с казаками в Екатеринодар воевать, дети гостят у деда в Дятьковской. Втроем сидели за столом, пили спирт, смешанный с вишневой настойкой, закусывали картошкой с салом, вареными яйцами, мочеными яблоками. Мушкаев легко убедил Анюту, что на войне пост не держат, и придвинулся к ней все ближе. Савелов интересовался, с каким отрядом ушел ее муж.

— Кто его знает, — рассеянно ответила женщина, ув-

леченная самой интересной в жизни игрой. — За наших. Ну, то есть, за ваших.

И сама рассмеялась.

— Значит, за Добровольческую армию? — не отставал Савелов. — Или, как у вас говорят, за кадетов?

— Ну да, — подтвердила Аня. — За этого, за Корнилина или Корнилова. Говорят, убили его? Наши мужики переживают.

— Коля, хватит тебе о войне. Здесь у нас мир.

— Пусть спрашивает, если ему надо знать, — сказала Аня, занимаясь под столом дерзкой рукой Мушкаева. — Може, вы моего мужика встрените где. Самошкин Авдей. Он у меня хороший, работающий. У нас мало кто дров нынче завез, а он вот раздобыл...

Настал момент, когда Савелов понял, что должен уйти. Напомнил Мушкаеву, что из отведенного на отдых срока осталось полчаса с небольшим.

— Не волнуйся, Коля. Это они так два часа назначили — на всякий случай. Увидишь, дотемна здесь простоим. А если что — прибежишь за мной. Если бой, так я сам улышу...

Савелов вышел на центральную улицу станицы и сразу увидел, что в дальнем ее конце строится полк. А еще двух часов не прошло. Возвращаться за Мушкаевым далеко — сам опоздаешь. И он побежал, чтобы успеть в строй.

Роты выстраивались у дороги, ведущей дальше на восток, к станице Дятковской. Печальное построение. Весь Офицерский полк — меньше трехсот человек. Во 2-й роте всего 9 человек. Где же люди? В бою у станции погибло 15 — их похоронили там же, на кладбище. Раненых — 60. Еще человек 30 не хватает. Значит, не один Мушкаев держался.

На левом фланге батарея и Инженерная рота. Офицеры на своих местах — на правых флангах подразделений. На правом фланге полка — его командир генерал Боровский. Командовал заместитель командира бригады полковник Тимановский.

— Как нас мало, — с тяжелым вздохом сказал стоявший рядом с Савеловым поручик Гернберг.

— Некоторые погибли после боя, — съязвил капитан Бахманов. — Вы как будто с Мушкаевым куда-то шли, Савелов. Где он?

— Так получилось, — начал было объяснять поручик, но раздалась команда:

— Смирно-о! Равнение налево!

На выезде из станицы над головами взметнулось трехцветное знамя. Его держал конный офицер. За ним ехал Деникин, далее виднелась папаха генерала Маркова, штабные генералы и офицеры. Тимановский подошел с докладом. Командующий повернулся к строю, поздоровался, офицеры ответили дружно и четко. Ждали наказания за беспорядок на станции, но Деникин приехал благодарить и поздравлять с победой.

— Господа офицеры, — говорил он, — вы одержали блестящую победу над врагом. Благодаря вашему мужеству армия вышла из безвыходного положения. Действия вашего полка позволили без потерь вывести из окружения наших раненых, наш огромный обоз. Офицерский полк остается примером мужества, самоотверженности и воинской дисциплины...

Командующий не стал напоминать о том, как все они бежали от бронепоезда, оставив один на один с ним своего генерала, а потом, во время боя, бросились грабить станцию.

После краткой речи перед строем Деникин повернулся к генералу Маркову и тоже сказал небольшую речь:

— Дорогой Сергей Леонидович, благодарю вас за блестяще проведенную операцию и за мужество в схватке с бронепоездом!

Можно было заметить, что Марков как-то странно отнесся к похвале командующего. Неужели смутился, как юнкер перед строем? Или что-то не понравилось?

— Ваше превосходительство, — ответил Марков сразу же. — Это не я, а они, — и указал на артиллеристов, стоявших на левом фланге. — Сегодня день артиллеристов.

Деникин попросил выйти из строя подполковника Миончинского и ему выразил особую благодарность за действия батареи.

— Значит, не отдадут нас под суд, — шепнул Савелов.

— Да он и не собирался, — ответил Бахманов. — Если нас под суд, то кто же будет большевиков бить?

На этом церемония закончилась. Командующий со штабом направился вперед. Марков поскакал обратно в станицу — там еще оставались черкесы-кавалеристы. Полк повел Тимановский. Вперед, в неизвестное будущее.

Проснулся Мушкаев на закате. Утомленная Анюта спала рядом. Вскочил, быстро оделся, схватил винтовку. Анна пыталась предложить какую-то еду, он отказался, поцеловал подругу и бросился бежать. Она что-то кричала вслед. Он не прислушивался — теперь его могут и под суд отдать. Станичные мальчишки кричали: «Дяденька офицер, ваши ушли к Дятьковской! Генерал впереди на лошади...»

Мушкаев выбежал на центральную улицу и увидел еще двух офицеров, спешащих туда, где днем отдыхал полк и впереди виднелась группа. Из переулка возник прапорщик Гольдшмидт, присоединился к бегущим. На дороге за станицей вытянулась целая вереница из таких группок опоздавших. Быстрым шагом они двигались за полком.

Всех напугал конский топот, донесшийся сзади. Неужели красные? Трудно было разглядеть — слепило закатное солнце. Появилась знаменитая папаха. Марков! Не страшнее ли он, чем красные? Ведь отставшие, проспавшие, прогулявшие — это почти дезертиры. Спешно собрались все вместе, и кто-то предложил: «Господа, давайте станем во фронт». Быстро построились. Увидев шеренгу офицеров, генерал остановил лошадь и... приветливо улыбнулся, поздоровался:

— Здравствуйте, друзья мои.

Марков поскакал дальше, сопровождаемый черкесами, офицеры двинулись вслед, успокоившиеся и в то же время возбужденные. Они говорили:

— Нам посчастливилось, что нами командует Марков!

— Такого генерала больше нет.

— Только он мог решиться на подвиг у переезда: один против бронепоезда.

— И сейчас нам, провинившимся, никакого выговора.

— Наш настоящий генерал! Ура Маркову!

НЕ ДЛЯ НЕГО ВЕСНА

Дух весенних перемен витал над собравшимися на военный совет в Дятьковской. Новый командующий собрал человек тридцать, сидели несколько часов. Расцветающие черешни и яблони дразнящее заглядывали в открытые окна, как резвящиеся девушки, сочувственно смеющиеся над серьезными мужчинами, занятыми ненужными делами.

Во главе стола — Алексеев, Деникин, Романовский; на втором плане командиры бригад: Марков, Богаевский, Эрдели. Конечно, главное, что должен был решить Совет, — это куда идти? Никто бы, наверное, не поверил, что генерала Маркова такой вопрос почти не интересовал. Он знал, что армия пойдет, куда надо: на Дон или на Кубань. Поскольку Кубань рядом, а о том, что делается на Дону, никто не знает. Не ради этого собралось столько людей. Военный совет — первый шаг Деникина к созданию другой, новой армии. Чтобы все постепенно начинали понимать: именно он командующий, и он все изменит, как сочтет целесообразным.

Что-то должен Деникин сказать о генерале Маркове. Прямо или намекнуть. Здороваясь, посмотрел на него усталым озабоченным хозяином — столько, мол, дел, что не до дружеских улыбок. Марков мог держать пари, что на совете таких поздравлений и благодарностей, как накануне в Медведовской, от Антона Ивановича не услышишь. Его взгляд напоминал что-то недавнее, неприятное. Не так ли стал смотреть на него Корнилов после Ледяного похода? В первый день тоже были комплименты, поздравления, а потом: «Вы закатали мне дневной бой...»

Деникин, конечно, начал совет с вопроса куда идти. Корнилов собирал помощников, уже зная, какое решение должно быть принято, и даже, если все или почти все не согласны, как на последнем совете, то он заставит выполнить свой приказ. Для Корнилова война была жизнью, единст-

венным оправданием перед Россией, которую он бессмысленно взбудоражил прошлым летом и позорно провалился. Его выбор был традиционен: победа или смерть. Вышла смерть. Для Антона Ивановича война — это необходимая тяжелая работа, которую надо выполнить с наименьшей затратой сил, как любую другую работу. Крестьянскую работу... Потомственный дворянин Марков видит жизнь по-другому: не потом надо брать в любом деле, а умением и талантом.

Деникин давал слово участникам совета и, по-видимому, не собирался навязывать свое решение: внимательно выслушивал, задавал вопросы по делу. Многие предлагали идти на Дон: ближе к России, ближе к Москве. Убедительно высказывался Кубанский атаман Филимонов, высокий, с благородной осанкой, усатый, бородатый и уже с седой. Он сказал:

— У нас, кубанцев, есть сведения, что казаки станиц Лабинского отдела, в частности станицы Прочноокопской, упорно борются с большевиками и ждут нас с нетерпением. К тому же эта станица отличается очень выгодным географическим положением, давшим ей со времен Кавказской войны славу и известность оплота всей старой казачьей Линии. Поэтому я рекомендую военному совету избрать направление на Прочноокопскую станицу. Она расположена на очень высоком правом берегу Кубани, командующем над Армавиrom — центральным местом интендантских и артиллерийских складов большевиков. Засев в этом неприступном гнезде, мы можем угрожать всем большевистским коммуникациям, а в случае удачи очистим от большевиков и весь район Лабинского отдела. Создадим там опорную базу для дальнейших операций.

Когда Деникин предоставил слово генералу Маркову, тот коротко высказался в поддержку предложения Филимонова. Романовский и Богаевский тоже поддержали кубанского атамана. Так и решили — идти на Кубань.

Время шло к полудню, слепяще светились на солнце белые и розовые хлопья в сверкающей листве, а здесь только лишь начали обсуждение того, что действительно требовало обсуждения. Сначала самый тяжкий вопрос.

— Мы должны ввести в заблуждение большевиков относительно направления нашего похода, — сказал Деникин. — Нам помогут в этом внезапность и быстрота. Я предлагаю увеличить суточные переходы, посадив всю пехоту на подводы. Некоторые красногвардейские отряды действуют именно так. Если мы примем такое решение, то что делать с лазаретом? Положение тяжелораненых — безвыходное. Они целыми днями трясутся в повозках на ухабах. В течение последних трех суток от вечера 13-го до вечера 16-го обоз прошел свыше 90 верст, причем отдых в Гначбау не превышал 6—8 часов, а некоторые повозки на это время и не разгружались. В лазарете иссякли лечебные и перевязочные средства. Смертность достигла ужасных размеров. Нам придется выбирать одно из двух: или идти с тем же обозом, подвергая армию риску погибнуть, или идти форсированно, как я предлагаю, и обречь тяжелораненых на верную смерть. Или третье... Самое страшное: оставить тяжелых здесь, приняв меры, гарантирующие им безопасность. Как сделали в Елизаветинской — с большевиками-заложниками.

Сказав все это, Деникин взглянул на Маркова с вопросом и с некоторым беспокойством. Наверное, подумал, что командир 1-й бригады выступит против оставления раненых, чтобы еще более повысить свою популярность. Если думал так, то никогда ему не понять, кто он — потомственный дворянин генерал Марков.

По традиции начали высказываться младшие, и почти все говорили о тяжелом впечатлении, которое вызовет у добровольцев оставление раненых. Деникину пришлось сослаться на донесения из Елизаветинской, где красные будто бы не трогали оставленных раненых. Когда дошла очередь до Маркова, он в своем коротком выступлении поддержал предложение Деникина, а после совета, вернувшись в свой штаб, приказал командирам полков Боровскому и Туненбергу собрать имеющиеся и найти, где угодно, еще повозки и лошадей и забрать из лазарета всех своих тяжелораненых.

За оставление раненых высказались на совете и Романовский, и Алексеев, и другие генералы. Было принято

еще одно неприятное решение, направленное против раненых: не снабжать их продовольствием из общего армейского котла, очень скудного и не всегда действующего, а возложить эту задачу на лазарет. Пусть его персонал в занятом пункте распределяет раненых по катам и там добывает еду.

И, наконец, прозвучал из уст командующего долгожданный намек:

— Господа, есть еще один вопрос, требующий обсуждения, — сказал Деникин. — Как поступать с пленными? Когда мы начинали поход, наш первый командующий Лавр Георгиевич отдал распоряжение пленным не брать, возложив на себя ответственность за это перед Богом и людьми. В то время это было необходимое решение. Теперь времена меняются: многие казаки, не устоявшие перед большевистской пропагандой и воевавшие на стороне красных, одумались и готовы перейти на нашу сторону, однако боятся, что их расстреляют. И не только казаки, но и другие красногвардейцы. По-видимому, следует к пленным относиться по-разному. Некоторые наши командиры уже почувствовали необходимость изменения отношений к пленным. Есть случаи, когда просто отпускают на свободу, к своим. Я думаю, что это неправильно...

Деникин сделал паузу, пережидая оживленно-возмущенный шумок, возникший среди присутствующих. На генерала Маркова не смотрел. А Марков с интересом наблюдал за большим мохнатым шмелем, влетевшим в окно и ищущим выхода.

— Не надо отпускать пленных, — продолжал Деникин. — Они же вновь станут воевать против нас. Искренне раскаявшихся, готовых бороться против большевистского насилия над Россией, можно принимать в наши ряды. Сначала в обоз, а потом и в строй...

Шмель наконец вылетел в окно и с победным жужжанием устремился вверх, в нежную голубизну. Марков облегченно вздохнул.

Руденко лежал в палате тяжелых — не рубцевались швы после операции на боку, где застряла пуля; плохо за-

живали ожоги на плечах и спине. Неделю ему пришлось спать на животе. Как раз в тот день, когда ему разрешили лечь на спину, госпиталь посетило начальство: главнокомандующий Автономов и его начальник штаба Гуменный. Преодолевая боль, матрос сел в кровати, весь в бинтах от поясницы до шеи.

— Здравствуй, дорогой товарищ Руденко, — приветствовал его Автономов. — Пришли вот пожелать тебе скорого выздоровления. Может, что нужно из лекарств или из еды?

Сопровождающий высоких посетителей начальник госпиталя немедленно начал объяснять, что персонал старается, но не хватает хороших продуктов, что он сам и весь персонал делают все возможное...

— погоди, товарищ начальник, — перебил его командующий. — Мы знаем, что вы, конечно, стараетесь, но дай мне с моим боевым товарищем поговорить. Он у нас один остался в живых из всей команды бронепоезда.

— Морской закон нарушен, — со злой горечью сказал Руденко. — Весь экипаж погиб, а капитан жив.

— Это же хорошо, что живой, — включился в разговор Гуменный, опасливо поглядывая на Автономова, пытаюсь, наверное, понять, то ли говорит, что надо. — Война-то идет, такие бойцы за революцию, как вы, Олег Петрович, нужны.

— Не очень удачная встреча случилась у тебя с генералом Марковым, товарищ Руденко, — сказал Автономов.

— Это не последнее рандеву у нас с ним. Дашь мне бронепоезд?

— Выздоровливай скорее, а там поглядим. Скажи, какое тебе питание нужно? Может, спирт выписать или вино? Как врачи скажут?

Врач сказал, что раненому можно есть все, а напитки употреблять лишь в небольшом количестве.

— Жратва здесь, конечно, не для моряка, — сказал Руденко. — Прикажете коку мяса не жалеть, а по вопросу спирта я знаю лучше, чем медицина: не можно, а нужно. Не немножко, а чем больше, тем полезнее.

Начальник госпиталя рассыпался в обещаниях, но Автономов его перебил:

— Я знаю, кто у вас занимается продовольствием, и сам распоряжусь.

Он для того и приехал в госпиталь, чтобы встретиться с Ольгой, вернувшейся в Екатеринодар сразу после отступления белых. Пошли к ней вдвоем с Гуменным. Во дворе под распутившимися старыми деревьями гуляли выздоравливающие в старых полосатых халатах.

— Живучий гад, — сказал Автономов верному начальнику штаба. — Ему бы и погибнуть там в самый раз. Такой верный большевик. Пока он здесь, мы ничего не сделаем.

— В Новороссийске их много.

— От Новороссийска еще доехать надо, и немцы, глядишь, не пустят. Сейчас к Ольге зайдем и все обсудим. Я потому и охрану не взял.

Она их ждала — на столе все, что надо. Сели, выпили, закусили колбаской — они же большевики и не признают ни Бога, ни поста.

— Так ты, Олюха, говоришь, что кадеты все равно свое возьмут?

— Я же их видела в Афипской. С генералом говорила — он меня с Быхова знает. Разве ж ваши мужики могут против них? У вас и командиров-то только вы, Алексей Иваныч, да Иван Лукич Сорокин. Ну, еще и вы, Степан Федорович.

— Мы с Лукичом тоже так думаем. Добровольцы нас, конечно, расколотят. На этот раз они Екатеринодара не взяли потому, что Корнилов погиб, а так я уже и приказ отдал об эвакуации. И народ большевиков уже ненавидит. Да... Корнилов. Как я ни пытался, а не смог остановить это безобразие, когда терзали его труп. А сколько ни в чем неповинных расстреляли в городе. На это у них сил хватило, а чтобы преследовать отступающих кадетов, как положено по военной науке, у них ни ума, ни сил не достало. Хоть меня за успешную оборону главнокомандующим назначили, но со мной не считаются. Скоро объединятся с Черноморской республикой, и вся власть будет у жида Рубина. Потому мы с Лукичом и со Степой решили арестовать ЦИК, взять власть и помириться с добровольцами. Но надо, чтобы они это знали. Еще в том месяце я посылал туда лю-

дей — бывших офицеров, но у них не вышло. Не доверяют тем, кто у нас служил. Ты бы поехала, Оля, к Деникину? Дадим тебе лошадь, крепких старичков в охрану — будто едешь в станицу к родным. Бумагу тебе напишем или на словах скажешь.

— Лучше на словах. Меня Марков знает. Но, Алексей Иваныч, подумать надо. В какую станицу?

— В ту, куда они пойдут. Может, и не домой поедешь к родным, а как в тот раз — раненых повезешь.

— Когда ехать?

— Хорошо бы к Пасхе.

— Это ж значит... меньше двух недель? Ой, подумаю я.

— Завтра с утра придешь в штаб, и будем собираться. Да, к слову, там; в главном корпусе у вас, в тяжелой палате, лежит матрос Руденко. Его бы, конечно, лучше удавить или отравить, но... надо внимание оказать — мясца подкинуть, спирту. Пусть упивается.

— Знаю я его.

Что-то бабье, тайное, промелькнуло на круглом, с едва заметной россыпью рыжих веснушек, лице Ольги, и Автономов, заметив это, вздохнул и задумался. Потом сказал:

— Да и мы со Степой еще подумаем до завтра. Рисковое это дело. Верно, Степа?

— Рисковое, Алексей Иванович.

Вышли во двор. Автономов огляделся, приказал:

— Не спеши, Степан. В машине не поговоришь. Давай в сторонку отойдем. Как ты насчет этой бабы?

— Баба — что надо, Алексей Иванович. Видать, казачка.

— Да не про то я. Городская она, но из казаков. Я думаю, можно ли ей довериться? Здесь-то она никуда от нас не денется — одно слово мое — и в Чека. А поедет к кадетам? Баба она и есть баба — с кем спит, тот и хорош. Нет. Не будем ее посылать. У меня другой план еще есть. После Пасхи скажу в этом ... ЦИКе, что должен наводить порядок в красногвардейском отряде в Кисловодске, и поеду с тобой. Сядем в бронепоезд, возьмем своих верных казаков — и в путь. Мне доложили, что там живут большие генералы — Рузский и Радко-Дмитриев. Рузский командовал фронтом. С ним легче договориться, чем с Деникиным

и Марковым. Те воюют. Знают свою силу. А у этих ничего нет. Предложим им посты командующих войсками, а войска — наши казаки. Ведь я кто? Хорунжий. А Лукич — фельдшер. У нас ни одного офицера — всех постреляли. Нешто мы можем руководить армиями? Вот у нас и не солдаты, а сброд. Будет у нас главнокомандующий Рузский — его и Алексеев, и Деникин признают. И тогда немцы на Кубань не придут.

Вечером в госпиталь привезли свежий хлеб. Вышла его принимать Ольга. Разгружали выздоравливающие, охраняли красногвардейцы, а главным здесь был товарищ Петухов с хлебопекарни. Он покрякивал на разгружающих, ворчал на Ольгу, плохо разбирающуюся в документах, затем, когда работа закончилась, махнул шоферу, чтобы тот уезжал без него, а сам с небольшой корзинкой направился за Ольгой Петровной.

Брат и сестра закрылись на ключ, вытащили из корзины белые сладкие булочки, а из-под них нечто ценное, завернутое в тряпочку, — золотые вещички.

— Смотри, Оля, прячь хорошо, — требовал брат. — Чтобы никто и не подумал.

— Я придумала в селедку. В самые ржавые, грязные. Такие, что никто и в руки не возьмет.

— А потом сама не найдешь.

— А я меточку делаю. Иди — покажу.

Потом они ужинали. Василий спросил об Автономове. Ольга рассказала.

— Научи, что делать, — попросила она брата.

— Думать надо. Попал я с тобой между двух огней. Этот главнокомандующий завтра передумает, и тогда тебе конец, а значит, и мне. Придут кадеты — и опять ты виноватая: зачем с Автономовым вязалась? Надо нам как-то ухитриться, чтобы и этот не тронул, и те не обидели.

Армия на повозках быстро двигалась через широкую кубанскую весну. Не знали, куда ведет их новый командующий: даже командиры полков не знали — конные на перекрестках указывали направление. Не знали, но были исполнены призрачными весенними надеждами. Смерть по-

прежнему ждала их за каждым поворотом дороги, в каждой станице, но они верили в жизнь.

Мушкаев в этом апреле почувствовал, что только теперь стал настоящим мужчиной, воином, сражающимся за свою жизнь, как и другие воины, мужчиной, покоряющим женщин. Сражаться и любить — в этом смысл жизни. В станице Успенской его роман с одинокой казачкой длился целых четыре дня, пока стояли в станице. Это было перед Вербным воскресеньем, а потом...

Что бы ни случилось потом, а четыре дня в Успенской — праздники и днем, и ночью. Днем праздниками руководили генералы. Друг Дымников, перешедший в Корниловский полк, иронизировал на тему военного начальства, для которого весна — это время парадов, смотров, учений, боевых стрельб и прочих воинских радостей.

В пятницу Офицерский полк проверял Марков. Уже не в папахе, а в черно-белой фуражке, в гимнастерке с Георгием на груди шел он вдоль развернутого строя. У Мушкаева ослабели нервы после любовных ночей, и он едва сдерживал слезы, глядя на любимого генерала. Остановившись, командир бригады поздоровался:

— Здравствуйте, мои друзья!

Раскатистое «ура» звучало над станицей до тех пор, пока генерал не сделал рукой энергичный знак. На его лице — радость. Весна его радует? Или то, что полк пополнился кубанцами до 600 человек? Или тоже любовь? Шепчутся офицеры, будто у него роман с некоей сестрой милосердия.

Марков оглядел строй и начал речь:

— Хорошо, господа, что вас много. Полк еще большой. Воевать можно. Сейчас армия вышла из-под ударов, отдохнула, пополнилась и готова к новым боям. У нас имеются сведения о восстании казаков на Дону. Возможно, скоро мы передвинемся к ним поближе, перейдем на Дон, но не будем терять влияния и связи с Кубанью и упускать из вида общероссийскую задачу. Теперь мы передвигаемся на повозках, но их не хватает. Приходится перегружать лошадей, а это уменьшает скорость переходов. По приказу командующего я с вашей помощью буду проверять обоз —

там много безобразий. В то время как мы сражаемся, находятя люди, малодушно скрывающиеся в обозе, предавая этим тех, кто находится впереди. Всех уклоняющихся, а равно и нежелающих вступить в армию, мы с вами выведем за околицу и плетью отгоним в сторону противника. Я здесь без нагайки, о которой вы все знаете...

В строю смеялись — знают.

— Я ее не потерял и буду ею пользоваться. Я знаю, что в минувший тяжелый период жизни армии некоторые из вас, не веря в успех, покинули ряды и пытались спрятаться в селах. Вам хорошо известно, какая судьба их постигла. Если и теперь кто-либо еще желает уйти к мирной жизни, пусть скажет заранее. Удерживать не стану: вольному — воля, спасенному — рай и... к черту! Завтра мы представляемся командующему армией...

— Ты, Коля, пойдешь к генералу с заявлением, что хочешь вернуться к мирной жизни? — шепотом спросил Мушкаев соседа по шеренге Савелова. — Ты ведь уже пробовал.

Тот молча негодуяюще взглянул.

После смотра, когда всех распустили, Савелов сказал Мушкаеву:

— Если вы так любопытствуете, господин поручик, то знайте: я хочу уйти к мирной жизни, и я это сделаю без объяснения с генералом Марковым, в которого вы влюблены.

Савелов отдал честь, повернулся кругом и зашагал от приятеля.

Мушкаев усмехнулся, удивляясь и сочувствуя прапорщику — погибнет. Не понимает, что у русского офицера сегодня одна дорога — та, по которой идет Добровольческая армия.

В субботу на станичной площади была выстроена вся бригада. Деникин подъехал по корниловской традиции со знаменем, в сопровождении штаба. Приняв доклад Маркова, он объехал строй и, остановившись перед фронтом, произнес краткую речь:

— Земной поклон вам, русские чудо-богатыри! Вы совершили один из величайших походов Русской армии. Ро-

дина не забудет вас! Борьба, которую начала наша Добровольческая армия, борьба за освобождение Родины, получает свое развитие и расширяется. Армия показала пример. На Дону вспыхнуло большое восстание, и мы скоро выступим на помощь донским казакам.

Затем — настоящий парад. Проходили церемониальным маршем мимо командующего, стоявшего рядом со знаменем.

Вербное воскресенье началось заутреней в большой Успенской церкви, заполненной офицерами, станичниками, ранеными. Колыхались и гнулись язычки пламени свечей, покачивались серые облачка в толпе молящихся — пушистых вербных букетиков. Священник читал что-то из Евангелия: «...И когда вошел Он в Иерусалим, весь город пришел в движение и говорил: кто Сей? Народ же говорил: Сей есть Иисус, Пророк из Назарета Галилейского. И вошел Иисус в храм Божий...»

В этот момент в храм вошел Деникин в сопровождении генералов. Все в мундирах с орденами. Для них — почетное место у анаоя.

Мушкаев и Дыминков стояли рядом.

— Ему бы священником быть, а не командующим, — шепнул Мушкаев.

— Чего это ты его так невлюбил?

— Мог бы Маркова заместителем назначить.

— Если бы Марков был заместителем, то все бы увидели, что он и есть настоящий командующий.

— Господа, помолчите в Божьем храме, — остановили их соседи.

Но друзья не могли долго молчать. Мушкаев заметил в толпе свою подругу и показал Леонтию.

— Хороша рыженькая. У меня такая была, — одобрил тот.

— А в Медведовской у меня была брюнеточка. Анюта...

— Господа, потише...

Дьякон старательно вел тропарь: «Величаем Тя, живодавче Христе-е. Осанна в вышних, и мы Тебе вопием благословен Грядый во имя Господне-е...»

А после полудня — в поход. Направление — на север. Значит, к железной дороге Тихорецкая—Царицын. Значит, на Дон. Значит, в бой.

Ехали на повозках. Пока продолжался солнечный день и двигались по наезженной дороге, хорошо было среди зеленой степи. Пели, разговаривали, шутили: «Четвертый раз будем железку пересекать. Большевики по железным дорогам — вдоль, а мы — поперек».

К вечеру свернули на проселок, а там и на целину. Когда стемнело, увидели впереди пожар, и Марков приказал спешиться. Офицерский полк справа обошел горящий хутор, двинулся дальше, на рассвете перешли железную дорогу, тут началось... Гирлянды вспышек пересекли степь, бахнули винтовки, затукали пулеметы. Эхо выстрелов раскатывалось под чистым утренним небом. За окопами красных — небольшое селение: хутор Горькая Балка. Сзади, на железной дороге показался бронепоезд, и загремели пушки. Снаряды пятнали степь черными языками, пока не причиняя вреда цепям Офицерского полка. Положение, однако, представлялось тяжелым — окружены.

Генерал Марков так не думал. Батарей Миончинского выставил против бронепоезда. Несколько выстрелов — и он на большой скорости двинулся на восток. Красные окопы можно взять быстрой атакой, от них совсем близко: шагов 400. Вскоре Горькая Балка была захвачена.

Кубанские казаки верхами гнали пленных — человек 50. Те, как обычно, расхристанные, с опущенными головами, некоторые босиком, многие — раненые. Среди пленных не только красногвардейцы, одетые во что попало, но и казаки в гимнастерках, в сапогах. Мушкаев, расслабленный любовью и церковной службой, уставший после похода и боя, напомнил:

— Господа, что это они? Приказано же с пленными по-другому.

Офицеры отдыхали, покуривая, на бревнышке у дороги. Капитан Бахманов, только что вытиравший после боя окровавленный штык, спросил возмущенно:

— Это ж как по-новому? Отпускать, что ли?

— Кто раскаялся — брать на службу в обоз. Генерал Марков даже отпустил одного матроса.

От кубанцев, конвоирующих пленных, исходил смертельный холод ненависти. Их командир, смуглолицый усатый сотник, прикрикнул обреченным:

— Вон к той канавке. Там ваша подружка уже прилегла — вас дожидается.

— Господа офицеры, — вдруг по-командирски сказал Бахманов, бросив окурки и поднимаясь, — как старший по званию здесь, предлагаю всем принять участие в казни предателей России. Вам, поручик Мушкаев, обязательно, а то вы никак не забудете свою службу у красных.

— Но, господин капитан, указание генерала Маркова...

— Вот он и сам едет, — сказал кто-то из офицеров.

В Горькую Балку в сопровождении своего штаба въезжал командир бригады. Офицеры поднялись, отдали честь. Генерал приветствовал их:

— Здравствуйте, друзья! Спасибо за отличную атаку. Отдыхайте.

Он обычно избегал встреч с пленными и сцен расправы, но здесь ему пересекли дорогу. Сотник доложил.

— Куда вы их? — спросил Марков.

— До той канавы, ваше превосходительство. Они вот, офицеры ваши, говорят, что пусть раскаются. А мы так не можем, потому что наших казаков порубили.

Марков махнул рукой и поскакал в объезд пленных и конвойных.

— На Святой неделе братьев своих казните! Грех принимаете!.. — закричал, едва он отъехал, один из пленных казаков, завыл дурным голосом.

— Какой ты мне «свой»!

— Казак я из Медведовской, Авдей Самошкин. Большаки меня обманом заманили!..

— Рубил наших нынче? — спросил его сотник, затем обратился ко всей толпе: — Рубил он наших казаков на разъезде? Эй, вы! Красные! Перед смертью грех врать.

— Все рубили, — угрюмо сказал пленный красногвардеец, — и этот казак. Еще поболее других.

— Господа офицеры, поднялись и пошли. Поможем

казакам, — приказывал Бахманов. — Вы, Мушкаев, рядом со мной. Расскажите, сотник, с вашими как они расправились?

— Пришел ночью наш разъезд — 8 казаков. Вот в этот дом. Хозяйка приняла, блинами накормила, а сынка на тот конец хутора к комиссарам послала. Вот эти... их мать, пришли, окружили, захватили и порубили пашками. Мученическую смерть приняли наши братья. Баба-то уже там лежит в канаве.

— Как узнали? — спросил Мушкаев.

Только теперь он понял, что темная куча, выглядывающая краем из канавы, — это труп женщины.

— Следующий разъезд я вел, — рассказал сотник. — По-хитрому. Как знали — зашли в этот же дом. А в разъезд я приказал идти без погон, и бабе этой сказали, что за большевиков. Ну, она начала хвалиться, как наших продала. Вот и лежит.

Эти пленные почти не кричали, не молили о пощаде. Только Самошкин выл по-собачьи до самой пули, которую послал ему в сердце Мушкаев, — за его выстрелом внимательно наблюдал капитан Бахманов.

Марков слышал резкую трескотню винтовок за спиной. Когда расстреливают, звук выстрела совсем другой, не тот, что в бою, а холодно-жестокий, палачевский. Но его офицеры — не палачи. Они убивают тех, кто завтра убил бы их.

Подъехал к дому, возле которого стояла охрана и толпились солдаты-кубанцы и офицеры, — здесь штаб командира полка генерала Боровского. Тот сидел в горнице с открытыми окнами, за которыми — теплое небо с веселыми облачками. Стол завален картами. Вокруг — штабные офицеры. У него большой штаб, не тот, что был, когда Марков командовал полком. Вернее, тогда вообще не было штаба — только Степаныч да Гаврилыч. В такой войне чужие советы не нужны. Иди сам — и все увидишь, все правильно решишь.

— Выбираете, какая подходит для дальнейшего похода? — спросил Марков, кивнув на стол с картами. — Поняли, куда идем?

— Поняли, Сергей Леонидович. Вот штабные и склеивают.

— Знакомые места. Лежанка, Егорлыцкая... Отсюда начинали.

— Помню вашу замечательную атаку под Лежанкой — ровным шагом, без выстрела с винтовками наперевес...

— Вспоминать рано, Александр Александрович. Надо продолжать. Не то что до Москвы — до Дона еще далеко. Чтобы скорее ваш штаб подклеил карту с Доном, отдыхать сегодня не будем. Готовьте полк к маршу. Направление: станица Плоская—Лежанка. Я еду к кубанцам.

Боровский вышел проводить.

— Отойдемте в сторонку, к огородам, — предложил Марков. — Не секрет, но тема сложная. Сегодня ваши офицеры расстреляли пленных, а на военном совете Антон Иванович предложил по-новому действовать. Вы объявляли офицерам?

— Конечно, объявил, Сергей Леонидович. Как сказал командующий, так и объявил. А он сказал... Не очень ясно. Лавр Георгиевич, помните, прямо заявил: «Пленных не брать, я отвечаю перед Богом и людьми». А сейчас... Тех, кто раскаялся искренне... А как узнать, искренне или нет?

— Так же проще, Александр Александрович.

— Кому проще?

— Тому, кто теперь ни перед Богом, ни перед людьми не отвечает. Отвечать будем мы с вами.

Возникла где-то совсем близко песня. Задумчивая, протяжная, печальная. Замолчали галдевшие у штаба люди. Слушали.

— Это из моего конвоя донской казак, — сказал Боровский. — Они же на Дону песни не поют, а играют.

Не для меня весна придет,
Не для меня Дон разольется,
И сердце девичье забьется —
Такая жизнь не для меня-а.
А для меня опять война-а...

ПОСЛЕДНИЙ МАЙ

В Лежанке оставили 1-ю бригаду, конников генерала Покровского и весь лазарет. Остальная часть армии двинулась дальше — к Егорлыцкой, к Дону. Кавалеристы Покровского создали завесу из конных разъездов и о появлении красных узнали задолго до их приближения к селу. Генерала Маркова вестовые нашли утром в «обозном» конце села. Он с Тимановским и ординарцами проверял размещение раненых. Разговаривал с Родичевым, расположившись на солнышке возле хаты с флагом красного креста над крыльцом. Тот говорил о трудностях с продуктами для раненых — интенданты по приказу Деникина заготавливают продовольствие только для боевых частей, а раненых должны кормить хозяева домов, где располагается лазарет.

— Так они, ...ые интенданты, и нам ничего не дают, Гаврилыч. Куда все уходит? Неужели сами съедают?

— Столько им не съесть, Сергей Леонидович. На днях в Плоской в пустой хате мы нашли несколько бочонков, и сметана, и кувшины с молоком... Закрыто на замок, и никто так и не сказал, чье это, для кого приготовлено. Тот капитан верхом — один из них.

Капитан в отличной гимнастерке, в корниловской черно-красной фуражке с черно-серебряными погонами Генштаба, с маузером и кавказским кинжалом на поясе коротким галопом скакал по дороге, не замечая генерала.

— Ко мне его! — приказал Марков.

Капитан спешился, аккуратно набросил повод на столбик изгороди, подошел к генералу, спокойно доложил, что он — командир особого интендантского боевого отряда Гилленшмидт.

— Родственник?

— Генерал Гилленшмидт — мой родной дядя.

— Ваш родной дядя, так его... бросил армию и бежал неизвестно куда, — повысил голос Марков. — А вы здесь, в обозе, прячетесь и морите голодом раненых!

— Ваше превосходительство, согласно приказу его превосходительства командующего...

— Отставить. Здесь я отдаю приказы! Найти все спрячанные продукты и передать подпоручику Родичеву для раненых. После этого явитесь в распоряжение командира Офицерского полка генерала Боровского для прохождения боевой службы.

— Ваше превосходительство, но я...

— Отставить! Выполняйте. Кругом! Шагом марш!

Посмотрел вслед удаляющемуся капитану. Родичев объяснил, что в обозе таких человек пятьдесят, — они не переносят выстрелов и могут находиться только в тылу.

— Всех разгоню, — пообещал Марков.

— Не удастся, Сергей Леонидович. У них покровители.

На противоположной стороне улицы стояла девушка в цветастом платье, в светлом платочке, прикрывавшем непослушные каштановые волосы. Наверное, интересно ей было рассматривать генерала.

— Шурочка уехала? — спросил Марков.

— Вместе со 2-й бригадой. Спешит, чтобы скорее окатиться поближе к Новочеркаску.

Оказывается, молодая казачка не ради любопытства стояла — подошла к военным, преодолевая стеснение, спросила:

— Господин генерал, не возьмете ли меня сестрой в лазарет?

— А ты умеешь за ранеными ухаживать? Бинтовать, промывать раны?

— Так я училась на фершала в Новочеркаске. Не закончила, но...

— Возьмем, Сергей Леонидович? Сестры нужны — раненых много.

— Как тебя зовут, красавица?

— Лиза.

— Понравилась ты нашему врачу. Он очень хороший врач — Гаврилыч. Но ухаживать будешь только за больными, а не за здоровыми. Согласна?

— Что ж поделаешь — согласна.

Промчали по дороге пустые тачанки, поднимая пыль. Наверное, добывать припасы к светлому празднику. А у командира бригады возникла мысль о новом тактиче-

ском приеме. Еще не рассеялась пыль от тачанки, как подскочил хорунжий кубанец из разъезда и доложил о подходе красных и с юга, и с востока, и по большой дороге. Красные были уже верстах в пяти.

— Что у нас сегодня? Страстная пятница? Вот и устроим страсти, — сказал Марков. — Степаныч, оба полка — к бою и на ту окраину. И, главное, все тачанки туда же. И чтобы лошади и возницы были готовы к бою.

Степь украсилась лазоревыми, желтыми и алыми пятнышками цветов, черные пашни за селом засияли изумрудом озими. Красные еще не подошли, и посверкивающие штыками полки, разворачивающиеся в цепи, блеск начищенных пушек, выезжающих на позиции, представлялись каким-то праздником. Десятка два тачанок вытянулись цепочкой на дороге. Марков с командирами подошел к ним, оглядел лошадей и возниц.

— Господа командиры, — сказал он, — противник приближается, и то, что я сейчас прикажу, надо сделать немедленно. Лучшие пулеметные расчеты Офицерского и Кубанского полков посадить на тачанки. Укрепить пулеметы для ведения огня и на месте, и на ходу. Создаются две пулеметные батареи, которые рысью выезжают во фланг наступающим и открывают точный огонь на поражение. Дорога сухая и степь ровная — можно и по целине. Командиров батарей назначит генерал Боровский. Инициативных боевых командиров рот. Выполняйте — времени нет.

Вскоре боевым дымом затянуло цветущую степь — красные за версту до села на ходу открыли огонь и ружейно-пулеметный, и артиллерийский. Марковцы отвечали отдельными выстрелами из цепи — у них по 30 патронов на человека. Красных эти выстрелы не останавливали. Еще шагов 800—1000 — и рукопашная. Но вот Марков взмахнул нагайкой, и с обоих флангов вылетели тачанки. Какие-то незаметные минуты — и жуткий фланговый пулеметный огонь с развернувшихся тачанок встретил красных. Они залегли, начали отползать, ища укрытий, а пулеметы заливались, вбивая в ползущих смертоносный свинец. Поднялась в атаку бригада, и красные побежали. Их гнали несколько верст.

Марковские роты закрепились верстах в трех от села, где стояли сарай с веялками, сеялками и прочими машинами. Между сараями — высокие стога соломы. Сюда подъехал Марков с помощниками. Артиллерия красных с дальнего расстояния была прапнелью. Пришлось от пуль прятаться в сараи. Один из них загорелся от случайного попадания, а там, как на грех, сестры собрали раненых. Бросились выносить, горящие заживо жутко кричали. Подбежал связной и доложил, что ранен в голову генерал Боровский...

— Что делать, Степаныч? — спросил Марков. — Кого назначим? Не вижу никого.

— Командира батальона. Хотя бы временно.

Решили временно назначить командира батальона полковника Дорошевича, бывшего командира лейб-гвардии гренадерского полка.

— Победа, Сергей Леонидович. Как всегда, — сказал Тимановский.

— Тяжелая победа, Степаныч. В Офицерском почти 50 человек, и Боровский.

— Ваше блестящее тактическое решение с тачанками обеспечило победу. Ни один командир до вас этого не применял.

— Вот увидишь, Степаныч, — все будут так воевать.

— Но начали-то вы.

— Об этом никто и не вспомнит.

Огонь красных начал утихать. Разрывы снарядов ушли куда-то в степь. Генерал с сопровождающими вышел из сарая. Стали с Тимановским у стога соломы.

— Осторожнее здесь с трубочкой, Степаныч, — предупредил Марков. — Один пожар уже был. А я смотрю на этот стог и, знаешь, о ком вспоминаю?

— Знаю. Он бы сейчас стоял здесь с биноклем.

— Да. А теперешний любит карту рассматривать.

Следующее утро началось с артиллерийского обстрела и атаки красной пехоты на широком фронте. Опять Марков спросил Тимановского, какой это день по календарю.

— Страстная суббота? Устроим опять страсти, — ска-

зал Марков, услышав ответ. — Пулеметные батареи на тачанках к бою!..

Страсти продолжались целый день. Бригада Маркова потеряла до 80 человек, в Офицерском полку — 7 убитых. До вечера не могли отбить атаки красных. Уже на закате Марков собрал около 150 офицеров 1-й роты и инженеров и сам повел их в свою атаку:

— Дистанция четыре шага! Винтовки у ноги! Ровным шагом марш!

И они пошли без выстрела вперед, во весь рост, не сгибаясь под пулями. Падали убитые и раненые, оставшиеся смыкали строй. Красные бежали.

Наступала Святая ночь. Во всех еще не разрушенных русских храмах звучало: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ!..» И в Лежанке шла служба, но офицеров было немного: утомились в боях. Мушкаев заставил себя придти в церковь: хоть что-то прекрасное, не пропитанное убийством и ненавистью увидишь и услышишь. После полуночи поздравлял оказавшихся рядом знакомых и незнакомых: «Христос воскрес... Воистину воскрес!..» Был здесь и Савелов, спросил:

— Все восхищаетесь Марковым? Только и разговоров о его тачанках. «Если бы не наш Марков...»

Мушкаев грустно пожал плечами. Нечего ему было сказать. Каким бы замечательным командиром ни был Марков, а он сам, поручик Мушкаев, убил брата своего во Христе Авдея. А ведь они оба христиане. И опять не стало покоя в душе и уверенного понимания происходящего. Может быть, он обязан вернуться в ту станицу, жениться на Аняте и воспитывать детей, оставшихся без отца? Но у него же есть своя жена.

«Возведи окрест очи твои, Сионе, и виждь...»

В день Пасхи 5 мая с утра ждали атаки красных, но не было ни выстрела. Великий праздник отмечали и красные, и белые.

В пасхальное утро Ольга Петровна принесла в палату матросу Руденко крашеные яички. Теперь он лежал один, как привилегированный боец, которому благоволит сам

Автономов. И не столько лежал, сколько сидел и ходил: Руденко выздоравливал.

— Вы хоть и большевик, но ведь русский человек, товарищ Руденко, — сказала Ольга. — Вот и разговейтесь.

— Могу и похристосоваться, — сказал матрос, облив ее.

— До чего ж нахальный ваш брат, матрос, — притворно возмущалась Ольга, почти не сопротивляясь поцелуям. — Видать, пора тебя выписывать.

— Хоть сегодня бы выписался, да одно дело меня держит.

— Какое же такое дело?

— Ты, Олечка.

— Убери руки. Не лапай. Кто-нибудь зайдет — я же здесь работаю.

— Так пойдем к тебе.

— Нельзя мне с вашим братом. Если только по двору погулять.

Погуляли по солнышку.

— Если только на минутку ко мне зайдем... — сказала Ольга со вздохом обреченности. Прощаясь, Руденко долго всматривался в Ольгу, затем сказал:

— Где-то я тебя раньше видел. Никак не припомню.

Только один день командовал Офицерским полком гвардии полковник Дорошевич — в бою 4 мая был ранен. Потом временным командиром назначили полковника Хованского, и, наконец, после долгих размышлений и разговоров Марков согласился отдать полк Степаньчу — полковнику Тимановскому. Рядом теперь не было единственного верного помощника. Конечно, он подчинен генералу Маркову, но это другое. Впрочем, после смерти Корнилова у них со Степаньчем возникли некоторые шероховатости в отношениях — полковник же старый соратник Деникина: всю Большую войну прошел с ним рядом.

21 мая Тимановский собрал полк в Егорлыкской, в станичной школе. Пришли и некоторые офицеры Кубанского полка. Помещение небольшое — вся бригада не смогла бы поместиться. Марков предупредил Тимановского, чтобы

тот не устраивал официальную встречу, и пришел в школу, как учитель к учащимся. Быстро вошел с папкой бумаг, поднялся на кафедру, поздоровался и закурил трубку. Сказал:

— Это ваш новый командир полка приучил меня трубку курить. Собрал я вас, господа, чтобы поделиться с вами собранными из всевозможных источников сведениями о России. Поход нашей армии, Корниловский поход — это самое значительное событие 1918 года в жизни России, страдающей под игом большевиков, предавших и продавших страну немцам. Наш поход — это сигнал для всех патриотов. Они теперь знают, что место сбора — Добровольческая армия. Наш поход — это начало освобождения Родины. Я пришел к вам с бумагами. Во-первых, это газеты, зовущие к себе на службу офицеров, сулящие производство в чины, командное положение, большое содержание. Особенно усердствуют представители донских казаков. Как вам известно, на днях избрали нового донского атамана генерала Краснова. Он объявил Дон самостоятельным государством и формирует свою армию. Предложил нашему командующему включить нашу армию в состав Донской армии, то есть подчинить нас себе...

Офицеры возмущенно зашумели, некоторые посмеялись.

— Я разделяю ваше возмущение и насмешки, но все делается серьезно. Недавно с Румынского фронта в Новочеркасск пришел сильный отряд офицеров под руководством полковника Дроздовского⁵⁰, и Краснов уговаривает его вступить в свою армию. Отряд сильный — почти три тысячи бойцов, 12 орудий, бронеавтомобиль. Газета «Донской край» описывает парад этого отряда в честь донского атамана Краснова. Этот Дроздовский даже заслал к нам вербовщика. Иван Павлович Романовский приказал его немедленно арестовать и едва не расстрелял. Как офицер Великой Русской армии, патриот я не представляю для себя возможным служить в какой-нибудь Крымской или Всевеликой республике, которые мало того что своими идеями стремятся к расчленению Великой России, но даже считают допустимым вступать в соглашение и нахо-

диться под покровительством страны, фактически принявшей участие в разрушении нашей Родины. Ведь Краснов считает немцев своими союзниками. Что дадут офицерам, пошедшим на службу в какие-то Татарские и иные армии, несуществующие государства? Хотите хватать чины? Пожалуйста: обгоните меня, но я как был произведен в генерал-лейтенанты законным русским монархом, так и останусь им до тех пор, пока снова не явится законный хозяин земли Русской. И что будут делать офицеры этих армий, когда те будут расформированы? Кроме газет, я принес еще письма и рапорты некоторых наших офицеров. В письмах — советы и рецепты по спасению России. Добровольческая армия, господа, стоит на правильном пути и имеет свои рецепты, достойные Родины и армии, и его превосходительство командующий генерал Деникин просил меня передать вам его просьбу не осложнять и не затруднять ему его тяжелой работы. А вот здесь лежат несколько рапортов. Их подали некоторые из чинов моей бригады. Они устали... Желают отдохнуть, просят освободить их от дальнейшего участия в борьбе. Не знаю, может быть, к сорока годам рассудок мой не понимает некоторые тонкости, но я задаю себе вопрос: одни ли они устали? Одни ли они желают отдыхать? И где, в какой стране, они найдут этот отдых? А если, паче чаяния, они бы нашли желанный отдых, то... за чьей спиной они будут отдыхать? И какими глазами эти господа будут смотреть на своих сослуживцев, в тяжелый момент не бросивших армию? А если после отдыха они пожелают снова вступить в армию, то я предупреждаю: в свою бригаду я их не прииму. Пусть убираются на все четыре стороны к чертовой матери. Вот эти рапорта. Прошу командиров частей взять их и рассмотреть после окончания нашей беседы. Отдохнуть после такого похода, который мы проделали, конечно, следует, и командующий разрешил короткие отпуска для чинов армии. До двух недель. Желаящие воспользоваться отпуском должны подать рапорты. Последовательно, насколько позволит боевая обстановка, их просьбы будут удовлетворены. Если у кого-нибудь есть вопросы ко мне, господа, прошу задавать.

Капитан Бахманов, поддержанный всеми присутствующими, спросил о тыле армии, об огромном обозе, затрудняющем боевые действия и ничем не помогающем армии, о многих боеспособных офицерах, прячущихся в обозе.

— Я понимаю ваше негодование, господа, — ответил Марков. — Когда в конце прошлого года генерал Алексеев создавал нашу армию, ростовские богачи дали ему... не поверите — 400 рублей! А когда пришли большевики, им пришлось раскошелиться на миллионы. Как это понять? В то время, когда льется кровь, люди, находящиеся за спиной армии, должны чем-то платить, как-то поддерживать армию, помогать ей. Наша гуманность погубит нас. Война не терпит поблажек, тыл должен понимать это. Если не поймет, придется не просить, а требовать, тогда и результат войны будет другой. Поверьте мне, дайте время укрепить армии, немного больше территории, и я первый буду просить командующего взяться за тыл, оздоровить его.

Поднялся полковник Биркин, говорил много, все выяснял, как так получается в армии, что младший по службе и в чине становится начальником старшего.

Марков ответил решительно и убежденно:

— Мой принцип: достойное — достойным. Я выдвину на ответственный пост молодого, если он способнее старшего. Если больше нет вопросов, то давайте заканчивать. Наша работа — только начало обновления Родины. Кубанский поход — это первый маленький эпизод. Но верьте, Россия будет великой и сильной, будет как огромное, греющее и животворящее солнце. Нам надо хотеть Ее, дерзать и бороться!

Выходил Марков из школы быстрыми шагами, не желая останавливаться, чтобы не попасть в окружение офицеров и не отвечать на множество их вопросов. Увидел одиноко стоящего Мухкаева, подозвал, спросил:

— Вы подали рапорт о выходе из армии. Почему? Куда хотите идти? Опять к красным?

— Красные меня расстреливали, ваше превосходительство, а рапорт я забрал. Вы правильно сказали: нам уходить некуда.

— Вы отлично сражались в последних боях, и вдруг такой упадок духа.

— Лучшие погибают, их места занимают худшие. Почему не вы командующий армией?

— Господин поручик, такие вопросы мы не должны обсуждать.

— Армия становится другой, ваше превосходительство. Сможет ли победить эта армия?

— Лучшие всегда погибают первыми, — сказал Марков, — и на их крови восходит победа.

От станицы Мечетинской, где расположился штаб армии, до Новочеркасска меньше ста верст. Совсем близко молодая жена, но командующий не имеет права бросить армию — большие бои временно прекратились, но возникли большие проблемы. Поздним вечером Деникин выбирался из штабной избы во двор, смотрел на звездное небо, находил Ковш, яркую звезду Арктур, думал о Ксении. Может быть, и она глядит сейчас на звезды и вспоминает о нем.

В это время обычно приходил Романовский, чтобы обсудить, отключившись от дневной суеты, серьезные проблемы: о направлении движения армии, об отношениях с донским атаманом Красновым, о действиях красных войск, в большом количестве прибывших с севера, о возможной встрече с немецкими войсками, об уходе офицеров из армии.

23-го им не удалось поговорить о нерешенных вопросах. Романовский пришел озабоченный: красные неожиданно начали наступление от станицы Великокняжеской.

— Я позвонил Маркову, чтобы готовился завтра с утра выступить навстречу, — сказал Романовский.

— Совершенно правильно, Иван Павлович, — одобрил Деникин. — 1-я бригада стоит как раз на этом направлении.

— Сергей Леонидович справится.

— Стоял бы там Богаевский, послали бы его, и он бы справился, — сказал Деникин. — А это какая звезда, Иван Павлович, над той яблонькой?

— По-моему, это Капелла. Она в это время поднимается на северо-востоке. Именно там, откуда сейчас наступают красные.

— Да. Марков должен справиться. Но я давно хочу конфиденциально посоветоваться с вами о некоторых фактах, связанных с Сергеем Леонидовичем. И вы, и я — его старые друзья, но, как говорится, дружба дружбой... Отпустил пленного матроса на переезде у Медведовской — это пустяк: он и раньше отпускал отдельных пленных, но в станице Павловской отпустил всех, взятых в плен, — человек 50. Разве мы так договаривались на военном совете? Кстати, и о том военном совете он отзывается отрицательно. Считает, что я о новом отношении к пленным говорил для того, чтобы снять с себя ответственность за расстрелы. Вспоминает покойного Лавра Георгиевича и заочно упрекает меня за то, что я не стою на скирде под пулями, как это делал Корнилов. И опять разговоры пошли: почему Марков не командующий. Я убежден, что он к этим разговорам не причастен, но его поведение создает для них почву. Он ведет себя не так, как другие командиры бригад. Считает возможным отменять мои приказы по интендантским вопросам. Заявил офицеру-интенданту, сославшемуся на мой приказ: «Здесь я командую». Вот и распускаются легенды, что всеми нашими успехами мы обязаны генералу Маркову. Особенно заговорили после боев у Лежанки.

— Да, он там создал пулеметные батареи на тачанках...

— Иван Павлович, и другие наши командиры принимают в боях новые неожиданные решения и побеждают. Я прошу вас в каком-нибудь штабном документе, например, в очередной сводке, очень осторожно так отозваться о 1-й бригаде, чтобы Сергей Леонидович вспомнил: он такой же командир бригады, как Богаевский и Эрдели. Такой же генерал, как и другие генералы нашей армии. Только очень осторожно.

— Я понял, Антон Иванович. Есть интересная новость из Кисловодска: на прошлой неделе там был Автономов и встретался с Рузским и Радко-Дмитриевым. У него план:

создать объединенную армию из кубанцев и офицеров с одним из этих генералов во главе.

— Чего это у тебя ленточка теперь простая, без полосок? — спросила Ольга, когда уже после выздоровления к ней пришел Руденко, вернувшийся на большевистскую военную службу.

— Царские военные награды красным бойцам носить запрещено, а эта лента — Георгиевская, — ответил Руденко, который был в новом бушлате, в клешах невероятной широты, с маузером на поясе, рядом со сверкающей военно-морской бляхой. — Теперь я боец Красной армии, и у нас — новые порядки. Командиров теперь не выбирают, а назначают, в каждой части комиссар, дисциплина и все, как положено. Чтобы скорее кадетов разбить. Но ты мне, Оленька, скажи, где меня с Георгиевской ленточкой видела? Раненого меня привезли без чепчика, отсюда уходил — какой-то колпак напялили. Где мы встречались? На каком причале? Я ведь тоже помню, что видел тебя где-то.

— Все тебе скажу, Олеженька. Сердце тебе отдала — все отдам. Был у меня муж, не буду врать — были мужики, но никого так не жалела, не любила, как тебя.

— Ответный сигнал тебе такой же, Оля, но рассказывай.

— Рассказывать-то нечего. Ты меня вроде бы и не заметил тогда — бронепоездом командовал. На Георгие-Афипскую ехал, а мне приказано было раненых пленных офицеров доставить в Афипскую и передать кадетам — какой-то договор у Автономова с ними был. На автомобиле меня с ними на вокзал отвезли, какой-то казак из автономовского штаба передал тебе приказ, к твоему бронепоезду прицепили пассажирский вагон...

— Точно. В Афипской тебя с Ярощуком высадил с твоими кадетами. Погиб Ярощук от марковской пули, а ты, сука, всю ночь там на Афипской с тем самым Марковым... Да я б тебя ща пристрелил, как ту собаку, но в Красной армии теперь дисциплина...

— Олеженька, набрехали тебе. Маркова-то я и видела две минуты. Он повел своих куда-то в бой. Вот тебе крест.

Не веришь в Бога? Честное мое слово! Клянусь как на присяге! Тогда вечером пришел со своим доктором, посмотрел раненых, сказал, что отправит их со своими... Олеженька! Не было ничего! Я бы сказала. И сейчас всю правду тебе скажу про всех и про Автономова. Только поверь мне.

— А что про Автономова? Он же большевистский командующий.

— Какой он большевик? Казак! Они все за кадетов. Поехал в Кисловодск к генералам. Хочет бунт здесь произвести — арестовать весь ваш ЦИК, собрать новую армию из казаков и офицеров, а командовать будут те генералы из Кисловодска. Сначала меня хотел послать к Деникину, но раздумал, и сам поехал к другим генералам.

— Он один такой?

— Много их у него. Я только знаю, что его начальник штаба Гуменный с ним. И в Кисловодск поехал.

— А Сорокин?

— Не знаю. Не было его с ним.

Сама не могла понять, почему пожалела Сорокина.

Вышли из Егорлыцкой 24-го утром. Пехота — на повозках, пулеметы — на тачанках, за черкесской кавалерийской сотней батарея Миончинского — четыре орудия. Легкой рысью двигались навстречу солнцу. Пыль еще не пересохла на жаре и не задымила дорогу. Марков с помощниками стоял, пока не прошел мимо него весь отряд. Уже сброшены папаха и привычная куртка — на генерале гимнастерка с Георгием, сверкающие погоны, уже не генштабовские, а пехотные с синей выпушкой. Артиллеристы проехали с песней, посвященной своему командиру:

Митю можно полюбить,
Только ножки подрубить.
Жура, Жура, журавель,
Журавушка молодой.
Митю можно причесать,
Хоть немного воспитать.
Жура, Жура, журавель...

Юношеская любовь не забывается — сам же артиллерист-константиновец. В офицерском полку — прекрасные бойцы, но в душе Марков лучшими считает этих веселых юных прапорщиков, вчерашних юнкеров и их рослого стройного командира подполковника Миончинского. Во многих боях его точные выстрелы оказывались решающими. Лучшие. Неужели они должны погибнуть первыми?

Бой с красными, наступающими от Великокняжеской, состоялся 25-го. План генерала Маркова был прост и решителен: держащий оборону Донской отряд отступает перед красными, переправляющимися через широкий Маныч по мосту, и когда те, перейдя реку, втянутся в преследование донцов, ударить им в тыл, взорвать мост и уничтожить окруженных. Здесь главное — точно выбрать момент начала атаки. Отправить в разведку своих кавалеристов с хорошим офицером — он вовремя должен прислать связного.

Офицера назначил Тимановский. Донцы отошли от моста версты на три, когда прибыли связные с сообщением, что главные силы красных перешли Маныч и преследуют донцов. Марков приказал Офицерскому полку атаковать. Сам с холма наблюдал в бинокль за копошащимися в дрожащем степном мареве массами бойцов. Солнце било в глаза, и с трудом различались движения войск. Неприятно удивили четыре, одна за одной, вспышки трехдюймовок, ровной цепочкой высветившихся на темной полосе, обозначающей берега Маныча. Батарея красных. И много пехоты. Это и есть главные их силы. Они у моста, куда начал наступать полк.

Командир бригады разразился грозной бранью. План срывался. Теперь и в бинокль была видна понятная без объяснений картина: цепи Офицерского полка залегли под огнем красных...

Бой продолжался до вечера. Красных окружить и уничтожить не удалось — крепко оборонялись, защищая мост, пока не ушли за Маныч все их войска. Оставили, правда, два орудия. Все-таки трофеи. Правда, и наступление противника остановили, но потеряли много офицеров. Лучшие погибают первыми.

Утром следующего дня Штаб армии разослал по частям очередную сводку боевых действий. Марков только что позавтракал и отправил ординарца к Тимановскому с просьбой прийти для разбора вчерашнего боя. Вошел связной штаба и передал пакет со сводкой. Оставшись один, генерал вскрыл пакет, быстро просмотрел машинописный текст, нашел главное:

«... В течение дня части 1-й бригады в составе Офицерского полка, 1-й батареи, дивизиона Черкесского полка и конной сотни Егорлыцкого ополчения вели бой у переправы через р. Маныч у станицы Великокняжеской, имея задачей окружить и уничтожить противника. Отряд 1-й бригады не выполнил поставленную задачу вследствие ошибочного плана и нечеткого взаимодействия между частями. Вместо того чтобы атаковать тылы частей противника... Наши потери составили 12 убитыми и около 40 ранеными...»

Марков отбросил сводку, закурил трубку, поднялся из-за стола, походил по комнате, вновь сел за стол, взял чистый лист и написал несколько слов. Тимановский пришел вовремя.

— Хочешь посмотреть, что я написал? — спросил Марков. — Смотри, Степаныч.

*«Командующему Добровольческой армией
Его превосходительству
Генерал-лейтенанту Деникину
Рапорт*

Прошу уволить меня от службы в Добровольческой армии.

*Командир Первой бригады
Генерал-лейтенант Марков».*

В этот же день его вызвали в Мечетинскую к Деникину.

Марков знал, что опять уговорят, как в той злополучной роще под Екатеринодаром. Они же взрослые серьезные люди, не только сочиняющие приказы по армии, но и размышляющие о государственном устройстве России, издающие политические документы, который войдут в исто-

рию, а генерал Марков — мальчишка, которые увлечены сражениями, умеет их выигрывать, первым бросаясь в бой, не кланяется пулям, подгоняет нагайкой трусов и отстающих. Такие долго не живут, но, пока они живы, с ними приходится считаться — ведь их любят, за ними идут.

Конечно, уговорят. Куда он уйдет из воюющей армии? В семейную спальню играть в солдатики с Леонидиком? Да и тот вырос и, наверное, уже мечтает о настоящих боях. Запереться в семье, когда Россия горит пожаром, — это не для генерала Маркова.

Начал разговор Романовский. Старый настоящий друг. Однако серьезная служба заставляет действовать и говорить не так, как это делают друзья, а как положено начальнику штаба:

— Сергей Леонидович, я приношу глубокие искренние извинения за ошибку в сводке — в ту ночь пришлось читать и подписывать горы бумаг. Одна переписка с атаманом Красновым едва не свела с ума, и я не прочитал внимательно сводку — мои офицеры обычно так не ошибаются. И Антон Иванович, полностью доверяя мне, тоже не имел времени внимательно прочесть.

— Ошибка Ивана Павловича возмутила меня до глубины души, — сердито нахмурившись, сказал Деникин. — Ваш отряд на Маныче действовал блестяще и, несмотря на ложные разведданные, выполнил задачу. Я готов отстранить генерала Романовского от должности начальника штаба, если его ошибка, оскорбившая вас, вынуждает лучшего воина нашей армии, лучшего командира, покинуть армию. Без генерала Маркова я, да и не только я, а все добровольцы не представляю армии. Ведь вы теперь командир 1-й дивизии. Тем более сейчас, когда мы готовимся к новому походу, надо идейно сплотить армию — у нас большое пополнение. Один отряд Дроздовского — 1500 опытных бойцов, прошедших с боями от Румынского фронта до Ростова. У офицеров сейчас есть время думать, и возникают различные настроения. Одни готовы объединиться с Красновым, договориться с немцами и вместе бороться против большевиков.

— У них такой интересный лозунг, — напомнил Романовский, — приехать в Москву в немецком вагоне.

— Да, — продолжал Деникин, взглянув на начальника штаба с некоторым неудовольствием, — именно в немецком вагоне. Другим нужна монархия, и они никак не договорятся между собой, кого же поставить императором. Десятка два кандидатов. Вплоть до греческого принца. Кому-то хочется республики и Учредительного собрания. Только мы втроем можем правильно настроить армию. Как это сделать? Мы с Иваном Павловичем хотели бы собрать всех добровольцев, но нет такого большого помещения. Решили пригласить всех командиров, вплоть до командиров взводов. И от Дроздовского приглашаем. Сам он, по-видимому, не сможет бросить отряд в Новочеркасске. Сергей Леонидович, разве можно представить такое совещание без генерала Маркова? Без его мудрости, без его смелости в принятии решений? Там возможны всякие выступления. Вот Кутепов заявил мне, что будет сражаться только за Российскую империю во главе с живым и здравствующим государем Николаем Александровичем, а не за Учредилку или еще какое-нибудь подобное учреждение. Решающим будет ваш голос, Сергей Леонидович.

— Цветочков-то уже нет, Антон Иванович, — сказал Марков, кивнув в сторону окна, где сверкали весенним лаком листья черешни. — Скоро будут ягодки. Пора собираться в поход, а я еще в отпуске не был. Дайте мой рапорт. Рву на ваших глазах.

— Спасибо, Сережа, — растроганно сказал Романовский. — Не держи на меня зла. Останемся друзьями.

— В отпуск — после совещания, — сказал Деникин уже по-деловому, не извиняясь, не уговаривая, а приказывая. — А сейчас надо обсудить, что сказать армии о целях нашей борьбы. Я предлагаю действовать на основе подготовленного мной Наказа. С ним согласен генерал Алексеев, ознакомлены генералы, командиры полков. Вы читали, Сергей Леонидович?

— Читал и согласен, — кивнул Марков, который внимательно прочитал этот документ, который гласил:

«I. Добровольческая армия борется за спасение России путем: 1) создания сильной дисциплинированной и патриотической армии; 2) беспощадной борьбы с большевизмом; 3) установления в стране единства государственно-го и правового порядка.»

II. Стремясь к совместной работе со всеми русскими людьми, государственно мыслящими, Добровольческая армия не может принять партийной окраски.

III. Вопрос о формах государственного строя является последующим этапом и станет отражением воли русского народа после освобождения его от рабской неволи и стихийного помешательства.

IV. Никаких сношений ни с немцами, ни с большевиками. Единственно приемлемые положения: уход из пределов России первых и разоружение и сдача вторых.

V. Желательно привлечение вооруженных сил славян на основе их исторических чаяний, не нарушающих единства и целостности Русского государства, и на началах, указанных в 1914 году Верховным главнокомандующим.»

— Мы должны убедить армию в правильности наших утверждений. Если сказать одним словом, то это — **непредрешенность**.

— Хорошее слово, Антон Иванович, — поддержал Романовский. — Точное и убедительное.

— Убедим ли мы наших бойцов? Как вы считаете, Сергей Леонидович?

— За нами пойдут, — уверенно, как о чем-то уже решенном, заявил Марков. — Только быстрее назначайте совещание — хочу до похода успеть использовать свои две недели.

— Вернетесь из отпуска — и в поход, — сказал Деникин. — Отсюда необходимость, не откладывая, обсудить с вами главный вопрос: куда пойдем.

Марков мог бы совершенно искренне сказать: куда прикажете, но они его бы не поняли. Поэтому он промолчал, поглядывая на Романовского, — начальник штаба обычно докладывает планы, но тот смотрел на Деникина, по-видимому, ожидая объяснений командующего. И Деникин объяснил:

— Сложный вопрос и не столько военный, сколько политический. Краснов предлагает нам идти на Царицын, убеждает, что там нас ждет успех, а затем, вместе с казаками — на Москву. Алексеев написал мне, что на Кубани — гибель, на Кавказе мало привлекательного и делать нечего, то есть идти некуда. Краснова мы понимаем: в Царицыне сидят его враги — правительство Донской большевистской республики. И на Москву надо идти, но не с Красновым и не с немцами, его друзьями. Наша армия — Русская армия, и она должна выполнять главную свою задачу: защищать Россию от внешнего врага. Наш враг — немцы. Мы не подписывали предательский Брестский мир. Если сейчас мы не имеем возможности вступить в открытую борьбу с немецкими оккупантами, то не должны хотя бы помогать германской армии. Они захватили Ростов, наша разведка доносит, что готовятся немецкое наступление на Батайск и десант в Тамани. Им противостоят большевистские войска под командованием Сорокина. Только здесь, только вам говорю откровенно: я не хочу наносить серьезный удар в тыл этих войск и тем самым помогать немцам захватить Кубань, а затем Кавказ. Иван Павлович согласен со мной.

— Я тоже согласен, — сказал Марков.

— Наверное, есть в армии и другие, думающие так же, но о нашем с вами решении не должен знать никто. Идти на Царицын, помогать Краснову — это означает сотрудничество с немцами. Мы пойдем на Кубань, но с ограниченной целью — взять Екатеринодар и создать базу для расширения армии, имея в виду поход на Москву.

Совещание состоялось в Егорлыцкой, в станичном правлении. Для офицеров, отдохнувших после похода, почистившихся, приодевшихся, такая массовая встреча создавала настроение праздника, и вряд ли стоило ожидать каких-то резких выпадов, споров и прочих эксцессов. Закончившийся поход не только сплотил армию, но и особым образом разделил: по форме одежды, по манерам, выразившим некий особенный взгляд на жизнь.

Корниловцы после гибели патрона были обязаны разочароваться во всем и все презирать. Цвета их формы — ма-

линово-черные, на рукавах — «ударные» красно-черные углы. Замкнутые, молчаливые, не улыбкающие корниловцы грубо толкались — и пусть попробует кто-нибудь выразить недовольство.

Марковцы все в черном — траур по России, фуражки — черно-белые, и обязательно в мятых шинелях, а многоэтажная матерщина слышна как во время боя, так и здесь, на совещании.

Если офицеры в бело-голубых фуражках дружески перекликаются, обнимаются за плечи и даже иногда говорят о литературе, значит, это алексеевцы.

Цвет дроздовцев — алый. Фуражки — ало-белые. Отблеск боев и пожарищ похода от Ясс до Ростова. У их командира пенсне и ироническая улыбка, и дроздовцы тоже многие в пенсне и любят иронию. Перед совещанием иронизировали: «Земский собор, господа. Кого изберем на царствие?..»

Мушкаев был в черной помятой гимнастерке, сидел рядом с корниловцем Дымниковым и, щедро уснащая речь матерщиной, комментировал происходящее и характеризовал собирающихся на совещание генералов:

— Все они, так их... без нашего Маркова ничего не стоят. Романовский — хитрая лиса. То вокруг Корнилова увидался, а теперь перед Деникиным расстилается. В штабной сводке своего же друга Маркова оплевал, а потом извинялся. А сам Деникин кто? Хоть в одном бою он был?

— Наш Кутепов — хороший командир, — возразил Дымников. — Не хуже Маркова.

— Солдафон и монархист.

— А Марков кто? Республиканец?

— Он... Он — современный Суворов. Кто был Суворов? Монархист? Республиканец? Нет. Он был великим русским полководцем. Вот и Марков.

Деникин открыл совещание и предоставил слово генералу Алексееву.

Оглядев зал стариковскими усталыми глазами, тот начал говорить о тяжелом положении России и Добровольческой армии, о немцах, которые стоят в Ростове и готовятся захватить Дон и Кубань...

— Немцы — наши жестокие и беспощадные враги, такие же враги, как и большевики...

Из рядов офицеров раздался уверенный сильный голос:

— Да, враги, но враги культурные.

— Господа, не будем перебивать Михаила Васильевича.

Но в зале зашумели — одни высказывались за немцев, другие — против.

Сосед Дымникова, тоже корниловец, горячо доказывал:

— Немцы — бывшие враги, а этот дряхлый старичок заснул в 1915 году, а сегодня проснулся и пришел сюда. Наших много за союз с Красновым и немцами. Нельзя упустить такую возможность — немцы сейчас бьют французов и англичан и нам помогут взять Москву.

— Некоторые сами переходят к Краснову, — сказал Дымников. — Один текинец из конвоя бежал к казакам в Новочеркасск верхом и заодно прихватил лошадь Деникина...

Алексеев продолжал говорить о нечестной политике немцев, об их огромных потерях во Франции, об истощении духовных и материальных сил германской нации, о страшном будущем России, если она пойдет на союз с Германией: «Политически мы будем рабами, экономически — нищими...»

После него выступил Деникин:

— Была сильная русская армия, которая умела умирать и побеждать. Но когда каждый солдат стал решать вопросы стратегии, войны или мира, политического устройства государства, тогда армия развалилась. Теперь все, по-видимому, повторяется. Наша единственная задача — борьба с большевиками и освобождение от них России. Но этим положением многие не удовлетворены. Требуют немедленного поднятия монархического флага. Для чего? Чтобы тотчас разделиться на два лагеря и вступить в междоусобную борьбу? Чтобы те круги, которое теперь, если и не помогают армии, то ей и не мешают, начали бы активную борьбу против нас? Чтобы 30-тысячное ставропольское ополчение, с которым теперь идут переговоры и которое вовсе не желает монархии, усилило Красную армию перед нашим предстоящим походом? Да, на-

конец, какое право имеем мы, маленькая кучка людей, решать вопрос о судьбах страны без ее ведома, без ведома русского народа? Хорошо — монархический флаг. Но за этим последует естественное требование и м е н и. И теперь уже политические группы называют десятком имен, в том числе кощунственно в отношении великой страны и великого народа произносится даже имя чужеземца — греческого принца. Что же, и этот вопрос будем решать поротно или разделимся на партии и вступим в бой? Армия не должна вмешиваться в политику. Единственный выход — вера в своих руководителей. Кто верит нам — пойдет с нами, кто не верит — оставит армию. Что касается лично меня, я борюсь за форму правления не буду. Я веду борьбу только за Россию. И будьте покойны: в тот день, когда я почувствую ясно, что биение пульса армии расходится с моим, я немедленно оставлю свой пост, чтобы продолжать борьбу другими путями, которые сочту прямыми и честными.

Едва Деникин закончил, слова попросил Марков. Он сказал коротко и просто:

— От имени 1-й дивизии заявляю, что все мы верим в своих вождей и пойдем за ними.

Расходились без особых разговоров — еще не осознали, что значило это совещание и как от него зависит будущее армии, жизнь и смерть каждого добровольца.

Мушкаев спросил Дымникова:

— Чем все это кончится?

— Дураки никогда не побеждают. Жаль, что вместе с ними погибают умные.

28 мая командир отряда охраны Руденко стоял у входа в Екатеринодарский театр, где открывался 3-й Чрезвычайный съезд Советов Кубани и Черноморья. Его подчиненные проверяли пропуска делегатов и строгими темными шеренгами ограждали тротуары. Винтовки со штыками у ноги, новые форменки, открывающие полосатые треугольники тельняшек, ленты бескозырок, сверкающие бляхи с якорями на поясах, клеши в пол-аршина. Делегаты одеты по-разному, но почти все по-военному: гим-

настерки, казачьи шаровары, френчи, сапоги, черкески... Начальство подъезжало на автомобилях — члены ЦИК, Чрезвычайного Совета обороны, народные комиссары республики... Подкатил трескучий, извергающий бензиновый дым закрытый большой автомобиль, и Руденко встретился, как в бою, когда вдруг атакуют, откуда и не думал: из машины вышел Автономов. За ним Сорокин и Гуменный.

Рванулся к громыхающим входным дверям, расталкивая делегатов, коротко бросил матросу-контролеру: «Леха, командуй». Вошел в вестибюль, где почему-то сразу все громко говорили, прошел в кассу. Там у телефона сидел с газетой дежурный матрос.

— Звонит машина? — спросил его дежурный. — Давай в ЦИК. Полуяну.

Тот набрал номер, ему ответили, и он доложил:

— Нету Полуяна — уже к нам поехал. Чего сказать?

— Все. Отбой.

Руденко сел, закурил папиросу, напряженно задумался. Резко открылась дверь, ворвался матрос, громко объявил:

— Олег, давай на мостик — сам Полуян вызывает.

Сам председатель Совета народных комиссаров Кубанской республики. Он стоял в вестибюле и с начальнической поощрительной улыбкой приветствовал прибывающих делегатов. Рядом — два казака охраны. И Полуян — казак. Недоверчивый взгляд исподлобья, казачьи усы. Еще и тридцати нет, а он — самая высшая власть на Кубани. Хотя почти все здешние начальники в таком возрасте: и Сорокин, и Ивницкий, и предатель Автономов.

«А если не предатель? Тогда хана тебе, Олег», — подумал Руденко, но привычно поправил маузер на поясе, подошел, стараясь выглядеть спокойным. Полуян поздоровался за руку, с той же дежурной улыбкой. Выходит, все в порядке? Но Автономов-то...

— В кассе располагаешься, командир? — спросил Полуян.

— Там телефон, Ян Васильевич. Хотел с вами разговаривать.

— Пошли в твой кабинет — поговорим. Время еще есть.

Зашли в кассу, Полуян оставил своих казаков за дверью. Руденко отправил матроса на помощь контролерам. Сели за столик. Полуян уже не улыбался, и из-под усов губы его виднелись тонкой полоской. Обычное выражение его лица: недоверчивый взгляд, брезгливая гримаса.

— Проверили мы делишки нашего командующего, товарищ Руденко. Продажной сволочью оказался. И Гуменный. Ездили в Кисловодск и переговоры вели с генералами и с кубанским бандюгой Шкуррой. Чтобы нас всех арестовать, а потом — сам знаешь. Спасибо тебе, дорогой товарищ красный моряк, что открыл нам глаза.

— Но он же здесь! И Гуменный с ним. На съезд приехал.

— Все тебе объясню. Если бы его сейчас взяли, могло быть волнение в полках. Он же вроде кадетов победил, город отстоял. Как же, отстоял. Уже эвакуацию начал. Ежели бы главного зверя, Корнилова, не прикончили наши артиллеристы, Автономов отдал бы кадетам город. Да. А брать его сейчас нельзя. На съезде должны объединение с черноморцами подписать, а тут заваруха начнется. Потому советовались ночью с Царицыным. Там Орджоникидзе наш начальник. Решили: временно отстранить от командования за невыполнение распоряжений ЦИКа — были случаи. И Орджоникидзе сделал вызов Автономову в Москву к Троцкому. Утром мы собирались в ЦИКе, вызвали Автономова, и все прошло спокойно. На съезд разрешили приехать — попрощаться с товарищами. Ну, здесь за ним глаз да глаз.

— Вопрос об объединении решен, Ян Васильевич?

— Нынче и проголосуем. Рубин — председатель ЦИКа, я — СНК. Пора идти.

Полуян поднялся, вспомнил, что еще не все рассказал:

— Да. Гуменного мы здесь возьмем, но у них еще помощница была. Баба из госпиталя. Куда-то пропала. Ищут ее.

Проводив председателя, Руденко нервно метался то на улицу, проверять охрану, то к залу, где открывался съезд.

Там начали с гимна. Он слушал, стоя у двери в зал. Могучее многоголосье разлилось единым уверенным и успокаивающим дыханием: «Это есть наш последний и решительный бой!...»

Звонил Руденко в госпиталь, там сказали: «Саманкина куда-то уехала». Он знал, где она живет, собрался было поехать, но раздумал, сидел в кассе у открытого окна на ветерке. Пришел молодой матрос Андреев из здешних, успевший побывать дома в Тихорецкой. Спросил:

— Слыхал, командир, кто теперь будет здесь властью?

— Ну, Рубин. И что?

— Абрам Израилевич. А командующий армией — Калнин Карл Иванович, а в Москве — Троцкий Лев Давидович... Всю Россию им отдали.

— Ты, трюмная вошь! — закричал Руденко на матроса, схватил его за ворот форменки и готов был задушить. — Ты слышал, какой гимн пели? Помнишь, как он называется? Напомню!

Ударил в скулу, потом — в другую. Мог бы и сильнее.

— Да я так, в шутку, товарищ командир...

— Вспомнил, как гимн называется? Застрелю, контрик недоделанный!

— Интернационал, товарищ командир.

— Вот и помни, за что воюешь, за что кадетов бьешь, за что они тебя, ежели поймают, страшной казнью порешат.

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

В Новочеркасске раненых разместили почти на окраине, в Епархиальном училище, с видом на подсыхающую степь, откуда ветер приносил иногда звуки отдаленной канонады. К ним теперь не прислушивались — были уверены, что красные больше не придут. Дон восстал против большевиков, и добровольцы были уверены, что вместе с казаками дойдут до Москвы. Некоторые надеялись и на немцев. Об этом разговаривали в лазарете.

Дымников и Мушкаев пришли прощаться с Романом Гулем и его братом. Опять говорили о новых боях, о донских казаках, о немцах, захвативших всю Украину и буд-

то бы заключающим какой-то союз с атаманом Красновым. Мушкаев рассказал, что из их Офицерского полка капитан Парфенов, фанатичный монархист, объявил Деникина и всех его генералов «социалистами», уговорил человек сорок молодых офицеров и ушел с ними к Краснову. С этим отрядом ушел и Савелов.

— А что Марков? — спросил Роман.

— Он силой не удерживает, но предупредил, что обратно не примет тех, кто покинет армию. И предсказал всем ушедшим плохой конец.

— И у нас будет плохой конец? — усомнился Сергей Гуль.

— У всех, — сказал циничный Дымников. — И у тех, кто уйдет, и у тех, кто останется. Конечно, вам, братьям, хорошо, что вас нашла родная мать. Но куда вы с ней уйдете? На Украину? Там сейчас, кажется, спокойно, но это лишь кажется, а когда немцы уйдут — будет еще хуже, чем в России.

— Мы все равно уйдем отсюда, пусть даже уйти и некуда, — сказал Роман. — Мы больше не можем убивать русских людей. Да и за что? У нас же нет с ними никаких счетов.

— Есть, Роман Борисович, — возразил Дымников. — Если у вас и нет, то у них есть. Они считают, что все мы не имеем права жить. Впрочем, спорить с вами я не собираюсь. Я тоже не люблю убивать. Я здесь просто защищаю свою жизнь. Да и пора нам с Павлом. Очень желаю вам успешной дороги.

Мушкаев посмотрел на часы и согласился: пора идти. Попрощались с братьями, оставив их в саду, в наступающей вечерней прохладе. Они спешили в городской театр — там выступал с докладом генерал Марков. По его распоряжению партер предоставили городской публике, ложи, балкон и ярусы — для офицеров полка, и в первую очередь для молодых офицеров. Дымникову дали пропуск по просьбе Кутепова, Мушкаев — еле выпросил у командира полка Тимановского.

Вечерний Новочеркасск — иллюзия нормальной мирной жизни: фонари в лиловых сумерках, светлые платья

женщин, казаки и офицеры одеты по форме, отдают честь по уставу, в витринах магазинов: колбаса, вина...

— Здесь я на днях видел Маркова, — вспомнил Дымников, когда проходили мимо Александровского сада. — Опять в своей папаше, с нагайкой, мрачный. Из сада вышел хорунжий, отдал ему честь. Как обычно на улице честь отдают. Шаг, конечно, не печатал, но Марков его вдруг остановил и выговорил: «Почему вы небрежно приветствуете генерала?» Тот оправдываться, а Марков с этакой иронией: «Впрочем, извините! Вы же не русский, а республиканский офицер!» Каково?

— Многие удивляются. Он в Новочеркасске стал совсем другим: раздражается из-за пустяков, придирается к офицерам. Никто ни разу не видел, чтобы он гулял с женой. А здесь так хорошо в саду. Музыка.

Была в саду музыка: новая знаменитая оперетта... «Сильва, ты меня не любишь; Сильва, ты меня погубишь...»

Городской театр был набит до невозможности — пробились без пропусков, заняли все проходы. Сначала выступал полковник из штаба армии. Целый час уныло перечислял сражения Добровольческой армии, потери, которые всегда были меньше, чем у противника, несколько раз называл армию «светочем во тьме» и уговаривал всех боеспособных мужчин немедленно вступить в один из полков.

Мушкаев шепнул Дымникову:

— Они нарочно прислали этого начетчика. Понимаешь зачем? Чтобы всем надоело слушать, и театр опустел до прихода Маркова.

— Кто они?

— Антон Иваныч и его штаб. Он же понимает, что Марков должен командовать, а не он.

Во время выступления полковника в зале был выключен свет, как во время представления. Он закончил и ушел под редкие аплодисменты. Зажглись люстры. И оказалось, что из зала не ушел ни один человек.

Марков в своей привычной папаше, в походной гимнастерке с Георгием на груди вышел на сцену быстрыми шагами. Аплодисменты не смолкали минут пять, и напрасно ге-

нерал раскланивался, махал папашой, садился за стол, разводил руками. Шум постепенно затих, ждали, что погаснут люстры, но Марков начал при ярком свете:

— Я попросил не выключать свет: привык видеть своих слушателей. Помню, как сейчас, огромное поле, на котором двигались и выстраивались колонны войск. Над колоннами развевалось море красных флагов. И за ними... за ними не было видно старых, овеванных славой побед священных знамен. Войска готовились к встрече военного министра из адвокатов. Раздались команды. Войска замерли и взяли «на караул». Заиграли оркестры. Стоя на автомобиле, военный министр объезжал войска, здороваясь с ними и выслушивая их громогласное «ура». Он был в фуражке, во френче без погон, правая рука на черной перевязи. Многие думали, что у него ранение, но рука была совершенно здорова. Министр перевязью оберегал себя от рукопожатий. Он произнес перед войсками длинную и громкую речь, в которой призывал солдат и офицеров сражаться во славу революции и Родины и в предстоящем наступлении выполнить долг «самой свободной армии» и «самого свободного солдата в мире». Войска отвечали министру своим «ура», и он торжествовал, будучи уверенным, что владеет мыслями, душами и сердцами солдат революционной армии. Рядом с министром стоял старый генерал — командующий. Генерал был мрачен. На него не производили впечатления эти восторженные крики войск, он чувствовал их неискренность. Старый генерал знал солдата, его психологию и знал, что такие красивые слова министра не побудят его к наступлению. Вы знаете, что генерал не ошибся, — наступление, к которому призывал Керенский, на третий день обернулось не только поражением, но и разгромом. Армия быстро развалилась, а с нею развалилась и Россия — власть подхватили большевики. К счастью для Родины, у нее нашлись вожди и воины, которые в тяжелых условиях поставили себе задачей создание армии для борьбы за восстановление и освобождение России: генералы Алексеев, Корнилов, Деникин; офицеры, юные добровольцы. Армия совершила поход, о котором вам сейчас

доложили. Этот поход участники назвали Ледяным походом...

— Только теперь я понял, для чего ему этот доклад, — шепнул Мушкаев соседу.

— Для чего же? — спросил Дыминков.

— Чтобы помнили.

В конце доклада Марков сказал:

— Многие уже погибли в этой борьбе: в дальнейшем погибнем, быть может, и мы. Но настанет время, и оно уже близко, когда над Россией, Великой и Единой, снова взойдет наше национальное трехцветное знамя. И этому не помешает присутствие по соседству армии в характерном головном уборе.

Последний вечер в Новочеркасске генерал Марков провел в Мариинском женском институте, где расположился на отдых Офицерский полк. Институтский сад густо замела цветущая белая акация — других деревьев здесь не было. В раскрытых окнах зала, где проходил прощальный ужин, — сплошные душистые гроздья. За столом — офицеры и юные воспитанницы в белых пелеринках. Марков был с сыном — Леониду уже 11, и он интересовался только овечьими дымом и славой воинами и смущенно краснел под лукавыми взглядами девиц.

Генерал пробыл за столом недолго — ему завтра на фронт, а офицеры оставались в городе еще на несколько дней. Прощаясь, он сказал им:

— Скоро встретимся с вами на фронте и пойдем в бой. Кто-то из нас погибнет. Не забывайте, друзья, этот вечер и белой акации гроздья душистые.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Он так и не успел разобраться, почему его дивизию срочно отправили в наступление без основной ударной силы — Офицерского полка. Предполагал, что его вызвали из Новочеркаска лишь для участия в военном совете.

Деникин собрал в Мечетинской деловой совет — только штаб и командиры дивизий. Впервые присутствовал

полковник Дроздовский. Что-то свое, понятное чувствовал Марков в этом офицере с тонкими губами, в его внимательном взгляде за стеклами пенсне, в его марше-легенде от Ясс до Новочеркаска. Для полковника тоже главное в жизни — сражаться и побеждать. Однако человек, в чем-то похожий на тебя, часто вызывает не симпатию, а неприязнь: слишком хорошо понимаешь его слабости, слишком неприятными представляются те его черты, которыми он отличается от тебя. О Дроздовском рассказывали, что он плакал, когда в бою под Новочеркасском потерял убитыми около ста своих офицеров. Он отзывался пренебрежительно о Деникине — понял, что это не Корнилов, но и тот ведь был... Впрочем, о погибшем только хорошее. Полковник торговался, кому отдаться. Краснов не сумел его уговорить. Вряд ли с Дроздовским можно подружиться. По-видимому, и тот отнесся к Маркову не очень доброжелательно. На совете главный вопрос споров вызвать не мог: все согласилось наступать на Екатеринодар. Точный срок пока не назначили. Марков спросил, не следует ли вызвать Офицерский полк, и Деникин убежденно сказал, что еще рано, — пусть отдыхают.

Заговорили о падении дисциплины среди офицеров, о каких-то «монархических заговорах», о пронемецких настроениях. Деникин с той же убежденностью сказал, что при встрече с немецкими войсками готов вступить с ними в бой.

— В то время как атаман так называемого Всевеликого войска Донского Краснов вступает с немцами в союз, — сказал Романовский, — некоторые наши монархисты готовы уйти из армии в это войско.

Дроздовский выслушал начальника штаба нарочито рассеянно, глядя куда-то в сторону, словно это настолько нелепо, что не стоит внимания, но все же ответил:

— Мы сочли преступным разъединять силы, направленные на борьбу с большевиками, и вошли в армию генерала Алексева, но наш отряд представляет собой политическую организацию монархического направления.

С таким заявлением генерал Марков согласиться не мог.

— В армии нет монархистов или каких-то еще политиканов, — сердито сказал он, глядя на Дроздовского. — В армии, к сожалению, есть люди, пытающиеся развалить воинскую дисциплину. Это им не удастся, какой бы организацией они себя ни называли.

Дроздовский даже покраснел.

— Я сам состою в тайной монархической организации! — воскликнул он. — Вы недооцениваете нашей силы и значения...

— Господа генералы и офицеры, — прервал его Деникин. — Военный совет закончен. Приказ и диспозиция будут подготовлены штабом к завтрашнему утру.

Покидая штаб, Марков еще раз переспросил Деникина, не следует ли вызвать из Новочеркасска Офицерский полк, и командующий вновь ответил, что спешить не надо. Почему? Уже на следующий день Марков получил приказ выступать в поход с наступлением ночи. Дивизия шла в бой без Офицерского полка.

Конечно, это можно объяснить необходимостью скрыть от противника начало наступления — весь план Деникина строился на том, чтобы перехитрить красных ложными маневрами и скрытностью, но так можно и самих себя перехитрить. Или еще кого-то. Если бы Миончинский, Туненберг или еще кто-либо из помощников спросил Маркова, почему нет в походе Офицерского полка, то генерал бы ответил грубо и прямо, не сдерживаясь, но он был так озадачен и расстроен, что никто не осмелился его расспрашивать.

До исходной позиции, до предполагаемого места боя требовалось пройти по голой степи верст 80—90. На это давалось двое суток. Вышли в ночь на 22 июня. Начало наступления всей армии — утро 25-го. До этого времени Марков действиями своего отряда должен был убедить красных, что армия начала движение к станции Шаблиевской и далее — к мосту через Маныч вдоль железнодорожной линии Тихорецкая—Царицын. А утром 25-го основные силы — дивизии Боровского и Дроздовского — атакуют станцию Торговую в десяти верстах южнее. Разгромив там войска Сорокина, армия должна двинуться на Тихорецкую и далее — на Екатеринодар.

Шли ночь, шли день по раскаленной солнцем сухой степи. Спрашивали проводников калмыков: «Сколько еще верст до зимовника?» Отвечали: «Не знаем. Ходить незнаем, на лошади — часа два». Вода — в стоведерных бочках на колесах: ведро воды на взвод и ведро воды на одну лошадь. Лошади просили добавки, и Марков приказывал дать. Остановились в самое жаркое время в большом зимовнике с прудом. До самой ночи лошади и люди пробыли в пруду.

Шли еще ночь... 24-го с утра Марков взял конную сотню есаула Растегаева, двухорудийную батарею Миончинского и выехал вперед. Плавными волнами шли по степи холмы и лощины. На горизонте впереди — лишь мутное марево.

Около полудня казаки передового разъезда, выехав на очередной холм, замахали папахами. Марков с ординарцем поскакали туда. С вершины холма открылась линия железной дороги, над ней — солнце, бьющее в глаза, справа, на горизонте — станция. Перед ней небольшой хутор. Между хутором и станцией — река Егорлык.

— Карту, — приказал генерал ординарцу. — Станция Шаблиевская. Отсюда... 8 верст. Хутор Попова — 6 верст.

Коричневая полоска дыма оторвалась от сгрудившихся на горизонте пестрых пятен станции. Растягивался дымок, сверкнул на солнце котел паровоза, медленно двигалась почти по линии горизонта цепочка вагонов.

— Миончинский, обстреляй его, — приказал Марков.

— Далеко, Сергей Леонидович.

— Подъедешь поближе. Можешь и отсюда. Сейчас твоя задача в том, чтобы нас увидели и услышали.

— Подъеду поближе, — решил Миончинский и дал команду.

Батарея подъехала на рысях.

— Что-то я не вижу прапорщика Ларионова, — удивился Марков.

— Несколько моих в Новочеркасске в отпуске. Я бы их вызвал.

И вновь пришлось генералу задуматься: почему оставили в Новочеркасске его лучший полк?

Несколько выстрелов батареи — недолет. Поезд спокойно скрылся на север, к Манычу. Однако задача была выполнена: на окраине хутора зашевелились фигурки — цепь красных. Ждали. И на горизонте у станции задвигалось, потемнело.

— Растегаев, посылай разъезд вдоль железной дороги влево, — приказал генерал. — А мы за ним.

Шагом двинулись по степи, к северу, к Манычу. Красные не преследовали. Так проехали около версты, когда от железной дороги наперерез быстро поползла темная, искрящаяся амуницией, шевелящаяся полоса — кавалерия.

— Миончинский! Рассеять ее! — приказал Марков.

Два орудия выехали вперед, снялись с передков и открыли огонь шрапнелью. Заиграли облачка разрывов над густой массой конницы, и она заметалась, двинулась назад, рассеялась.

Вернулся разъезд. Доложили, что красные переправляются через Маныч сюда, на южный берег. И вновь: «Миончинский, рассеять!..»

Вечером, накануне последнего боя, Марков провел совещание с командирами в расположении артиллерийской батареи. Разрешил присутствовать всем артиллеристам — пусть учатся руководить боем.

Начал с обстановки на фронте армии:

— О противнике у нас самые точные сведения — получены из Москвы, от наших людей в штабе Троцкого. Перед нами, на линии Азов—Кущевка—Сосыка, находится армия Сорокина численностью до 40 тысяч и при 80—90 орудиях. Она держит фронт против Ростова на север, где угрожает немецкое наступление, и на северо-восток против нас. Эта армия состоит, в основном, из бывших солдат Кавказского фронта и отступивших весной с Украины. Эти войска наиболее организованы, и их начальник пользуется авторитетом и умеет воевать. Мы сегодня ввели противника в заблуждение, и за ночь к Шаблиевке будут подброшены подкрепления, чтобы не допустить нашего прорыва за Маныч, куда мы и не собираемся. Главный удар нанесут 2-я и 3-я дивизии на станцию Торговая, чтобы освободить путь на Тихорецкую и Екатерینодар. Мы выступим в 3 ча-

са, чтобы до рассвета подойти вплотную к противнику и занять исходное положение для атаки. Кубанский полк во главе с генералом Туненбергом⁵¹ атакует станцию Шаблиевка. Для этого придется выбить противника с хутора Попова, сбить его с позиций на другом берегу реки и затем взять станцию. Ни в коем случае не допустить взрыва моста. Донской пеший и конный полки под командованием Третьякова разворачиваются фронтом на север и прикрывают Туненберга от возможного наступления красных со стороны Маныча. Инженерная рота будет в резерве, конная сотня — в моем распоряжении для выполнения специальных заданий в ходе боя. Батарея — всемерная поддержка пехоты. Кажется, все указано, как положено по Полевому уставу? Да? Мои заместители — генерал Туненберг, полковник Третьяков и ты, Миончинский. А вам всем, господа артиллеристы, могу сказать, что если на пехоту ляжет штурм станции, то вы примете на себя весь огонь артиллерии и бронепоездов в открытом поле. Будут потери, но учить мне вас нечему.

В черной прохладе степи трещали цикады, где-то вдали изредка стреляли, и на горизонте вспыхивали боевые зарницы. Неисчислимы звезды равнодушно мерцали над спокойной землей.

Марков предложил спеть любимую цыганскую:

Сегодня вместе с вами я, цыгане,
А завтра ухожу от вас...

Сорокин в этот вечер воспрянул духом — приехал свой человек из Царицына и сообщил, что Орджоникидзе защитил Автомонова от чекистов и взял его к себе. Назначит командиром в какую-нибудь свою часть.

— Алексей Иваныч передавал вам большой поклон, — сказал посланец. — И еще по секрету: продал его матрос Руденко. Опасная гнида. Алексей Иваныч советовал вам, чтобы его, значит, убрать как-то...

Командир Ростовского боевого участка собрал по этому поводу у себя в вагоне поздний ужин с приближенными, с Зинкой, с гитарой, с немецкой водкой. Пригласил и ко-

мандира бронепоезда «Большевик» — тот был тоже из своих. Сам сидел за столом в малиновой рубашке и генеральских галифе, кричал: «Смерть врагам Кубани!», потряхивал черной густой шевелюрой. С командиром бронепоезда разговаривал в своем личном, защищенном от чужих ушей купе.

— Приказ получил на завтра? — спросил Сорокин. — Здесь не засиживайся, не нахлебайся лишнего. Не пустишь кадетов за Маныч — нагуляешься. А еслипустишь... Ты мужик наш, кубанский — все понимаешь. Там у тебя матрос.

— Несколько их у меня. Не хотел брать — шумят, баламутят.

— Я тебе говорю об одном матросе. Руденко. Кто он у тебя?

— Напросился на артиллерию. Все орудия его.

— Орудия ладно. Он командиром хотел, но я не допустил. Сволочь он. Надо, чтобы завтра он там остался, а то нам с тобой плохо будет.

Руденко эту ночь совсем не спал. Можно было бы вздремнуть под железный грохот бронепоезда, но дернуло его позавчера днем пойти в госпиталь. Убедил себя, что перед выездом на фронт надо показаться врачу — рана еще побаливает. А сам вошел в госпитальный двор и... направо к флигелю, где располагалась Ольга. Подошел, заметил, что занавески на окнах раздвинуты. Те же занавески. Открылась дверь и... вышла Ольга Петровна в белом халате и косынке с красным крестом. Увидела его и засмеялась по-бабьи завлекающе.

— Ты, Олеженька? Ой, как хорошо. А я тебя вспоминала.

— Сказали, будто уезжала куда-то.

— Не уезжала, а чуть было не увезли меня. На допрос вызывали. Ночь в камере просидела. Отпустили по болезни, к тому же и не виновата я ни в чем. Разве ж таких баб, как я, сажают? Разговорали без меня все. Только ржавую селедку оставили.

Она смеялась тем проклятым ночным хохотком, какого за всю жизнь не забудешь...

Так и мучился всю дорогу, пока бронепоезд шел от Тихорецкой до Шаблиевской. Выбрался на платформы с орудиями, зашел в бронебашни — везде порядок. Справа впереди поднималось еще холодное большое солнце. По станции бродили помятые невыспавшиеся солдаты. Из вагонов и башен бронепоезда тоже вылезали невыспавшиеся. Тревожно оглядывали пестрые степные дали. Слева, верстах в десяти, уже постукивали пулеметы.

Марков приказал Туненбергу атаковать. Кубанский полк развернулся в цепи, двинулся к хутору и залег под первыми же выстрелами красных. Это не офицеры. Без них требуется другая тактика.

Сидел он на том же вчерашнем холме, рассматривал в бинокль хутор, кучки земли, обозначающие окопы противника, реку с деревянным мостом. Далее — станция, паровозные дымки. Слева — железнодорожный мост. Справа — крутой склон холма, внизу зеленеет травка, кудрявятся какие-то кустики, и низинка идет в сторону хутора...

— Расстегаев!⁵² — крикнул генерал; есаул был здесь же, на холме, вместе с другими командирами и ординарцами. — Видишь низинку-тропинку? Это для твоей сотни. В галоп, и атакуй с фланга и тыла.

— Сотня, по ко-оням! За мной! — скомандовал есаул, и конница рванулась по низине.

Два орудия Миончинского стояли впереди, готовые к бою. Лишь показался с юга эшелон, едва заметный в бинокль, как там, почти на горизонте, взметнулись взрывы. Закопошились люди, выбегающие из вагонов, и Миончинский перешел на шрапнель. Лопнули розовые на восходящем солнце дымки... Сотня Расстегаева ворвалась в хутор. Засверкали серебряными искрами пашки. Красногвардейцы, лежавшие цепью перед хутором, побежали по домам. Поднялся Кубанский полк, но чуть ли не из каждого сарая на окраине хутора забили пулеметы. И Расстегаев повел сотню обратно. Вдогонку били пулеметы. По степи мчались несколько лошадей без всадников. Вот он — решающий момент. Вот для чего в отряде Маркова есть третье

резервное орудие с мастером артиллерийского огня штабс-капитаном Шперлингом⁵³.

— Конвойцы, Шперлинг, за мной вперед!

Впереди генерал, за ним — семеро кавалеристов и одно орудие. Они атаковали. Поднялись залегшие кубанцы. Марков обогнал их и рвался к хутору. По наступающим били пулеметы из сараев. Двое марковских конников упали, лошади ржали и метались, потеряв всадников. Марков первым ворвался в хутор. Расстегаев уже был снова здесь и кричал:

— Ваше превосходительство, я взял 150 пленных.

Перешли на южную окраину хутора. Мост через речку был цел. Марков приказал захватить мост и гнать красных дальше к станции. Оттуда медленно выползали зеленые коробки бронепоезда.

Руденко оттолкнул наводчика, сел на станину орудия, прильнул к панораме.

— Вон она, белая шапка, — злорадно прохрипел матрос. — Сколько там? Миля с хвостиком?

— Прицел в верстах, товарищ командир, — сказал наводчик.

— Знаю, братишка. Миля — полторы версты. Прицел покручу тридцать... Пускай тридцать пять. Заряжай гранатой!

Бронепоезд, как увидел Марков в бинокль, остановился напротив хутора. Первый разрыв взметнул землю шагах в двухстах.

— Ваше превосходительство, отойдемте в хутор, за сараи, — предложил Расстегаев.

Марков согласился, и едва они отошли за сарай, как снаряд разорвался точно на том месте, где они только что стояли.

— Знатно, но поздно, — оценил генерал выстрел. — А где наш Миончинский?

Они быстро нашли командира батареи — двое артиллеристов тянули телефонный кабель. Один влез на крышу сарая, другой подавал ему катушку. Там же суетились и офицеры. Грохнул еще взрыв, и загорелся дом неподалеку.

— Лезем к артиллеристам на крышу, — сказал Марков есаулу. — Я должен видеть бой.

Миончинский, стоя на крыше, уже командовал по телефону:

— По бронепоезду! Гранатой!

Из центра хутора выехали несколько всадников, увидев генерала, остановились возле наблюдательного пункта. Один из них крикнул:

— Ваше превосходительство, разрешите доложить: мы — разъезд от 3-й дивизии...

Марков ловко спрыгнул вниз:

— Докладывайте.

— Ваше превосходительство, полковник Дроздовский приказал передать вам, что 3-я дивизия начала переправу через реку Егорлык и наступление на станцию Торговую. Полковник приказал передать вам, что просит вашей поддержки: чтобы вы наступали в тыл красным.

— А мы что делаем? — возмутился генерал. — Передайте, что мы поддерживаем. Сами видите. Сейчас будем атаковать станцию.

Разъезд отъехал, генерал выругался:

— В армии стратег объявился... его мать. Будто я не знаю, что надо наступать. Был бы Офицерский полк, станцию давно б уж взяли. Есаул Расстегаев, попробуй обойти станцию и атаковать оттуда, а я сам поведу кубанцев.

Он уже не вернулся на крышу к артиллеристам, а вновь вышел на окраину хутора. С ним ординарцы, рядом — поручик Яковлев, командующий прикрытием батареи. Очередной снаряд с бронепоезда — еще один пожар неподалеку.

— Ваше превосходительство, надо уйти отсюда, — робко обратился поручик. — Прицельно бьют. В батарее потеряно 9 человек и 7 лошадей...

Следующий снаряд упал в трех шагах слева от Маркова. Он упал на спину, левая часть тела — сплошная кровь. Его попытались поднять, но следующий снаряд лег рядом справа. Упали, прикрывая генерала. Когда пролетели осколки, быстро подняли и перенесли за стены сарая, потом в дом, где собирали раненых.

Доктор посмотрел и взялся за голову.

— Положение безнадежное, — сказал он. — Осколочное ранение в левую часть затылка, вырвана большая часть левого плеча.

Часа через два Марков очнулся и спросил:

— Как мост?

Генерал Туненберг поднес к его лицу икону, поданную ординарцем Маркова. Георгий Победоносец. Всегда возил с собой.

Марков поцеловал икону, сказал отрывисто:

— Умираю за вас... как вы за меня... Благословляю вас...

Что-то еще говорил, но разобрать было невозможно.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Корнилов и Марков. Психология и стратегия в Екатеринодарском провале Добровольческой армии

Поражение Добровольческой армии под Екатеринодаром в апреле 1918 года объясняется в литературе главным образом ошибками командующего армией Корнилова, погибшего в этом сражении. Отмечают (2), что Корнилов «не стал дожидаться сосредоточения на правом берегу Кубани всей армии и тратить время на планомерное выдвижение частей на исходные позиции. Следствием этой тактической несообразности стала другая: бригада Маркова — треть всей армии вводилась в бой по частям, по мере переправы, с полудня 10-го до вечера 11-го». Журналисты братья Суворины, проделавшие с Добровольческой армией весь 1-й Кубанский поход, в один голос заявляли, что если б бригада Маркова участвовала в боях с первого дня штурма, то «Екатеринодар был бы взят» (5, 6). Марков и сам думал так и говорил начальнику штаба армии, своему другу Романовскому: «Пустили бы сразу во всей бригадой — я бы уже давно в Екатеринодаре был» (1).

Почему же именно 1-я бригада, которой командовал Марков, переправлялась через Кубань последней и вступила в бой лишь в конце второго дня штурма 11 апреля? Неужели только потому, что «была ее очередь идти в арьергарде» (2)? Участник похода генерал Богаевский свидетельствует, что Марков почти всегда был в авангарде: «Во время всего двухмесячного похода на протяжении около 1000 верст этот порядок почти не нарушался. Иногда только мы, три генерала, чередовались вместе с своими частями своими местами в по-

ходном порядке» (4). Вряд ли расположение частей армии в решающие дни похода могло определяться случаем.

Деникин, который, будучи заместителем командующего, по-видимому, не участвовал в планировании операции (об этом ниже), обращается к аргументам, выходящим за рамки военной целесообразности: «Корнилов мог, рассчитывая на трудную проходимость левобережных плавней, оставить для прикрытия обоза части вспомогательного назначения — охранную, инженерную роты, команды кубанского правительства, вооруженных чинов обоза и т.п. Бригада Маркова могла бы к вечеру 9-го сосредоточиться в Елизаветинской. Но раненые оставались бы тогда три ночи без крова, и всему многочисленному населению обоза в случае серьезного наступления с тыла от аула Панахес грозила опасность попасть в руки большевиков. И Корнилов оставил на левом берегу треть своих сил и... Маркова» (1).

Генеральское многоточие здесь — это восклицательный знак, относящийся к военному таланту генерал-лейтенанта Маркова и к боевым качествам руководимых им частей. Созданный перед началом 1-го Кубанского похода 1-й Офицерский полк Добровольческой армии, в конце февраля 1918 года оказался под командованием Маркова и стал главной ударной силой корниловских войск. В первом же бою под Лежанкой 6 марта полк шел в авангарде и атаковал противника, наступая, выровнявшись, как на параде, цепями, ровным шагом без выстрелов, с винтовками у ноги. Помощник Маркова полковник Тимановский шел в цепи, покуривая трубку. Красные бежали, оставив убитыми 540 человек, потери Офицерского полка — 3 человека. Эта атака и последующие аналогичные эпизоды боев Добровольческой армии, как и подобные действия белых на колчаковском фронте, послужили братьям Васильевым материалом для изображения «психической атаки» при создании фильма «Чапаев».

В следующем бою 14 марта у станицы Березанской в авангарде действовал Корниловский Ударный полк, но ему не удалось сломить оборону противника, и генералу Корнилову пришлось обращаться к Маркову: «Помогите корниловцам» (3). С помощью Офицерского полка противник был оттеснен. Решающую роль сыграл полк Маркова и в успешных боях 16 марта под Выселками, и 17 марта — у станицы

Кореневской, где Добровольческой армии противостояли более чем вдвое превосходящие ее по численности красновардейские отряды под командованием талантливого военачальника и политического авантюриста И.Л. Сорокина.

После маневра Корнилова на юг, во время боя за переправу через Кубань у станицы Усть-Лабинской, 1-й Офицерский полк шел в арьергарде, но после неудачных атак Корниловского и Юнкерского полков командующему вновь пришлось бросить в наступление марковцев, захвативших станицу и обеспечивших переправу армии.

В бою у станицы Рязанской, где армия была фактически окружена, авангардные Корниловский и Партизанский полки не смогли преодолеть сопротивления противника, местами даже отступали. Корнилов вновь бросил в бой Офицерский полк, обеспечивший победу.

Наиболее убедительно роль генерала Маркова и его полка выявилась в длительном переходе 28 марта к реке Черной и в последующей переправе через разбушевавшуюся речку по сломанному мосту почти вброд и в сразу же начавшейся ночной атаке станицы Ново-Дмитриевской. В бою, закончившемся взятием станицы, участвовал один только Марковский полк, и победа была сокрушительной: противник потерял убитыми до 1000 человек и оставил 8 орудий, в то время как потери марковцев составили 2 убитых и около 10 раненых. Этот боевой эпизод молва окрестила «Ледяным походом», и в дальнейшем так стали называть весь 1-й Кубанский поход Добровольческой армии.

После «Ледяного похода» авторитет Маркова в армии стал непререкаем, а поход именовался даже «Марковским». Деникин впоследствии писал: «Этот бой — слава генерала Маркова и слава Офицерского полка, гордость Добровольческой армии и одно из наиболее ярких воспоминаний каждого первоходника о минувших днях не то были, не то сказки» (3). Офицеры говорили: «С Марковым пройдем везде» — и называли генерала «Белый витязь», «Шпага генерала Корнилова», «Крылья Добровольческой армии» и т.п.

В боях марта-апреля Марков не только успешно руководил полком, а затем бригадой, не только проявлял личную храбрость, но еще и демонстрировал новые тактические приемы, новые методы руководства боем, новый стиль по-

ведения командира. Устрашающие противника атаки офицерских цепей во весь рост без выстрела, использование артиллерийских орудий в пехотных цепях для стрельбы прямой наводкой, создание пулеметных батарей на тачанках (в мае) — все это в боевую практику гражданской войны ввел Марков. Он отказался от штаба и имел лишь одного заместителя. Изучение обстановки и принятие решений в ходе боевых действий Марков осуществлял не по карте, не по донесениям с поля боя, не по наблюдениям с отдаленного пункта, а непосредственно на месте — в цепи, в окопе и т. п. Это был прирожденный боевой командир, раньше других осознавший особенности гражданской войны и до самой своей гибели не потерпевший ни одного поражения.

В начале Кубанского похода Добровольческая армия имела 3 пехотных полка, которыми командовали генерал-лейтенант Марков, генерал-майор Богаевский и подполковник Неженцев. При этом Неженцев получил полк со знаковым названием: «Корниловский Ударный». Разумеется, были особые причины для назначения командиром элитного полка подполковника, в то время как в армии хватало боевых генералов, например таких, как Казанович или Туненберг. Карьера Неженцева в Добровольческой армии объясняется не столько его боевыми заслугами, сколько близостью к генералу Корнилову. С июля 1916 года, еще будучи капитаном, он служил под командованием будущего вождя Белого движения, а в мае 1917 года обратил на себя внимание, предложив создать ударные отряды, предназначенные, в частности, для борьбы с дезертирством и антивоенной пропагандой. Став командиром первого такого отряда, участвовавшего в провальном июньском наступлении, Неженцев был произведен Корниловым в подполковники. Гибель Неженцева под Екатеринодаром 11 апреля оказалась для Корнилова страшным потрясением. Он впал в глубокую депрессию и на военном совете 12 апреля, вопреки возражениям всех участников, требовал безнадежного продолжения штурма Екатеринодара.

Давая своему любимцу шанс в боях проявить себя и доверив полк, Корнилов в Кубанском походе во всех столкновениях с красными в авангарде наступления ставил Корниловский Ударный, и почти каждый раз успех сражения обеспе-

чивал Офицерский полк генерала Маркова, направляемый командующим «выручать» корниловцев.

В конце марта — начале апреля произошли два события, повлиявшие на внутреннюю жизнь армии: Ледяной поход и соединение с войсками Кубанской Рады. С одной стороны, возросший авторитет генерала Маркова не только затмил сомнительные боевые успехи Неженцева, но и угрожал непрекращаемому верховенству самолюбивого командующего. С другой стороны, увеличение численности армии до 6 тысяч придало Корнилову уверенность в своих силах, и скорое взятие Екатеринодара он, по-видимому, считал делом решенным. Незадолго до начала штурма города он сказал кубанскому атаману Филимонову, что если бы у него было 10 тысяч бойцов, он пошел бы на Москву (4).

После Ледяного похода изменилось внешнее отношение Корнилова к Маркову, что убедительно иллюстрируется сравнением двух эпизодов. 17 марта в затяжном бою у станицы Кореневской добровольцам долго не удавалось добиться успеха. Корнилов сказал Маркову: «Кажется, придется нам здесь заночевать, Сергей Леонидович». Марков ответил: «Ночевать не будем!» Бой был выигран. Аналогичная обстановка сложилась в бою 6 апреля у станицы Георгие-Афипской — бригада Маркова замедлила наступление в грязи и воде степного бездорожья, залитого половодьем, и Корнилов раздраженно сказал Маркову: «Я просил вас о ночном налете, а вы закатали мне дневной бой!» (3).

Тем временем армия подошла к Екатеринодару, и командующий раздумывал над планом штурма. Если бы он следовал основным принципам военной науки, то, естественно, переправил бы на правый берег Кубани основные силы армии, в их числе, конечно, 1-ю бригаду генерала Маркова, и сосредоточив войска на западной окраине города, начал бы наступление. Можно согласиться с упоминавшимися высказываниями о том, что город был бы взят. Прогноз тем более убедительный, что руководители обороны города Автономов и Сорокин были готовы не только к поражению, но и к союзу с белыми (7).

Корнилов был уверен в победе и, по-видимому, вполне резонно предвидел новый триумф генерала Маркова. Чтобы этого не произошло, он, учитывая возросшую силу ар-

нии, решил оставить Маркова за Кубанью, а диспозицию расписать так, чтобы первым в город вошел Корниловский Ударный полк под командованием Неженцева.

Можно объяснить этим и странную болезнь Деникина — бронхит, настолько его измучивший, что генерал не смог принять участия в планировании операции. Ведь он знал Маркова по своей «железной дивизии» еще с 1914 года. Благодаря своей болезни, Антон Иванович избежал и разногласий с Корниловым, обязательно возникших, если бы Деникин стал возражать против отстранения 1-й бригады от штурма Екатеринодара, и обиды старого друга, если бы поддержал план командующего. Заболел Деникин перед началом разработки плана сражения, выздоровел, когда оно началось.

Неженцев, по-видимому, не обладал талантом военачальника, что проявилось и в его последнем бое. Его полк вместе с Партизанским полком генерала Казановича входил во 2-ю бригаду генерала Богаевского, 9 апреля отражавшую контрнаступление красногвардейских отрядов. Бригада обратила противника в бегство, остановилась в трех километрах от предместья Екатеринодара по причине... отсутствия приказа на дальнейшее наступление, Богаевский вернул полки на ночлег в станицу Елизаветинскую в 18 км от города. Возможно, он предполагал, что завтра армию ожидает торжественное вступление в город? Трудно представить генерала Маркова, останавливающего свои успешно наступающие войска и отводящего их в тыл на ночной отдых.

10 апреля вступление в Екатеринодар, конечно, не состоялось. Оба полка 2-й бригады должны были штурмовать город, однако Корниловский полк, «не получив почему-то своевременно приказа» (1), задержался, и Партизанский полк значительную часть дня сражался в одиночестве, захватив тем не менее подступы к городу. Выступив позже, Корниловский полк понес большие потери и не смог пройти дальше кургана, отделявшегося от Черноморского вокзала открытым полем. На пополнение потерь в полк прислали в эти часы необстрелянных юнкеров. Сложившаяся обстановка настолько разволновала молодого подполковника, что он попросил командующего освободить его от командования полком. Корнилов, разумеется, ему отказал, а для усиления направил Неженцеву мобилизованных казаков.

Корнилов уже 10 апреля понял, что без 1-й бригады Екатеринодар не взять, но все же еще пытался уменьшить роль Маркова в боевых действиях, приказав переправить в первую очередь через Кубань и ввести в бой не главную ударную силу — 1-й Офицерский полк, а Кубанский пехотный полк, что не придало силы сражающимся войскам и существенно ослабило Марковскую бригаду.

В последнем приказе генерала Корнилова, изданном 11 апреля в 12.45, указывалось: «Ввиду прибытия Ген. Маркова с частями 1-го Офицерского полка, возобновить наступление на Екатеринодар...» Атака была назначена на 17 часов одновременно всем трем бригадам армии. Однако опять «почему-то» Неженцев не начал атаку в указанное время, а ждал, пока не обозначился успех марковцев — Офицерский полк захватил артиллерийские казармы. «Дальнейшее продвижение Офицерского полка было приостановлено еще и в силу того, что наступление слева 2-й бригады задержалось. Посланные туда один за другим два офицера 5-й роты были убиты...» (3). Третьему повезло — он добрался до Неженцева. Храбрый подполковник попытался поднять остатки полка и погиб.

Есть основания предполагать, что существовали какие-то тайные распоряжения Корнилова подполковнику Неженцеву, сводившиеся к тому, чтобы тот не рвался вперед вместе со всеми, а выжидал благоприятного момента. Не помогло.

Екатеринодарский провал Добровольческой армии — очередной бесполезный урок руководителям, принимающим решения не в интересах дела, а под влиянием личных пристрастий.

Литература

1. Белое дело. Генерал Корнилов. — М., 1993.
2. Карпенко С. Бесприютная армия // Новый исторический вестник // 2000, № 1. —
3. Маркови Марковцы. — М., 2001.
4. Белое дело. Ледяной поход. — М., 1993.
5. Суворин А. Поход Корнилова. — Париж, 1926.
6. Суворин Б. За Родину. — Ростов, 1918.
7. Шкуров А. Записки белого партизана. — М., 1991.

КОММЕНТАРИИ

РЫНКЕВИЧ Владимир Петрович родился в 1927 г. в Москве. Окончил специальную артиллерийскую школу и артиллерийскую радиотехническую академию.

В 1970 г. заочно окончил Литературный институт им. Горького, с 1977 по 1987 гг. был заместителем главного редактора издательства «Художественная литература».

Автор нескольких сборников рассказов и повестей, романов «Семеновская застава», «Звезды на память», «Ранние сумерки» и др., вышедших в различных издательствах.

Роман «Наука умирать» — новое произведение писателя.

¹ «...в Лефортове, где... помнят Великого Императора» — это о Петре I.

² «...произошло 9 января» — день расстрела царскими войсками мирного шествия петербургских рабочих, направлявшихся с петицией к царю, названный «Кровавым воскресеньем».

³ **Куропаткин Алексей Николаевич** (1848–1925) — генерал от инфантерии (1901). В 1898–1904 годах — военный министр. В Русско-японскую войну командовал войсками в Маньчжурии, потерпел поражение под Ляояном и Мукденом.

⁴ **Эрдели Иван Георгиевич** (1870–1939) — генерал от кавалерии, участник выступления Корнилова. Представитель Добровольческой армии при Кубанском правительстве. Участник «Ледяного» похода, командир отдельной конной бригады, 1-й конной дивизии, с апреля 1919 года — главноначальствующий и командующий войсками Терско-Дагестанского края (Северного Кавказа), до марта 1920 года — начальник Владикавказского отряда. После эвакуации возвратился в Крым в Русскую армию. Эмигрировал во Францию.

⁵ **Эльснер Евгений Феликсович** (1867–1930) — генерал-лейтенант, главный начальник снабжения Юго-Западного фронта. Участник выступления Корнилова и боев в Киеве в октябре 1917 года в Добровольческой армии — начальник обоза, участвовал в «Ледяном походе». С лета 1918 года по март 1919 года — представитель Добрармии при атамане Всевеликого войска Донского (ВВД). В начале 1920 г. выехал в Югославию.

⁶ **Романовский Иван Павлович** (1877–1920) — участник Русско-японской и Первой мировой войн. Генерал-майор (1916).

1-й генерал-квартирмейстер Ставки Верховного главнокомандующего. Георгиевский кавалер. Участвовал в Корниловском мятеже. Принимал участие в формировании Добровольческой армии, с февраля 1918 года начальник ее штаба. Участник «Ледяного похода». С января 1919 года — начальник штаба главнокомандующего Вооруженных сил Юга России (ВСЮР), затем его помощник. В 1920 г. эвакуирован в Константинополь, где был убит.

⁷ **Лукомский Александр Сергеевич** (1868–1939) — генерал-лейтенант (1916). В 1914–1916 гг. начальник канцелярии военного министра, его помощник; с октября 1916 г. — генерал-квартирмейстер Ставки. В июне–августе 1917 г. — начальник штаба главковерха Л.Г. Корнилова, участвовал в организованном им выступлении. С декабря — начальник штаба Добровольческой армии, затем — ее представитель при атамане ВВД. С августа 1918 года — заместитель председателя денкинского правительства, так называемого Особого совещания, и помощник командующего Добровольческой армией, с октября — начальник Военного Управления. С октября 1919 г. по февраль 1920 года — председатель Особого совещания. В марте эмигрировал в Константинополь, где был представителем Русской армии при союзном командовании. Жил в Югославии, США, Франции, был помощником великого князя Николая Николаевича.

⁸ **Духонин Николай Николаевич** (1876–1917) — генерал-лейтенант, георгиевский кавалер. Начальник штаба Верховного главнокомандующего, с 1 ноября 1917 года исполняющий обязанности главковерха. Убит большевиками в Могилеве.

⁹ «...лбызался с большевиками, как Брусилов» — Брусилов **Алексей Алексеевич** (1853–1926) — генерал от кавалерии. Во время Первой мировой войны командовал 8-й армией, Юго-Западным фронтом, войска которого осуществили прорыв австро-германского фронта. Был Верховным главнокомандующим. В 1917 года назначен специальным советником Временного правительства. К Белому движению не присоединился. В советской России начал карьеру с должности председателя Особого совещания при Главкоме (с 1920 года).

¹⁰ **Крыленко Николай Николаевич** (1885–1938) — член Петроградского ВРК и первого СНК, член Комитета по военным и морским делам. С 9 ноября 1917 года — Верховный главнокомандующий и нарком по военным делам. С марта 1918 года работал в органах советской юстиции. Позднее был государственным обвинителем в крупнейших политических процессах, председателем Верховного трибунала при ВЦИК, дослужился до поста наркома юстиции СССР (1936 года).

¹¹ **Довбор-Мусницкий Юзеф (Иосиф Романович)** (1867–1937) — из польской дворянской семьи, генерал-лейтенант (1917). Участник русско-японской и Первой мировой войн. С августа 1917 года командовал сформированным в Белоруссии 1-м Польским корпу-

сом легионеров. В январе-феврале 1918 года возглавлял мятеж против советской власти. В конце 1918 года принял польское подданство и стал главнокомандующим великопольской армией, в начале 1919 года был смещен Ю. Пилсудским.

¹² *Ряснянский Сергей Николаевич* (1886-1976) — георгиевский кавалер. Участник выступления Корнилова. В Добровольческой армии — начальник разведывательного (контрразведывательного) отдела штаба армии (с 1918 года), начальник штаба конной группы Донской армии. В апреле-октябре 1920 года — командовал Гвардейским кавалерийским полком, 2-й бригадой 2-го кавалерийского полка. Эмигрировал в Югославию, где служил в пограничной страже. Во время Великой Отечественной войны — начальник штаба в 1-й Русской Национальной армии. После 1945 года — в США. С 1954 года — начальник Северо-Американского отдела РОВС и заместитель начальника РОВС.

¹³ *Эргардт Владимир Владимирович* — подполковник Текинского конного полка. Участник «Ледяного похода», начальник личного конвоя главнокомандующего. Умер в эмиграции в 1949 года.

¹⁴ «...Штакельберг в Маньчжурии» — во время русско-японской войны генерал Г.К. Штакельберг возглавлял 1-й Сибирский корпус (около 30 тыс. чел.), который был направлен для поддержки Порт-Артура, но потерпел поражение под Вафангоу.

¹⁵ «...сам в плен ушел» — Корнилов Лавр Георгиевич (1870-1918) во время Первой мировой войны командовал 48-й пехотной дивизией и в 1915 года попал в плен к австрийцам, но в 1916 года бежал.

¹⁶ *Сиверс Рудольф Фердинандович* (1892-1918) — в Первую мировую войну прапорщик. В Февральскую революцию 1917 года избран в полковой комитет, затем арестован по приказу Временного правительства. Командовал отрядом красногвардейцев и матросов, воевавшим против войск Керенского—Краснова, участвовал в боях за освобождение Донбасса и ликвидации калединской армии. В феврале 1918 года войска под командованием Сиверса заняли Ростов-на-Дону. Возглавлял 5-ю (2-ю особую) армию, Особую бригаду (1-ю Особую украинскую бригаду). Умер после тяжелого ранения.

¹⁷ *Завойко Василий Степанович* — прапорщик Текинского конного полка, адъютант Корнилова. В 1919 года — на Дальнем Востоке, с лета 1920 года начальник личной канцелярии атамана Г.М. Семенова. Эмигрировал в США.

¹⁸ «...необыкновенного полковника Симановского» — Симановский Василий Лаврович в декабре 1917 года сформировал и возглавил офицерский добровольческий партизанский отряд имени генерала Корнилова (в феврале 1918 года вошел в Корниловский Ударный полк). В составе Офицерского (Марковского) полка участвовал в «Ледяном походе». Убит в конце 1918 года.

¹⁹ *Драгомиров Михаил Иванович* (1830-1905) — русский военный теоретик и педагог, генерал от инфантерии (1891). С 1878 года начальник Академии Генштаба, с 1903 г. — член Государственного совета. Написал «Учебник тактики» (1879), который свыше 20 лет был основным пособием в Академии Генштаба.

²⁰ *Автономов Алексей Иванович* (1890-1919) — в Первую мировую войну корунжий. В феврале 1918 года приказом штаба обороны Царицына назначен командующим Юго-Восточной революционной армией, с мая — главнокомандующий вооруженными силами Кубано-Черноморской республики. В мае 1918 года из-за конфликта с Чрезвычайным штабом обороны и ЦИК Кубано-Черноморской республики постановлением 3-го Чрезвычайного съезда Советов республики отстранен от должности и откомандирован в Москву. По просьбе Г.К. Орджоникидзе был возвращен на Северный Кавказ для формирования отрядов из горцев. Командовал бронепоездом и отрядом, участвовал в боях на Тереке и под Святым Крестом. Умер от тифа во время отхода Красной армии с Северного Кавказа.

²¹ *Пепеляев Анатолий Николаевич* (1891-1938) — подполковник 42-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский кавалер. В июне 1918 года — глава офицерской организации в Томске, с августа командовал корпусом, а в 1919 года — 1-й Сибирской армией. После разгрома Колчака продолжал борьбу против советской власти на Дальнем Востоке. С марта 1920 года — командир Сибирского партизанского отряда, сформированного из остатков Сибирской армии. Генерал-лейтенант. В 1921 года эмигрировал в Харбин. В начале 1923 г. во главе Сибирской добровольческой дружины (700 чел.) вторгся на территорию Якутии. 17 июня 1923 года с остатками отряда был взят в плен в порту Аян. По официальным данным расстрелян в 1938 года.

²² *Тимановский Николай Степанович* (1889-1919) — полковник, генерал-лейтенант (1919), командир Георгиевского батальона Ставки ВГК. В Добровольческой армии — командир роты офицерского батальона, с февраля 1918 года — помощник командира Сводно-офицерского полка, затем начальник штаба 1-й отдельной пехотной бригады, командир 1-го Офицерского (Марковского) полка; с ноября — генерал-майор, командир 1-й бригады 1-й пехотной дивизии. В начале 1919 года возглавил Отдельную бригаду русской Добровольческой армии. Умер от тифа в Херсонской губернии.

²³ «...в штабе генерала Мольтке» — Мольтке Старший Хельмут Карл Бернхард (1800-1891) — прусский и германский военный деятель, граф, генерал-фельдмаршал, военный теоретик. В 1858-1888 годах начальник прусского Генштаба, который под руководством Мольтке стал главным органом подготовки страны и вооруженных сил к войне. Во время победоносных войн Пруссии с Данией, Австрией и Францией Мольтке был начальником

полевого штаба (фактически главнокомандующим) при прусском короле Вильгельме I.

²⁴ «...22 февраля» — здесь и далее даты даются по новому стилю.

²⁵ *Боровский Александр Александрович* (1875–1938 или 1939) — генерал-майор, командир бригады 2-й Сибирской стрелковой дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии — организатор и командир Студенческого батальона. В 1918 года командовал Юнкерским батальоном, затем — Офицерским полком. Занимал должности от начальника дивизии до командующего Крымско-Азовской добровольческой армией, командующего войсками Закаспийской области. Эмигрировал в Югославию.

²⁶ *Миончинский Дмитрий Тимофеевич* (1889–1918) — дворянин, сын генерала. Георгиевский кавалер. С декабря 1917 года — командир Юнкерской батареи, участвовал в рейде партизанского отряда полковника Чернецова и в «Ледяном походе». С июля 1918 года — командир 1-го легкого артиллерийского дивизиона. Убит в декабре 1918 г. у с. Шишкино Ставропольской губернии.

²⁷ *Неженцев Митрофан Осипович* (1886–1918) — сын коллежского асессора. Подполковник, командир 1-го Ударного полка, участник боев в Киеве в октябре 1917 году. В декабре 1917 года привел в Новочеркасск остатки полка и стал командиром Корниловского Ударного полка.

²⁸ *Гуль Роман Борисович* (1896–1986) — рядовым бойцом офицерского Ударного полка участвовал в «Ледяном походе». Эмигрировал в 1919 году. Известен как автор книг о белом движении «Ледяной поход. С Корниловым», мемуарной трилогии «Я унес Россию. Апология эмиграции» и многих других.

²⁹ *Глазенап Петр-Владимир-Василий Владимирович* (1882–1951) — из дворян Лифляндской губернии, сын офицера, полковник. Командир особого Ударного отряда своего имени. В Добровольческой армии — командир кавалерийского дивизиона, начальник 1-й отдельной Кубанской казачьей бригады и 4-й дивизии. В 1918 году — ставропольский военный губернатор. С марта 1919 года — начальник Сводно-Горской конной дивизии, занимал другие должности. Формировал, а затем командовал 3-й Русской Армией в Польше, участвовал в формировании Русского легиона в Венгрии. Умер в Мюнхене.

³⁰ *Сорокин Иван Лукич* (1884–1918) — кубанский казак, участник Первой мировой войны. В Гражданскую войну прошел за несколько месяцев путь от командира казачьего отряда до главнокомандующего войсками Северо-Кавказской республики, командующего войсками Северного Кавказа. В октябре 1918 года стал командующим 11-й Красной армией и поднял мятеж против советской власти. 2-й Чрезвычайный съезд Советов Северного Кавказа объявил Сорокина вне закона. До суда его заключили в тюрьму, где он был убит.

³¹ *Плющевский-Плющик Юрий Николаевич* (1877–1926) — 2-й генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. генерал-квартирмейстер штаба армии, затем штаба ВСЮР. В эмиграции с марта 1920 года. Умер в Париже.

³² *Покровский Виктор Леонидович* (1889–1922) — капитан 10-го гренадерского полка, командир 12-го армейского авиационного отряда. Сформировал на Кубани добровольческий отряд, с января 1918 года — полковник и командующий войсками Кубанского края, затем Кубанской армией, позднее — генерал-лейтенант и командующий Кавказской армией. Эмигрировал в Болгарию, где был убит жандармами.

³³ *Богаевский Африкан Петрович* (1872–1934) — генерал-майор, начальник 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Георгиевский кавалер. Участник «Ледяного похода», в 1918 году командовал Партизанским полком, 2-й бригадой. С мая 1918 года — председатель Совета управляющих отделами ВВД (Донского правительства) и управляющий иностранным отделом. С февраля 1919 года — войсковой атаман Донского казачьего войска. Эмигрировал в 1921 году, умер в Париже.

³⁴ *Родионов Иван Алексеевич* (1866–1940) — есаул, командир 39-й Донской казачьей сотни, редактор газеты «Армейский вестник». Участник выступления генерала Корнилова и «Ледяного похода». В Донской армии войсковой старшина, начальник Осведомительного отряда, редактор газеты «Донской край». Полковник, публицист. Эмигрировал в Югославию. Умер в Берлине.

³⁵ *Суворин Борис Алексеевич* (1879–1940) — журналист. Участник «Ледяного похода», писарь в штабе армии, издатель «Полевого листка Добровольческой Армии». В 1918 году возобновил при армии издание «Нового Времени», летом 1920 года по поручению Врангеля выехал во Францию. С 1926 года — на Дальнем Востоке, где был редактором газет «Шанхайская заря» и «Время», затем вернулся во Францию. Умер в Белграде.

³⁶ *Плохинский Назар Борисович* — из крестьян, подполковник, помощник командира 125-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии командир 1-й офицерской роты в Офицерском (Марковском) полку, затем командир 1-го батальона. Умер от ран в июле 1918 года.

³⁷ *Л.Л. Быч* — председатель Кубанского краевого правительства, которое было избрано в ноябре 1917 года на первой сессии Законодательной Рады вместо временного войскового правительства и объявило себя верховной властью на Кубани.

³⁸ *Спиридонова Мария Александровна* (1884–1941) — один из организаторов партии левых эсеров, член ВЦИК и участник 3, 4 и 5-го Всероссийских съездов Советов. Выступала против ратификации Брестского мира; была активным участником левоэсеровского мятежа 1918 году в Москве; арестована, приговорена

к году заключения, в день приговора амнистирована ВЦИК. С начала 1920-х годов неоднократно подвергалась репрессиям. Расстреляна.

³⁹ *Паелов Василий Ефимович* — капитан. Участник 2-го Кубанского похода. С июня 1918 г. — помощник командира, затем — командир 7-ой роты, в 1919 г. — командир батальона в 3-м Марковском полку. В эмиграции во Франции. Осенью 1925 года был в составе Корниловского полка во Франции. Умер после 1964 году Эпизод, о котором идет речь в романе, упомянут в книге «Марков и марковцы» (М., 2001, с. 141).

⁴⁰ *Филимонов Александр Петрович* (1866–1948) — полковник, атаман Лабинского отдела кубанского казачьего войска, с 1917 года — председатель Кубанского правительства, с октября — войсковой атаман Кубанского казачьего войска. Участник «Ледяного» похода, генерал-лейтенант. Эмигрировал в Югославию, где и умер.

⁴¹ *Шапрон дю Ларрэ Алексей Генрихович* (1883–1947) — штаб-ротмистр лейб-гвардии Кирасирского его Величества полка. Участник «Ледяного похода». Адъютант генерала Алексеева. С декабря 1918 года — начальник политической части, член Главного комитета общества Белого Креста, затем адъютант Деникина, с осени 1918 года — полковник. Во ВСЮР — командир 2-го конного полка, генерал для поручений при главнокомандующем. Генерал-майор. В марте 1920 года эмигрировал. Умер в Брюсселе.

⁴² *Скоблин Николай Владимирович* (1894–1938) — сын коллежского асессора. Штабс-капитан 1-го Ударного отряда. Участник «Ледяного похода», с ноября 1918 года — командир Корниловского полка, с марта 1920 года — начальник Корниловской дивизии, генерал-майор, затем был в штабе Корниловского полка в Галлиполи. Эмигрировал во Францию. В 1930 года завербован ГПУ, в 1937 году бежал в Испанию.

⁴³ «...чем-то напомнил знаменитого отца» — Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) журналист, издатель, публицист, театральный критик. С 1876 года издавал в Санкт-Петербурге газету «Новое время», журнал «Исторический вестник» (с 1880 года) В 1880-х годах предпринял массовое издание сочинений русских и иностранных писателей в серии «Дешевая библиотека».

⁴⁴ «...там главный генерал — Бронштейн» — Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940) в 1918–1925 годах — нарком по военным делам, председатель Реввоенсовета Республики.

⁴⁵ «...марта 29-го дня» — дата указана по старому стилю.

⁴⁶ *Кисмет* — судьба (туркм.)

⁴⁷ *Гочкис Бенджамин Беркли* (1826–1885) — американский изобретатель скорострельных пушек и ружей. Особую известность получила 37-миллиметровая пушка. Зенитные пулеметы во время Первой мировой войны выпускали филиалы «Hotchkiss &

С» в Европе. Из 87 тысяч изготовленных во Франции пулеметов 47 тысяч — системы Гочкиса.

⁴⁸ «...большевики имеют почти 18 тысяч, а в городе — 10 тысяч» — в военно-исторической литературе эти цифры считаются завышенными, предполагается, что реально численность оборонившихся не превышала 20 тысяч.

⁴⁹ «...31 сего марта» — дата указана по старому стилю.

⁵⁰ *Дроздовский Михаил Гордеевич* (1881–1919) — дворянин, сын генерала. Полковник, начальник 14-й пехотной дивизии. В начале 1918 года на Румынском фронте сформировал отряд добровольцев, с которым выступил на Дон и 27 мая соединился с Добровольческой армией, где возглавил 3-ю дивизию. Генерал-майор. В октябре 1918 года был ранен под Ставрополем, 1 января 1919 года умер от ран в Ростове.

⁵¹ *Туненберг Ростислав Михайлович* — дворянин. Участник «Ледяного похода», с марта 1918 г. — полковник, командир 1-го кубанского стрелкового полка, с ноября — член комиссии по организации кубанских частей. Был в составе комиссии для рассмотрения проекта новой организации армии, командовал 2-й бригадой 2-й пехотной дивизии, с июня 1919 года — генерал-майор. В марте 1920 г. — начальник участка на Перекопе, в мае — командир бригады 34-й пехотной дивизии Русской Армии. Умер в 1920 году в Советской России.

⁵² *Расстегаев Михаил Петрович* — из казаков, есаул. Участник «Ледяного похода» в составе 1-го Кубанского конного полка. В августе 1918 году — войсковой старшина в Марковских частях, затем — полковник в Кубанской казачьей дивизии. Генерал-майор. В 1920 году — командир Кубанского казачьего полка и бригады. Галлиполиец. Эмигрировал во Францию, где умер в 1961 году.

⁵³ *Шперлинг Александр Альфредович* (1895–1920) — из прибалтийских дворян, штабс-капитан. Участник рейда партизанского отряда полковника Чернецова и «Ледяного похода». Воевал в 1-й офицерской батарее, затем в 1-м легком артиллерийском дивизионе, с декабря 1919 года до гибели — командир 1-й батареи в 1-й (Марковской) артиллерийской бригаде. С марта 1920 года — полковник.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

1878 год

7 (19) июля в Санкт-Петербургской губернии в семье офицера, потомственного московского дворянина, родился сын Сергей.

1895 год

Окончил 1-й Московский Императрицы Екатерины II кадетский корпус и переведен в Константиновское артиллерийское училище.

1898 год

Окончил Константиновское артиллерийское училище и в звании подпоручика назначен в Лейб-гвардии 2-ю артиллерийскую бригаду.

1901 год

Поступил в Императорскую Николаевскую академию Генерального штаба.

1902 год

Произведен в чин поручика.

1904 год

Окончил два класса Академии и дополнительный курс. За отличные успехи в науках произведен в штабс-капитаны.

По собственному желанию направлен в действующую армию в Маньчжурию на Русско-японскую войну. Служил в Управлении начальника военных сообщений, в Военно-топографическом отделении, затем назначен офицером Генерального штаба Восточного отряда.

13 октября от ран, полученных в Маньчжурии, умер родной брат.

1904—1905 годы

За отличия в боях награжден четырьмя орденами.

1905 год

В звании капитана переведен в Генеральный штаб старшим адъютантом штаба 1-го армейского корпуса.

1906 год

Женится на княжне Марианне Павловне Путятиной.

1907 год

Родился сын Леонид.

Назначен старшим адъютантом штаба 16-й пехотной дивизии, затем — помощником старшего адъютанта Варшавского военного округа.

1909 год

Родилась дочь Марианна.

Произведен в подполковники и утвержден на должности помощника делопроизводителя Главного управления Генерального штаба.

Издан учебник «Военная география России. Исследование отдельных театров военных действий», написанный Марковым в соавторстве с Гиссером.

Выпустил книгу «Записки по истории Русской армии».

1911 год

Получил чин полковника и назначен преподавателем в Николаевскую Военную академию. Выпустил книгу «Еще раз о Сандепу».

1913 год

Произведен в полковники.

1914 год

Назначен начальником отделения Управления генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, затем начальником штаба 19-й пехотной дивизии IX армии, затем начальником штаба 4-й Особой стрелковой, так называемой Железной бригады генерала Деникина.

Назначен командиром 13-го стрелкового полка «Железной дивизии».

Вышла написанная в соавторстве с Бобиным и Менжинским книга «География внеевропейских стран».

За отличия в боях награжден тремя орденами, в том числе орденом Святого Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием.

Произведен в генерал-майоры.

1916 год

Вопреки своему желанию переведен на Кавказ и назначен начальником штаба 2-й Кавказской казачьей дивизии.

Осенью вызван в Николаевскую военную академию для чтения лекций по общей тактике.

1917 год

Февраль — назначен 2-м генерал-квартирмейстером штаба Верховного главнокомандующего.

Май — назначен начальником штаба Западного фронта, где командующий А.И. Деникин.

Август — произведен в генерал-лейтенанты, назначен начальником штаба Юго-Западного фронта, где командующим был назначен А.И. Деникин.

29 августа арестован вместе с Деникиным за поддержку Корниловского мятежа; заключен в тюрьму в Бердичеве.

27 сентября — переведен в Быховскую тюрьму-гимназию.

19 ноября — бежал на Дон и вступил в Добровольческую армию.

1918 год*

Январь — назначен начальником штаба 1-й Добровольческой дивизии.

25 февраля — перед началом Кубанского похода назначен командиром Офицерского полка.

28—29 марта — бой под Ново-Дмитриевской — «Ледяной поход».

Начало апреля — назначен командиром 1-й Отдельной пехотной бригады.

Начало июня — назначен командиром 1-й пехотной дивизии.

22 июня — начало 2-го Кубанского похода.

25 июня — Сергей Леонидович Марков погиб в бою у станции Шаблиевка.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Рынкевич. НАУКА УМИРАТЬ. Роман	5
Приложение	429
Комментарии	436
Хронологическая таблица	444

* Далее даты по новому стилю.